

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XV _ nr. 1

Indexată în bazele de date:

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2019

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according to the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Ana Ignat, Victor Sava (<i>Arad</i>). Late Bronze Age funerary practices in the Lower Mureş Basin	5
Vasile Haheu (<i>Chişinău</i>). Structurile de habitat ale geţilor timpurii din spaţiul carpato-nistrean (mijlocul sec. VII – sec. V a.Chr.) în contextul peisajului cultural arheologic (cu privire la originea culturii getice)	21
Мария Очир-Горяева (<i>Казань</i>). Конские уздечные наборы Северного Причерноморья	34
Александр Назаров, Сергей Скорый (<i>Киев</i>). Скифские катакомбы в междуречье Роси и Тясмина	47

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Михаил Видейко, Наталия Бурдо, Евгений Слесарев, Мария Видейко (<i>Киев</i>). Новые исследования эпонимного памятника трипольской культуры	65
Светлана Андрух, Геннадий Тощев (<i>Запорожье</i>). Курган 5 (96) могильника «Солоха»	77
George Dan Hânceanu (<i>Roman</i>). O aplică scitică de tolbă din corn descoperită în aşezarea de la Roşiori – Dulceşti (jud. Neamţ)	85
Александр Могилов (<i>Киев</i>). Зеркала из Светловодского могильника	94
Денис Бондаренко (<i>Парутино</i>), Михаил Иващенко (<i>Саратов</i>), Виталий Синика (<i>Тирасполь</i>). Находки амфорных клейм эллинистического времени из округа Ольвии	103

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Дмитрий Тетеря, Валентина Билоусько (<i>Переяслав-Хмельницкий</i>). Два сакральных артефакта трипольской культуры из коллекции Викентия Хвойки	110
Victoria Surdu (<i>Chişinău</i>). Double and collective graves of the Iamnaia culture from the Prut-Dniester space	116

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Татьяна Гошко (<i>Киев</i>). Изучение технологии изготовления расписной керамики с поселения Триполье	132
Дарья Родионова, Елена Кагакина (<i>Кемерово</i>). Антропологический подход к изучению древних культур региона как методологическая основа подготовки музеев	140

**RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Саника, *Скифский могильник III-II вв. до н.э. у с. Глиное*, Tipografia Centrală, 2016, 1096 p., 64 fig. color și alb-negru, LXXXV pl. color și alb-negru, ISBN 978-9975-4486-1-1//ISBN 978-9975-3148-1-7
(Aleksy A. Romanchuk, *Chișinău*)147

Aurora Pețan, *Sarmizegetusa Regia 1. Redescoperirea cetății*, Editura Dacica, Alun, 2018, 600 pagini, 33 planșe color, ISBN 978-606-8538-00-6
(Sever-Petru Boțan, *Iași*)154

VIAȚA ȘTIINȚIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

Lansare de carte: Aurora Pețan, Sarmizegetusa Regia. 1. Redescoperirea cetății.
Alun: Dacica, 2018 (Andrei Corobcean, *Chișinău*)156

IN HONOREM

Profesorului Gheorghe Postică la vârsta de 65 de ani
(Ludmila Bacumenco-Pîrnău, Larisa Ciobanu, *Chișinău*)157

IN MEMORIAM

Леонид Васильевич Субботин (1936-2019)
(Сергей Агульников, *Кишинэу*)162

Alexandru Szentmiklosi (27 IX 1971 – 12 I 2019)
(Ioan Bejinariu, *Zalău*)165

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION168

INFORMAȚII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE169

ИНФОРМАЦИЯ И УСЛОВИЯ ИЗДАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА170

**INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL
MAGAZINE**171

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Ana Ignat, Victor Sava

Late Bronze Age funerary practices in the Lower Mureş Basin*

Key words: Late Bronze Age, Lower Mureş Basin, burial customs, bi-ritual cemeteries.

Cuvinte cheie: epoca târzie a bronzului, Bazinul Mureşului Inferior, rituri funerare, cimitire birituale.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, бассейн нижнего течения реки Муреш, погребальные обряды, биритуальные могильники.

Ana Ignat, Victor Sava

Late Bronze Age funerary practices in the Lower Mureş Basin

The final stage of the Bronze Age in the Lower Mureş Basin is contemporaneous with the disappearance of Bronze Age tells (1600/1500 BC) and the emergence of large fortifications (1500/1400 BC), and continues during its later phases until Ha B1 period with the disappearance of the black/red ceramics known as Gava. The main focus of our study is to analyze the transition from inhumation burials to incineration. As a starting point, we will bring into discussion the Pecica “Site 14” cemetery. In connection with this, we took into account all the funerary discoveries in the Lower Mureş Basin and the neighboring regions, starting with the bi-ritual necropolis at Tâpé and ending with the funerary discoveries from Felnac and Sântana.

Ana Ignat, Victor Sava

Practici funerare ale epocii târzii a bronzului în Bazinul Mureşului Inferior

Debutul epocii târzii a bronzului în Bazinul Mureşului Inferior este plasat între momentul dispariţiei tell-urilor (1600/1500 a.Chr.) şi construcţia aşa numitelor mega-forturi (1500-1400 a.Chr.), iar finalul perioadei în cauză se plasează în etapa Ha. B1, odată cu dispariţia ceramicii negre/roşii, cunoscută sub numele de Gáva. Principalul obiectiv al studiului este acela de a analiza trecerea de la ritul inumaţiei la cel al incinerăţiei, în arealul geografic evocat. Ca punct de plecare, vom pune în discuţie cimitirul Pecica „Situl 14”. Alături de acest cimitir, am luat în considerare toate descoperirile funerare din Bazinul Mureşului Inferior şi din regiunile învecinate, pornind de la necropola bi-rituală de la Tâpé şi încheind cu descoperirile funerare de la Felnac şi Sântana.

Ana Ignat, Victor Sava

Погребальные обряды позднего бронзового века в бассейне нижнего течения реки Муреш

Начало позднего бронзового века в бассейне нижнего течения реки Муреш связано с исчезновением теллей (1600/1500 до н.э.) и появлением так называемых мегафортов (1500/1400 до н.э.), продолжавшегося до более поздних этапов, вплоть до Ha B1, одновременно с исчезновением черной/красной керамики, известной как Гава. Главной целью данного исследования является анализ перехода от труположению к трупосожжению в погребальном обряде в данном географическом ареале. В качестве отправной точки служит исследование могильника Печика «Пункт 14/Ситул 14». Наряду с данным могильником, внимание было обращено на все погребальные открытия в бассейне нижнего течения реки Муреш и соседних регионов, начиная с биритуального некрополя в Тапе и заканчивая погребальными комплексами из Фелнак и Сынтана.

* The results of this article were first presented in a paper at the International Workshop 2015, Modes of Change - Inhumation vs. Cremation in the Bronze Age burial rites held in Kiel, Germany called *Generating change. How Late Bronze Age society related to funerary practices in the lower Mureş Basin*.

Introduction

The transition from inhumation to cremation, especially in the Central Europe has been frequently debated in the literature and has been the study subject for several projects¹. Going further to the

east, in the Lower Mureş Basin, an area located between the Tisza River and the Occidental Carpathians (Western Romania) (fig. 1) the transition from

to the Mureş River: “Changing social practices of Death in Bronze Age Europe” which tackles as well the Tisza Basin close to the Mureş river, was based at the University of Cambridge and was part of the Levrehume project “Changing beliefs of the human body, 2005-2009” [Sørensen/Rebay-Salisbury 2009, with literature].

1. We mention for instance, one of the latest projects on the theme because it also tackles the transition from inhumation to cremation as well in the Tisza Basin directly connected

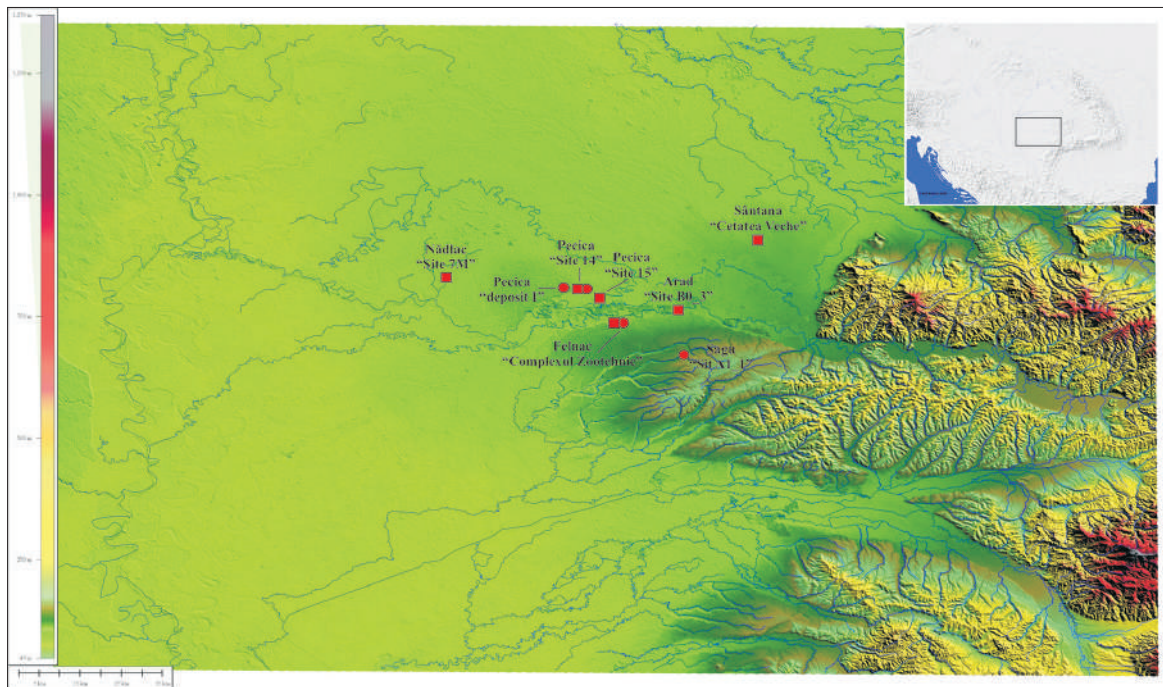

Fig. 1. LBA funerary discoveries in the Lower Mureș Basin (LBA I: circle; LBA II: square) (graphics by Victor Sava).

the Middle Bronze Age (MBA) to the Late Bronze Age (LBA) is illustrated mainly by two important funerary discoveries: the well known necropolis situated at Tápé (eastern Hungary) [Trogmayer 1975] and a cemetery located at Pecica, labeled “Site 14” [Sava, Andreica 2013; Sava, Ignat 2014; 2016].

The aim of this paper is to elaborate a discussion on the LBA burial practices and on the funerary behavior of those who lived at the end of the Bronze Age in the Lower Mureș Basin. We will focus on the cemetery located at Pecica, because it was recently discovered, it has both inhumation and cremation graves and we have a diversity of analyses, which might help us reconstruct the funerary behavior of one segment of society during the LBA. In order to give an overview on the subject, we also included all the funerary discoveries situated in the actual Lower Mureș Basin. In order to elaborate this study, we gathered, mapped and introduced in a database all the funerary discoveries from the Lower Mureș Basin, which can be dated to the LBA I and LBA II. Until now, no graves belonging to LBA III-IV have been discovered.

Chronological frame

In the present paper we focus on two chronological sequences, LBA I and LBA II. In F. Gogâltan’s [Gogâltan 1999] chronological system for Transyl-

vania, LBA I is synchronous with the Central European Br. B-C, LBA II corresponds with the Br. D exemplified by Uriu-Opályi type deposits, and LBA III, is contemporary with the Cincu-Suseni deposition horizon corresponding to the Ha A sequence. According to the C14 data available, from Pecica “Șanțul Mare” [O’Shea et al. 2011, 69, Tab. 1; Nicodemus, Motta, O’Shea 2015, Tab. 1], Cornești “Iarcuri” [Szentmiklosi et al. 2011, 827, Tab. 1, Fig. 9-10; Harding 2017, Tab. 1, Fig. 1], Sântana “Cetatea Veche” [Sava, Gogâltan, Krause 2019] and Pecica “Site 14” [Sava, Ignat 2016, 185, Fig. 4], LBA I is contemporary with the disappearance of Bronze Age tells (aprox. 1600-1500 BC) [David 1998, 31-60] and the emergence of large fortifications (aprox. 1500-1400 BC). Subsequently, LBA II is illustrated by the development of large earth fortifications as Sântana “Cetatea Veche”, Munar “Wolfsberg”, Cornești “Iarcuri” (aprox. 1500/1400-1300/1200 BC). The other LBA evolutionary stages of this region, LBA III and IV, reflect the appearance of channeled pottery, black on the outside and red on the inside, generally attributed to Gáva “culture”. Unfortunately, we do not have radiocarbon data for this chronological phase, and so the timeframe of these cultural manifestations cannot be objectively addressed yet.

From a chronological viewpoint, the cemetery at Pecica “Site 14” reveals essential informa-

tion regarding the Late Bronze Age in the Lower Mureş Basin. During the archaeological excavations at Pecica “Site 14” (Arad County, Western Romania), 38 graves were identified, both inhumation and cremation. A significant part of the investigated burials displayed rich funerary inventory by the means of which there could be distinguished two major phases marking the chronological evolution of the graveyard. The first stage of the cemetery can be dated in LBA I and several cremation burials belong to the LBA II.

The first phase of the cemetery assigned to LBA I chronological stage is represented by 24 inhumation graves and a small part of the cremation burials. Although we have a small number of radiocarbon data (fig. 2), it can be stated that the first phase of the cemetery evolves on the entire segment of LBA I, approx. 1600-1400 BC. The rest of the cremated burials from Pecica “Site 14” can be attributed to LBA II. In this context, we should mention grave Cx. 41 from Sântana “Cetatea Veche” which can be dated somewhere around 1400 BC.

Catalog of funerary discoveries

In the following catalog, we mention as follows: 1. *description of the discovery*; 2. *references*; 3. *observations*.

LBA I

1. *Felnac “Complexul Zootehnic”, Arad County*; 1. We have identified in 4 museum collections several artifacts discovered at Felnac “Complex Zootehnic” that belonged to several cremation and inhumation burials. The artifacts were collected without archaeological surveillance, therefore it is difficult to analyse the context of their discovery. Due to the testimonies of those who collected

them and to the specificity of the artifacts one may consider them funerary inventories; 2. Petrescu-Dîmbovița 1977, 93, pl. 142/9-17; Barbu et al. 1999, 67-68, s.v.: Pt. 2-3 [E. Chirilă, M. Barbu, P. Hügell]; Bejinariu 2003, 68; Kacsó 1992, 97-98; Kacsó 2015; Sava 2016; 3. The archaeological discoveries from Felnac “Complexul Zootehnic” were included for a couple of decades in the Bronze Age deposits category. Moreover, Petrescu-Dîmbovița includes these discoveries in Cincu-Suseni type deposits, according to the information that he had at that time.

2. *Pecica “Site 14”, Arad County*; 1. Out of 38 graves that were identified inside of the perimeter of the excavation, based on the funeral inventory and the C14 data, only 11 of them can be certainly dated to LBA I, 9 inhumated and 2 cremated; however other 15 deceased were also inhumated and it is possible to belong to LBA I. The deceased were, in their vast majority, crouched, and funeral inventories were displayed; 2. Sava, Andreica 2013; Sava, Ignat 2014; Sava, Ignat 2016; 3. Other 5 cremated burials belong to LBA II.

3. *Pecica, the so-called “deposit I”, Arad County*; 1. 11 artifacts consisting of: 2 B1 type axes, Bikács-Borlești, and Senta, 1 dagger, three bracelets, a seal-headed pin, two bronze spirals and two decorated golden hair rings; 2. Vulpe 1970, Taf. 19/293; Mozsolics 1973, Taf. 4/5; Petrescu-Dîmbovița 1977, Pl. 19/7-10; 20/1; David 2002, Taf. 123; Soroceanu 2012; Sava, Andreica 2013; Sava, Ignat 2016; 3. The bronze artifacts were accidentally discovered in 1882 during the Arad-Cenad railway construction, therefore the context of discovery is uncertain. Most publication, which have brought into discussion these findings, considered them as part of a deposit. A. Mozsolics agrees that these artifacts might be

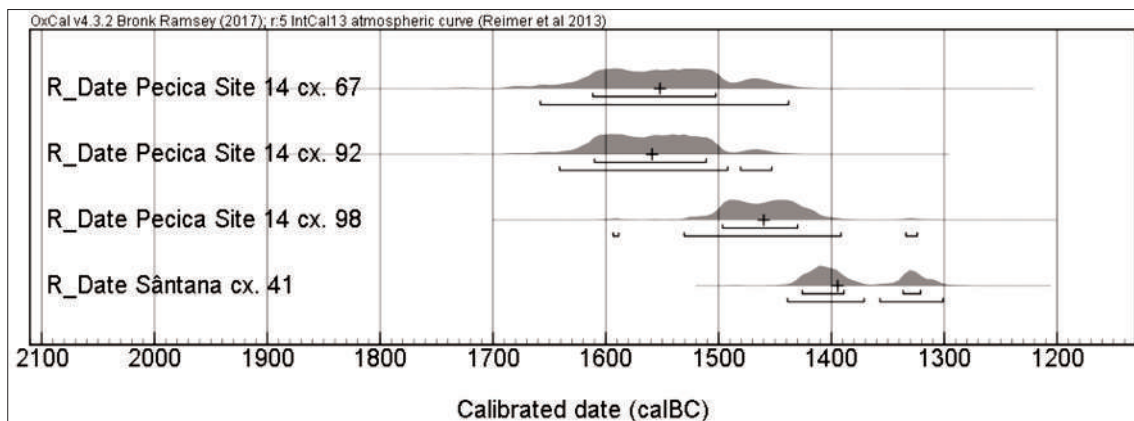

Fig. 2. Pecica “Site 14” and Sântana “Cetatea Veche”. AMS dates (graphics by the authors).

part of one or two funeral inventories. Recently we debated the same possibility and we consider that categorizing them as a “deposit” might be hazardous. Due to the characteristics of the discovery, we consider these artifacts as parts of several funerary inventories.

4. *Şagu “Site A1_1”*, Arad County; 1. During 2010, one of the largest unfortified settlements in the Lower Mureş Basin was excavated. Among the 306 features investigated there is a horizontally deposited urn with a lid, in which the skull of a fetus has been deposited (Cx. 105); 2. Sava, Hurezan, Mărginean 2011, 80-84, Fig. 153-158; Andreica 2012; Urák, Sava, Dimache 2015; 3. As a result of the anthropological analysis, it was found that the human remains belonged to a fetus 8-8.6 months old.

LBA II

1. *Arad “Site B0_3”*, Arad County; 1. As part of the archaeological excavation for the future Bypass Arad, 5 cremation graves were identified; regarding the exact dating the excavators said that the graves belong to “late Cruceani-Belegis”; 2. Cociş et al. 2011, 161; Gogâltan, Sava 2012, 63, note 69; 3. The assemblage is unpublished.

2. *Felnac “Complexul Zootehnic”*, Arad County; 1. Several urn cremation graves; 2. Petrescu-Dîmboviţa 1977, 93, pl. 142/9-17; Barbu et al. 1999, 67-68, s.v.: Pt. 2-3 [E. Chirilă, M. Barbu, P. Hügel]; Bejinariu 2003, 68; Kacsó 1992, 97-98; Sava, Ignat 2016; Sava 2016; 3. One of the workers, who discovered the artifacts, mentioned “large pots full of ashes and bones, among which there were bronze objects”.

3. *Pecica “Site 14”*, Arad County; 1. The rescue excavation carried out during 2011 led to the investigation of 38 graves dated to the LBA; 11 belong to LBA I, and 5 to LBA II; 15 other inhumation graves and 7 cremation graves could not be attributed exactly to the two phases either due to lack of inventory or lack of typical inventory. Most of the cremation graves also contained funerary inventory consisting of small cups, bronze spirals, bracelets and amber beads; 2. Sava, Andreica 2013; Sava, Ignat 2016; 3. -.

4. *Pecica “Site 15”*, Arad County; 1. 4 cremation burials; 2. Marta et al. 2012, 289, 161; 3. According to the excavators, the graves were identified nearby of a Br. D-Ha A1 settlement labeled

Pecica “Site 15” and the funerary discoveries can be dated to “Cruceani culture”.

5. *Nădlac “Site 9M”*, Arad County; 1. 1 cremation burial; 2. Unpublished; 3. The grave was discovered in 2014, during a rescue excavation.

6. *Sântana “Cetatea Veche”*, Arad County; 1. During 1888 a series of golden adornments were discovered along with some human remains, probably belonging to a grave. The rescue excavations carried out during the same year led to the discovery of two other inhumation graves. In the 1963 excavations an inhumation grave was placed behind the fortification system III. Also in the same area, two other inhumation graves and one cremation grave were found, all in a secondary position, during the 2009 excavation. The unveiling of the defense ditch of the fortification system III in 2009 led to the discovery of remnants of human origin belonging to two male individuals; 2. Marki 1892, 39, 34, 40-41; Dörner 1960, 472; Rusu, Dörner, Ordentlich 1996, 16, Pl. II/b, VI/17, 18, XIV/5; Rusu Dörner, Ordentlich 1999, 144, Abb. 2/2, 7/17-18, 15/5; Gogâltan, Sava 2010, 42; Sava, Andreica 2013, 68; Gogâltan, Sava, Mercea 2013, 37-38, 39, 40, Pl. 8/5-6, 9; 3. Successive research has led to the identification of 5 inhumation graves, and one cremation grave; besides these, the remnants of the two individuals discovered in the defense ditch, which probably came to an end during the fortification siege, could be mentioned as well.

All in all, the burial record for the LBA on the Lower Mureş Basin is offering 10 funerary discoveries, 4 of them belonging to the LBA I period and the other 6 can be dated to LBA II period. Several other funerary discoveries are mentioned in the literature, for instance in the area near Szeged: Szeged “Fehértó-Székhát”, Szeged “Bogárzó” [Foltiny 1957; Trogmayer, Vörös 1994, 27; Sánta 2004, 67, pct. 23], Tápé [Trogmayer 1975], also at Szentes [Nagy 2004] and Kiskundorozsma [Foltiny 1957], all of them in the Tisza Basin, near the Mureş River.

Funerary discoveries and burial assemblages

Within the last few years, due to the infrastructural projects, advances have been made in order to understand the archaeological landscape of the Lower Mureş Basin. Therefore in 2011, as part of the rescue excavations for the future

in comparison with other contemporary cemeteries [Gogâltan 1998, with literature]. On the other side, in the LBA I cemeteries situated in the Lower Mureş Basin, we also noticed the occurrence of cremation burials that appear together with the inhumation graves. One of the closest analogies in this direction is the necropolis at Tápé: 36 graves out of 687 are cremation burials [Trogmayer 1975].

According to the information gathered until now, bi-ritualism might be seen as a LBA burial pattern also in the cemeteries located in the Lower Mureş Basin. For this chronological sequence, we are aware of several bi-ritual cemeteries: Pecica “Site 14”, Sântana “Cetatea Veche”, and very probable Felnac “Complex Zootehnic”. These cemeteries are joining a larger series of bi-ritual cemeteries specific to the Tumulus type discoveries in the Tisza Basin, as for instance: Tápé [Trogmayer 1975], Tiszafüred [Kovács 1975], Mezöcsát [Hänsel, Kalicz 1986], Egyek, Rakóczifalva [Kovács 1966], Csólyospálos [Kustár, Wicker 2002] (fig. 4).

As we already mentioned, for the LBA I, the funerary data recovered from the archaeological researches are scarce and, when these are found, they are sometimes difficult to assign to a specific chronological timeframe and to a specific social behavior. In the present context, we used as an instrument several metal finds discovered in the cemetery at Pecica “Site 14” whose dating is strengthened by three newly achieved C14 data. Having this cem-

etry as a starting point, we distinguished on the Lower Mureş Basin and the neighboring regions several discoveries that are presenting the same chronological and funerary pattern.

A possible example is the spin and disc-headed axe, type B1 [initially dated in R. Br. C, see Willvonseder 1937, 71 and in 1977 in the Goggenhofen horizon, Br. C1, see Mayer 1977, 42 f.], found in grave number 92 [Sava, Ignat 2014, Fig. 5/1]. We encounter the same type of axe in the so-called “deposit I” from Pecica [Vulpe 1970, Taf. 19/293; Mozsolics 1973, Taf. 4/5; Petrescu-Dîmbovița 1977, Pl. 19/7-10; 20/1; David 2002, Taf. 123; Soroceanu 2012], in the necropolis at Tiszafüred [Kovács 1975, 10, fig. 4] or in the Tumulus cemetery from Csólyospálos [Kustár, Wicker 2002], Hajdukovo [Trogmayer, Szekeres 1968, 19, Taf. II/3; Bogadnović 1998, 274, Map 1] and even in the necropolis at Cruceni, grave 55, together with a seal-headed pin [Radu 1971]. On the other side, in the necropolis at Tápé, there was no such type of weapon identified in any of the graves excavated. Generally, in the Carpathian Basin, this type of axes occur very often in deposits, rarely in graves as funerary inventory (for instance on today’s Austrian territory we know only one spin and disc-headed axe belonging to a funeral discovery, the spin and disc-headed axe from the tumuli at Kronstorf-Schieferegg (see Grubber 1999, 46) and almost at all in settlements [Sicherl 2004].

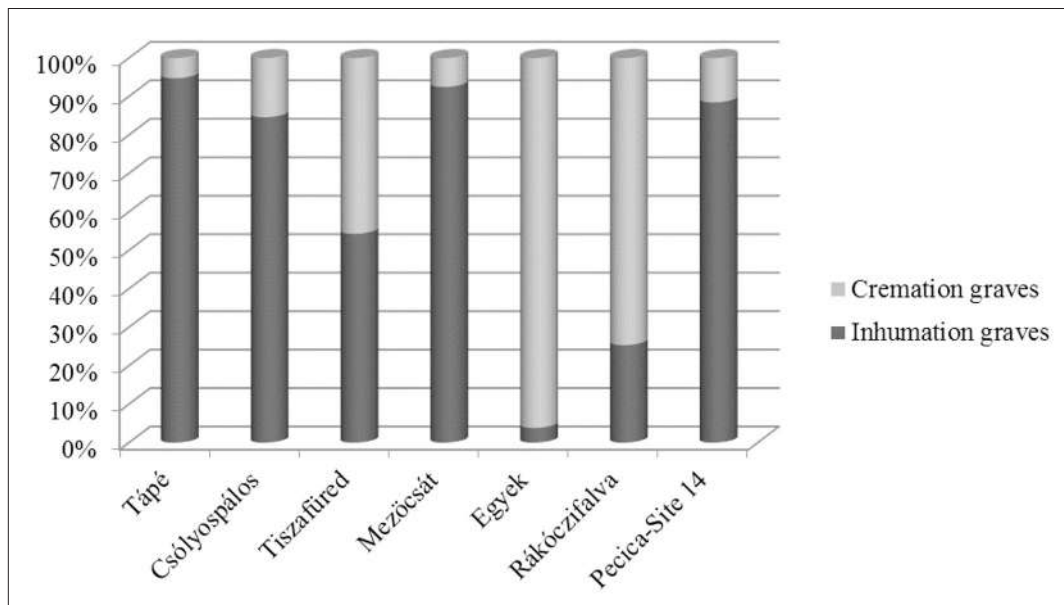

Fig. 4. Examples of bi-ritual cemeteries in the Tisza and Mureş Basin during LBA I (graphic by Ana Ignat).

Good indicators are represented by seal-headed pins, as well. From a chronological point of view we encounter this type of artifacts during the MBA and the beginning of the Tumulus type discoveries [Novotná 1980; Innerhofer 2000]. Their presence in two of the graves Cx. 04 (fig. 5) and Cx. 98 [Sava, Andreica 2013, Fig. 5/1, Fig. 6/1] belonging to the LBA cemetery at Pecica “Site 14” [Sava, Andreica 2013] brings more similarities between this cemetery and other contemporaneous cemeteries as Tápé, Pitten and other Tumulus type cemeteries [Trogmayer 1975; Trogmayer, Szekeres 1968; Říhový 1979; Novotná 1980; Hampl, Kerchler, Benkovsky-Pivovarova 1985; Hänsel, Kalicz 1986; Innerhofer 2000, Kustár, Wicker 2002, 185]. For instance in the late Bronze Age necropolis at Tápé, seal-headed pins were part of the funerary inventory of several graves, in five of them (37, 65, 322, 423, 684) found in pairs, all of them belong to female skeletons (Trogmayer 1975), while in Pecica “Site 14”, seal-headed pins were found in graves belonging to an adult male (Cx. 67) and to an *Infant II* (Cx. 04) [Sava, Andreica 2013, 58-62].

Fig. 5. Pecica “Site 14”. Grave Cx. 4 (photograph by Victor Sava).

Going further, a similar pin is part of the so-called “deposit I” from Pecica [Petrescu-Dîmbovița 1977, Pl. 6/8; David 2002, Taf. 134/9; Soroceanu 2012, 72-76, Taf. 21/8]. To the same “deposit I” belong three bracelets with a triangular bar in section [Petrescu-Dîmbovița 1998, Taf. 112/1515-1517; Soroceanu 2012, Taf. 21/1,6-7; Sava, Ignat 2016], similar with the two bracelets found in grave 67 at Pecica “Site 14” (fig. 6) [Sava, Ignat 2014, Fig. 3/1-2], but also with two bracelets from Kiskundorozsma [Foltiny 1957, Taf. X/10a-10b, 14a-14b], Szentes “Nagyhegy” [Nagy 2005, kép. 1/12], Csólyospálos [Kustár, Wicker 2002, 176, Taf. V/6-7 -Grab 51].

Also, among the bronze objects discovered at Felnac (Petrescu-Dîmbovița 1977, Pl. 142/13-14; Kacsó 1992, 97), there are several seal-headed pins (Kacsó 1992, 97-98; Kacsó 2015, Fig. 2/1-3; Sava, Ignat 2016; Sava 2016, Pl. 2/1, 3). In these circumstances, the discovered bronze objects, the context of discovery as well as the ceramic vessels found at Felnac “Complex Zootehnic”, suggest both the presence of inhumation graves and cremation burials [Kacsó 1992; Bejinariu 2003; Sava, Ignat 2016; Sava 2016]. Consequently, the similarities between the bronze objects encountered in the cemetery at Pecica “Site 14” and the bronze artifacts from Felnac “Complex Zootehnic” and the so-called “deposit I”, from Pecica allow us to confirm a hypothesis often discussed in literature [Mozsolics 1973; Bajinariu 2003; Kacsó 1992; Sava, Andreica 2013, Sava, Ignat 2016]: the aforementioned bronze artifacts are part of the funeral inventories of several graves belonging to LBA I chronological sequence.

On the other side, interesting discussion could be developed on ware characteristics. On the Lower Mureş Basin [Sava, Hurezan, Mărginean 2011, Fig. 147; 178; 180 (Şagu “Site A1_1”); Sava, Ignat 2016 (Zimandu Nou)] but also in the Romanian Banat there are several discoveries represented by ceramic vessels decorated with incised arcades on the neck. Therefore the vessels discovered at Pecica “Site 14” (Cx. 67, Cx. 98 [Sava, Ignat 2014, Fig. 3/5; Fig. 6/7]) are more alike to the ceramic ware found at Felnac “Complex Zootehnic” [Sava 2016, Pl. 3/7], Şagu “Site A1_1” [Sava, Hurezan, Mărginean 2011], Satu Mare [Kacsó 1998]. This type of decoration begins in the Middle Bronze Age, being specific to the Vatina/Corneşti-Crvenka ceramic

Fig. 6. Pecica "Site 14". Grave Cx. 67 (photograph by Victor Sava).

ware². The cup discovered in Cx. 67 [Sava, Ignat 2014, Fig. 3/5] and the goblet from Cx. 92 [Sava, Ignat 2014, Fig. 5/4], found their analogies in grave 82 and respectively 85 from Cruceni [Gumă 1997, Pl. LXXXII/1, 9]. Consequently, taking into account the given information, we may, on one side, integrate the funeral discoveries at Pecica "Site 14" in a wider context of the Tumulus – like discoveries but, on the other side, the existence of local factors (mostly visible in the ceramic ware) cannot be denied.

Next to the cemeteries mentioned above, another funerary discovery belonging to this chrono-

logical phase has to be mentioned. In the settlement at Sagu "Site A1_1" the skull of a human fetus (Cx.105) was found inside of an urn vessel (fig. 7). The urn, covered with a lid, was placed in the deposition level of the LBA settlement I [Urák, Sava, Dimache 2015]. The deposition of the fetus within the settlement, strengthens our conviction that sometimes exceptional occurrences, such as the premature birth of a child makes it difficult to classify and generalize the attitude towards death.

Although the LBA I cemeteries from the studied area are hardly known, with some exceptions, we can notice a general characteristic: in most

cases, the cemeteries contain a large number of inhumation graves, along with a rich inventory. This type of inhumation might represent a MBA tradition translated in a subsequent funerary behavior.

For the following chronological stage, LBA II, in the Lower Mureş Basin, the number of funerary discoveries is scattered. Besides the aforementioned cremation burials from Pecica "Site 14", we could distinguish several funerary discoveries detailed in the above catalog: Felnac "Complex Zootehnic", Pecica "Site 15" and Arad "Bypass", Sântana "Cetatea Veche" and Nădlac "Site 9M" (see fig. 2).

Some of the cremation burials belonging to the Pecica "Site 14" cemetery could be dated according to the typological characteristics of the

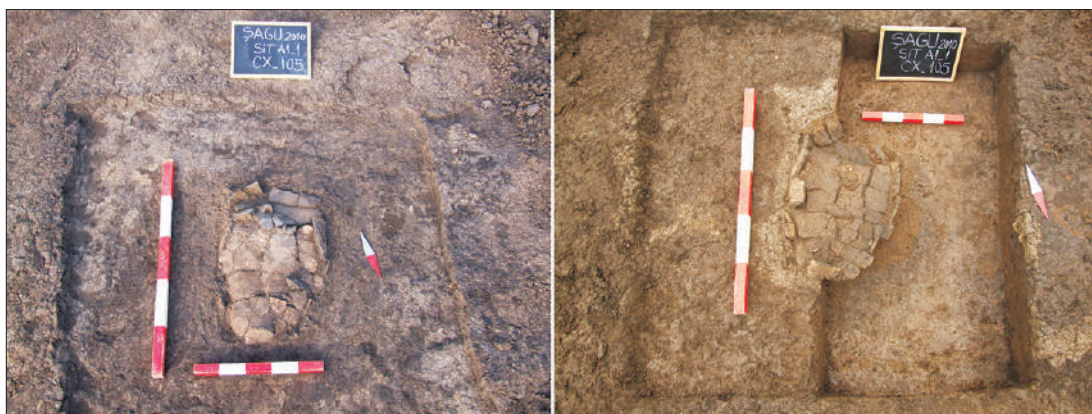

Fig. 7. Şagu "Site A1_1". Grave Cx. 105 (photographs by Victor Sava).

2. Ceramic vessels having the same decoration were found at Socodor, see Gogăltan 1999; Satu Mare, see Gogăltan 2004; Macea, see Sava 2009 and it lasts until the LBA examples have been found at Sântana „Cetatea Veche”, see Gogăltan, Sava 2010, fig. 37.

urns and of the other metal objects part of the funeral inventory, in LBA II. In some cases, the funerary urns were covered with bowls placed over the rim. In other cases, additional small vessels were

Fig. 8. Pecica “Site 14”. Grave Cx. 30 (photograph by Victor Sava).

found inside of the urn. In most graves, the funeral assemblages contained small metal objects such as: rings, bracelets, but also amber beads or small ceramic vessels. There are also cases in which the urn is very well preserved but the funerary inventory is scarce (fig. 8).

During the excavations in Sântana “Cetatea Veche” there was discovered one cremation (grave Cx. 40 is illustrated in fig. 9) and five inhumation graves [Dörner 1976, 43; Rusu, Dörner, Ordentlich 1996, 16 Pl. II/1b. VI/17-18, XIV/5; Rusu, Dörner, Ordentlich 1999, 144 Abb. 2,2. 7,17-18. 15,5; Gogăltan, Sava, Mercea 2013, 24; Sava, Gogăltan, Krause 2019]. Two burial graves were discovered in 1888, one belonged to an adult, and one to a child, both without funerary inventory. In 1963, a skeleton was found, alongside with two vessels and a bronze tweezer, and during the excavations in 2009 two inhumation burials and a cremation were documented. The latter were deeply disturbed by the construction of the fortification III. Also in Sântana, the remnants of two males were documented in the defense ditch of the fortification III. Considering the place of discovery and the fact that one of them has the traces of several cranial traumas, we can safely say that the two in-

dividuals took part in the siege of the fortification and cannot be linked to any funeral rites.

In 2010, another cremation cemetery has been identified inside of the perimeter of the “Bypass” Arad [Cociş et al. 2011, 161; Gogăltan, Sava 2012, note 69], and other four cremation burials, on a stripe inside of the perimeter of the future highway Arad-Nădlac [Marta et al. 2012, 289], unfortunately, both of them are at the moment unpublished. To these examples we may add an isolated cremation burial identified during a rescue excavation in Nădlac “Site 9M”.

From the archaeological data available for Lower Mureş Basin, one can say that unlike the previous chronological stage, in the LBA II cremation there is a dominant funerary practice, the funerary discoveries are reflected in a small number of burials, perhaps funerary groups, in some cases even in an isolated grave (for instance Nădlac “Site 9M”). We can also observe that the inventories are composed of a smaller number of artifacts, probably personal items.

From burial assemblages to social identity?

An important factor in the case of funerary discoveries is whether the material composing the funeral assemblages is representative in reflecting

Fig. 9. Sântana “Cetatea Veche”. Grave Cx. 40 (photograph by Victor Sava).

the LBA society. A closer analysis of the objects accompanying the dead allowed us to draw several conclusions concerning the way in which society relates to funerary customs and also the social identity of the individuals. For the study of the social structure, we include in the analysis especially those graves that were analyzed anthropologically and had rich funerary inventory. Sometimes people deposit given objects as funerary inventory aiming at expressing by them specific characteristics of the individual during his lifetime. Archaeologically, the objects composing the funerary inventory represent different categories of indicators reflecting various aspects of the individual's life.

Taking as an example the necropolis at Tápé, where there are, in several cases, clear differences between the funeral assemblages accompanying males and females. A closer looking at the female and male skeletons help us distinguish between different funeral assemblages. For instance, in the necropolis at Tápé, seal-headed pins were part of the funeral inventory of several graves, in five of them (37, 65, 322, 423, 684) pins were found in pairs, all of them belonging to female skeletons [Trogmayer 1975], while in Pecica "Site 14", seal-headed pins were found in graves belonging to an adult male (Cx. 67) and to a child (Cx. 04) [Sava, Andreica 2013, 58-62].

When analyzing funerary assemblages it is also possible to identify wealth indicators. For instance, in the necropolis at Tápé the number of "rich" graves belonging to women is higher than those belonging to males [Trogmayer 1975]. If we agree that the presence of bronze pin in the grave might indicate wealth, then we observe that in graves belonging to women we encounter most of the times two pins and in those belonging to men there is only one pin [Trogmayer 1975]. Furthermore, in the cemetery located at Tiszáfured, 44 pins were found in 36 graves [Kovács 1975]. No anthropological analyses have been carried out in this case, but we notice that in the graves where weapons were found,

there is only one pin [graves 73, 99, 105, 174, 252, see Kovács 1975]. This particularity is confirmed also in the necropolis at Pecica "Site 14", where each grave contains weapons and pins. The weapons are associated only with one pin, moreover as we have seen the anthropological analyses show that all of them are male skeletons.

Additionally, in the necropolis at Pecica "Site 14", three of the graves containing weapons (Cx. 67, Cx. 92 and Cx. 92), also presented enthesopathies at the level of the upper muscles [Sava, Ignat 2014; Andreica 2014]. During the anthropological analyses, we observed that all of the deceased are adult males: the skeleton from grave 67 belongs to the 45-60 years age group. In grave 92, we are dealing with a male skeleton belonging to the 40-44 years age group and in grave 98 the skeleton belongs to a male of 35-39 years old. All of the three male skeletons displayed traces of intense muscular stress reflected in enthesopathies occurred at the insertion site of tendons of *Pectoralis major*, *Deltoid* and *Latissimus dorsi* muscles (humerus area). All these transformations that occur at the shoulder level could be explained by the repeated usage of the spear, and the hypertrophy of the chest and back muscles, together with several pathologies of the spine, can be a result of repeated usage of arms and hips in close range combat [Canci 1998, 285]. Consequently, we may assume that the

Fig. 10. Pecica "Site 14", grave Cx. 102 (photograph by Victor Sava).

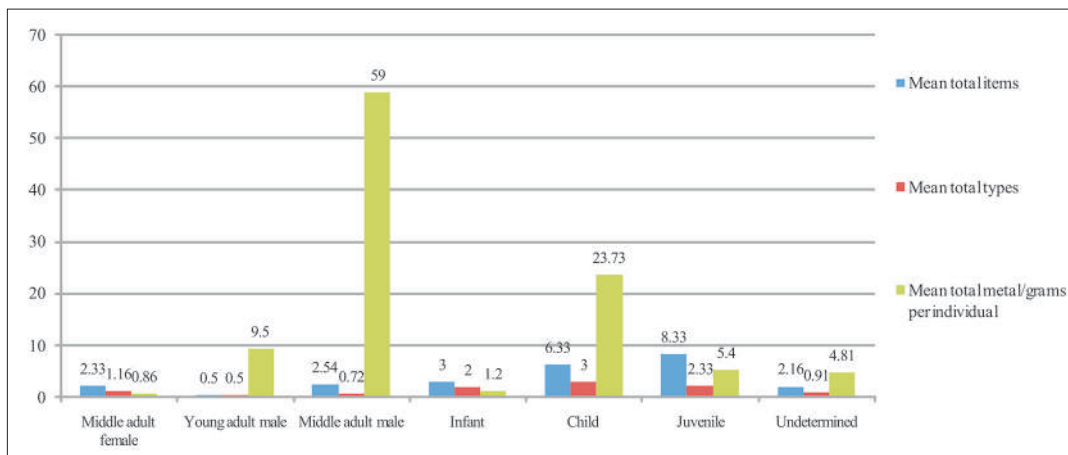

Fig. 11. Pecica “Site 14”. Mean total items (blue), total types (red) and mean total amount of metal (green) (graphic by Victor Sava).

three individuals, given as an example, might have participated in close range combat and might have had a proper training, in order to use the weapons they had at their disposal [Sava, Ignat 2014].

Going further in our inquiry, the funerary inventory of some of the graves identified at Pecica “Site 14”, might be reflecting a sort of hereditary transmission of wealth or social status from one generation to another. Interesting discussion could be, therefore, carried out on two of the graves discovered at Pecica “Site 14”, Cx. 4, and Cx. 102. According to the anthropological analyses the skeleton belongs to *Infants II* age group, the sex couldn't be determined. The funerary inventory of grave Cx. 4 is composed of 1 seal-headed pin, 2 cups, 5 bronze appliqués and 2 undetermined bronze fragments. As for the second one, Cx. 102, the funerary inventory contained 1 cup, 2 bracelets, 3 appliqués, 1 pendant and 1 bronze earring with amber bead (fig. 10).

Although the cemetery Pecica “Site 14”, has not been fully excavated, the analysis of the funerary inventories of the researched graves gives us a first picture of the distribution of these grave goods within the deceased sex and age categories. In this regard, graves were distributed by sex and age. Subsequently, the average number of artifacts, types of artifacts and the amount of metal per each grave was calculated (fig. 11). This analysis reveals that in the case of the number of artifacts and the number of types the richest graves are those belonging to the young members of the community. But considering the amount of metal per grave, we notice that by far middle adult males is the most representative category in this respect. Within this category, there are three graves (Cx. 67, Cx. 92 and

Cx. 98), in which metal items were deposited in the amount of 604 gr, which accounts for almost 65% of the total amount of metal found in the 38 graves excavated.

An overview on the LBA society

In order to understand the macro-context of the funerary discoveries discussed above, an overview on the patterns of each chronological sequence is essential.

By the time when the habitation in tell settlements ended (1600-1500 BC), flat settlements as Şagu “Sit A1_1” [Sava, Hurezan, Mărginean 2011], Tăpé “Kemeneshát” and Tăpé “Szőlőföldek” [Szabó 2004, 152; Sánta 2010, 521] started to expand. These settlements are remarkable through their long evolution period, from LBA I to LBA II. Surprisingly, up to this moment no signs of fortification systems have been identified. Furthermore, as it is known, at the end of the MBA the phenomenon of bronze and gold hoard grows in size, as for instance those found at Păuliş “Dealul Bătrân” [David 2002, Taf. 123] and Satu Mare “Weingarten” [Kacsó 1998], Pecica “Rovine” [Gogâltan 1999, 101, Fig. 41/1, 5; 42] exemplify. But in opposition to the MBA, we have no metal hoards that could be dated in the LBA I. At this time a great proportion of the metal finds are found in graves expressing probably the social status of the individual.

In opposition to LBA I, remarkable changes are to be distinguished for the second stage of the LBA. Firstly, an increasing number of settlements is noteworthy as exemplified by Felnac “Complexul Zootehnic” [Sava 2011; 2016], Pecica “În vii” [Dörner 1970, 460, fig. 14; Sava, Andreica 2013, 71, note 80], Pecica “Site 15” [Marta et al.

2012]. Secondly, in some of these settlements, signs of metallurgic and ceramic workshops have been found, for example at Szőreg C [Mozsolics 1985, 196-197, Taf. 273-274; Fischl 2000, Abb. 20-21] and at Şagu "Sit A1_1" [Sava, Hurezan, Mărginean 2011, 50-55, 60-63].

However, the distinctive pattern of LBA II is the emergence of large earth fortifications, a phenomenon which is specifically connected to this region, mostly by the reason of their complexity and their impressive size. The monumental fortification at Corneşti "Iarcuri" with its four enclosures has a surface of cca. 1700 ha [Szentmiklosi et al. 2011]. The second great fortification is Sântana "Cetatea Veche" [Rusu, Dörner, Ordentlich 1996; Rusu, Dörner, Ordentlich 1999; Gogâltan, Sava 2010; Gogâltan, Sava, Mercea 2013]. In both fortifications, researches started in the first half of the 20th century and are continuing nowadays. The fortification at Sântana "Cetatea Veche" has a surface of cca. 80 ha and it is remarkable through its great number of bronze and gold discoveries. Other notable fortifications were identified at Munar "Wolfsberg" [Sava, Gogâltan 2014], Csanádpalota [Szeverényi Priskin, Czukor 2014] and Orosháza "Nagyatársánc" [Banner 1939]. Unfortunately, even though researches have been carried out in several fortifications for a couple of decades, their enormous size decelerate the possibility of giving answers regarding their exchange network, their connections and their ability to control other settlements.

Furthermore, for this time period a significant increase in the number of bronze and gold hoards is unquestionable. For example, the gold hoards from Sântana "Cetatea Veche" [Dörner 1960, 471-479; Mozsolics 1973, 208, Taf. 104-105], Fîrteaz [Mozsolics 1973, 194; Taf. 78-79; 80/1-5], Cărani [Mozsolics 1973, 199-200; Taf. 106] and Alioş [Mozsolics 1973, 207]. And also, there are worth mentioning other numerous bronze deposits as the ones discovered at Lipova [Gogâltan, Sava 2014], Igriş [Petrescu-Dîmboviţa 1977, 98, pl. 162; 163/1], Pecica II [Kemenczei 1991], Pecica III [Dörner 1970, fig. 14/4; 460; Petrescu-Dîmboviţa 1977, 102, pl. 176/24-28], Pecica IV [Petrescu-Dîmboviţa 1977, 102, pl. 176/29-33; 177; 178/1], Sâmpetru German [Petrescu-Dîmboviţa 1977, 107; pl. 186/17-18; 187], or Zimandu Nou [Petrescu-Dîmboviţa 1977, 119; pl. 277/14-16]. All these bronze deposits and gold hoards are illustrating the dynamic image of

this time period characterised by a strengthening of social status, by power achievement highlighted by the accumulation of goods reflected in bronze and gold deposits.

Once the large open settlements were abandoned and the large fortifications destroyed, a new series of small-size settlements appeared. One must note that the number of discoveries drops dramatically, from 70 during Late Bronze II to only 20 starting with Late Bronze III. We are also aware of only one bronze deposit and a few isolated metal finds. Unfortunately, this long period that comprises Late Bronze III and IV (ca. 1200/1100 - 900/800 BC) is not a well researched topic in the area of the Lower Mureş Basin. The dramatic decrease in the number of discoveries, the absence of excavations, and the lack of AMS data make us consider Late Bronze III and IV in this micro-region as a true dark age.

Going back to the main topic of our study, we are now in debt to answer one of the questions this article is motivated by: what generated this change of practices now at the dawn of the 15th century? The answer to be given is nonetheless a difficult and a debatable one. The region of the Lower Mureş Basin, according to the archaeological records represented the eastern most area reached by the influences of the Tumulus Culture and at the end of the LBA. It is the neighboring region of those, who are associated in the archaeological record to the Urnfield Culture. Consequently, what we can indeed try to advance with on this occasion is what might have triggered this preference for cremation at the end of the Bronze Age in the Lower Mureş Basin.

At first, as we have seen above, the end of the Middle Bronze Age and the beginning of the Late Bronze Age is marked by the collapse of the MBA tell settlements, very well illustrated in the archaeological record. Back in the MBA, the funerary records belonging to different communities in the Tizsa and Mureş Basin reflect the use of both cremation and inhumation [Kemenczei 1984; Soroceanu 1991; Kovacs 1992; Gumă 1993; Gogâltan 1998; Szentmiklosi 2001; Sørensen, Rebay-Salisbury 2009], with a prevalence of inhumation along the Lower Mureş River [Soroceanu 1991].

Having these arguments, the inhumation graves identified at Pecica „Site 14” could be seen as reflecting a MBA tradition as, mostly visible in

the ceramic ware. However, in the burial records we are also aware of cremation burials, which are more or less contemporary with the inhumation graves. It is difficult to explain the phenomenon of bi-ritual cemeteries, but we think that an important role was played by the relationship of each community within the regional and interregional relations. These connections tributary to a growing exchange network might have been what in the first place triggered this transition from the predominance of inhumation to the dominance of cremation.

Going further into the subsequent chronological stages, LBA II, when cremating the body has become a common practice in almost all the Central Europe and also in the Lower Mureş Basin, those who built the impressive fortifications located at Sântana "Cetatea Veche", Munar "Wolfsberg" and also Corneşti "Iarcuri" in the Romanian Banat [Gogâltan, Sava 2010, Gogâltan, Sava 2012; Szentmiklosi et al. 2011] might have had an important word to say in the matter of the preference of cre-

mation, since starting with these events cremation prevails in the whole region. The remodeling of the LBA society, as seen above, at the end of the Bronze Age might be due to the extension of the exchange network of interregional contacts. At this stage of research, it might be speculative to speak about new out-coming communities that might have generated the change of burial practices since none of the archaeological discoveries speaks about such an event. Therefore, it seems more cautious to connect this change of beliefs to the gradual development of prehistoric communities related to the spread of information and technologic transfer.

Acknowledgements

We thank dr. habil. Florin Gogaltan for proofreading the manuscript and for the useful suggestions offered with goodwill. We also thank Dr. Adrian Ursuţiu and Dr. Liviu Marta for their promptness in making the documentation of the Arad "Site B0_3" and Pecica "Site 15" excavations available to us.

Bibliography

- Andreica 2012:** M.L. Andreica, Studiu antropologic asupra unui craniu de copil, descoperit la Şagu (judeţul Arad). Studii şi cercetări de antropologie 2, 2012, 3-7.
- Andreica 2014:** L. Andreica, Musculoskeletal Markers as Evidence of Physical activity and Social Differentiation in the Lower Mureş Valley during the Late Bronze Age. Ziridava. Studia Archaeologica 30, 2014, 77-85.
- Banner 1939:** J. Banner, A hódmezővásárhelyi Nagytatársánc. Dolgozatok a Szegedi Tudományegyetem Régiségtudományi Intézetéből XV, 1939, 93-114.
- Barbu et al. 1999:** M. Barbu, P. Hügel, G.P. Hurezan, E.D. Pădurean, Repertoriul arheologic al Mureşului Inferior. Judeţul Arad (Timişoara 1999).
- Bejinariu 2003:** I. Bejinariu, Piese din necropola de epoca bronzului de la Felnac (jud. Arad) aflate în colecţia Muzeului din Zalău. Analele Banatului S.N. X-XI, 2002-2003, 57-72.
- Bogdanović 1998:** I. Bogdanović, Metal Weponary of the Middle Bronze Age in them South-Pannonian Region. In: (eds. H. Ciugudean, F. Gogâltan) The Early and Middle Bronze Age in the Carpathian Basin. Proceedings of the International Symposium in Alba Iulia, 24-28 September 1997 (Alba Iulia 1998), 267-280.
- Canci 1998:** A. Canci, The emergence of warriors elites in Bronze Age societies: the osteoarchaeological evidence. In: Atti del XIII congress dell'Unione Internazionale delle scienze preistoriche e protostoriche, 4, Forli, sett. (Forli 1998), 283-288.
- Cociş et al. 2011:** S. Cociş, A. Ursuţiu, V. Bârcă, C. Onofrei, A. Ursuţiu, R. Stăncescu, M. Ardeleanu, C. Țuţiuianu, A.Dobos. Sz. Ferencz, Arad, jud. Arad, Punct: Grădinile CAP - Centura ocolitoare Arad, km 8+050 - 8+250; 8+540 - 8+840, Cod sit: 9271.17. In: Cronica cercetărilor arheologice. Campania 2010. XLV-a Sesiune Naţională de rapoarte arheologice, Sibiu, 26-29 Mai 2011 (Bucureşti 2011), 161.
- David 1998:** W. David, Zum Ende der bronzzeitlichen Tellsiedlungen im Karpatenbecken. In: (Hrsg. H. Küster, A. Lang, P. Schauer) Archäologische Forschungen in urgeschichtlichen Siedlungslandschaften. Festschrift für Georg Kossack zum 75. Geburtstag. Regensburger Beiträge zur Prähistorischen Archäologie, 5 (Regensburg 1998), 231-267.
- David 2002:** W. David, Studien zu Ornamentik und Datierung der bronzzeitlichen Depotfundgruppe Hajdúsámson-Apa-Ighiel-Zajta, Teil 1-2. Bibliotheca Mvsei Apvlensis, XVIII (Alba-Iulia 2002).

- Dörner 1960:** E. Dörner, Der Goldfund von Sântana Arad. Dacia N.S. IV, 1960, 471-479.
- Dörner 1970:** E. Dörner, Cercetări și săpături arheologice în județul Arad. MCA IX, 1970, 445-466.
- Dörner 1976:** E. Dörner, Cu privire la tracia de pe teritoriul arădean la începutul hallstattului timpuriu. Ziridava 6, 1976, 41-46.
- Fischl 2000:** K.P. Fischl, Szőreg-C (Szőreg-Sziv utca) bronzkori temetője. A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve, Studia Archaeologica VI, 2000, 77-138.
- Foltiny 1957:** I. Foltiny, A Halomsíros és Lausitzi kultúra nyomai Szeged Környékén. Régészeti Füzetek 4 (Budapest 1957).
- Gogâltan 1998:** F. Gogâltan, The Cruceni-Belegiș cemetery from Livezile (Tolvădia), commune Banloc, District Timiș. In: (ed. P. Roman) The Thracian World at the Crossroads of Civilisations. II. "Proceedings of the Seventh International Congress of Thracology". Constanța-Mangalia-Tulcea 20-26 May 1996 (Bucharest 1998), 181-205.
- Gogâltan 1999:** F. Gogâltan, Bronzul timpuriu și mijlociu în Banatul românesc și pe cursul inferior al Mureșului. I. Cronologia și descoperirile de metal (Timișoara 1999).
- Gogâltan 2004:** F. Gogâltan, Bronzul mijlociu în Banat. Opinii privind grupul Cornești-Crvenka. In: (red. P. Rogoza, V. Cedică) Festschrift für Florin Mededeț. Zum 60. Geburtstag (Timișoara 2004), 79-153.
- Gogâltan, Sava 2010:** F. Gogâltan, V. Sava, Sântana Cetatea Veche. O fortificație de pământ a epocii bronzului la Mureșul de jos/A Bronze Age earthwork on the lower Mureș (Arad 2010).
- Gogâltan, Sava 2012:** F. Gogâltan, V. Sava, War and Warriors during the Late Bronze Age within the Lower Mureș Valley. Ziridava. Studia Arheologica 26/1, 2012, 61-81.
- Gogâltan, Sava 2014:** F. Gogâltan, V. Sava, Depozitul de bronzuri de la Lipova, jud. Arad. Terra Sebus. Acta Musei Sabesiensis 6, 2014, 183-209.
- Gogâltan, Sava, Mercea 2013:** F. Gogâltan, V. Sava, L. Mercea, Sântana "Cetatea Veche". Metal and Power. Ziridava Studia Archaeologica 27, 2013, 21-72.
- Gruber 1999:** H. Gruber, Die mittelbronzezeitlichen grabfunde aus Linz und Oberösterreich. Linzer Archäologische Forschungen 28 (Linz 1999).
- Gumă 1993:** M. Gumă, Civilizația primei epoci a fierului în sud-vestul României. Bibliotheca Thracologica IV (București 1993).
- Gumă 1997:** M. Gumă, Epoca bronzului în Banat. Orizonturi cronologice și manifestări cultural. Bibliotheca historica et archaeologica Banatica V (Timișoara 1997).
- Hampl, Kerchler, Benkovsky-Pivovarova 1985:** F. Hampl, H. Kerchler, Z. Benkovsky-Pivovarova, Das mittelbronzezeitliche Gräberfeld von Pitten in Niederösterreich. Ergebnisse der Ausgrabungen des Niederösterreichischen Landesmuseums in den Jahren 1967-1973 mit Beiträgen über Funde aus anderen urzeitlichen perioden. Mitteilungen der Prähistorischen Kommission der österreichischen Akademie der Wissenschaften, Band XXI und XXII, 1985.
- Hänsel, Kalicz 1986:** B. Hänsel, N. Kalicz, Das bronzezeitliche Gräberfeld von Mezöcsát, Kom. Borsod, Nordostungarn. Berichte der Römisch-Germanischen 67, 1986, 6-88.
- Innerhofer 2000:** F. Innerhofer, Die mittelbronzezeitlichen Nadeln zwischen Vogesen und Karpaten. Studien zur Chronologie, Typologie und regionalen Gliederung der Hügelgräberkultur. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie 71 (Bonn 2000).
- Kacsó 1992:** C. Kacsó, Descoperirile din epoca bronzului de la Felnac, contribuții la cunoașterea culturii tumulare în Banat. Symposia Thracologica 9, 1992, 97-98.
- Kacsó 1998:** C. Kacsó, Das Depot von Satu Mare. A Nyiregyházi Jóna András Múzeum Évkönyve XXXIX-XL, 1998, 11-31.
- Kacsó 2015:** C. Kacsó, Descoperiri din epoca bronzului de la Felnac (jud. Arad). Revista Bistriței XXIX, 2015, 23-41.
- Kemenczei 1991:** T. Kemenczei, A Pécskai / Pecica Második Bronzlelet. Folia Archaeologica XLII, 1991, 28-48.
- Kovács 1966:** T. Kovács, A halomsíros kultúra leletei az Észak-Alföldön. Archaeologiai Értesítő 93, 1966, 159-202.
- Kovács 1975:** T. Kovács, Tumulus Culture Cemeteries of Tiszafüred (Budapest 1975).
- Kustár, Wicker 2002:** R. Kustár, E. Wicker, Biritualer Gräberfeldteil der Hügelgräberkultur in Csölyospálos (Ungarn). In: (eds. M. Dufková, M. Novotná, K. Kuzmová) Studies of the Ancient World, in Honour of Mária Novotná 2 (Trnava 2002), 169-192.
- Marki 1892:** S. Márki, Arad vármegye története, vol. I (Arad 1892).
- Marta et al. 2012:** L. Marta, C. Astaloș, C. Virag, A.N. Hágó, Z. Kádas, D. Iegar, Pecica, jud. Arad. Punct: Sit 15, km 28+600 – 29+100. In: Cronica cercetărilor arheologice. Campania 2011. XLVI-a Sesiune Națională de rapoarte arheologice, Târgu Mureș, 23-26 mai 2012 (București 2012), 288-290.
- Mayer 1977:** E.F. Mayer, Die Äxte und Beile in Österreich. Prähistorische Bronzefunde IX, 9 (München 1977).

- Mozsolics 1973:** A. Mozsolics, Bronze- und Goldfunde des Karpatenbeckens. Depotfundhorizonte von Forró und Ópályi (Budapest 1973).
- Mozsolics 1985:** A. Mozsolics, Bronzefunde aus Ungarn (Budapest 1985).
- Nagy 2005:** M. Nagy, A halomsíros kultúra leletei Szentes környékén. A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve. *Studia Archaeologica* XI, 2005, 7-36.
- Nicodemus, Motta, O'Shea 2015:** A. Nicodemus, L. Motta, J.M. O'Shea, Archaeological Investigations at Pecica "Şanţul Mare" 2013-2014. *Ziridava. Studia Archaeologica* 29, 2015, 105-118.
- Novotná 1980:** M. Novotná, Die Nadeln in der Slowakei. *Prähistorische Bronzefunde* XIII, 6 (München 1980).
- O'Shea et al. 2011:** J. O'Shea, A. Barker, L. Motta, A. Szentmiklosi, Archaeological Investigations at Pecica "Şanţul Mare" 2006, 2009. *Analele Banatului S.N.*, XIX, 2011, 67-78.
- Petrescu-Dîmboviţa 1977:** M. Petrescu-Dîmboviţa, Depozitele de bronzuri din România (Bucureşti 1977).
- Petrescu-Dîmboviţa 1998:** M. Petrescu-Dîmboviţa, Der Arm- und Beinschmuck in Rumänien. *Prähistorische Bronzefunde* X, 4 (Stuttgart 1998).
- Radu 1971:** O. Radu, Asupra unui mormânt de incinerare de la Cruceni. *Tibiscus*, 1971, 19-23.
- Rusu, Dörner, Ordentlich 1996:** M. Rusu, E. Dörner, I. Ordentlich, Fortificaţia de pământ de la Sântana – Arad in contextul arheologic contemporan. *Ziridava XIX-XX*, 1996, 15-44.
- Rusu, Dörner, Ordentlich 1999:** M. Rusu, E. Dörner, I. Ordentlich, Die Erdburg von Sântana-Arad in dem zeitgleichen archäologischen Kontext. In: (Hrsg. N. Boroffka, T. Soroceanu) *Transsilvanica. Archäologische Untersuchungen zur älteren Geschichte des südöstlichen Mitteleuropa. Gedenkschrift für Kurt Horedt (Rahden/Westf. 1999)*, 143-165.
- Říhovsky 1979:** J. Říhovsky, Die Nadeln in Mähren und dem Ostalpengebiet. *PBF* XIII, 5. (München 1979).
- Sava 2009:** V. Sava, Descoperiri neolitice și de epoca bronzului de la Macea "Topila" (județul Arad). *Crisia* XXXIX, 2009, 17-40.
- Sava 2011:** V. Sava, Gornea-Kalakača Discoveries from Felnac „Complexul Zootehnic”, Arad County. *Brukenthal Acta Mvsei* VI.1, 2011, 83-95.
- Sava, Andreica 2013:** V. Sava, L. Andreica, Social Identity in the Lower Mureş Basin During the Late Bronze Age: Two Seal-Headed Pins from Pecica "Site 14" Cemetery. In: (eds. I.V. Ferencz, N.C. Rîșcuța, O.T. Bărbat) *Archaeological Small Finds and Their Significance. Proceedings of the Symposium: Costume as an Identity Expression (Cluj-Napoca 2013)*, 49-76.
- Sava, Gogâltan 2014:** V. Sava, F. Gogâltan, Munar "Weingarten = Wolfsberg", Arad County. In: (eds. F. Gogâltan, C. Cordoș, A. Ignat) *Bronze Age tell, tell-like and mound-like settlements at the eastern frontier of the Carpathian Basin. History of research (Cluj-Napoca, 2014)*, 123-128.
- Sava, Ignat 2014:** V. Sava, A. Ignat, Acquiring significance. Constructing warrior's identity at the Lower Mureş Basin. *Annales D'Universite "Valahia" Targoviste. Section D'Archeologie et D'Histoire* XVI, 1, 2014.
- Sava, Ignat 2016:** V.Sava, A. Ignat, The Beginning of the Late Bronze Age in the Lower Mureş Basin. An Overview. In: (eds. F. Gogâltan, C. Cordoș) *Prehistoric settlements: social, economic and cultural aspects. Seven studies in the Carpathian area (Cluj-Napoca 2016)*, 181-199.
- Sava 2016:** V. Sava, The Archaeological Site of Felnac "Complexul Zootehnic" (Arad County). *Discussions on the Late Bronze Age Settlement and Cemetery. Ziridava. Studia Archaeologica* 30, 2016, 69-108.
- Sava, Hurezan, Mărginean 2011:** V. Sava, G.P. Hurezan, F. Mărginean, Şagu "Sit A1_1" o aşezare a epocii finale a bronzului la Mureşul de jos/A Late Bronze Age Settlement on the Lower Mureş (Cluj-Napoca 2011).
- Sava, Hurezan, Mărginean 2012:** V. Sava, G.P. Hurezan, F. Mărginean, Late Bronze Age Metal Artefacts Discovered in Şagu, Site "A1_1", Arad – Timișoara Highway (km 0+19.900 –0+20.620). *Ziridava. Studia Arheologica* 26/1, 2012, 83-107.
- Sava, Gogâltan, Krause 2019:** V. Sava, F. Gogâltan, R. Krause, First Steps in the Dating of the Bronze Age Mega-Fort in Sântana-Cetatea Veche (Southwestern Romania) (in press).
- Sánta 2004:** G. Sánta, A Halomsíros Kultúra Zákányszék Határában. A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve. *Studia Archaeologica* X, 2004, 53-80.
- Sánta 2010:** G. Sánta, The settlements of Tumulus Culture in Hungary. *Antaeus* 31-32, 2010, 513-528.
- Sicherl 2004:** B. Sicherl, Studien zur mittelbronzezeitlichen Bewaffung in Tschechien, dem nördlichen Niederösterreich und der südwestlichen Slowakei. *Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie* 107 (Bonn 2004).
- Soroceanu 2012:** T. Soroceanu, Die Kupfer- und Bronzedepts der frühen und mittleren Bronzezeit in Rumänien, Cluj-Napoca (Bistrița 2012).
- Sørensen, Rebay-Salisbury 2009:** M.L. Stig Sørensen, K.Rebay-Salisbury, Landscapes of the body. Burial of the

Middle Bronze Age in Hungary. *European Journal of Archaeology* 11(1), 2009, 49-74.

Szeverényi, Priskin, Czukor 2014: V. Szeverényi, A. Priskin, P. Czukor, Csanádpalota – Juhász T. Tanya (M43 55. Lh.) késő bronzkori erődített település feltárása: előzetes jelentés a 2011-2013. évi ásatások eredményeiről. *A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve 2014, Új folyam 1. számából*, 35-60.

Szabó 2004: V.G. Szabó, 2004b, Ház, település és településszerkezet a késő bronzkori (Rei. Bz. D, HA, HB periódus) Tisza-vidéke. *ΜΩΜΟΣ II. Óskoros Kutatók II. Összejövetelének konferenciakötete Debrecen, 2000, November 6-8 (Debrecen 2004)*, 137-170.

Szentmiklosi et al. 2011: A. Szentmiklosi, B.S. Heeb, J. Heeb, A. Harding, R. Krause, H. Becker, Cornești-Iarcuri - a Bronze Age town in the Romanian Banat? *Antiquity* 85, 2011, 819-838.

Trogmayer 1975: O. Trogmayer, *Das Bronzezeitliche Gräberfeld bei Tápé* (Budapest 1975).

Trogmayer, Vörös 1994: O. Trogmayer, G. Vörös, Sie sahen der Mauern Trojas. *Kunstgewerbe der Bronzezeit in Südostungarn. Sonderausstellung im Museum für Urgeschichte Aspern/Zaya 1. April-15. November 1994 (Aspern 1994)*.

Trogmayer, Szekeres 1968: O. Trogmayer, L. Szekeres, Prilog istoriji kasnog bronzanog doba Vojvodine. *Rad Vojvodjanskih Muzeja 15-17, 1966-1968*, 17-30.

Urák, Sava, Dimache 2015: M. Urák, V. Sava, M. Dimache, Bringing to light an ancient miscarriage. A Late Bronze Age jar with human remains from the Lower Mureș. In: (ed. A. Dobos et al.) *Archaeologica Transylvanica. Studia in honorem Stephani Bajusz (Cluj-Napoca - Budapest 2015)*, 23-33.

Vulpe 1970: A. Vulpe, *Die Äxte und Beile in Rumänien I. PBF IX.2 (München 1970)*.

Willvonseder 1937: K. Willvonseder, *Die mittlere Bronzezeit in Österreich (Leipzig-Wien 1937)*.

Ana Ignat (Deac), MA, Romania, e-mail: annushka.ignat@gmail.com

Victor Sava, PhD, Arad Museum, G. Enescu Square, no. 1, Arad, Romania, e-mail: sava_vic@yahoo.com

Vasile Haheu

**Structurile de habitat ale geților timpurii din spațiul carpato-nistrean
(mijlocul sec. VII – sec. V a.Chr.) în contextul peisajului cultural arheologic
(cu privire la originea culturii getice)**

Key words: Getian culture, cultural transformation, habitation structures, the cultural-archaeological landscape.

Cuvinte cheie: cultura getică, transformări culturale, structuri de habitat, Peisaj cultural arheologic.

Ключевые слова: гетская культура, культурные трансформации, жизнедеятельные структуры, культурно археологический пейзаж.

Vasile Haheu

Living structures of early Getae in the Carpatho-Nistrean space (middle of VII-V centuries BC) in the context of the cultural landscape (about the origin of the Getian culture)

The previous archaeological culture that preceded the Getian era is represented by the Basarabi-Șoldănești massive, showing links of relationships between these successive structures. Basarabi-Șoldănești has a specific placement of sites in lower places and plains. The settlements were placed on lower terraces, and life in them went on according to some internal laws and innovative appearances of latent evolution. At some point in the middle of the VII century BC, the region sees serious changes in the cultural and archaeological landscape. In nature, we see a change in climate, which cools down significantly. The settlements on lower grounds disappear, the population moves up to higher grounds. Fortifications, as habitat structures, begin to appear. In the anthropogenic aspect, we can see intrusive objects appearing in the region. On the North West shoreline, Greek colony cities appear, emerge with representatives of the most performant culture of the era. Some waves of nomadic Scythians come through from the east. The plain between the Danube and the Carpathians is strongly impacted by the Illyrian factors. The relationships between locals and intruders were different but overall peaceful, integrating various cultural interferences. In our opinion, the changes of the cultural archaeological landscape from the region led to the main circumstances that provoked the known cultural transformations at the end of the Hallstatt era and the appearance of the early Getian culture.

Vasile Haheu

Structurile de habitat ale geților timpurii din spațiul carpato-nistrean (mijlocul sec. VII – sec. V a.Chr.) în contextul peisajului cultural arheologic (cu privire la originea culturii getice)

Cultura arheologică precedentă celei getice timpurii este reprezentată de masivul Basarabi-Șoldănești, tradițional opținându-se legăturile de rudenie între aceste structuri succesive. Pentru Basarabi-Șoldănești este specifică amplasarea siturilor în locuri joase, de câmpie – pantele line ale văilor, terase ale râurilor, viața decurgând în ele conform unor legități interne cu apariții inovaționale evolutive latente. Dar undeva spre mijlocul sec. VII a.Chr. în euroregiune survin schimbări serioase în peisajul cultural arheologic. În aspect natural are loc schimbarea climei. Dispar așezările din locurile joase, de câmpie, populația fondându-și așezările în locuri înalte. Apar fortificațiile ca tip de structură de habitat. În aspect antropic, în regiune sunt atestate componente culturale intrusive. În zona litoralului nord-vest pontic apar orașele colonii grecești, cu reprezentanți ai celei mai performante culturi de epocă. Dinspre est pătrund în câteva valuri și direcții sciții nomazi. Partea de câmpie dintre Dunăre și Carpați este puternic afectată de factorul iliric. Relațiile dintre autohtoni și intrusivi erau diferite, dar în general pașnice, înregistrându-se și importante interferențe culturale. În opinia noastră, schimbările peisajului cultural arheologic au fost unele din circumstanțele principale care au provocat cunoscutele transformări culturale și implicit apariția culturii getice timpurii.

Василе Хахеу

Жилищные структуры раннегетской культуры днестровско-карпатских землях (середина VII – V вв. до Р.Х.) в контексте культурно археологического пейзажа (к вопросу о генезисе гетской культуры)

Археологическая культура, которая предшествует раннегетской, представлена массивом Басарабь-Шолдэнешть, с которым она считается родственной. Для последнего характерны открытые поселения, расположенные в низких местах – невысокие террасы, небольшие склоны и др., где жизнь проходила по своим внутренними эволюционированными законами. Но где-то в середине VII века до Р.Х. в регионе происходят серьезные изменения в культурно археологическом пейзаже. В отношении природы имеет место изменение климата. Исчезают поселения в низких местах, население перебазируется на высоких местах. Появляются городища как тип структуры жизнедеятельности. В отношении человеческого фактора этой картины в регионе отмечены пришлые культурные компоненты. В северо-западные прибрежные зоны появляются греческие города-колонии с представителями самой развитой культурой эпохи. С востока, в нескольких волн и направлениях проникают скифы-кочевники. Долина между Карпат и Дунаем находится под

сильной иллирийской влиянием. Отношения между местными и пришлыми культуры разные, но в основном мирные. Регистрируются важные взаимокультурные влияния. В нашем понимании, изменения в культурно-археологическом пейзаже является одним из главных обстоятельств, спровоцировавшего известные культурные трансформации и, как результат, появлению гетской культуры.

Perioada hallstattiană târzie (mijlocul-sfârșitul sec. VII – sec. V a.Chr.) pentru spațiul carpato-nistrean constituie o epocă de spectaculoase transformări culturale finalizată cu apariția culturii getice timpurii. Supoziția expusă, nu constituie de fapt o axiomă unanim acceptată.

Discuțiile privind apariția culturii getice în spațiul carpato-nistrean continuă de mai bine de un secol și se pare că sunt încă actuale și în prezent. La acest moment, opiniile referitor la apariția culturii getice timpurii în arealul desemnat se reduc la două. Unii cercetători susțin caracterul ad-venit al acesteia de la sud de Dunăre undeva la sfârșitul sec. VI a.Chr. [Tkaciuk 1994, 215-256; 1999, 274-304; Kashuba 2001-2002, 262; Levin-schi 2003-2004, 255-264; 2010, 43-53] și atunci, apare o întrebare – când și cum s-a constituit ea acolo, precum și cum a ajuns aceasta în spațiul discutat. Un alt punct de vedere, adept al căruia suntem și noi [Nikilitse 1987, 3, 40; Arnăut 2003, 5; Kashuba, Haheu, Levitskii 1999, 120-127; Kashuba, Haheu, Levitski 2000; Haheu 2003; 220-230; 2007, 155-160; 2010, 129-142], argumentează caracterul local al apariției noii culturi ca rezultat al transformărilor culturale ale componentelor autohtone hallstattiene târzii, grație unor spectaculoase schimbări ale peisajului cultural-arheologic (PCA) natural și antropic în regiune. Cultura arheologică precedentă celei getice timpurii este reprezentată de masivul Basarabi-Șoldănești, tradițional opinându-se legăturile de rudenie între aceste structuri succesive. Pentru Basarabi-Șoldănești este specifică amplasarea siturilor în locuri joase – pantele line ale văilor, terasele inferioare ale râurilor, pâraielor și doar rareori, pe locuri mai înalte [Levițki 1994, 185]. Referitor la microzona Saharna, aceștia preferau suprafețe pe trepte cu altitudini inferioare (față de cele din jur), pe forme de relief aproape plate [Băț, Asăndulesei 2017, 41]. Viața decurgea în ele conform unor legități interne cu apariții inovaționale evolutive rare și latente. Dar undeva spre mijlocul sec. VII a.Chr. în regiune survin schimbări serioase în peisajul cultural arheologic. În aspect natural are loc schim-

barea climei. Dispar așezările din locurile joase, de câmpie, populația fondându-și așezările în locuri înalte. Apar fortificațiile ca tip de structură de habitat. În aspect antropic, în regiune sunt atestate componente culturale intrusive. În zona litoralului nord-vest pontic apar orașele colonii grecești, cu reprezentanți ai celei mai performante culturi de epocă. Dinspre est pătrund în câteva valuri și direcții scității nomazi. Partea de câmpie dintre Dunăre și Carpați este puternic afectată de factorul iliric. Relațiile dintre autohtoni și intrusivi erau diferite, dar în general pașnice, înregistrându-se și importante interferențe culturale între aceștia. În opinia noastră, schimbările PCA au fost una dintre circumstanțele principale ce au provocat cunoscutele transformări culturale și implicit apariția culturii getice timpurii. Doar succint mai invocăm un moment. Mai mulți dintre autorii care insistă asupra caracterului ad-venit al geților la nord de Dunăre și mai ales în spațiul dintre Prut și Nistru (I. Bruiako, M. Tkachiuk, M. Kashuba), spre îndreptățirea schemelor proprii de succesiuni cultural-cronologice au fost nevoiți să inventeze noțiunea de *hiatus cronologic*, susținând că între sfârșitul culturii Basarabi-Șoldănești (mijlocul sec. VII a.Chr.) și apariția culturii getice (mijlocul-sfârșitul sec. VI a.Chr.) ar exista un interval de timp de 100-150 de ani când aceste teritorii sunt pustii, nefiind atestată nici o cultură arheologică locală, decât cea specifică primelor elemente scitice. Cel mai bine a lămurit această situația însăși un adept al teoriei hiatusurilor în evoluția istorică: „Probabil, cea mai mare densitate de evenimente revin acelor perioade, pe care arheologii le fixează în calitate de întreruperi sau hiaturi în dezvoltarea culturilor arheologice... Permanent sunt prezente și se împletesc potențialul inovator și cel al continuității, tradițional... În acest caz, dispariția totală a populației precedente era, cel mai probabil, un caz excepțional, deși rareori se termina și fără pătrunderi ale unui număr sau altul de noi veniți străini” [Shchukin 1994, 13].

Începând cu perioada hallstattiană timpurie platoul Moldovei de Nord constituie o zonă de

interferențe culturale între comunitățile tracice și cele contemporane din est, din care rezultă un grup cultural cu caracter mixt, care evoluează în continuare, inclusiv în perioada hallstattiană târzie [Levițki 1998, 34-45]. Într-o lucrare recentă expunem mecanismul acestor interferențe culturale [Kashuba, Haheu, Levitski 2001-2002, 120-121].

Unul dintre specificurile spațiului carpato-nistrean este determinat de poziția oarecum meridională a regiunii în cadrul continentului, de unde reiese un important factor geografic. Vorbim despre amplasarea avantajoasă a teritoriului, care reprezintă o zonă situată la confluența a trei subdiviziuni ale continentului european: Europa de Est, Europa de Sud-Est și Europa Centrală. Pentru mai multe etape istorice, această poziționare a favorizat procesele de migrațiune reciprocă, de interacțiune și interpătrundere a comunităților etnoculturale [Dergaciov 2010, 36-37]. Pentru un timp îndelungat regiunea a constituit o veritabilă zonă de contact [Dergachev 1992, 26-31], pentru care era caracteristică o dinamică deosebită în dezvoltarea proceselor etnice, culturale și sociale. Pe de altă parte, o importanță indiscutabilă o avea prezența la periferiile regiunii a unor bariere naturale – Carpații răsăriteni și Marea Neagră, care au determinat esențial căile și dinamica migrațiilor comunităților umane, dezvoltarea relațiilor etnoculturale și comerciale. Cu timpul, aceste trasee se generalizează, evidențiindu-se cel de pe cursul inferior al Dunării, care lega regiunea carpato-nistreană cu Europa de Est și cu Balcanii; din cursul superior al Nistrului spre Europa Centrală; prin pasurile Carpaților Orientali (Oituz, Prisăcani, Dorna etc.) spre zona intracarpatică și teritoriile de la Dunărea de Mijloc [Dergaciov 2010, 37]. O ultimă caracteristică a regiunii cu un impact aparte în evoluția istorică a teritoriului în discuție a avut-o divizarea acestuia în două zone de relief și climaterice distincte – silvostepa cu condiții propice dezvoltării agriculturii și stepa, în care se obișnuia creșterea animalelor, dar despre asta ceva mai jos. Pentru mileniul I a.Chr. zona Nistrului mijlociu reprezenta un anumit centru culturogenetic, impulsurile căruia dădeau tonalitatea dezvoltării culturale a regiunilor de silvostepă a spațiului carpato-nistrean. Una dintre primele manifestări ale acestuia a fost semnalată pentru perioada hallstattiană timpurie [Kashuba, Haheu, Levitski 2001-2002, 121]. Resursele energiei cinetice a acestei ex-

plozii au fost suficiente și pentru următoarea etapă de la mijlocul – a doua jumătate a sec. VIII a.Chr., când cu aportul unor impulsuri externe, ca rezultat al unor transformări culturale apare cultura Basarabi-Șoldănești. În sfârșit, finalul acestor procese spectaculoase revine celei de-a doua jumătăți a sec. VII a.Chr., perioada genezei culturii getice. Este din nou rezultatul unor faimoase transformări culturale cauzate de importante schimbări ale PCA (natural și antropoc) în regiune, la care vom stăruii mai pe larg ceva mai jos. Anticipând, constatăm că din nou procesul este intensificat de „catalizatori” antropici intrusivi. De data aceasta este vorba despre apariția orașelor-colonii grecești în zona litoralului nord-vestic a Pontului, apariția grupurilor de călăreți din est care „bulversează” regiunea, prezențele ilirice din spațiul carpato-dunărean, precum și influențele sud-tracice [Nikulitse 1987, 40], care declanșează schimbări etnoculturale pe un spațiu atât de mare, modificând întreg spectrul de aspecte pentru majoritatea componentelor comunitare umane – schimbarea topografiei structurilor de habitat și apariția fortificațiilor, elementelor tehnico-tehnologice ale culturii materiale, conținutul lumii spirituale – în expresia lui G. Simion: „...altă organizare, altă lume, altă civilizație...a geților vechi”. Tot aici, autorul înaintează problema evidențierii „tuturor factorilor care au produs dispariția unor vechi culturi și bulversarea evoluției firești a societății din sec. VII-V a.Chr. pe arii atât de extinse” [Simion 1989, 214-215]. Suntem de acord cu majoritatea componentelor supuse schimbării enumerate mai sus, dar nu credem că este vorba și de *altă lume*, decât că nu este vorba despre schimbarea fizică a oamenilor: „civilizațiile dispar, oamenii rămân” [Belkin 2003, 133].

Ceva mai înainte, procesele etnoculturale de la sfârșitul epocii hallstattiene au fost desemnate în calitate de „dialoguri crossculturale” [Bruiakko, Tkachuk 1994, 27-31]. Pentru început autorii enumeră participanții la aceste procese de interferențe culturale. Imediat după cultura Basarabi-Șoldănești (sec. VIII – prima jumătate a sec. VII a.Chr.) în zonele de silvostepă sunt semnalate vestigiile scitice timpurii. După o anumită lacună, în a doua jumătate a sec. VI – începutul sec. V a.Chr. este înregistrat un nou val scitic (Suruceni, Nicolaevca), pentru ca în sec. IV a.Chr., necropolele scitice să acopere întreg teritoriul interfluviului Nistru-Dunăre, iar în jurul anu-

lui 300 a.Chr. cu mici excepții (grupul Tiraspol etc.) acestea să-și înceteze existența [Bruiako, Tkachuk 1994, 27-28]. De fapt, cercetările din ultimele mai bine de două decenii în împrejurimile s. Hlinoiaia demonstrează că prezența vestigiilor scitice durează până în al treilea sfert a sec. II a.Chr. [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 965-966]. Revenind la autorii de mai sus, pentru perioada de la sfârșitul sec. VI – sfârșitul sec. V a.Chr. în zona de centru a Moldovei și pe cursul inferior al Nistrului este atestat grupul Pârjolteni-Dănceni-Olonești, caracterizat printr-un sincretism cultural traco-scitic. Nemijlocit pentru cultura getică, aceasta evoluează pe întreaga perioadă a sec. VI-III a.Chr. doar la sud de Dunăre, în Dobrogea, pe când în interfluviul Nistru-Prut limita inferioară a acesteia este începutul sec. IV a.Chr., iar cea superioară – până în primul sfert – mijlocul sec. III a.Chr. [Bruiako, Tkachuk 1994, 28]. Ulterior, M. Tkaciuk aprofundează de unul singur aceste postulate [Tkaciuk 1994, 215-256; Tkachuk 1999, 274-304]. Și pentru perioada campaniilor lui Alexandru și Zopyrion autorul susține că geții erau „ca și sciții, stăpâni pe malul stâng al Dunării” [Tkaciuk 1994, 218]. Pentru perioada sec. VI-V a.Chr. se propune a întrevădea nu cultura getică timpurie, ci o anumită comunitate complexă, a cărei apartenență etnică nu poate fi determinată univoc, fiind vorba despre „un orizont de monumente asemănătoare...prin eterogenitatea sa”, în care nu se întrevăde vatra de culturogeneză a culturii getice din sec. IV-III a.Chr. [Tkaciuk 1994, 218].

O poziție oarecum asemănătoare pentru originile culturii getice în pământurile carpato-nistrene este expusă de către Al. Levinskii [Levinskii 2005, 255-264; Levinskii 2010, 43-53]. Suntem de acord cu autorul în ce privește necesitatea *reevaluării* apartenenței anumitor obiective (așezări deschise, fortificații, complexe funerare) la cultura getică (inclusiv datarea structurilor), atribuite mai ales în perioada imediat postbelică de studiu a acestora. Harta elaborată și propusă în anul 2010 pare a fi de perspectivă [Levinskii 2010, ris. 1]. Dar în continuare, autorul susține că apariția geților în silvostepa dintre Prut și Nistru este exclusiv în legătură cu campania lui Darius, regele Persiei contra sciților, petrecută undeva în anul 512/514 a.Chr., când acesta, înainte de a trece Istrul „birui pe geții care se cred nemuritori”, incorporându-i în armata sa. După nereușitele campaniei, și temându-se de sciți dar și de faptul că nu va mai

avea podul de peste Dunăre pentru a se retrage, Darius părăsește pe ascuns tabăra, abandonând tot ce era de prisos, inclusiv pe geți. Ultimii, fugind din fața sciților se retrag în silvostepa prutonistreană, ascunzându-se în păduri și rămânând ulterior aici [Levinskii 2010, 50]. Astfel, cultura getică prin respectivii săi purtători – ostașii-geți din ariergarda lui Darius – devine reprezentativă pentru zona în discuție.

Am mai subliniat și cu alte ocazii că o asemenea abordare trezește mai multe întrebări, decât lămuriri întemeiate ale procesului. Schema propusă este mai mult imposibilă și chiar inacceptabilă. Că zona Dobrogei constituie unul dintre focarele de constituire a noii culturi este un fapt unanim acceptat. Alături de altele, o propuneam și noi [Kașuba, Haheu, Levițki 2000]. Caracterul șubred al supoziției emise de către Al. Levinskii nu rezistă nici în cel mai simplu caz: în situația în care campania lui Darius nu ar fi avut loc, sau s-ar derulat pe un alt itinerar – Caucazul de Nord. Nu este pentru prima dată când *credibilitatea* lui Herodot este pusă la îndoială [Vasilescu 2007, 117-127].

Admitem că acești geți ajunși aici aveau suficiente deprinderi de constructori, meșteșugari și agricultori – doar urmau să dezvolte în regiune cultura pe care au adus-o cu ei. Mai rămâne o întrebare. Cu siguranță în armata auxiliară a lui Darius fuseseră încorporați doar bărbați. Pe cine au găsit ei aici pentru a-și continua viețile umane obișnuite? Veșnica problemă – femeile. Și ultima, acești geți fugari ajungând în pădurile din silvostepa dintre Prut și Nistru. Dar care este situația de la vest de Prut? De unde și cum apar geții aici? O asemenea posibilă schemă *simplistă* pentru a lămurii o problemă atât de complexă este destul de neconvingătoare.

M. Tkaciuk consemnează apariția culturii getice (la sud de Dunăre) prin substituirea tipului I de vase ceramice prin tipul IX [Moscalu 1983], constatând că aceste două forme ceramice niciodată nu se întâlnesc împreună, iar tipul IX rezultă din tipul I la care a fost abandonat/retezat gâtul oarecum înalt a vasului, după care aceasta ajunge în spațiul prutonistrean [Tkaciuk 1994, 227]. Al. Levinskii aduce între Prut și Nistru cultura getică prin geții „de dincolo de Istru” din ariergarda lui Darius [Levinskii 2010, 50]. Credem că problemele sunt prea ample și importante pentru a fi lămurite prin reconstituiri aparent logice, dar lipsite de argumentări serioase.

Nu credem că un asemenea fenomen cultural de ansamblu, precum apariția culturii getice în spațiul carpato-nistrean merită o asemenea abordare.

În sfârșit, M. Kaşuba susține că vatra culturo-genetică de la Dunărea de Mijloc în secolele XII-VIII a.Chr. determina dezvoltarea culturală a zonei de silvostepă din interfluviul Nistru-Prut, dar în sec. VII a.Chr. aceasta încetează a mai pulsa. În așa fel, silvostepa Basarabiei, până atunci alimentată de acest focar, resimte o enormă criză demografică, nefiind atractivă nici pentru populația din silvostepa nordului pontic. În continuare autorul conchide că „din sec. VI a.Chr. situația se schimbă treptat și din pământurile de vest – sud-vest în regiune pătrund anumite grupuri (?) de populație nord-tracică” [Kashuba 2001-2002, 262]. Fără a intra în discuții doar constatăm că în același jurnal este publicată monografia noastră [Kashuba, Haheu, Levitskii 2001-2002, 118-223], unde se argumentează originea locală a culturii getice timpurii în a doua jumătate sfârșitul sec. VII – sec V a.Chr., iar partea de sud a silvostepii de pe Nistru (macrozona Saharna) este propusă în calitate de posibil focar al acestor importante procese. Am răspuns într-un fel acestor expuneri înaintate oarecum tendențioase și fără suporturile de rigoare, demonstrând caracterul local de constituire și consolidare a culturii getice la nord de Dunăre și în particular în interfluviul Nistru-Prut [Kashuba, Haheu, Levitskii 1999, 121-127; Kaşuba, Haheu, Levițki 2000; Kashuba, Haheu, Levitskii 2001-2002, 118-223; Haheu 2003 220-230; 2007, 155-160; 2010, 129-142 etc.]. Abordând problema *Hallstattului târziu*, Al. Vulpe subliniază că limita superioară a acestuia este marcată de evenimentele care „au dus la dezmembrarea sau mai bine spus, transformarea culturii Basarabi...la sfârșitul sec. VII sau la începutul sec. VI a.Chr.?” În continuare autorul subliniază caracterul artificial al liniei de cezură dintre Hallstatt și Latène, element ce duce la datări diferite ale unor situri sincronice, subliniind că în general este vorba despre cultura getică (dominantă – n.n.), în condițiile prezenței unor populații cu o cultură materială de altă origine [Vulpe 1970, 187-188]. Urmează o decizie extrem de importantă pentru înțelegerea epocii și regiunii – se propune renunțarea la denumirile de Hallstatt târziu și Latène, precum și la denumirea unei culturi materiale cu un termen etnic, propunând *perioada Ferigile, Zimnicea-Murighiol*

[Vulpe 1970, 188]. Ceva mai înainte se evidențiasse grupul *Alexandria, Canlia* [Preda 1960, 25-38; Alexianu, Dumitroaia 1990, 125-133]. Doar printr-o asemenea abordare la care am adăuga și determinarea fiecărui obiectiv aparte se pot lămurii fenomenele și procesele epocii în discuție. Mai mulți cercetători înaintează supoziția că purtătorii vestigiilor Bârsești, Ferigile, Tigveni etc. reprezintă deja primele manifestări materializate ale geților [Vulpe 1970, 192; Teodor 1999, 15]. Este cazul deja semnalat în literatura de specialitate despre existența populației în lipsa *etnonim*-ului, exact ca extremă a persistenței ultimului în lipsa purtătorilor [Tkaciuk 1998, 60-86].

Perioada hallstattiană târzie (mijlocul-sfârșitul sec. VII – sec.V a.Chr.), constituie într-adevăr un segment temporal oarecum dificil pentru determinări și atribuire etnoculturale. Ceva mai clar stau lucrurile cu descoperirile funerare, care având, în general, un caracter mai eterogen prezintă posibilitatea reconstituirii coloritului lor cultural. Lucrurile sunt mai complicate cu structurile de habitat. Și nu este vorba despre numărul acestora în spațiul desemnat, ci de imposibilitatea de a le structura în aspect cronologic. S-a atenționat în repetate cazuri că materialul ceramic – această cea mai numeroasă categorie de artefacte provenite din așezări – pentru o bună parte a mileniului I a.Chr. prezintă un caracter relativ amorf, persistând o perioadă îndelungată de timp, încât este dificil a o delimita în fracțiuni temporale precise și mai înguste. Este necesar ca aceasta să fie găsită în contexte cu vestigii ce au o pondere de indicatori cronologici siguri.

În ultimul timp o atenție sporită se acordă unui aspect mai complex al existenței/locuirii umane într-un anumit loc și epocă istorică – PCA (*Landscape, Landschaftkunde, Kulturlandschaft*). De curând, problema a fost abordată în diverse forme și pentru spațiul în discuție [Onica 2016; 155-158; 2017; Munteanu 2015, 63-80; Haheu 2017, 51-65]. O semnificație distinctă, din acest punct de vedere se acordă noțiunilor de *loc* și *spațiu*, în care spațiul are o conotație abstractă, fără substanță materială, în timp ce locul prezintă modalitatea prin care individul/comunitatea este atrasă conștient de un anumit segment al spațiului. Dintre schemele existente ce caracterizează această noțiune, mai acceptabilă ne pare cea compusă din trei elemente ale PCA (natural și antropic) – *natural*,

social și de producție. Fiecare dintre acestea în parte prezintă o multitudine de componente diferite, dar care se completează, creând un ansamblu armonios. Geograful V. Mihăilescu menționa în acest sens că „Geografia omului, antropogeografia sau geografia umană ar trebui să facă parte din geografia vieții sau biogeografie. Din cauza deosebitei importanțe a omului ca locuitor și produs al mediului geografic (natural și social) și ca agent al transformării peisajului, această disciplină face însă corp aparte în geografie ca știință”. Se subliniază rolul geografiei istorice, înțelegerea faptului că omul este *producător și consumator* în același timp, punând accentul pe *peisajul umanizat* [Mihăilescu 1969, 226].

De curând o abordare prin prisma PCA a fost realizată de către O. Munteanu pentru siturile arheologice din microzona Horodca Mică, în special cu referire la situația natural-geografică a zonei – relieful, condițiile climaterice, caracteristicile solului, vegetația, resursele acvatice [Munteanu 2015, 63-80], precum și pentru siturile din zona Saharna [Niculiță, Zanoci, Băț 2015, 21-47]. Fiind o structură complexă, PCA cuprinde în sine abordări din diverse științe naturale și sociale: istorie, arheologie, antropologie, etnologie, geografie, climatologie, ecologie etc. Într-un fel, este problema organizării funcționale a spațiului în contextul sedentarizării unor comunități umane [Munteanu 2015, 64]. O asemenea abordare în contextul și prin prisma arheologiei spațiale a fost propusă ceva mai înainte, dar mai mult pentru aspectul organizării sociale a comunităților umane din preistorie. În cazul unui PCA se încearcă evidențierea existenței (sau nu) unor legături între particularitățile peisajului natural (inițial) și siturile arheologice ale unei culturi arheologice – în cazul nostru sedentare de agricultori (tracii septentrionali), de aici importanța caracterul atractiv al primului. Epoca și nivelul de dezvoltare a purtătorilor culturii presupunea ca locurile care urmau să fie valorificate pentru trai să dispună de maximum posibilități pentru ocupațiile cotidiene ale acestora, din care reieșea asigurarea cu hrană, resurse materiale naturale, asigurarea securității comunitare etc. Nu mai puțin importante erau dezideratele siguranței și protejarea locuitorilor. Tuturor cerințelor corespundea regiunea de silvostepă a spațiului carpato-nistean, unde se și concentrează majoritatea siturilor tracilor septentrionali. [Nikulitse 1987,

karta 3; Teodor 1999, harta 1; Arnăuț 2003, harta 1]. Dar și în cadrul acestui teritoriu se observă preferințe pentru anumite zone cu concentrații de habitat, constatându-se și spații în care situările traco-getice lipsesc cu desăvârșire ori sunt reprezentate doar sporadic. Este vorba despre stepa Bugeacului (cu excepția luncii Prutului Inferior), stepa Bălților și Podișul Moldovei de Nord. Într-un fel sau altul, cartografierea siturilor indică și o discrepanță în ce privește răspândirea diferitelor tipuri de monumente – fortificații și așezări deschise. Prezintă interes harta localizării siturilor de epocă, realizată de către A. Levinschi într-un stil strict de „purificare” a artefactelor, din care rezultă concentrarea structurilor doar în anumite limite geografice. Pentru interfluviul Nistru-Prut acestea sunt bazinul mijlociu al Nistrului, luncile râurilor Răut, Bâc și Botna [Levinski 2010, ris. 2]. Mediul natural are o mare influență asupra condițiilor de viață a oamenilor, pe care aceștia îl completează și îl schimbă pe parcursul istoriei. Caracterul interacțiunii acestora se schimbă în legătură cu schimbările de mediu, dar și a omului în calitate de ființă biologică și socială [Kishliaruk 2004, 217].

Componentele PCA sunt naturale și antropice. La primele se atribuie relieful, caracteristicile solului, clima, sursele acvatice, vegetația, lumea animală. Dintre acestea majoritatea sunt mai mult sau mai puțin stabile. Unicul element care se modifică periodic și ciclic este cel climateric. Am caracterizat de curând componentele fixe ale PCA [Haheu 2017, 58-63], aici urmând a le trece doar succint în revistă.

În aspect geografic teritoriul în discuție are o amplasare intermediară în zona de interferență între pădure și stepă, între munți și câmpie, între climatul continental și cel maritim. În aspect biogeografic, acesta este situat la contactul a trei zone: Central-Europeană (Podișul Central al Codrilor); Euroasiatică (regiunile de silvostepă și stepă); Mediteraneană (fragmente de silvostepă xerofilă din sud) [Mihăilescu 2004, 10]. Poziția intermediară cu îmbinarea factorilor respectivi (litologici, orografici, pedologici și climatici) a condiționat un peisaj unicat și diversificat a spațiului. Pe parcursul istoriei aceste oferte ale naturii au fost fructificate pe măsură de către înaintașii noștri. Foarte atrăgătoare erau pajiștile cu ierburi înalte din luncile râurilor, stepele de negară, firuțe și păiuș de pe pantele văilor și vâlcetelor, precum și culmile împădurite ale colinelor

[Mihailescu 2004, 11]. Amplasarea în zona temperată a continentului european determină condițiile climatice, învelișul pedologic, diversitatea florei și faunei – toate componentele particularităților peisagistice ale euroregiunii. Specificul naturii a fost dintotdeauna determinat de diversitatea peisajelor naturale și contrastul ridicat al condițiilor climatice. Dintre tipurile de peisaje pentru un areal atât de limitat se poate invoca: podișurile și înălțimile acoperite cu păduri de foioase; platouri și câmpii înalte, deluroase, cu vegetație de silvostepă și fânează; câmpiile colinare slab ondulate și terasate cu asociații vegetale ierboase; arii de luncă cu vegetație ierboasă și arboricolă priavatică etc. [Mihailescu 2004, 11]. Diferențierea și evoluția acestora a fost în timp, influențată de factorii naturali (obiectivi): condițiile climatice, litologia rocilor materne, relieful, solurile, apele freactice și de suprafață, flora, fauna etc., la care, la un moment dat se adaugă și cei antropici (subiectivi). Peisajul natural istoric al regiunii poate fi reconstituit doar prin investigații paleogeografice. În aspect geomorfologic teritoriul prezintă o câmpie deluroasă a extremității sud-vestice a Câmpiei Europei de Est cu altitudinea medie de 147 m, puternic fragmentată de rigole, râpi, văi și vâlcele [Mihailescu 2004, 11]. Unul dintre factorii ce facilitează reconstituirea compartimentului paleogeografic al spațiului discutat este vecinătatea imediată a acestuia cu Câmpia Rusă, Marea Neagră și Dunărea, fapt ce permite corelarea situațiilor climatice între uscat și mare, precum și între Europa de Est, Centrală și de Sud.

Relieful. Pentru epocă, condițiile de relief mai speciale constituie un criteriu important în alegerea locurilor de habitat. Foarte probabil, dezideratul era impus din considerente de asigurare și securitate a traiului. Teritoriul dintre Nistru și Carpați este caracterizat de un relief în general segmentat, structurat mai ales în plan meridional [Hriban 2018, 111-112]. Aceasta a cauzat prezența masivă în regiune a promontoriilor înalte, teraselor, platourilor, înălțimilor, formele de relief erau preferabile pentru traiul tracii septentrionali. Dintre zonele cu o concentrație mai mare de situri traco-getice nominalizăm Câmpia Nistrului Inferior cu altitudinile de 20-60 m. În unitățile de podiș și deal altitudinile ajung la 280-300 m (Colinele Tigheciului și în Podișul Moldovei de Nord), de 320-350 m (Podișul Nistrului) și 400-429 m (Podișul Codrilor) [Constantinov 2010, 8]. O caracteristică importantă a reliefului este densita-

tea fragmentării acestuia. Unul dintre factorii ce au condus la formarea reliefului au fost procesele fluvi-ale. Dezvoltarea în timp a acestora a dus la apariția diferitor categorii de văi – în formă de canion (valea Nistrului în amonte de Dubăsari), valea Răutului pe cursul lui de mijloc și inferior; văi în formă de chei ale afluenților Nistrului – Ciorna, Saharna, Țipova etc. [Constantinov 2010, 12]. Spațial, zona se limitează la câteva subunități ale Subcarpaților Răsăriteni și Podișului Moldovenesc, ultimul prezentând un masiv cu aspect colinar. Spre r. Siret apare o zonă de depresiuni, confluente de ape, terase largi, având, de asemenea, un aspect colinar. Înălțimile care închid depresiunea externă nu sunt altceva decât niște platforme ce se termină în valea Siretului [Tufescu 1966, 119]. Podișul Moldovei, format în general de dealuri și coline succesive, este limitat la est de r. Prut, deși de fapt continuă până aproape de r. Bug [Mihailescu 1969, 117]. Dealurile cu coaste abrupte și platourile litologice prezintă posibilități ideale pentru apărare naturală.

Arealul amplasării structurilor traco-getice din teritoriul dintre Prut și Nistru, care în linii mari se reduce la zona de silvostepă, constituie o parte componentă a Podișului Central Moldovenesc. Relieful destul de variat și complicat este determinat de secționări verticale și orizontale mari [Rymbu 1980, 4,16]. O răspândire largă o au spațiile cu culmi de scurgere a apelor, de obicei în formă de dealuri eșalonate și platouri [Rymbu 1980, 55]. Pantele văilor și vâlcelor, de cele mai multe ori sunt abrupte sau stâncoase, puternic erodate [Rymbu 1980, 59-65]. Pe lângă râurile mari (Nistru) sunt răspândite zone cu terase înalte, abrupte și joase, ale râurilor mici (Răut, Bâc, Botna, Cogâlnic), pentru care sunt caracteristice terasele de câmpie [Rymbu 1980, 67-68]. Condițiile natural-geografice corespund în general formelor de relief și pentru spațiul în discuție sunt reprezentate de Silvostepa Nord-Moldovenească și de pădurile Moldovei Centrale – Codrii [Rymbu 1980, 72].

Caracteristicile solului. Solul s-a format în decurs de milenii pe anumite forme de relief, pe parcursul evoluției devenind un corp natural multifuncțional, strict necesar existenței ecosistemelor terestre și ale biosferei [Constantinov 2010, 31-39]. Condițiile bioclimatice fiind neomogene, au determinat formarea unui înveliș de sol complex și variat. Mai mult de 70% de sol este constituit din cernoziomuri, formând terenuri agricole. Conținutul de

humus este de 4-5% și scade spre adâncime. *Solurile cenușii* s-au format sub pădurile de stejar, gorun, carpen din Podișul Moldovei de Nord, Podișul Nistrului, și Colinele Tigheciului. Pe teritoriul Republicii Moldova se evidențiază trei zone pedogeografice: silvostepa deluroasă a Moldovei de Nord (soluri cenușii și cernoziomuri), zona pădurilor Podișului Codrilor (soluri brune și cenușii) și zona de stepă a Câmpiei Moldovei de Sud (cernoziomuri tipice și carbonatice) [Constantinov 2010, 47-59]. Solurile Moldovei au fost dintotdeauna foarte favorabile dezvoltării agriculturii.

Sursele acvatice. Nu în ultimul rând evocăm bazinele acvatice atât de importante pentru menținerea vieții și activității economice a oamenilor. Acestea sunt reprezentate de ape curgătoare (râuri), ape stătătoare (lacuri) și ape freatice. Majoritatea râurilor aparțin bazinului Mării Negre. Cea mai mare apă curgătoare este fluviul Nistru, care traversează pe teritoriul Moldovei 660 km. Până la satul Ofatinți valea acestuia este adâncă, având forma unui canion cu lățimea de 0,4-3,0 km. Afluenții principali de dreapta ai Nistrului sunt Răutul, Bâcul și Ichelul. Râul Răut curge pe o distanță de 286 km și are o rețea hidrografică bine dezvoltată, printre afluenții acestuia fiind Soloneț, Cula, Căinar, Cogâlnic. Majoritatea lacurilor sunt de luncă, formate în albiile vechi ale râurilor sau în locuri depresionare [Constantinov 2010, 40-46].

Vegetația. Poziția geografică și diversitatea realităților naturale a spațiului tracilor septentrionali au condiționat formarea unei vegetații bogate și totodată amestecate după componența sa. Teritoriul se află în două zone naturale geobotanice – de silvostepă și stepă. În cadrul acestora trec granițele a trei regiuni botanico-geografice: european cu frunza lată, mediteranean de pădure și euroasiatic de stepă [Constantinov 2010, 59]. Ecosistemele agricole de asemenea sunt destul de variate. Predomină fitocenozele cerealiere (grâu, orz, secară), pomicole (măr, prun, cireș, vișin, cais, nuc etc.), viticole, legumicole (roșii, ceapă, castraveți etc.), culturi tehnice (in, cânepă etc.) și furajere. Vegetația regiunii contribuie la menținerea echilibrului în natură, reglează regimul hidrologic al bazinelor acvatice, servește ca sursă de hrană pentru animale și om, sursă de lemn, bază medicamentară naturală, precum și servește ca fond pentru obținerea noilor specii și soiuri de cultură. Reconstituirea condițiilor de activitatea gospodărească a oameni-

lor în perioada antică este în legătură cu determinarea componenței învelișului vegetal al perioadei respective, ultimul direcționând activitățile umane. Respectiv și activitatea gospodărească a omului influența flora regiunii.

Lumea animală. Diversitatea lumii animale a regiunii este determinată de însăși poziția acesteia la interferența a trei zone biogeografice – pădurile de foioase central-europene, silvostepa mediteraneană și stepa est-europeană, care formează o fâșie de tranziție între elementele faunei de silvostepă europeană și cele ale stepei asiatice continentale [Mihăilescu 2004, 11]. Deseori speciile ecosistemelor se suprapun. Acestea sunt influențate pe parcurs de factorii naturali și antropici. După originea zoogeografică fauna este alcătuită preponderent din specii europene. Pentru pădurile de foioase sunt caracteristice pisica sălbatică, jderul de pădure, dihorul de pădure, nevăstuica, mistrețul, bursucul, cerbul comun, căpriorul etc. În trecut pădurile erau populate de bour, zimbru, urs, mistreț, lup, vulpi etc. În stepă se întâlnea tarpanul, antilopa-seiga, iepurele de câmp, ultimul fiind prezent în toate zonele. Dintre păsări enumerăm dropia, fazanul, potârnichea, culiciei etc. Majoritatea acestora au constituit în toate timpurile obiectul vânatului, care era o sursă auxiliară de completare a rezervelor de hrană umană. La tracia septentrională era pe larg practică creșterea animalelor domestice. Pe primul plan erau vitele mari cornute și ovicaprinele. Acestea asigurau populația cu carne, dar și cu produse lactate – lapte, brânză, urdă. Pentru confecționarea unor haine și încălțăminte se utilizau pieile de animale domestice și sălbatice. Într-o măsură oarecare se foloseau la confecționarea unor dispozitive de apărare în luptă – scuturi, cnemide, coifuri etc. În gospodăria se mai creșteau porci și păsări de casă. Lâna se utiliza la țesutul pânzei pentru haine. Izvoarele antice păstrează mărturie despre creșterea cailor.

Peisajele geografice. Situat în partea de sud-est a continentului european, în zona de interferență a diferitor provincii morfotectonice și bioclimatice, teritoriul în discuție dispune de câteva categorii de landșafturi/ peisaje geografice: podișuri puternic fragmentate cu vegetație de pădure, podișuri moderat fragmentate și câmpii de silvostepă, câmpii și dealuri moderat și puternic fragmentate cu vegetație de stepă. Diferențierea aceasta a fost determinată de caracteristicile morfometrice ale reliefului, specificul și intensitatea proceselor

de modelare a substratului, care la rândul său determină modul de repartiție spațială a elementelor biopedoclimatice – temperatură, umiditate, vegetație și soluri. Se evidențiază două categorii zonele de peisaje geografice: de silvostepă și de stepă [Constantinov 2010, 89-93].

Clima. Mai mulți cercetători din domeniul paleoclimatologiei afirmă că pe parcursul epocii fierului clima era apropiată celei contemporane, deși se subliniază că pentru fragmente temporale nu prea mari, clima istorică este destul de complicată și se caracterizează prin fluctuații dese [Volontir 1989]. Clima este temperat continentală. Iarna este blândă și scurtă, vara călduroasă și lungă. În medie, în partea nordică se înregistrează 1 950 de ore cu soare. Temperatura medie anuală a aerului în aceeași zonă este de 9,1°C, fiind pozitivă din martie până în noiembrie. Cantitatea medie de precipitații oscilează între 400 și 620 mm. Căderea precipitațiilor este instabilă. Pe teritoriul în discuție radiația solară globală atinge 4 309 M/m² sau 102,8 kcal/cm². Unele forme de relief (Podișul Codrilor, Podișul Nistrului, Colinele Tigheciului etc.) creează câmpuri sezoniere de precipitații. Cele mai mari cantități de precipitații cad pe sectoarele mai înalte, aflate în calea curenților de aer saturat cu umezeală. Iarna, pe întreg teritoriul în discuție predomină vânturile dinspre nord și nord-vest, în partea centrală mai fiind semnalate și cele dinspre est și sud-est. După gradul de asigurare cu umezeală și căldură, zonele agroclimatice se caracterizează în felul următor: la nord suma temperaturilor medii diurne ale aerului în decursul perioadei de vegetație activă a plantelor constituie 2 750-3 100°C, suma de precipitații – 400-475mm, iar coeficientul hidrotehnic – 1,2-1,0, situații când se asigură o umezeală optimă. În regiunea centrală indicii sunt respectiv de 3 000-3 300°C; 395-495 mm și 1,1-0,8, aceasta fiind mai bine asigurată cu căldură și umezeală [Constantinov 2010, 31-39].

Mileniul I a.Chr. corespunde fazei finale a perioadei sub-Boreale (SB-3) și începutul celei Atlantice (SA-1), determinate de ritmica climatică a fluctuației nivelului oceanului mondial. Dacă la răscrucea mileniilor II-I a.Chr. este fixată o climă uscată secetoasă în sensul clasic al cuvântului – uscat și cald, spre mijlocul mileniului I a.Chr. clima devine uscată și rece. Pentru epoca timpurie a fierului perioada SB-3 este determinată de o răcire generală însoțită de un climat puternic aridizat [Bruiaiko, Iaroshevich 2001, 17]. Se poate vorbi

despre caracterul *kriokserotik* – rece și uscat a SB-3 [Bruiaiko 1999, 29-38]. Nemijlocit la regiunea din nord-vestul Mării Negre, în rezultatul cercetărilor paleohidrologice a fost fixată o cifră medie a uscăciunii de 0,5/an, adică fiecare al doilea an era secetos. Respectiv, cade brusc valoarea anilor umezi – 0,1/an sau mai puțin – era clima umedă doar într-un an din 10-15. Scade brusc viteza de formare a humusului din sol – 0,8/an, iar pentru începutul sub-Atlanticului (mijlocul mileniului I a.Chr.) aceasta era de 10,2/an [Bruiaiko, Iaroshevich 2001, 17]. Conform indicatorilor climatici se poate spune că odată cu ariditatea ridicată, valorile temperaturii medii erau diferite de cele contemporană prin valori negative mai mari [Bruiaiko, Iaroshevich 2001, 18].

Primele informații despre clima din nord-vestul Mării Negre datează din secolele VII-VI a.Chr., când grecii încep să valorifice aceste teritorii. Relatările din această perioadă caracterizează o climă excepțional de rece. Fiind oarecum subiective și exagerate (grecii din sud fiind obișnuiți cu climă caldă și prielnică), pasajele respective din operele autorilor antici reflectă o stare de lucruri apropiată de cea reală. Herodot caracterizează mediul geografic al regiunii, descriind stepele cu soluri fertile și vegetație bogată, râuri mari bogate în apă și pește. Referindu-se la climă, autorul constată că este foarte rece, iernile menținându-se câte jumătate de an, verile fiind răcoroase și cu ploi violente. În același timp dispunem de suficiente date paleogeografice certe care confirmă pentru această perioadă răcirea climei. Este vorba despre segmentul temporal de răcire și umezeală început în jurul anului 600 a.Chr., desemnat în literatura de specialitate ca *secolele iernilor deosebit de severe* [Mihăilescu 2004, 82], segment determinat de transgresiunea Oceanului Planetar. La baza scării paleoclimatice elaborată de către A.V. Shnitnikov au fost puse ritmurile diferite după durată, dintre care cel mai important este cel de 1850 de ani, începutul și sfârșitul căruia corespunde forței maximului intensității de generare a fluxului (constelația) Oceanului Planetar [Shnitnikov 1973, 7], mai fiind cunoscute și ritmurile de scurtă durată – *ciclul Wolf-Wolfer* de 11-22 de ani și *ciclul Brikner* de 34-35 de ani [Mihăilescu 2004, 84]. Elementul-cheie al reconstituirilor paleoclimatice este curba eustatică a acvatoriei nord-vestice a bazinului Mării Negre în perioadele pleistocenul final-holocen. În aspect geocronologic epoca corespunde

punde perioadei de trecere de la *subboreal* la *subatlantic* (de la 2,5 mii de ani până în prezent). În a doua jumătate a mileniului II a.Chr. faza climatică moderată a SB-2 (maximumul termic a *subborealului* mediu) se schimbă cu SB-3 uscat (răcirea *subborealului* târziu), care durează până la mijlocul mileniului I a.Chr. Pentru segmentul sec. XII-V a.Chr. sunt opinii de a fi desemnat ca *neo-glacial* [Bruiako 1999, 82]. Apogeul schimbărilor climatice negative revine la răscrucea mileniilor II-I a.Chr. Are loc cea mai profundă regresie a bazinului Mării Negre – minus 12-13 m și scade debitul Nistrului. Periodicitatea anilor secetoși atinge nivelul catastrofal de 0,5/an, cifră care în prezent caracterizează zonele de semipusti. Ariditatea influențează creșterea orizontului de humus. Limitele zonelor de sol se mută spre nord cu o sub-zonă [Bruiako 1999, 33]. Multe regiuni, mai ales dintre cele de stepă, devin practic neprielnice pentru funcționarea economiei comunităților umane. Rezultatul fiind mutarea comunităților umane către alte locuri. Situația începe să se schimbe în jur de 500 de ani a.Chr. cu începutul *subatlanticului* SA-1, când începe etapa cu umiditate ridicată a climei (sec. VII a.Chr.) și viața revine la normal.

Prin esența lor fenomenele naturale extreme sunt în fond aceleași fenomene naturale obișnuite, cu deosebirea că se manifestă cu amplitudini mai mari și cu intensitate sporită. Extremele ele sunt doar pentru comunitățile umane, pentru natură fiind un proces obișnuit. Istoria oferă destule și diverse exemple când modificările climatice majore au condiționat ridicarea sau degradarea unor civilizații, migrațiuni de popoare etc. [Gumilev 1989]. Încă nu toate aceste fenomene ale interdependenței *om – natură* pot fi lămurite științific [Mihăilescu 2004, 84].

Este destul de semnificativ fragmentul din Florus în care se relatează că *kimbrii, teutonii și fugii au părăsit hotarele Galiei, fiindcă pământurile lor au fost inundate de ocean, iar ei erau în căutarea altor teritorii pentru așezări noi* [Mihăilescu 2004, 82]. O situație asemănătoare este atestată și pentru populația din zonele de câmpie a Dunării [Vulpe 1970, 202-203] din perioada hallstattiană târzie a spațiului dintre Nistru, Carpați și Marea Neagră. O lămurire a acestui fenomen ar fi, în opinia noastră schimbările serioase în peisajul cultural-arheologic (natural și antropoc din regiune). Al. Vulpe, care nu poate fi acuzat ca adept al teoriilor imigra-

ționiste este nevoit a recunoaște că „în raport cu situația culturală a perioadei Basarabi tabloul înfățișat de etapa următoare este în sensibil contrast. Se poate avea impresia unui monolit sfărâmat de o puternică lovitură. Câmpia Dunării a fost părăsită. În schimb Subcarpații Olteniei și Munteniei, nelocuiți în perioada Basarabi, devin dintr-odată intens populați” [Vulpe 1970, 202-203]. În prezent putem spune că arealul manifestării fenomenului este cu mult mai larg, incluzând și spațiul est-Carpatic. Încă Al. Vulpe la întrebarea *de unde a venit lovitura* susține că a fost din partea *unui popor de călăreți*, concretizând că curentul venea dinspre răsărit [Vulpe 1970, 203]. Ne-am expus deja opinia cu referire la interferențele culturale dintre geți și sciți, precum și la urmările acestor procese [Haheu 2003, 220-230; 2006, 90-103; 2013, 29-45]. Despre impactul climatic în contextul PCA am insistat ceva mai sus. La influențele antropice, în afara celor estice mai adăugăm cel puțin încă două. Este vorba despre apariția pe litoralul nord-vestic a Pontului a orașelor-colonii grecești [Haheu 2003, 220-230; 2006, 90-103; 2014, 102-115], precum și pătrunderea elementelor ilirice din vest [Haheu 2003, 220-230; 2006, 90-103; 2007, 155-160]. Deși nu se accentuează și nu se evidențiază aparte, majoritatea cercetătorilor enumeră la influențele asupra constituirii și evoluției geților factorul cultural sud-tracic [Nikulitse 1987, 40].

Componentele antropice ale peisajului cultural arheologic sunt reprezentate de totalitatea vestigiilor descoperite în siturile cercetate prin săpătură (așezări, locuințe, structuri auxiliare și gospodărești, categoriile de piese descoperite etc.). Important este de a urmări constituirea și evoluția ultimelor într-un cadru natural concret, implicit, inter-influența acestora.

Un aspect important al problemei PCA antropoc din regiune, este reflectat prin prezența în zonă a sciților, începând cu mijlocul – sfârșitul sec. VII a.Chr. Este unanim acceptat caracterul intrusiv al acestora în regiune, dar care oricum contactează cumva cu populația locală pe întreaga perioadă de existență a culturilor, care practic apar și dispar concomitent aici. Este dificil de stabilit exact caracterul relațiilor dintre ei. Probabil, erau diferite: când violente, când pașnice. Este cert un lucru, acestea sunt relațiile dintre două sisteme social-economice diferite – nomad (păștoresc) și sedentar (de agricultori). Cu toate că primele elemente scitice apar

în silvostepa regiunii, ulterior aceștia se stabilesc în nișe ecologice diferite: traco-geții în silvostepă (unde și erau până atunci), iar sciții în stepă. Prezentând sisteme economice diferite, este de presupus că aceștia se completau, generând diverse relații de schimb. Spusele sunt valabile și pentru grecii coloniști, care alături de sciți și de geți reprezintă la rândul lor una dintre fațetele peisajului cultural arheologic antropoc din zonă.

Cartografierea structurilor de habitat ale perioadei getice timpurii indică un număr oarecum limitat de situri și deși acestea au fost înregistrate pentru întreg spațiul carpato-nistrean, concentrația lor este destul de neuniformă și inegală. În opinia noastră situația este cauzată nu atât de lipsa obiectivelor, dar de imposibilitatea, de cele mai dese ori, a ordonării lor cronologice. Cu atât mai mult aceasta se referă la structurile evidențiate prin simple periegeze de suprafață cu colectarea materialelor de suprafață. Este suficient să amintim că majoritatea

repertoriilor arheologice s-au făcut în aa. '70-'80 ai secolului trecut, fiind foarte puține siturile care au fost investigate prin săpătură. În ultimul timp s-au făcut unele încercări de precizare a datării siturilor cu ajutorul unor cronoindicatori mai siguri. La o serie de situri (Stâncești, Cucorâni, Lozna-*Hlibicioc*, Lozna-*Dealul Morii*, Mitoc-*La Izvor*, Trinca-*Drumul Feteștilor*) în colecția ceramică au fost evidențiate recipiente de tipul Podolian de Vest [Berzovan 2018, 229-234]. Într-o serie de publicații recente stăruim asupra faptului că această ceramică, nimerită în mediul local poate juca, de rând cu alte categorii de descoperiri, rolul de cronoindicator în atribuirea cronologică [Kashuba, Haheu, Levitskii 1999, 120-127; Kaşuba, Haheu, Levičhi 2000]. În baza acestora s-au putut evidenția tipurile de ceramică locală (fină și grosieră) [Kashuba, Haheu, Levitskii 1999, 120-127, ris. 1-2], care permit datarea apariției culturii getice timpurii din a doua jumătate a sec. VII a.Chr.

Bibliografie

- Arnăut 2003:** T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a. Chr. în spațiul de la răsărit de Carpați (Chișinău 2003).
- Băț, Asăndulesci 2017:** M. Băț, A. Asăndulesci, Siturile din epoca fierului din microzona Saharna: GIS și analiza spațială, In: Cercetări interdisciplinare în siturile din epoca fierului din spațiul tiso-nistrean. In: Materialele colloquim-ului de vară de la Saharna 13-16 iulie 2017 (Tulcea-Chișinău 2017), 21-43.
- Belkin 2003:** S. Belkin, Korrektor zhizni (Moskva 2003) // С. Белкин, Корректор жизни (Москва 2003).
- Berzovan 2018:** Al. Berzovan, Observații privind câteva fragmente ceramice de tip vest-podolian descoperite în cetățile getice de la Stâncești. AM XLI, 2018, 229-234.
- Bruiaiko 1999:** I.V. Bruiaiko, Oчерки ekonomicheskoi istorii naseleniia Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia v 7-3 vv- do R.Kh. (Volzhsk 1999) // И.В. Бруяко, Очерки экономической истории населения Северо-Западного Причерноморья в 7-3 вв. до Р.Х. (Волжск 1999).
- Bruiaiko, Iaroshevich 2001:** I.V. Bruiaiko, Iu.I. Iaroshevich, Gorodishche u s. Novosel'skoe na Nizhnem Dunae (Odessa 2001) // И.В. Бруяко, Ю.И. Ярошевич, Городище у с. Новосельское на Нижнем Дунае (Одесса 2001).
- Constantinov 2010:** A. Constantinov, Natura. In: Republica Moldova. Ediție enciclopedică (Chișinău 2010), 8-107.
- Dergachev 1992:** V. Dergachev, O poniatii „kontaknaia zona”. In: MIAEM (Kishinev 1992), 26-31. // В. Дергачев, О понятии «контактная зона». В: МИАЭМ, 1992, 26-31.
- Dergaciov 2010:** V. Dergaciov, Specificul cultural-istoric al spațiului carpato-nistrean. In: Istoria Moldovei (Chișinău 2010), 36-40.
- Gumilev 1989:** L.N. Gumilev, Drevniaia Rus' i velikaia step' (Moskva 1989) // Л.Н. Гумилев, Древняя Русь и великая степь (Москва 1989).
- Haheu 1998:** V. Haheu, Cercetări arheologice la cetatea traco-getică Alcedar-La Cordon din raionul Șoldănești. RA 2, 1998, 111-135.
- Haheu 2003:** V. Haheu, Manifestările etnoculturale la est de Carpați în perioada hallstattiană târzie. In: Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic (Chișinău 2003), 220-230.
- Haheu 2006:** V. Haheu, Originea culturii getice – repere istoriografice. RA, II, 1-2, 2006, 90-103.
- Haheu 2007:** V. Haheu, Sinergetica și Getica. RA III, 1-2, 2007, 155-160.
- Haheu 2008:** V. Haheu, Sisteme de fortificații traco-getice de la est de Carpați (Chișinău 2008).
- Haheu 2010:** V. Haheu, Puncte de vedere referitoare la arealul constituirii culturii traco-getice. RA V, 2, 2007, 129-142.
- Haheu 2013:** V. Haheu, Tracii septentrionali și sciții: interferențe și transformări culturale. RA IX, 2, 29-45.

- Haheu 2014:** V. Haheu, Lumea egeeană și impactul cultural al acesteia asupra evoluției tracilor septentrionali. RA X, 1-2, 2014, 102-115.
- Haheu 2017:** V. Haheu, Peisajul cultural-arheologic la tracia septentrionali: spații de habitat în contextul cotidianului, activității de producere și al sacrului (sec. VII/VI-III a.Chr.). RA XIII, 1-2, 2017, 51-65.
- Hriban 2018:** C. Hriban, Considerații geografice privind geneza orașului medieval în Moldova centrală. AM XLI, 2018, 111-140.
- Kashuba 2001-2002:** M.T. Kashuba, Dopolniaia srednegal'shtatskie drevnosti v Hlizheni II, ili „rvanyi kraj” VII v. do n.e. v Bessarabii. Stratum plus 3, 2001-2002, 255-262. // М.Т.Кашуба, Дополняя среднегальштатские древности в Хлижень II, или «рваный край» VII в. до н.э. в Бессарабии. Stratum plus 3, 2010, 255-262.
- Kashuba, Khakheu, Levițkii 1999:** M.T. Kashuba, V.P. Khakheu, O.G. Levitskii, Ta samaia Getika ili...chetvertaia? In: Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Zaporozh'e 1999), 121-127 // М.Т. Кашуба, В.П. Хахей, О.Г. Левицкий, Та самая Гетика или...четвертая? В: Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (Запорожье 1999), 121-127.
- Kashuba, Khakheu, Levițkii 2001-2002:** M.T. Kashuba V.P. Khakheu, O.G. Levițkii, Frako-getske drevnosti v iuzhnoi lesostepi Srednego Dnestra (kul'turno-khronologiceskaia sistematizatsiia materialov iz raskopok vtoroi poloviny XX veka). Stratum plus 3, 2001-2002, 118-223 // М.Т. Кашуба, В.П. Хахей, О.Г. Левицкий, Фрако-гетские древности в южной лесостепи Среднего Днестра (культурно-хронологическая систематизация материалов из раскопок второй половины XX века). Stratum plus 3, 2001-2002, 118-223.
- Kishliaruk 2004:** V. Kishliaruk, Prirodnaia sreda kak faktor razvitiia zemledeliia i skotovodstva v Nizhnem Podnestrov'e vo vtoroi polovine I tys. do n.e. In: Thracians and Circumpontic World. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chișinău-Vadul lui Vodă, 6-11 septembrie 2004, II (Chișinău 2004), 217-240 // В. Кишлярук, Природная среда как фактор развития земледелия и скотоводства в Нижнем Поднестровье во второй половине I тыс. до н.э. В: Thracians and Circumpontic World. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chișinău-Vadul lui Vodă, 6-11 septembrie 2004, II (Chișinău 2004), 217-240.
- Lapushnean 1979:** V.L. Lapushnean, Rannie frakiitsy X – nachala IV vv. do n.e. lesostepnoi Moldavii (Kishinev 1979) // В.Л. Лапушнян, Ранние фракийцы X – начала IV вв. до н.э. лесостепной Молдавии (Кишинев 1979).
- Levinskii 2003-2004:** A.N. Levinskii, Dva podkhoda k resheniiu voprosa o poiavleniiu getov v Moldavskoi Lesostepi (VI v. do n.e.). Stratum plus 3, 2003-2004, 255-264 // А.Н. Левинский, Два подхода к решению вопроса о появлении гетов в Молдавской Лесостепи (VI в. до н.э.). Stratum plus 3, 2003-2004, 255-264.
- Levinskii 2005:** A. Levinskii, Considerații asupra începuturilor de locuire a geților în silvostepa Moldovei (sec. VI î.e.n.). Tyragetia XIV, 2005, 63-70.
- Levinskii 2010:** A.N. Levinskii, Istoriia getov v lesostepi Iugo-Vostocinoi Evropy (konets VI – vtoroia polovina IV vv. do n.e.). Stratum plus 3, 2010, 14-127 // А.Н. Левинский, История гетов в лесостепи Юго-Восточной Европы (конец VI – вторая половина IV вв. до н.э.). Stratum plus 3, 2010, 14-127.
- Levițki 1994:** O. Levițki, Culturi din epoca hallstattului timpuriu și mijlociu. TD XV, 1-2, 1994, 159-214.
- Levițki 1998:** O. Levițki, Considerații asupra monumentelor funerare din perioada hallstattiană târzie de pe teritoriul Moldovei. RA 2, 1998, 34-45.
- Mihăilescu 2004:** C. Mihăilescu, Clima și hazardurile Moldovei. Evoluția, starea, predicția (Chișinău 2004).
- Mihăilescu 1968:** V. Mihăilescu, Geografie teoretică. Principii fundamentale. Orientare generală în științele geografice (București 1968).
- Moscalu 1982:** E. Moscalu, Ceramica traco-getică (București 1983).
- Munteanu 2015:** O. Munteanu, Landscape and Getic populations in the upper course of the Botna river. In: Fortified sites from the 1st millennium BC in central and south-eastern Europe. Material of the Moldovan-Romanian-German Colloquium. Saharna, July 24th – 26th 2014 (Chișinău 2015), 63-80.
- Nikulitse 1987:** I.T. Nikulitse, Severnye frakiitsy VI-I vv. do n.e. (Kishinev 1987) // И.Т. Никулицэ, Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э. (Кишинев 1987).
- Niculită, Teodor, Zanoci 2002:** I. Niculiță, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică (București 2002).
- Niculită, Zanoci, Arnăuț 2008:** I. Niculiță, A. Zanoci, T. Arnăuț, Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna) (Chișinău 2008).
- Niculită, Zanoci, Băț 2015:** I. Niculiță, A. Zanoci, M. Băț, Thraco-Getic fortifications in Middle Dniester regions. Sites from Saharna micro-zone. In: Fortified sites from the 1st millennium BC in central and south-eastern Europe. Material of the Moldovan-Romanian-German Colloquium. Saharna, July 24th – 26th 2014 (Chișinău 2015), 21-47.
- Niculită, Zanoci, Băț 2016:** I. Niculiță, A. Zanoci, M. Băț, Evoluția habitatului din microzona Saharna în epoca fierului (Chișinău 2016).

- Onica 2016:** D. Onica, Taxonomia peisajelor culturale rurale. In: Conferința internațională a doctoranzilor „Tendințe contemporane ale dezvoltării științei: viziuni ale tinerilor cercetători”, ediția a V-a (Chișinău 2016), 155-158.
- Onica 2017:** D. Onica, Peisajul cultural rural dintre Prut și Nistru. Aspecte etnogeografice (București 2017).
- Preda 1960:** C. Preda, Un nou aspect al începuturilor epocii La Tène în Dacia (descoperirea de la Alexandria). SCIV I, 1960, 25-38.
- Rymbu 1982:** N.L. Rymbu, Prirodno-geograficheskoe raionirovanie Moldavskoi SSR (Kishinev 1982) // Н.Л. Рымбу, Природно-географическое районирование Молдавской ССР (Кишинев 1982).
- Shchiukin 1994:** M.B. Shchiukin, Na rubezhe er (Sankt-Petersburg 1994). // М.Б. Щукин, На рубеже эр (Санкт-Петербург 1994).
- Shitnikov 1973:** A.V. Shitnikov, Mnogovekovoi ritm razvitiia landshaftnoi obolochki. In: Khronologia pleistotsena i klimaticheskaiia stratigrafia (Leningrad 1973) // А.В. Шитников, Многовековой ритм развития ландшафтной оболочки. В: Хронология плейстоцена и климатическая стратиграфия (Ленинград 1973).
- Simion 1989:** G. Simion, Geneza civilizației geto-dace sec. VI-V î.e.n. Simposia Thracologica 7 (Tulcea 1989), 213-223.
- Simion 1997:** G. Simion, La site de Celic-Dere. Interprétations ethno-culturelles et implicatios dans la chronologie du hallstatt final. In: Prima epocă a fierului la gurile Dunării și în zonele circumpontice (Tulcea 1997), 231-252.
- Tel'nov, Chetverikov, Sinika:** N.P. Tel'nov, I.A. Chetverikov, V.S. Sinika, Skifskii mogil'nik III-II vv. do n.e. u s. Glinoaia (Tiraspol' 2016). // Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Синика, Скифский могильник III-II вв. до н.э. у с. Глиное (Тирасполь 2016).
- Teodor 1999:** S. Teodor, Regiunile est-carpătice ale României în secolele V-II î.Hr. Considerații generale și repertoriu arheologic (București 1999).
- Tsaciuc 1994:** M. Tsaciuc, Manifestări culturale din sec. V-I a.Chr. TD XV, 1-2, 1994, 215-256.
- Tkachuk 1998:** M.E. Tkachuk, Getika: arkheologiiia imeni. RA 2, 1998, 60-86. // М.Е. Ткачук, Гетика: археология имени. RA 2, 1998, 60-86.
- Tkachuk 1999:** M. Tkachuk, Getika kotoruiu my poteriali (iz antologii khronologicheskikh razryvov). Stratum plus 3, 1999, 274-304 // М. Ткачук, Гетика которую мы потеряли (из антологии хронологических разрывов). Stratum plus 3, 1999, 274-304.
- Vasilescu 2007:** M. Vasilescu, Études sur la crédibilité D'Hérodote III. Les stéles de Darius de Thrace. AM XXX, 2007, 117-127.
- Vulpe 1970:** A. Vulpe, Cercetări arheologice și interpretări istorice privind sec. VII-V î.e.n. în spațiul carpato-dunărean. MA II, 1970, 115-213.

Vasile Haheu, cercetător științific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt, 1, MD 2001, Chișinău, Republica Moldova; e-mail: vasile.haheu@gmail.com

Мария Очир-Горяева

Конские уздечные наборы Северного Причерноморья*

Key words: Northern Black Sea Coast, the Scythians, bridle sets, animal style, antique and Thracian motives.

Cuvinte cheie: Regiunea de la nord de Marea Neagră, sciți, seturi de piese de harnașament, stil animalier, motive antice și tracice.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, скифы, уздечные наборы, звериный стиль, античные и фракийские мотивы.

Maria Ochir-Goriaeva

Horse bridle sets of the northern Black Sea region

In this paper, for the first time during the study of the Scythian burial mounds, bridle sets of tsarist and common burial mounds of the steppe zone of the Northern Black Sea coast of the end of the VI-III century BC were assembled and processed statistically-combinatorially, that is, the classical Scythian time. As a result, groups of sets have been identified, reflecting both chronological changes (groups of animal style A and B), and cultural influences and dynastic relationships with neighboring regions (groups of ancient and Thracian motifs).

Maria Ochir-Goriaeva

Seturi de piese de harnașament din regiunea de la nord de Marea Neagră

În această lucrare, pentru prima dată în cercetarea tumulilor scitici, au fost colectate și examinate prin metoda statistico-combinatorie seturile de piese de harnașament, atât din mormintele princiare, cât și din cele obișnuite din zona de stepă a regiunii de la nord de Marea Neagră de la sfârșitul secolelor VI-III î.Hr., adică din perioada scitică clasică. Ca urmare, au fost identificate grupuri de seturi, care reflectă atât schimbările cronologice (stilul animalier, grupul A și B), cât și influențele culturale și legăturile dinastice cu regiunile învecinate (grupe de motive antice și tracice).

Мария Очир-Горяева

Конские уздечные наборы Северного Причерноморья

В данной работе впервые за все время изучения скифских курганов вместе были собраны и обработаны статистико-комбинаторным методом уздечные наборы из царских и рядовых курганов степной зоны Северного Причерноморья конца VI-III вв. до н.э., то есть классического скифского времени. В результате выявлены группы наборов, отражающие как хронологические изменения (группы звериного стиля А и Б), так и культурные влияния и династические связи с соседними регионами (группы античных и фракийских мотивов).

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер государственной регистрации: АААА-А19-119011490038-5), по подтеме «Особенности культурной адаптации населения степной зоны Евразии в эпоху ранних и средневековых кочевников».

Введение

Среди погребальных комплексов кочевников Евразии в каждом регионе особо выделяются комплексы с сопровождающими захоронениями верховых коней. Сопроводительные захоронения слуг и наложниц, а также захоронения верховых коней относятся к основным признакам высокого социального статуса погребенных из курганов степной Евразии. Именно поэтому большинство захоронений коней и сведений об их уздечных наборах происходит из раскопок курганов кочевой знати. Для региона Северного Причерноморья наиболее яркие наборы происходят из знаменитых скифских курганов, такие как *Александрополь* [Polin, Alekseev

2018], *Толстая могила* [Mozolevs'kii 1979], *Мелитопольский курган* [Terenzhkin, Mozolevskii 1988], *Краснокутский курган* [Meliukova 1981], *Чертомлык* [Alekseev, Murzin, Rolle 1991], *Солоха* [Mantsevich 1987], курган *Желтокаменка* [Mozolevskii 1982, 179-222], *Бабиной, Водяной и Соболевой могил* [Mozolevskii, Polin 2005]. Уздечные наборы Северного Причерноморья представляют собой сотни предметов, не один раз подвергнутые исследовательскому анализу по различным аспектам. Курганы скифской знати знамениты тем, что в богатых погребениях узды и сбруя коней была изготовлена из золота и серебра, и представляла собой образцы высокого ювелирного искусства.

Методология исследования

В данной работе автор отошел от традиционного изучения узды по категориям: удила, пса-лии, налобники, нахрапники, уздечные бляшки. В данной работе был выработан принцип изучения сразу всех предметов узды из одного погребения. Впервые за элементарную единицу анализа были взяты уздечные наборы целиком. Украшения нагрудных, подпругных ремней и другие детали сбруи анализировались вместе со своим набором как единый ансамбль, так как все они происходят из одного закрытого комплекса (погребения).

В археологическом отношении уздечный набор из одного погребения представляет собой срез живой культуры на момент захоронения человека. Разрозненные предметы узды из одного погребения отнесены к условным «уздечным наборам» и анализировались так же, как полные наборы. Это позволило не рассредоточиваться на анализ отдельных предметов, а сконцентрироваться на сведениях этих наборов в группы. Эффективность принципа рассмотрения предметов из одной могилы как одного единого ансамбля была установлена мной в свое время при изучении наконечников стрел из погребений Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Традиционно наконечники стрел анализируются по типам, но это не дает представления о сочетании разных типов наконечников стрел в каждом конкретном колчане и степени близости наборов стрел из разных погребений. Мной был применен анализ всех наконечников стрел из одного погребения как единого колчанного набора [Ochir-Goriaeva 1996, 1, 41-45]. Результаты анализа послужили основой периодизации и относительной хронологии памятников нижневолжского региона [Ochir-Goriaeva 1988; 1993, 81-87; Ochir-Goryaeva 1998, 129-132; 2000, 43-56].

Материалы исследования

В данной работе был проведен стилистический анализ 94 уздечных наборов из 67 погребальных комплексов. Такое соотношение объясняется тем, что в целом ряде погребений были найдены предметы узды не одного, а двух и более коней. Для ряда погребений в публикации не представлены описания и рисунки уздечных наборов или представлены не полностью, как например, в случае с курганом Огуз. В дромосе к

центральной гробнице было найдено «как минимум 11 конских наборов», но опубликованы под номерами 4,5 и 6 только наборы трех коней из дромоса [Fialko 1994, 122-144; 1995, 133-146]. Тем не менее, количество учтенных в данном разделе уздечных наборов достаточно представительно и позволяет проводить статистические расчеты.

История вопроса

Предметы узды и сбруи из курганов степной зоны Северного Причерноморья публиковались и анализировались неоднократно, но, как правило, отдельно по каждому царскому кургану, с привлечением аналогий из других памятников. В монографических публикациях всех царских курганов Скифии значительное место занимают исследования по предметам узды, в которых приводятся исходные данные и принципы реконструкции наборов [Silant'eva 1959; Mozolevs'kii 1979, 1982, 179-222; Meliukova 1981; Mantsevich 1987, Terenozhkin, Mozolevskii 1988; Mozolevskii, Polin 2005; Alekseev, Murzin, Rolle 1991; Fialko 1994, 122-141]. Несомненный вклад в изучение конской узды вносят публикации отдельных комплексов, в которых уточняются конкретные детали узды и сбруи [Boltrik, Fialko 1987, 65-67; Parusimov 1994, 110-113]. Из последних работ необходимо отметить раздел, написанный С.В. Полиным, где изучены все изображения конской узды на предметах торевтики и сделан ряд реконструкций конской узды [Mozolevskii, Polin 2005, 410-424].

Единственное специальное исследование, посвященное конской узде степной Скифии, было проведено В.А. Ильинской. Но ее исследование было ограничено уздой только IV в. до н.э. [P'inskaia 1973, 42-63]. В нем она рассмотрела целый ряд уздечных наборов из степных царских и рядовых курганов: *Мелитопольского кургана*, *Гаймановой могилы* (впускная северная могила, впускное погребение кургана 29), 2-го *Мордвиновского кургана*, *Страшной могилы* и кургана у Старинской птицефабрики. Приводятся описания каждой конской могилы и расположения предметов узды на костях коня, приведены реконструкции узды, рассмотрены особенности крепления и украшений с привлечением изображений взнузданных коней на предметах торевтики. В заключение В.А. Ильинская сделала разбор подпругных пряжек из различных реги-

онов Евразийских степей: Северного Причерноморья, Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и Средней Азии, чтобы «выделить локальные этнографические признаки устройства подпружной части седловки коня и некоторых типов пряжек, служивших для затягивания ремня» [Ш'inskaia 1973, 60].

Можно сказать, что изучение предметов узды скифов Северного Причерноморья выведено на определенный уровень, который позволяет вести дальнейшие исследования, опираясь на уже полученные результаты. Анализ всех уздечных наборов Северного Причерноморья проведен впервые, полученный результат является наиболее общим и не отражает более детальных характеристик. Многочисленность самих наборов, огромное количество и разнообразие украшений узды по материалу, сюжетам, и стилю и технике исполнения требует специального монографического исследования.

Основная часть

Учитывая многочисленность и разноплановость в оформлении предметов узды Северного Причерноморья, было принято решение провести общий стилистический анализ уздечных комплектов. В первую очередь, было обращено внимание на стиль оформления уздечных бляшек и установлено, что уздечные бляшки задают основной тон стилю всей уздечки коня. Определенные типы бляшек сочетаются с определенными псалиями, налобниками и нахрапниками, то есть уздечка коня является единым гармоничным ансамблем.

С учетом сделанных выше наблюдений, была предпринята попытка уловить эти закономерности на статистическом уровне с помощью корреляционной таблицы. Был составлен список признаков из 23 позиций. По вертикали таблицы перечислены уздечные наборы, по горизонтали – признаки. При составлении списка признаков были приняты меры по укрупнению некоторых из них. Псалии с зооморфными окончаниями были объединены с псалиями с окончанием в виде лопасти. Оба вида псалиев встречаются редко и сочетаются с одним и тем же набором предметов в узде. А вот нахрапники, наоборот, были разделены на два признака: нахрапники рельефные двусторонние в виде головки хищной птицы или хищника с осно-

ванием, отлитым в одной плоскости, и нахрапники скульптурные – в виде головки хищника на щитке с гравированным орнаментом, расположенным горизонтально. Низкие ворворки также были разделены на гладкие и с орнаментированным верхним краем. Стержневидные и S-видные псалии равномерно сочетаются в наборах с уздечными бляшками всех перечисленных выше типов, поэтому они были выведены из корреляционной таблицы. В отличие от них, С-видные псалии ни разу не встречены в 1 группе, зато присутствуют в 17 комплексах 3 группы и в одном комплексе 4 группы. В корреляционную таблицу не вошли десять уздечных наборов с одним-двумя недиагностическими признаками, они могли внести так называемый статистический «шум». Девять наборов (без уздечных декоративных бляшек с простыми железными налобниками, удилами и псалиями) также не вошли в корреляционную таблицу из-за малочисленности признаков.

Итого, для корреляционной таблицы был выработан список из 23 признаков:

1. Псалии Г-образные с окончаниями в виде копыта;
2. Псалии с зооморфными окончаниями и окончаниями в виде лопастей;
3. Ворворки высокие;
4. Шайбы в виде замочков;
5. Бляшки в зверином стиле А;
6. Бляшки круглые с рубчатым краем;
7. Бляшки в виде лапы или руки;
8. Налобники пластинчатые;
9. Бляшки «крыловидные»;
10. Бляшки с античными мотивами;
11. Бляшки-розетки;
12. Бляшки мелкие ременные;
13. Нахрапники рельефные двусторонние на основании, отлитом в одной плоскости;
14. Бляшки в зверином стиле Б;
15. Ворворки низкие;
16. Нагрудные украшения;
17. Нахрапники скульптурные на горизонтальном щитке;
18. Пряжки круглые и прямоугольные с выступом-кнопкой;
19. Бляшки круглые гладкие;
20. Псалии С-видные;
21. Бляшки во фракийском стиле, сюжетные;
22. Бляшки во фракийском стиле, декоративные;
23. Ворворки с декорированным верхним краем.

После некоторого упорядочивания и перемены положения уздечных наборов по вертикали и перемены положения признаков по горизонтали была получена корреляционная таблица, позволяющая в формализованном виде оценить состав всех наборов одновременно. В результате выделились четыре группы уздечных наборов (рис. 1).

Узд.набор	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
1 Нимфей 6		X		X					X														
2 Шевченко 2 к 1	X		X						X														
3 Лепетиха					X	X																	
4 Солоха-1 к1			X				X	X	X														
5 Солоха-1 к2			X				X	X	X														
6 Знаменка 13	X		X	X	X			X															
7 Нимфей 32	X				X	X		X										X					
8 Нимфей 1	X		X	X	X		X	X										X					I
9 Ак-Бурун		X	X	X	X	X		X										X	X				
10 Нимфей 17	X		X	X		X																	
11 Ковалевка-2, 6 к2			X		X																		
12 Стеблев, 1/2 к2							X						X		X								
13 Корнеевка 2/2			X				X						X										
14 Н. Запорожье 7/1			X	X			X												X				
15 М.Цымбалка	X		X	X			X						X										
16 Стеблево, 3 к2		X	X		X								X						X				
17 Первомаевка, 4/1		X	X		X								X						X				
18 Нимфей 24	X	X	X	X	X	X		X	X														
19 Завадская М,к1	X		X	X				X	X														
20 Завадская М, к2	X		X	X	X			X	X														
21 Шевченко-1,3/1			X	X	X		X	X					X										
22 Чмырева М, к1									X	X	X						X						
23 Чмырева М, к2									X	X	X						X						
24 Бабина М, к1									X	X	X			X	X			X		X			
25 Бабина М, к2									X	X	X			X	X			X		X			
26 Толстая М, сев к3							X	X	X	X				X				X		X			II
27 Алекс-поль, КМ								X	X								X						
28 Б.Цымбалка, к1							X	X	X	X													
29 Б.Цымбалка, к2							X	X	X	X													
30 Носаки, 4															X			X	X	X	X		
31 Гайманова М, 29										X	X	X					X	X	X	X			
32 Огуз, КМ к 1-2										X	X				X	X	X	X	X				
33 Солоха-2 КМ к1																			X	X			
34 Солоха-2 КМ к2										X	X	X						X	X				
35 Солоха-2 КМ к3										X	X	X			X	X	X	X	X				
36 Солоха-2 КМ к4										X		X						X	X				
37 Солоха-2 КМ к5										X	X	X						X	X				
38 Гайманова М, сев										X	X	X						X	X				
39 Старинская Ф, 6																	X	X					
40 Мордвиновск, 2												X	X		X	X	X	X					III
41 Никольское, 9										X	X												
42 Мелитополь, к1										X	X			X	X	X	X	X					
43 Мелитополь, к2										X		X		X	X	X	X						
54 Чертомлык										X	X			X	X	X							
55 Страшная М										X	X			X	X	X							
56 Толстая М, Ю к3										X							X		X				
57 Толстая М, Ю к2										X							X		X				
58 Толстая М, Ю к1										X	X			X	X	X	X	X					
59 Толстая М, С к1										X	X			X	X	X	X	X					
60 Толстая М, С к2										X	X			X	X	X	X	X					
61 Водяна М, к1										X	X			X	X	X	X						
62 Толстая М, Н																	X	X	X				
63 Желтокаменка, к1													X	X				X	X				
64 Желтокаменка, к2													X	X				X	X				
65 В. Знам-ка, 2/3 к1																X			X	X	X		
66 Краснокутский к1																X		X	X	X	X		
67 Краснокутский к2																X		X	X	X	X		
68 Краснокутский к3																X		X	X	X	X		
69 Краснокутский к4																X		X	X	X	X		
70 Соболева М, 3																		X		X	X		
71 Огуз, Др к 5																X			X	X	X		
72 Огуз, Др к4																X			X	X	X		
73 Хомина М, к 1																X		X	X	X	X		
74 Хомина М, к 2																X		X	X	X	X		
75 Огуз, Сев к3																X		X	X	X	X		
76 Огуз, Сев к 2																X		X	X	X	X		
77 Огуз, Сев.к 1																X		X	X	X	X		
78 Огуз, Др к 6																X			X	X	X		
Узд.набор	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23

Рис. 1. Уздечные наборы Северного Причерноморья. Корреляционная таблица.

Fig. 1. Bridle sets of the Northern Black Sea. Correlation table.

В первую группу – группу звериного стиля А вошли все 5 комплексов некрополя *Нимфей*, два уздечных набора из могильника *Стеблев*, два – из 1-й *Завадской могилы* и два – из конской могилы центрального погребения кургана *Соло-*

ха, а также единичные уздечные наборы из курганов и могильников *Шевченко*, *Малая Цымбалка*, *Лепетиха*, *Ковалевка*, *Запорожье*, *Ак-Бурун*, *Знаменка* и т.д. Всего 21 уздечный набор. Еще 10 комплектов с единичными признаками, не во-

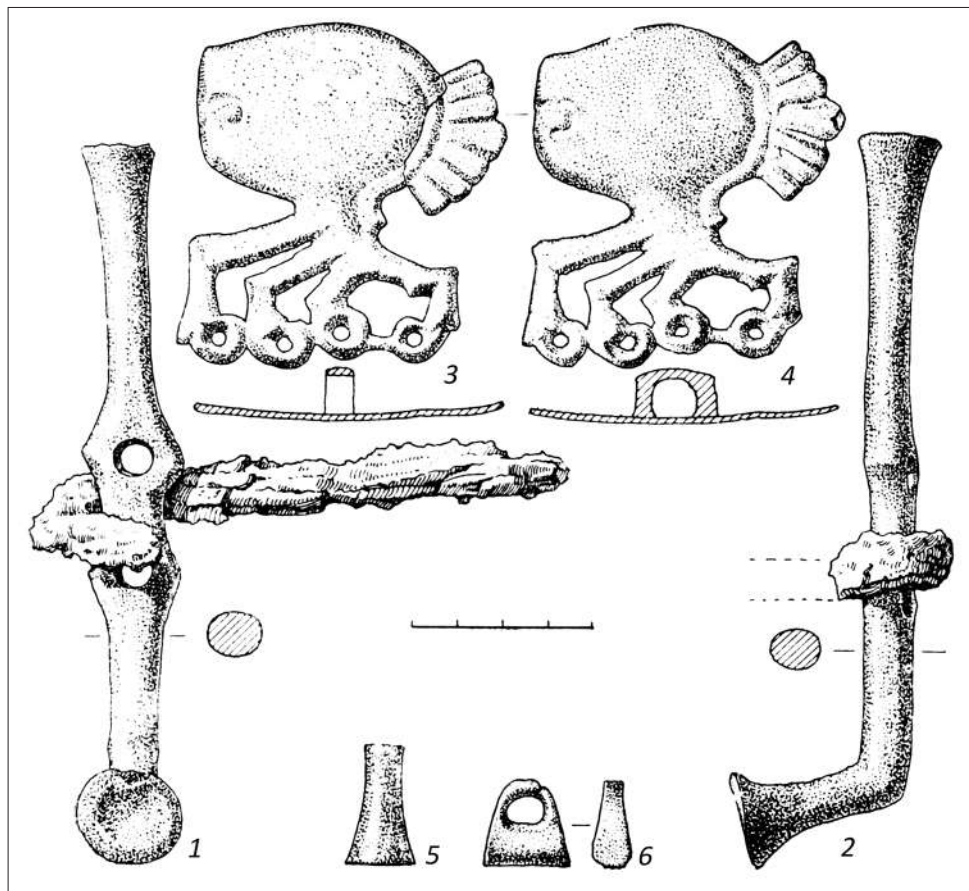

Рис. 2. Группа 1. Звериный стиль А. *Zavadskaja mogila*. Узда коня 2. *Северная могила* [Mozolevskii 1980, 86-96].

Fig. 2. Group 1. Animal style A. *Zavadskaja mogila*. Horse bridle 2. *Severnaia grave* [Mozolevskii 1980, 86-96].

шедшие в корреляционную таблицу, были присоединены к первой группе наборов по общему стилю уздечных бляшек.

Первая группа уздечных наборов происходит из комплексов, датирующихся V в. до н.э. Для них характерен большой акцент на оформление псалиев. Псалии имеют разнообразное зооморфное оформление: в виде когтей хищной птицы, в виде изогнутой лопасти, Г-образной формы с окончанием в виде конского копыта. Уздечные бляшки, как правило, небольших размеров и разнообразны по сюжетам: головки животных и птиц, бляшки в виде лапы животного или руки человека. Выделяются среди них так называемые «крыловидные» нащечники, которые, как выяснилось, таковыми не являются, поэтому их лучше назвать нейтрально – крыловидные бляхи [Mozolevskii, Polin 2005]. Налобники в виде ромбических или фигурных плоских гладких пластин являются одним из основных признаков данной группы, хотя наряду с ними

используются рельефные двусторонние нащечники в виде головок животных или птиц с основой, отлитой в той же плоскости. Стиль ранних уздечных наборов отличается большим разнообразием сюжетов, некой «этнографичностью» и более подходит под определение традиционного звериного стиля с его явно магическим содержанием (рис. 2-3).

Вторую группу составляют уздечные наборы с античными мотивами. Сюда вошли 8 наборов, каждый из которых является уникальным. Среди них уздечные комплекты из конской могилы центрального погребения кургана *Александрополь* и из кургана *Толстая могила*, по два набора из кургана *Бабина могила*, из *Чмырева кургана* и из кургана *Большая Цымбалка*. Характерными для этой группы остаются пластинчатые налобники и крыловидные бляхи. В группе 2 известны нагрудные украшения, которые ни разу не встречены в группе 1. Особое место среди них занимает золотое нагрудное украшение коня 5

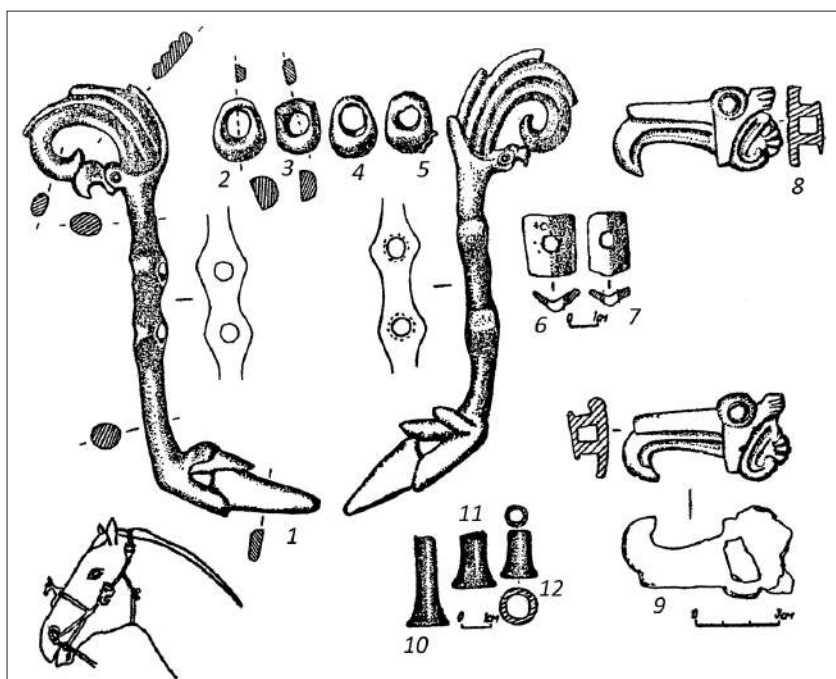

Рис. 3. Группа 1. Звериный стиль А. Стеблев курган 3. Узда коня 3 [Skoryi 1997, ris. 22, 21, 58].

Fig. 3. Group 1. Animal style A. Steblev mound 3. Horse bridle 3 [Skoryi 1997, fig. 22, 21, 58].

из дромоса Александропольского кургана, состоявшее из золотой ажурной ленты и двух золотых полукруглых пластин с изображением сцен терзания. С.В. Полин опубликовал наиболее полную сводку конских нагрудных украшений из скифских курганов, в которую вошли 17 нагрудников [Mozolevskii, Polin 2005, 306]. Надо заметить, что все они происходят из комплексов, уздечные наборы которых относятся, согласно данной корреляционной таблице, к 2, 3 и 4 группам, что подтверждает закономерность, установленную мной с помощью корреляции (рис. 4-6).

В третью группу – группу звериного стиля Б вошли 39 уздечных наборов. Среди них все пять наборов пяти коней южного бокового погребения кургана *Солоха*, шесть – из кургана *Толстая могила*, два – из кургана *Водяная могила* и *Мелитопольского кургана*. Один уздечный набор происходит из конской могилы центрального погребения кургана *Огуз* с птицеклювыми нащечниками и С-видными псалиями и скульптурным нахрапником на горизонтальном щитке. Низкие ворворки из этого комплекса были гладкими. Все 11 уздечных наборов из кургана *Чертомлык* вошли в третью группу. Ввиду стан-

дартности наборов и повторения одних и тех же признаков в каждом из них, все 11 уздечных наборов из кургана *Чертомлык* представлены одной строкой по горизонтали корреляционной таблицы (признаки), но количество уздечных наборов отображено по вертикали таблицы (наборы) поэтому порядковый номер перескакивает от 43 к 54. Стандартность деталей оголовья всех 11 коней, как по составу, так и по оформлению всех (шести золотых, пяти серебряных и одного бронзового) наборов, отмечали авторы публикации *Чертомлыкского*

кургана [Alekseev, Murzin, Rolle 1991, 89, 90].

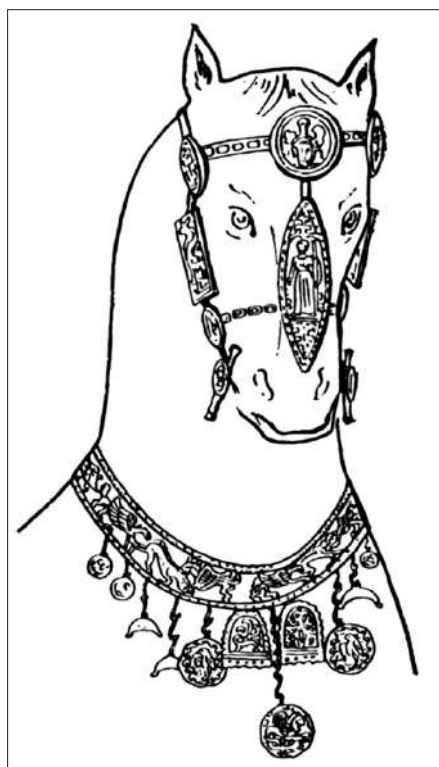

Рис. 4. Группа 2. Античные мотивы. Александрополь. Центральная гробница. Узда коня из конской могилы [Il'inskaia, Terenozhkin 1983].

Fig. 4. Group 2. Antique motifs. Alexandropol. Central tomb. Horse bridle from the horse grave [Il'inskaia, Terenozhkin 1983].

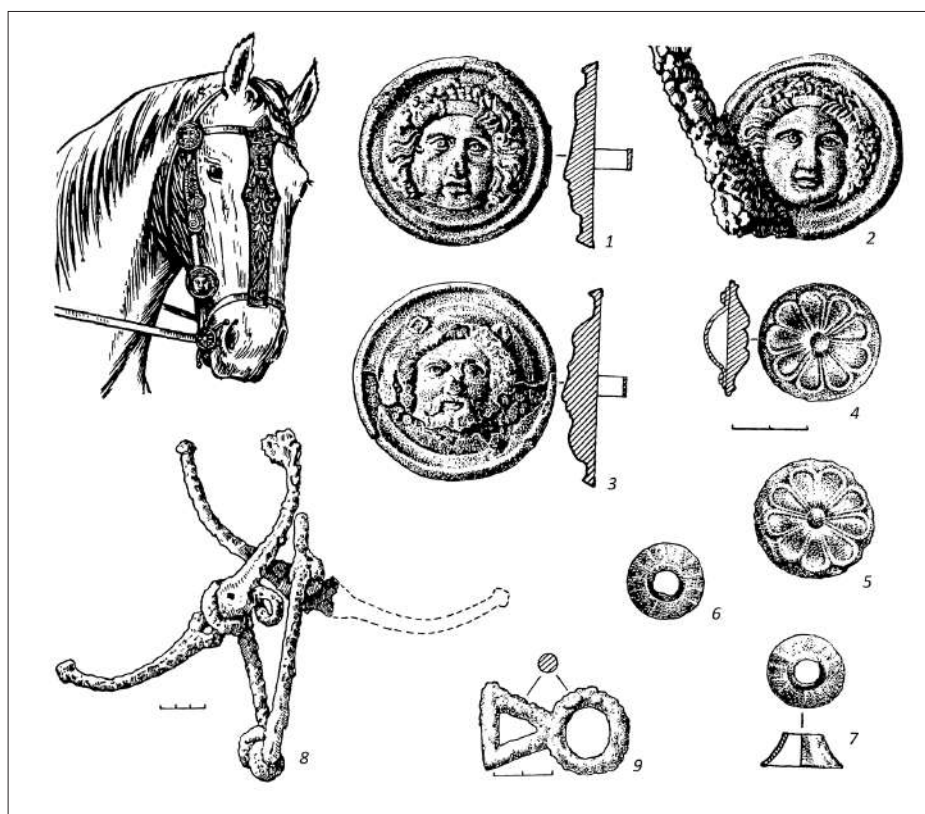

Рис. 5. Группа 2. Античные мотивы. Толстая могила. Северная конская могила. Узда коня 3. Реконструкция 1 по Мозолевский (1979). Реконструкция 2 по Мозолевский, Полин (2005, 156).

Fig. 5. Group 2. Antique motifs. Tolstaia mogila. Northern horse grave. Horse bridle 3. Reconstruction 1 for Mozolevskii (1979). Reconstruction 2 for Mozolevskii, Polin (2005, 156).

Уздечный набор из северной впускной могилы кургана *Гайманова могила* и комплект из кургана 29 курганного могильника *Гайманова могила* также содержат признаки третьей группы. К третьей группе были присоединены опубликованные предметы конской узды из кургана *Желтокаменка*, по наличию нагрудных украшений, круглых блях и низкой ворворки.

В уздечных наборах третьей группы псалли стали чисто функциональными, без зооморфных или иных декоративных элементов. Акцент переносится на уздечные бляшки и налобники. Появляются ажурные бляшки в виде «петушков», «птицеклювые» бляшки и ряд новых сюжетов, такие, как например, бедро животного. Сюжеты повторяются и стилистически они оформлены одинаково. Одни и те же детали уздечных наборов можно встретить и в царском кургане, и в рядовом, ничем не примечательном. Например, одни и те же бляшки в виде бедра животного имеются в кургане *Солоха* и в кургане 9 *Никольского*. Целый ряд бляшек и налобников

одинакового типа встречаются десятками не только в одном и том же кургане (*Чертюмлык*), но и в разных курганах (*Огуз*, *Хомина* и *Соболева могила*, *Чмырева*, *Толстая могила*, *Чертюмлык*, *Страшная могила* и *Мелитопольский курган*). Уздечные наборы третьей группы сочетаются также с однотипными нагрудными украшениями с подвесками в виде кружков и полулунниц. Связано это, думается, прежде всего, с развитием ремесленных центров, поставлявших в массовых масштабах определенные типы украшений. Ритуальная значимость конских захоронений не изменилась. Традиции остались те же, изменился лишь (унифицировался) набор украшений. Он становится все менее этнографическим, менее разнообразным и более стандартизированным. При этом качество изготовления улучшается, и вещи становятся «элегантнее» (рис. 7-8).

В четвертую группу – группу фракийского стиля вошли 14 уздечных наборов. Эта группа уздечных наборов в самой наглядной форме демонстрирует иноэтнические традиции. Декор

Рис. 6. Группа 2. Античные мотивы. Чмырева могила. Конская узда. Золото [П'inskaia, Terenzhkin 1983, 151].

Fig. 6. Group 2. Antique motifs. Chmyreva mogila. Horse bridle. Gold [P'inskaia, Terenzhkin 1983, 151].

уздечных бляшек, техника исполнения, размеры и формы самих уздечных бляшек представляют разительный контраст всем типам уздечных украшений Северного Причерноморья. Сюжеты на уздечных бляшках отражают иные религиозно-мифологические представления. Сюжетные бляшки всегда правые и левые. Они, как правило, более крупных размеров. На больших подпрямоугольных сюжетных бляшках из северной впускной могилы кургана *Огуз* и *Великой Знаменки* два животных кошачьей породы (судя по размерам, взрослое и котенок) терзают копытное животное, скорее всего, козу, в то время как козленок спасается бегством. В уздечном наборе коня 2 из северной впускной могилы кургана *Огуз* на крупной уздечной бляшке изображен босоногий всадник в короткой тунике на взнузданном коне в сопровождении кошачьего хищника. Меньших размеров подквадратные бляшки зачастую содержат мотив конских головок с уздой в виде сегнерова колеса (рис. 9-11).

В группу 4 входят все три набора из северной впускной могилы кургана *Огуз*, уздечные наборы коней 4, 5, 6 из дромоса вторичного погребения того же кургана *Огуз*. Четыре уздечных набора из *Краснокутского* кургана и один из *Великой Знаменки*. Уздечный набор коня 1 из кургана *Хомина могила* отвечает всем признакам наборов фракийского стиля. Несколько сложнее обстоит дело с набором коня 2 из того же кургана. В него входят: четыре плоские круглые бляхи с геометрическим круговым орнаментом и сферическим выступом в центре, два нащечника в виде пластин прямоугольной формы, также покрытых геометрическим орнаментом в виде продольных прямых линий и зигзагов, образующих треугольники; пластинчатый налобник, украшенный продольными линиями и пятью сферическими выступами. Удила этого набора были S-видными. Декор принципиально отличается от декора фракийского стиля, которому присуща экспрессивность и насыщенность орнаментов,

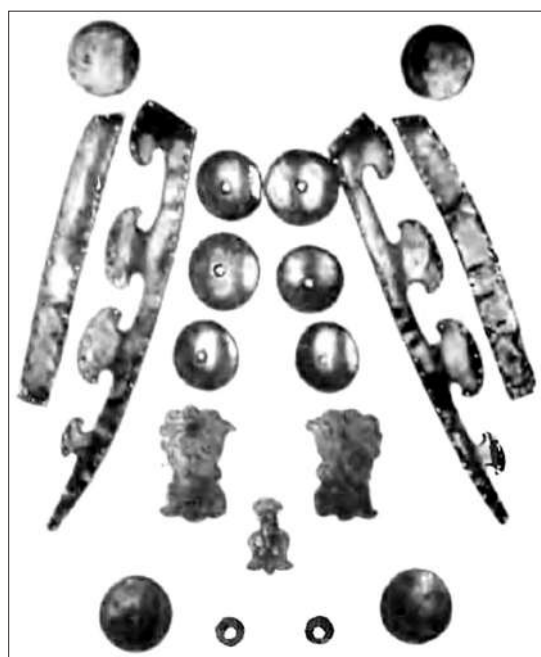

Рис. 7. Группа 3. Звериный стиль В. Чертомлык. Южная конская могила. Уздечный набор. Золото, железо. Каталог 45 [Aleksiev, Murzin, Rolle 1991, 162].

Fig. 7. Group 3. Animal style B. Chertomlyk. Southern horse grave. Horse bridle set. Gold, iron. Catalogue 45 [Aleksiev, Murzin, Rolle 1991, 162].

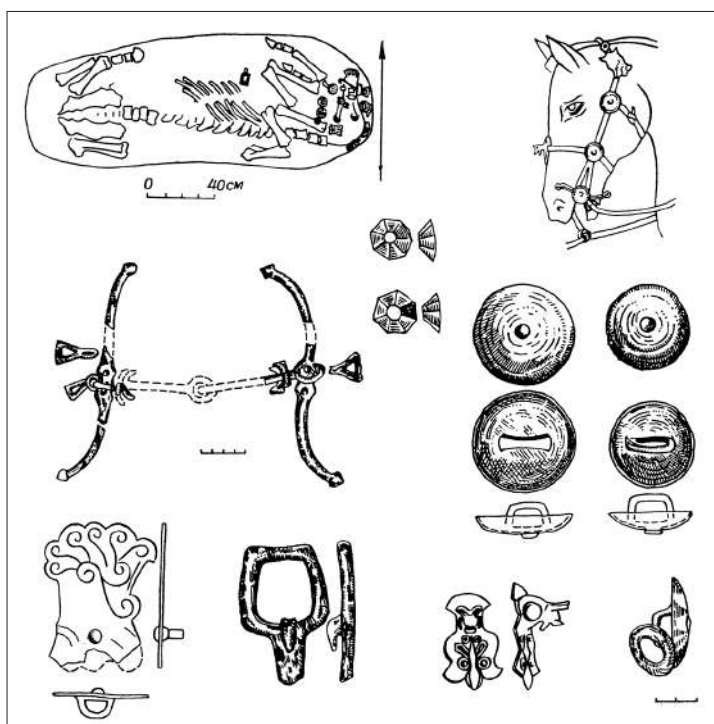

Рис. 8. Группа 3. Звериный стиль В. Страшная могила [П'inskaia 1973, ris. 5, 6, 1].

Fig. 8. Group 3. Animal style B. *Strashnaia mogila* [P'inskaia 1973, fig. 5, 6, 1].

многочисленные завитки. Стиль уздечного набора коня 2 из кургана *Хомина могила* я бы назвала геометрическим. С фракийским стилем его роднит только обрамление краев предметов декоративной полосой с поперечной штриховкой. По наличию выпуклых жемчужин стиль этого набора определяется специалистами как пережиточный галыштатский. Наиболее близкой аналогией уздечному набору оказываются уздечные бляшки из узды коня 2 из *Краснокутского* кургана [Perevodchikova, Firsov 2004, 134] и, как мне кажется, уздечные бляшки из кургана *Соболева могила*. Учитывая происхождение этого набора из того же погребения, что и набор фракийского стиля коня 1, уздечный набор коня 2 кургана *Хомина могила* был присоединен к группе 4 фракийского стиля. Таким образом, в рамках группы 4 выделяется подгруппа геометрического стиля (рис. 11). Нагрудные украшения продолжают встречаться в группе 4. Они зафиксированы в конской могиле кургана *Огуз* и в *Краснокутском* кургане. В последнем, согласно подсчетам С.В. Полина, было 2 или 3 нагрудных украшения [Mozolevskii, Polin 2005, 307].

В пятую группу – группу уздечных наборов без уздечных бляшек вошли 9. Эта группа не нашла отражения в корреляционной таблице, ввиду малочисленности признаков. Почти все наборы этой группы имели стержневидные железные псалии, за исключением двух, и пять из них имели железные налобники. Среди них – два набора коней 2 и 3 из погребения 3 кургана 2 группы *Великая Знаменка* (в публикации упоминается «золотая бляшка с крестовидным орнаментом», лежавшая рядом с конем 3, но в дальнейшем тексте речь идет о том, что кони 2 и 3 имели «простые железные наборы» [Kovalev 1981, 50-51]. Уздечный набор коня 3 из конской могилы кургана *Огуз* с вотивными предметами вошел в эту группу, поскольку содержал стержневидные псалии и железный налобник. Набор

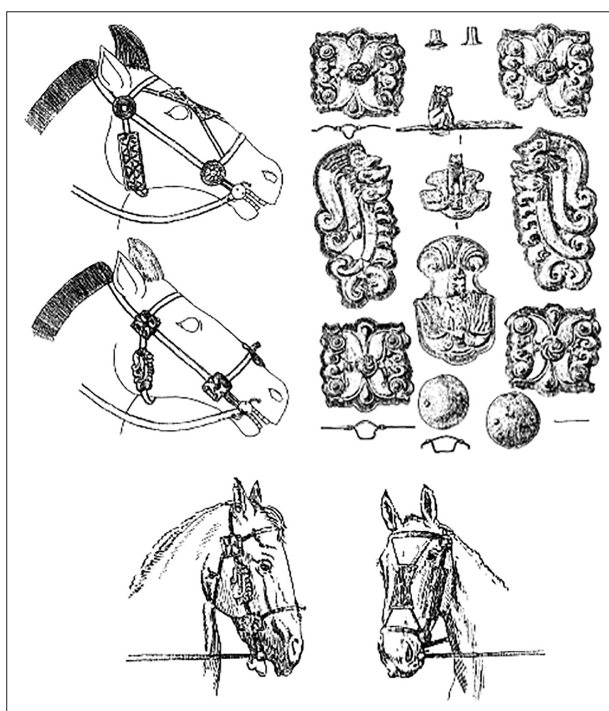

Рис. 9. Группа 4. Фракийский стиль. *Хомина могила*. Реконструкция узды коня 1 и 2 из дромоса по Мозолевский (1973, 187-235). Реконструкция 2 по Мозолевский, Полин (2005, 156).

Fig. 9. Group 4. Thracian style. *Khomina mogila*. Reconstruction of the horse's bridle set (the first and the second horse from the passageway) for Mozolevskii (1973, 187-235). Reconstruction 2 for Mozolevskii, Polin (2005, 156).

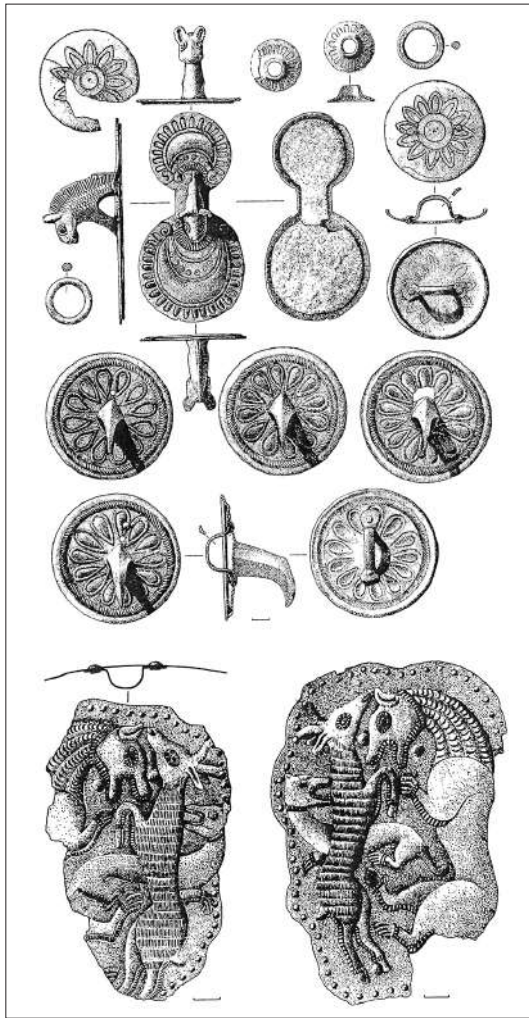

Рис. 10. Группа 4. Фракийский стиль. Огуз. Северная впускная могила. Узда коня 3. [Boltrik, Fialko 1996, 107-129].

Fig. 10. Group 4. Thracian style. Oguz. Northern Inlet Grave. Horse bridle 3. [Boltrik, Fialko 1996, 107-129].

коня, погребенного на ритуальной дорожке кургана Огуз, также имел железные стержневидные псалии и железный налобник. Набор коня из кургана 13 Стеблевского могильника был без налобника. Уздечный набор коня из кургана 10 Владимировки кроме стержневидных псалий и железного налобника содержал две круглые полусферические бляхи. Остальные наборы из того же кургана 10 и 11 Владимировки, а также из кургана 13 курганный группы Носаки имели в своем составе только удила и стержневидные псалии. Интересно, что в эту группу вошли наборы из курганов, где остальные относятся или к группе звериного стиля А (Стеблев), или к фракийскому стилю (Великая Знаменка, Огуз).

Этот факт позволяет предположить, что пятая группа объединяет уздечные наборы повседневные или профанные. Они оставались неизменными во времени.

В этом плане важен, на мой взгляд, подмеченный С.В. Полиным минимализм украшений уздечек на предметах торевтики [Mozolevskii, Polin 2005, 416-117]. Особенно заметной становится эта особенность при сравнении их с уздечными наборами из погребений. В отличие от необычайно насыщенных уздечными бляшками нахрапниками и налобниками с самой разнообразной орнаментацией и довольно крупных размеров уздечными бляхами, уздечки на предметах торевтики имеют, по выражению С.В. Полина, «минимальное количество украшений», а точнее – лишь круглые бляшки на соединениях ремней. Только в двух случаях, как установил С.В. Полин, конская узда украшена дополнительными элементами. На среднем фризе Чертомлыкской амфоры у лошади, ноги которой спутывает низко наклонившийся скиф, изображен

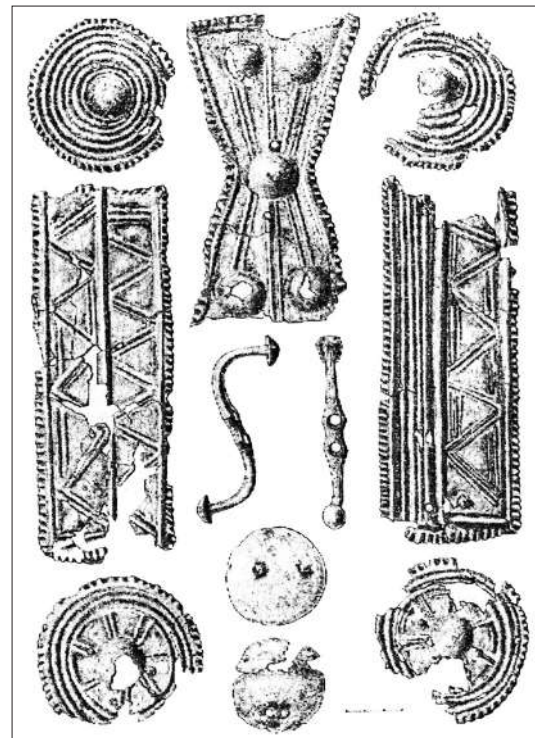

Рис. 11. Группа 4. Фракийский стиль. Подвариант Геометрический стиль. Хомина могила. Предметы узды коня 2 из дромоса [Perevodchikova, Firsov 2004, 128-137, ris. 7].

Fig. 11. Group 4. Thracian style. Sub-option: Geometric style. Khomina mogila. Items of the 2nd horse's bridle set from the passageway [Perevodchikova, Firsov 2004, 128-137, fig. 7].

фигурный наносник. На чаше из *Братолюбского* кургана уздечка коня украшена крупных размеров подпрямоугольной налобной пластиной с геометрическим орнаментом. Кроме того, над глазом лошади «свисает» полукруглая петля от налобного ремня, возможно, некая бляшка или иное его украшение. С.В. Полин также полагает, что точки, нанесенные на ремнях оголовья, могут обозначать мелкие бляшки. Но мной замечено, что такими же точками покрыты псалии и круглые бляшки оголовья. Возможно, эти точки имеют чисто техническое происхождение.

Учитывая приведенное выше наблюдение, можно с большей долей уверенности полагать, что уздечные наборы первых четырех групп относятся к парадным наборам и уборам коней высшей знати. В быту же использовались уздечные наборы с минимальным количеством украшений.

Выводы

Подводя итог, можно отметить, что, как правило, уздечные наборы из одного комплекса относятся к одной и той же стилистической группе. Известно всего несколько случаев, когда один набор из одного комплекса относится к другой группе, например, комплект с античными мотивами из кургана *Толстая могила*, хотя все остальные наборы этого кургана входят в группу звериного стиля Б. Второй пример, один набор из конской могилы кургана Огуз относится к группе звериного стиля Б, в то время как все остальные – к группе фракийского стиля. Очень важным представляется в этом плане тот факт, что нет ни одного случая смешения уздечных наборов первой группы звериного стиля А с остальными тремя группами с уздечными бляшками (группа 2, 3, 4). Надо полагать, что в этом кроется причина хронологической разновременности группы звериного стиля А. Подтверждает это и датировки большинства комплексов, откуда происходят уздечные наборы первой группы.

По результатам общей корреляционной таблицы хронологически выделяется только первая группа уздечных наборов, происходящая преимущественно из комплексов V в. до н.э.

Примечательно также, что в первую группу вошли три уздечных набора из конской могилы центрального погребения кургана *Солоха*, а во

вторую – наборы из конской могилы бокового южного погребения того же кургана. Налицо еще одна хронологическая цепочка, демонстрирующая последовательность обоих погребений.

Таким образом, стилистический анализ уздечных наборов Северного Причерноморья позволил выявить пять групп, отражающих эволюцию декора конской узды от псалиев и бляшек, оформленных в оригинальном зверином стиле, к стилизованному и стандартизированному их оформлению, а также широкому использованию иноэтничных традиций (греческих и фракийских) в украшении конской узды. Группа 5 демонстрирует, что наряду с парадными уздечными наборами знати в погребальные сооружения изредка попадали профанные уздечные наборы, которые в силу их функциональности и простоты не претерпели хронологических изменений.

Характеристика уздечных наборов Северного Причерноморья будет неполной, если не остановиться на материалах, из которых изготовлены уздечные украшения. По сравнению с другими регионами, в Северном Причерноморье процент коней с золотыми украшениями узды и седла необычайно высок. Третья часть из 67 конских захоронений содержала уздечные и седельные наборы с золотыми или серебряными украшениями. В 14 погребениях кони имели золотые украшения и в 24 погребениях – серебряные. Это важное отличие уздечных наборов Северного Причерноморья от наборов из других регионов Евразии скифской эпохи. В Нижнем Поволжье только один уздечный набор из кургана 23 *Комсомольский* содержал изделия, инкрустированные золотом: железная налобная пластина и железные уздечные фалары. В Южном Приуралье известен также только один набор из кургана 1 *Филипповского* могильника, все украшения которого (налобник, нахрапник, нащечные бляшки, декоративные концы псалиев и чумбурный блок) были изготовлены из золота. В Горном Алтае примерно в четверти конских захоронений были найдены предметы узды, покрытые золотой фольгой. Но это были деревянные украшения, покрытые тонкой золотой фольгой. В то время как в Северном Причерноморье все украшения представляют собой литые золотые предметы высокого художественного уровня.

Библиография

- Alekseev, Murzin, Rolle 1991:** А.И. Alekseev, V.И. Murzin, R. Rolle, Chertomlyk, Skifskii tsarskii Aleksandropol'skii kurgan IV v. do n.e. (Kiev 1991) // А.Ю. Алексеев, В.Ю. Мурзин, Р. Ролле, Чертомлык, Скифский царский Александропольский курган IV в. до н. э. (Киев 1991).
- Boltrik, Fialko 1987:** И.В. Boltrik, Е.Е. Fialko, K semantike izobrazhenii na konskoi uzde kurgana Oguz. Kimmeriitsy i skify: TD. Ch. 2 (Kirovograd 1987), 65-67 // Ю.В. Болтрик, Е.Е. Фиалко, К семантике изображений на конской узде кургана Огуз. Киммерийцы и скифы: ТД. Ч. 2 (Кировоград 1987), 65-67.
- Boltrik, Fialko 1996:** И.В. Boltrik, Е.Е. Fialko, Der Oguz-Kurgan. Die Grabanlage eines skythenkoenigs der Zeit nach Ateas. Hamburger Beitrage zur Archaeologie 18, 1991, 107-129 (Mainz am Rhein 1996).
- Fialko 1994:** Е.Е. Fialko, Pogrebal'nyi kompleks kurgana Oguz. Drevnosti skifov (Kiev 1994), 122-144 // Е.Е. Фиалко, Погребальный комплекс кургана Огуз. Древности скифов (Киев 1994), 122-144.
- Fialko 1995:** Е.Е. Fialko, Frakiiskaia uzda iz kurgana Oguz. SA 1, 1995, 133-146 // Е.Е. Фиалко, Фракийская узда из кургана Огуз. СА 1, 1995, 133-146.
- П'инскаиа 1973:** В.А. П'инскаиа, Skifskaia uzda IV v. do n.e. Skifskie drevnosti (Kiev 1973), 42-63 // В.А. Ильинская, Скифская узда IV в. до н. э. Скифские древности (Киев 1973), 42-63.
- П'инскаиа, Terenozhkin 1983:** В.А. П'инскаиа, А.И. Terenozhkin, Skifia VII-IV vv. do n.e. (Kiev 1983) // В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин, Скифия VII-IV вв. до н.э. (Киев 1983).
- Kovalev 1981:** N.V. Kovalev, Novaia nakhodka uzdy frakiiskogo tipa. Aktual'nye problemy arkheologicheskikh issledovaniy v Ukrainской SSR: Tezisy dokladov respublikanskoj konferentsii molodykh uchenykh (Kiev 1981), 50-51 // Н.В. Ковалев, Новая находка узды фракийского типа. Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: Тезисы докладов республиканской конференции молодых ученых (Киев 1981), 50-51.
- Mantsevich 1987:** А.Р. Mantsevich, Kurgan Solokha. Publikatsiia odnoi kollektcii (Leningrad 1987) // А.П. Манцевич, Курган Солоха. Публикация одной коллекции (Ленинград 1987).
- Meliukova 1981:** А.И. Meliukova, Krasnokutskii kurgan. (Moskva 1981) // А.И. Мелюкова, Краснокутский курган (Москва 1981).
- Mozolevskii 1973:** B.N. Mozolevskii, Skifskie pogrebeniia u s. Nagornoe bliz g. Ordzhonikidze. Skifskie drevnosti (Kiev 1973), 187-235 // Б.Н. Мозолевский, Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе. Скифские древности (Киев 1973), 187-235.
- Mozolevs'kii 1979:** B.M. Mozolevs'kii, Tovsta Mogila (Kiev 1979) // Б.М. Мозолевский, Товста Могила. (Киев 1979).
- Mozolevskii 1980:** B.N. Mozolevskii, Skifskie kurgany v okrestnostiakh g. Ordzhonikidze na Dnepropetrovs'hchine (raskopki 1972-1975 gg.). Skifia i Kavkaz (Kiev 1980), 70-155 // Б.Н. Мозолевский, Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972-1975 гг.). Скифия и Кавказ (Киев 1980), 70-155.
- Mozolevskii 1982: B.N. Mozolevskii, Skifskii „tsarskii” kurgan Zheltokamenka. Drevnosti stepnoi Skifii (Kiev 1982), 179-222 // Б.Н. Мозолевский, Скифский «царский» курган Желтокаменка. Древности степной Скифии (Киев 1982), 179-222.
- Mozolevskii, Polin 2005:** B.N. Mozolevskii, S.V. Polin, Kurgany skifskogo Gerrosa IV veka do n.e. Babina, Vodiana i Soboleva mogily (Kiev 2005) // Б.Н. Мозолевский, С.В. Полин, Курганы скифского Герроса IV века до н. э. Бабина, Водяна и Соболева могилы (Киев 2005).
- Ochir-Goriaeva 1988:** М.А. Ochir-Goriaeva, Savromatskaia kul'tura Nizhnego Povolzh'ia (VI-IV vv. do n.e.) (Leningrad 1988) // М.А. Очир-Горяева, Савроматская культура Нижнего Поволжья (VI-IV вв. до н.э.) (Ленинград 1988).
- Ochir-Goriaeva 1993:** М.А. Ochir-Goriaeva, O sootnoshenii pamiatnikov Nizhnego Povolzh'ia i Iuzhnogo Priural'ia v skifskuiu ehpokhu. Peterburgskii Arkheologicheskii Vestnik 4, 1993, 81-87 // М.А. Очир-Горяева, О соотношении памятников Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху. Петербургский Археологический Вестник 4, 1993, 81-87.
- Ochir-Goriaeva 1996:** М.А. Ochir-Goriaeva, Nakonechniki strel kochevnikov Nizhnego Povolzh'ia. RA 1, 1996, 41-45 // М.А. Очир-Горяева, Наконечники стрел кочевников Нижнего Поволжья. РА 1, 1996, 41-45.
- Ochir-Gorayeva 1998:** М.А. Ochir-Gorayeva, Early Iron Age Nomads of Low Volga Region (model of Cultural Development). BAR, 717 (Oxford 1998), 129-132.
- Ochir-Goryaeva 2000:** М.А. Ochir-Goryaeva, A Comparative Study of the Early Iron Age Cultures of the Lower

Volga and the Southern Urals Regions. Kurgans, Ritual sites, and Settlements Eurasien Bronze and Iron Age (Oxford 2000).

Parusimov 1994: I.M. Parusimov, Kurgan skifs'koi dobi z mogil'nika Koldiri. *Arkheologiya* 1, 1994, 110-113 // I.M. Парусимов, Курган скифської доби з могильника Колдирі. *Археологія* 1, 1994, 110-113.

Perevodchikova, Firsov 2004: E.V. Perevodchikova, K.B. Firsov, Ornamentirovanniy predmet iz kurgana Kozel: perezhitochniy gal'shtatskii stil' v skifskikh tsarskikh kurganakh? *Arkheologicheskie vesti* 11, 2004, 128-137 // E.B. Переводчикова, К.Б. Фирсов, Орнаментированный предмет из кургана Козел: пережиточный гальштатский стиль в скифских царских курганах? *Археологические вести* 11, 2004, 128-137.

Polin, Alekseev 2018: S.V. Polin, Iu.A. Alekseev, Skifskii tsarskii kurgan IV v. do n.e. v Nizhnem Podneprov'e (Kiev-Berlin 2018) // С.В. Полин, Ю.А. Алексеев, Скифский царский курган IV в. до н.э. в Нижнем Поднепровье (Киев-Берлин 2018).

Silant'eva 1959: L.F. Silant'eva, Nekropol' Nimfeia. Nekropoli bosporskikh gorodov. *MIA* 69, 1959, 3-107 // Л.Ф. Силантьева, Некрополь Нимфея. Некрополи боспорских городов. *МИА* 69, 1959, 3-107.

Skoryi 1997: S.A. Skoryi, Steblev: skifskii mogil'nik v Poros'e (Kiev 1997) // С.А. Скорый, Стеблев: скифский могильник в Поросье (Киев 1997).

Terenzhkin, Mozolevskii 1988: A.I. Terenzhkin, B.N. Mozolevskii, Melitopol'skii kurgan (Kiev 1988) // А.И. Тереножкин, Б.Н. Мозолевский, Мелитопольский курган (Киев 1988).

Мария Очир-Горяева, доктор исторических наук, Калмыцкий научный центр РАН Элиста, Россия/Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань, Россия, e-mail: mariaochir@gmail.com

Александр Назаров, Сергей Скорый

Скифские катакомбы в междуречье Роси и Тясмина

Key words: Scythians, Dnieper's Right Bank Forest-Steppe, catacombs, the grave of noble woman with arms.

Cuvinte cheie: Sciți, silvostepa din dreapta Niprului, catacombe, înmormântare de femeie nobilă cu arme.

Ключевые слова: Скифы, Днепровская Правобережная Лесостепь, катакомбы, захоронение знатной женщины с оружием.

Aleksandr Nazarov, Sergei Skoryi

Scythian catacombs in the interfluvium of Ross and Tyasmin

The article is devoted to the publication of Scythian burials of the 4th century BC in the catacombs, which were investigated in the late 1990s - early 2000's. years in the Dnieper Right Bank Forest-Steppe, in the interfluvium between Ross and Tyasmin. Of particular importance are materials from the grave of an armed woman, where numerous products, including precious metals, as well as horse's bones with elements of a harness are found.

Aleksandr Nazarov, Sergei Skoryi

Catacombe scitice în interfluviul Ros și Tiasmin

Articolul este dedicat publicării înmormântărilor scitice în catacombă din sec. IV î.Hr., care au fost investigate la sfârșitul anilor 1990 – începutul anilor 2000 în silvostepa din dreapta Niprului, în interfluviul Ros și Tiasmin. De o importanță deosebită sunt materialele din mormântul unei femei înarmate, unde au fost descoperite numeroase piese, inclusiv din metale prețioase, precum și oasele unui cal cu elemente ale căpăstrului.

Александр Назаров, Сергей Скорый

Скифские катакомбы в междуречье Роси и Тясмина

Статья посвящена публикации скифских захоронений IV в. до н.э в катакомбах, которые были исследованы в конце 1990-х – начале 2000-х годов в Днепровской Правобережной Лесостепи, в междуречье Роси и Тясмина. Особое значение имеют материалы из могилы вооружённой женщины, где обнаружены многочисленные изделия, в том числе из драгоценных металлов, а также кости коня с элементами уздечной упряжи.

Погребальные сооружения в виде подземных катакомб типичны для степных скифов Северного Причерноморья 2-ой половины V-начала III вв. до н.э. Встречаясь за пределами указанного региона, они являются убедительным индикатором продвижения степных кочевников на иные территории Восточной Европы.

В украинской Лесостепи захоронения в катакомбах наиболее хорошо представлены в южной части Днепровского Лесостепного Правобережья, прежде всего, в бассейне р. Тясмин, в междуречье Горного и Гнилого Тикича, в меньшей степени – в Поросье. В общей сложности в Правобережной Лесостепи известно ныне 47 таких могил [Skoryi 2003, 84, 125-129, tabl. 7; Skoryi, Khokhorovski 2002, 245, fig. 2; Grigor'ev, Skoryi 2011, 189, fig. 16; 192, fig. 19; 197, fig. 26; 205, fig. 38].

Иногда курганы с катакомбами составляют небольшие могильники из нескольких насыпей, как, например, у сс. Капитановка, Петровка, Вишнополь.

Вторым районом по степени распространения степных скифских катакомб является Приднепровская террасовая Лесостепь, на Левобережье Днепра, где зафиксировано около 30 таких погребальных сооружений. Часть из них расположена в курганах, составляющих могильники, встречаемые по этому степному «коридору», вплоть до широты Киева (например, Бориспольские курганы) [Fialko 1994]. Некоторые, также как степные или правобережные захоронения, представляют собой мужские воинские погребения, как, например, могила тяжеловооружённого скифа из кургана у с. Гладковщина [Grigor'ev 1994].

На территории остальных локальных групп Днепровского Лесостепного Левобережья погребальные конструкции в виде катакомб встречаются крайне редко. В настоящее время не более 10 из них известно в курганах на Северском Донце [Moruzhenko 1989, 28-29; Aks'onov, Babenko 2007; 2008, 7-8, 10, fig. 2; Babenko 2005,

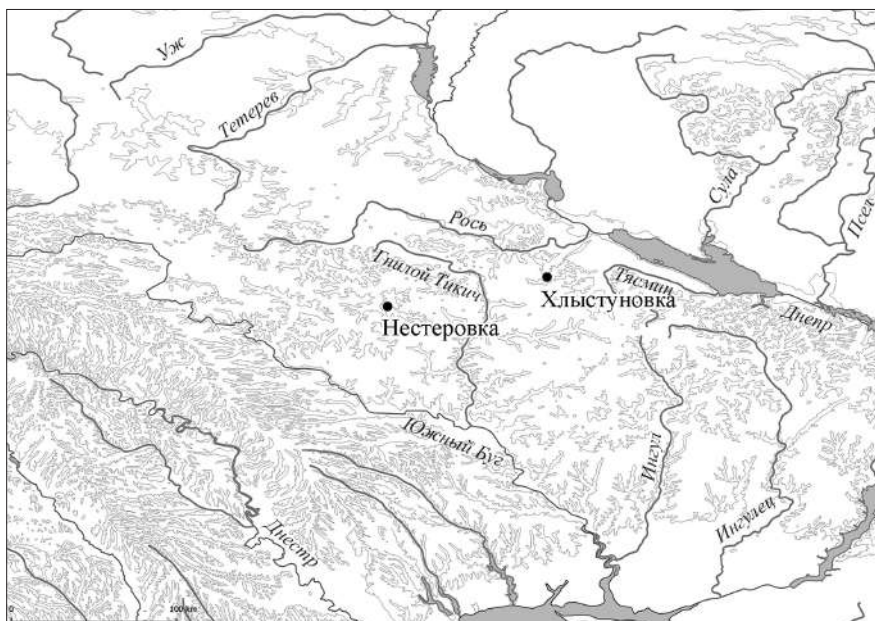

Рис. 1. Расположение сёл Хлыстуновка и Нестеровка на карте Черкасской области.

Fig. 1. Location of the villages Khlystunovka and Nesterovka on the map of the Cherkassy region.

268, fig. 35, 5; Grechko 2010, 49; Okatenko 2015]. Лишь одна катакомба обнаружена пока в бассейне р. Ворскла, непосредственно на территории Большого укрепления Бельского городища скифского времени [Murzin, Rolle, Skoryi 1995, 80-84, fig. 2].

В любом случае подобные погребальные сооружения в пределах всей украинской Лесостепи обнаружены пока в количестве не более 90 единиц. Цифр эта выглядит достаточно скромной на фоне сотен могил скифской поры в данном регионе, имеющих иное устройство.

В свете сказанного открытие новых памятников указанного типа в данном ареале, независимо от их локализации, представляет несомненный интерес.

Настоящая работа посвящена публикации материалов 3-х катакомб скифской поры, исследованных Экспедиционным отрядом Археологической инспекции управления культуры Черкасской облгосадминистрации под руководством А.В. Назарова в 1997 и 2003 гг. в междуречье Роси и Тясмина – Киево-Черкасском регионе Днепроовского Лесостепного Правобережья¹. Обнаружены катакомбы в 2-х курганах.

1. Все материалы из исследованных памятников хранятся в фондах Корсунь-Шевченковского государственного историко-культурного заповедника.

Курган №1 у с. Хлыстуновка Городищенского р-на Черкасской обл.² (рис. 1)

Входил в группу из 4-х насыпей, бессистемно расположенных на северо-западной околице села, на водоразделе.

Три из четырех насыпей, в том числе №1, основательно разрушены многолетней вспашкой. Лишь насыпь кургана №4 имела задернованную насыпь, высотой до 2,0 м, при диаметре 25 м, но центр и полы его были нарушены скотомогильниками.

Курган №1 – самый южный памятник данной группы и к моменту исследования был сильно распахан, имея высоту не более 0,25 м. Диаметр кургана практически не улавливался, но, похоже, что он был крайне невелик, не более 15 м (рис. 2).

Раскопки осуществлялись на снос, с оставлением центральной бровки шириной до 1,0 м, ориентированной по оси запад-восток.

Отсчёт глубин производился от репера, которым служил уровень поверхности насыпи кургана в районе центрального колышка разметки (условный центр), по сути – древний горизонт.

Паханный слой чернозёмной насыпи залегал по большей части подкурганной поверхности на

2. Охранные работы осуществлены в 1997 г. Информация дана по научному отчёту: [Nazarov 1997/74, 34-37, fig. 83-93].

глубину 0,25 м. В восточной части, под ним, был зафиксирован могильный выкид материкового суглинка. Ниже, располагалась погребённая почва мощностью до 0,80-0,90 м.

В кургане открыты 2 могилы в виде катакомб (рис. 2). Обе они однотипны, бездромосные, слегка различаются в деталях. По типологии В.С. Ольховского, относятся ко II типу, подварианта А, т.е. катакомбам, у которых длинные оси входной ямы и камеры расположены на одной прямой [Ol'khovskii 1991, 27, 215, tabl. II]. Подобные катакомбы, весьма простые по устройству, получили чрезвычайно широкое распространение в Северном Причерноморье в скифскую эпоху.

Погребение №1

Входная яма подквадратной формы с закруглёнными углами, размерами 0,80x0,95 м, находилась на расстоянии 2,5 м к западу-северо-западу от репера, частично заходя в центральную бровку. Заполнение ямы – чернозём с прослойками материкового суглинка. На глубине 1,7 м от репера, под юго-западной стенкой ямы, была открыта ступенька шириной 0,20 м, которая шла параллельно указанной стене по всей её длине.

Дно входной ямы располагалось на глубине 2,2 м от репера. В северо-восточной стене ямы была выявлена довольно узкая погребальная камера, расположенная параллельно входной яме. Вход в неё, в своё время, закрывал деревянный заслон, от которого сохранился древесный тлен, на дне канавки, куда он вставлялся.

Дно погребальной камеры на 5 см выше дна входной ямы. Погребальная камера, довольно узкая, почти прямоугольной формы, с лёгким расширением в центральной части и слегка скруглёнными углами. Ориентирована по оси запад-юго-запад – восток-северо-восток. Размеры камеры – 1,80x0,80 м. Свод её – арковидный, при высоте 0,70-0,80 м (рис. 3). Погребение не нарушено.

В камере был выявлен костяк подростка (вероятно, девочки), который лежал на спине,

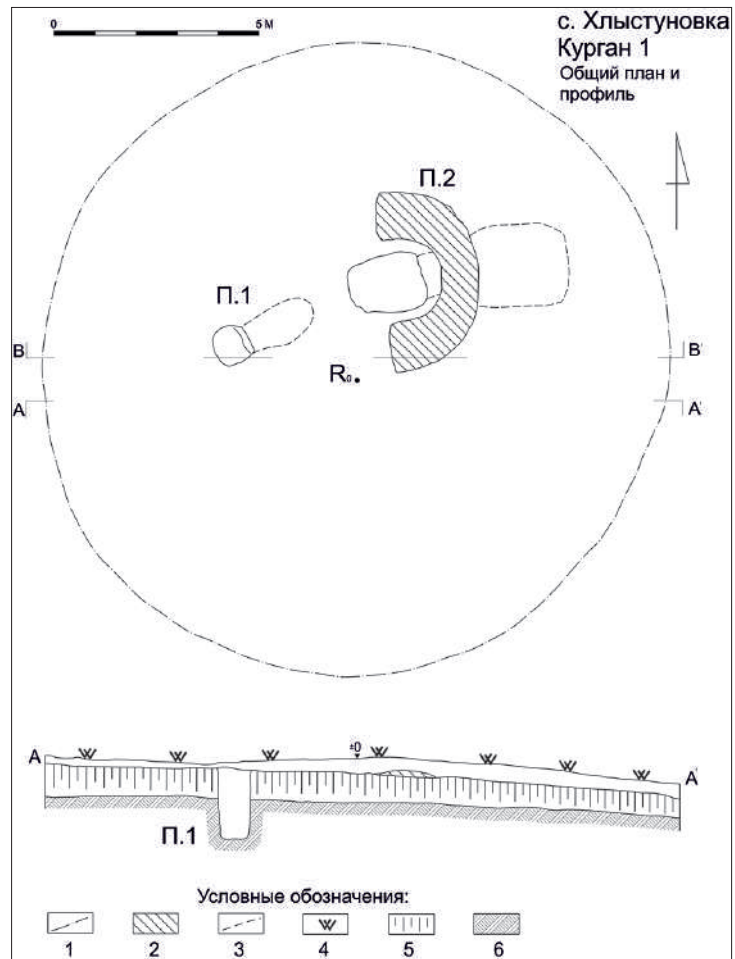

Рис. 2. Хлыстуновка, курган №1. План и профили. Условные обозначения: 1 - примерный диаметр насыпи; 2 - глиняный выкид из могилы; 3 - невидимый контур подземной камеры; 4 - остатки насыпи кургана; 5 - древний чернозём; 6 - материк (глина).

Fig. 2. Khlystunovka, barrow №1. Plan and profiles. Legend: 1 - nominal embankment diameter; 2 - clay discharge from the grave; 3 - invisible contour of the underground chamber; 4 - the remains of the mound; 5 - ancient chernozem; 6 - mainland clay.

с вытянутыми вдоль туловища конечностями. Череп повернут на правый бок. Костяк ориентирован головой на юго-запад. Он располагался на грубой ткани или циновке, сплетённой из соломы. Из-за плохой сохранности точное определение материала затруднительно. От подстилки сохранился только тлен рыжеватого-серого цвета в «сеточку» (рис. 3; 4,1-2).

При костяке найдены: пастовые бусы, в районе груди; бронзовые бляшки, вблизи правой руки; сильно окисленная медная (?) серьга, у правого уха.

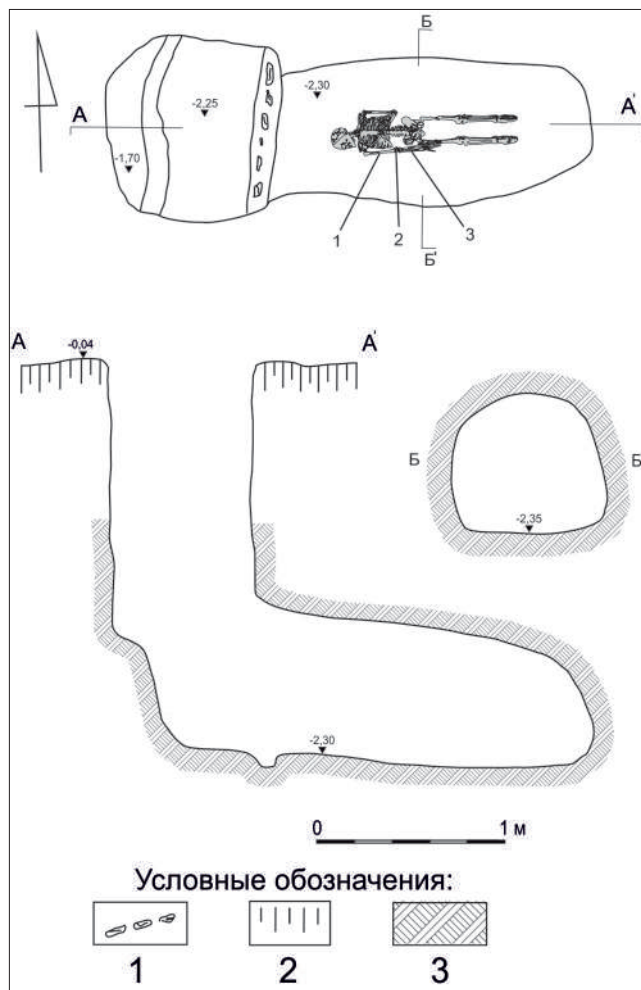

Рис. 3. Хлыстуновка, курган №1, могила №1. План и разрезы: 1 - стеклянные подвески; 2 - бусы; 3 - бронзовые бляшки. Условные обозначения: 1 - остатки дерева заклада; 2 - древний чернозём; 3 - материк (глина).

Fig. 3. Khlystunovka, barrow №1, grave №1. Plan and sections. 1 - glass pendants; 2 - beads; 3 - bronze plaques. Legend: 1 - the remains of the mortgage tree; 2 - ancient chernozem; 3 - mainland clay.

Характеристика находок

1. *Ожерелье* включало пастовые бусы и подвески.

Бусы пастовые – 58 экз. Из них, 12 – беложёлтых, округлых, диаметром до 0,5 см; 36 – голубовато-синих, также округлых, диаметром до 0,5 см; одна – кольцевидная, синего цвета, диаметром до 1,0 см и толщиной до 0,5 см: одна – округлая, диаметром 0,7 см и одна биконическая, диаметром 0,7 см и длиной 0,6 см, обе – прозрачные. Ещё одна бусина – округлая, полихромная: на красном фоне – белые круги с точками. Её диаметр 0,8 см.

Кроме того, в состав ожерелья входили 6 амфоровидных подвесок из прозрачного стекла, высотой 1,3-1,5 см, с диаметром в наиболее широком месте до 1,0 см (рис. 5,2).

2. *Бляшки бронзовые* (9 экз.), вогнуто-выпуклые, в поперечнике 0,5-0,6 см, с диаметром отверстия 0,15 см (рис. 5,1). Вероятно, они являлись украшениями браслета, изготовленного из органического материала и по этой причине не сохранившегося.

3. *Серьга* сильно окислена, но, похоже, имела вид проволочного кольца диаметром 1,2 см.

Погребение №2

Располагалось к востоку-северо-востоку от погребения № 1 и к северу от условного центра (рис. 2). Контуры входной ямы начали чётко проявляться лишь на глубине 1,5 м от репера. С востока её охватывала линза материкового выкида в виде подковы, размерами 4,2x2,2 м, толщиной до 0,10 м.

Входная яма подпрямоугольной формы, размерами 1,7x1,25 м, ориентирована по линии запад-восток. Заполнение до глубины 2,5 м – твёрдый чернозём, а дальше, до глубины 4,7 м, т.е. до дна – чернозём вперемежку с суглинком, на фоне которого хорошо читалось чёрное пятно твёрдого чернозёма под восточной стеной. В западной и юго-западной стенах, на глубине, соответственно, 1,9, 2,6 и 3,5 м, были зафиксированы 3 ступеньки. Дно ямы неровное, имеет понижение в сторону погребальной камеры. Следует отметить, что в восточной стене входной ямы, с глубины примерно 3,60 м и до входа в подземную камеру, наблюдалась врезка глубиной до 0,10 м. Очевидно, это врезка, вместе с канавкой, прокопанной вдоль этой стены, служили для установки деревянного заслона, который закрывал вход в погребальную камеру (рис. 6,1).

К слову сказать, когда появилось отверстие входа в подземелье, посредине оно было забито затёчным чернозёмом. По бокам же, по 10-15 см с каждой стороны, оставалась пустота, которая образовалась вследствие истлевания деревянного заслона. Это свидетельствует о том, что катакомба была ограблена тогда, когда дерево было ещё крепким и во время проникновения грабителей, по бокам, оно не было нарушено.

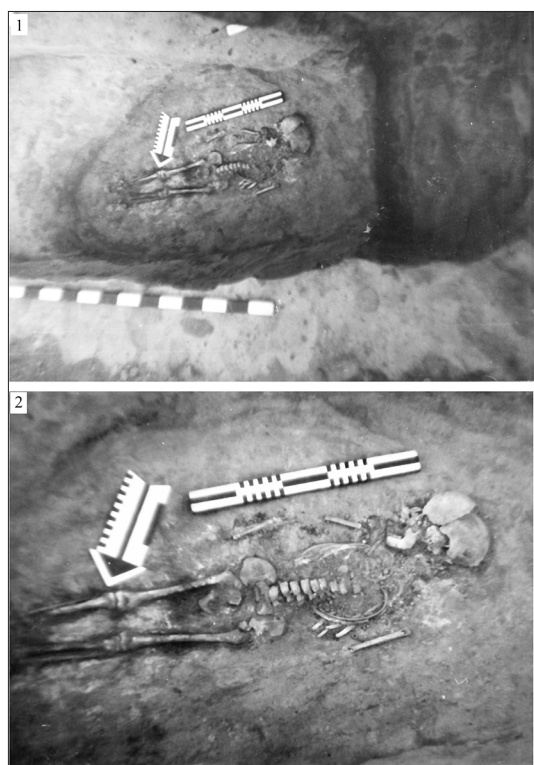

Рис. 4. Хлыстуновка, курган №1, могила №1. Скелет девочки на дне могилы.

Fig. 4. Khlystunovka, barrow №1, grave №1. The skeleton of the girl at the bottom of the grave.

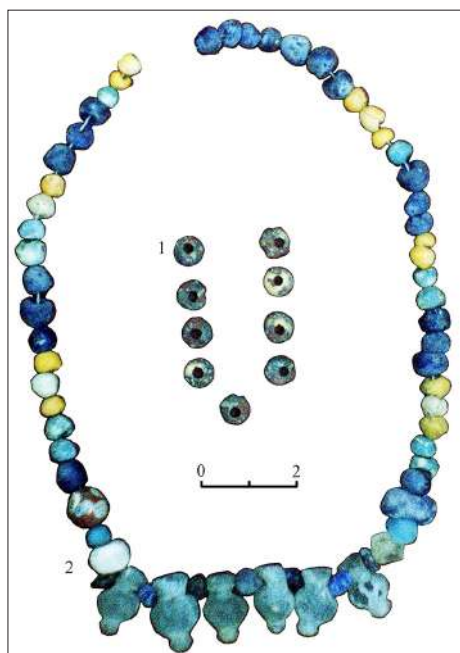

Рис. 5. Хлыстуновка, курган №1, могила №1. Вещи из могилы.

Fig. 5. Khlystunovka, barrow №1, grave №1. Things from the grave.

Вход в подземную камеру имел сводчатую форму, в виде полуовала. Высота его – до 1,0 м, ширина – 1,20 м (рис. 6, I).

Погребальная камера – подпрямоугольной формы, размерами 3,60x2,10 м, размещена параллельно входной яме и, соответственно ориентирована по оси запад-восток. Свод погребальной камеры обвалился, поэтому определить первоначальную высоту сложно. Дно камеры – несколько покатое от входа, к восточной, торцевой, стене погребальной камеры. В западной части его глубина от репера 4,85 м, в восточной – 5,0 м (рис. 6, I).

На дне выявлены человеческие кости, сдвинутые к южной стене, и кости быка – у северной стены. Исходя из количества человеческих костей, можно полагать, что в могиле был похоронен один покойник. Между костями встречались фрагменты истлевшей ткани розово-пепельного цвета.

В дромосе найдена единственная находка – верхняя часть костяной ручки ножа, которая состояла из двух колодок, имевших в сечении восьмигранную форму, скреплённых железной скобкой. Длина фрагмента 5,0 см, толщина до 1,5 см (рис. 6, II).

Захоронение девочки в катакомбе №1, исходя из размеров погребальной конструкции, скромного погребального инвентаря (подчёркнём, что могила не ограблена), несомненно, принадлежало представительнице рядового населения.

Вещевой набор, не особенно презентабельный (в частности, пастовые бусы описанной формы и цветовой гаммы), в целом характерен для скифской материальной культуры IV в. до н.э. [Chernenko, Buniatian 1977, 48, fig. 9, 8, 12, 16; Bidzilia et al. 1977, 109, fig. 16]. Во всяком случае, наиболее выразительные по форме бусы в виде амфоровидных подвесок находят ближайšie аналогии именно в памятниках указанного времени [Chernenko, Buniatian 1977, 48, ris. 9,1; Terenozhkin, Mozolevskii 1988, 84, fig. 90; Polin 2014, 44, fig. 18, 6].

Захоронение в катакомбе №2, несмотря на опустошительное ограбление, при учёте размеров погребальной камеры, её довольно большой глубины (до 5 м), содержало останки отнюдь не рядового покойника. Можно осторожно предположить, что в могиле, с учётом масштабности

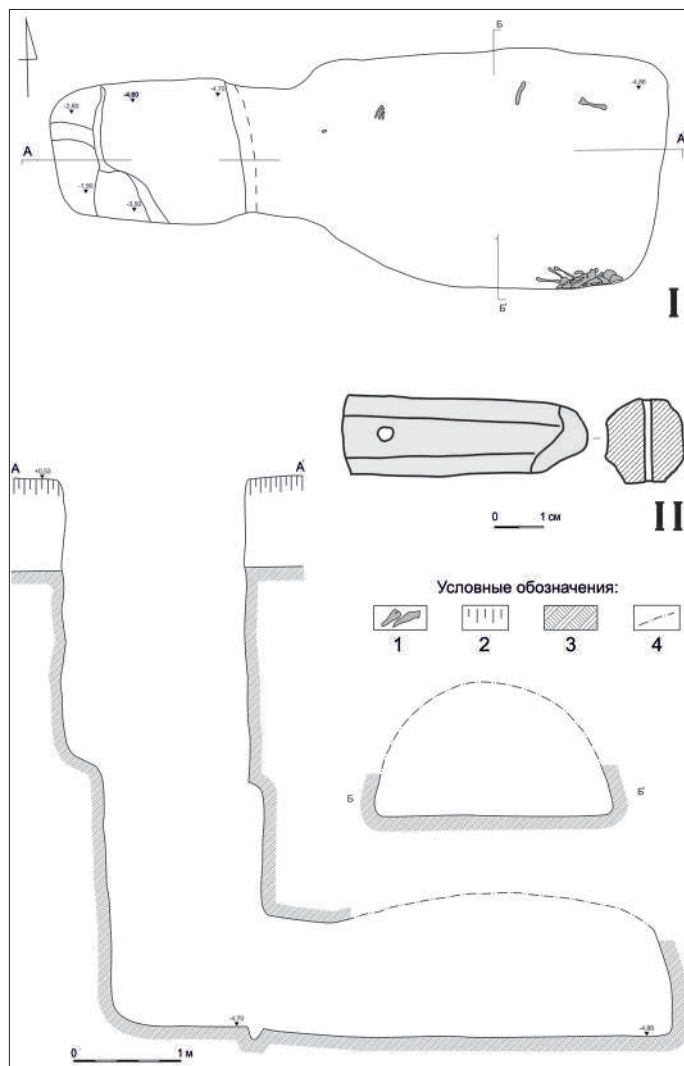

Рис. 6. Хлыстуновка, курган №1, могила №2. План и разрез (I), костяные накладки на ручку железного ножа (II). Условные обозначения: 1 - кости человека; 2 - древний чернозём; 3 - материк (глина); 4 - рухнувший свод подземной камеры.

Fig. 6. Khlystunovka, barrow №1, grave №2. Plan and sections (I), bone linings on the handle of an iron knife (II). Legend: 1 - human bones; 2 - ancient chernozem; 3 - mainland clay; 4 - collapsed arch of the underground chamber.

погребальной конструкции, значительного числа бычьих костей от напутственной пищи, был похоронен мужчина.

Судя по сохранившейся ручке железного ножа с костяными гранеными накладками-колотками, захоронение в катакомбе №2 также может быть отнесено к IV в. до н.э. Во всяком случае, подобные орудия труда получили широкое распространение в быту скифов именно в это время.

В пользу археологической (а, скорее всего, и реальной) синхронности двух погребений свидетельствует отсутствие какой-либо досыпки в насыпи кургана.

Не исключено, что рядовое захоронение (№1) являлось сопровождающим для погребения №2.

с. Нестеровка Маньковского р-на

Исследованный курган³ входил в состав могильника из 9 насыпей на северной окраине с. Нестеровка (рис. 1), на плато безымянного ручья, правого притока р. Горный Тикич. Данный могильник состоит из 3-х курганных групп, вытянутых цепочками в направлении северо-запад – юго-восток.

Курган относился к центральной группе, что насчитывала 5 насыпей, высотой 0,3-1,5 м, и являлся самым маленьким и последним на юго-западной периферии группы.

Насыпь его – овальная в плане, высотой до 0,3 м, при диаметре примерно 35 м, подвергалась многолетней распашке (рис. 7). Центр кургана несколько смещён к югу. При визуальном осмотре не было выявлено ни пятен от могильного выкида, ни фрагментов костей или керамики. Погребённая почва слабо просматривалась на глубине около 0,30 м в центральной

части кургана. Здесь же были зафиксированы пятна двух ям: к северо-западу от условного центра (репера) – прямоугольной формы, к северу – округлой. Дальнейшие исследования показали, что первая из них являлась входной ямой катакомбы, а вторая – грабительской. Курган раскопан с оставлением 4-х бровок, однако, с точки зрения стратиграфии они практически ничего не дали из-за сильной распашки насыпи.

Погребение № 1 (единственное и основное)

Находилось слегка севернее репера – самой высокой точки поверхности кургана.

Здесь также обнаружена бездромосная катакомба, относящаяся, по типологии В. С. Ольховского, ко II типу, подварианту А, т.е. катакомбам, у которых длинные оси входной ямы и камеры

3. Охранные работы осуществлены в 2003 г. Информация дана по научному отчёту: [Nazarov 2003/170, 4-9, 31-40, fig. 2-11].

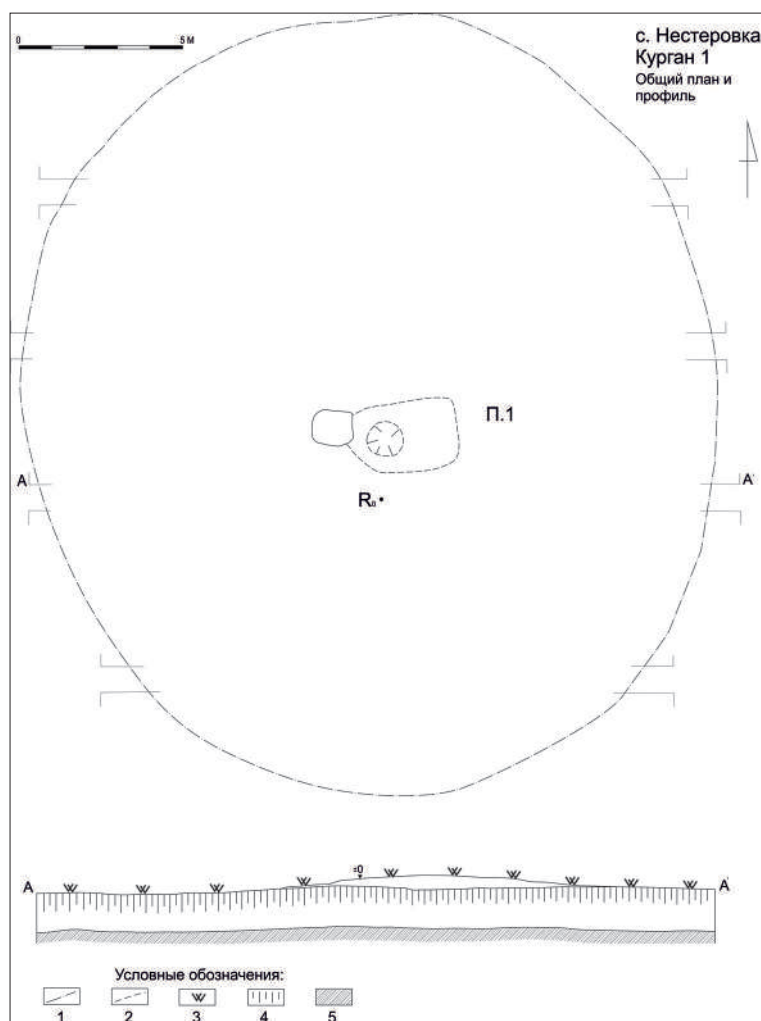

Рис. 7. Нестеровка, курган. План и профиль центральной бровки. Условные обозначения: 1 - примерный диаметр насыпи; 2 - невидимый контур подземной камеры; 3 - остатки насыпи кургана; 4 - древний чернозём; 5 - материк (глина).

Fig. 7. Nesterovka, a barrow, plan and profile of the central edge. Legend: 1 - approximate diameter of the mound; 2 - invisible contour of the underground chamber; 3 - the remains of the mound; 4 - ancient chernozem; 5 - mainland clay.

расположены на одной прямой [Ol'khovskii 1991, 27, 215, tabl. II].

Входная яма катакомбы имела подпрямоугольную форму, с размерами в верхней части 2,4x1,7 м, и была ориентирована по оси запад-восток. Заполнение ямы в верхней части – чернозём. Ближе ко дну оно состояло преимущественно из материкового суглинка с включениями древесного тлена – очевидно, остатков деревянного заслона.

Во входной яме, вдоль западной стенки, на-

ходились 6 приступок (ступенек), вырезанных в материковом суглинке. Длина ступенек от 0,25 до 1,2 м. В разрезе они имели закруглённые углы.

Глубина ступенек от уровня древнего горизонта 1,5; 2,5; 4,1; 4,6; 6,07; 6,6 м.

В восточной стене, на глубине 2,25 м, зафиксирована ниша с аркоподобным сводом через всю стену, глубиной до 0,3 м, которая прослеживалась до глубины 3,4 м. Ниже стенка была обваленной.

Погребальная камера (а точнее – её пол) находилась на глубине 7,1 м от уровня древнего горизонта. От входной ямы, что находилась на запад от неё, погребальную камеру отделяла канавка глубиной 0,1-0,15 м и шириной до 0,2 м, на дне которой прослеживались остатки 12 некогда вертикально стоявших досок от заслона, шириной примерно около 20 и толщиной до 7 см.

Размеры погребальной камеры 3,3x3,2 м. Ориентирована она длинной осью по линии запад-восток. Северная стена слегка закруглена (рис. 8). Стены камеры наклонены, хорошо выглаженные, без следов

орудий труда. На них отложились природные карбонаты, из-за проникновения воды в камеру через траншеи, образовавшиеся вследствие проседания потолка. Наличие указанных карбонатов на стенах подземной камеры создают впечатление их побелки.

Свод подземелья не сохранился, но исходя из остатков стен, очевидно, что он был аркоподобный, хотя и не очень крутой. Сама погребальная камера была заполнена материковым суглинком с просевшего свода и чернозёмом из вертикальной грабительской ямы.

Грабительская яма, круглая в плане, находилась на расстоянии 1,2 м на юго-восток от входной ямы и имела диаметр до 1,5 м. Она была прослежена не на всю глубину из-за частичного обвала в древности и полного обвала свода во время исследования.

Дно погребальной камеры ровное, местами покрыто тонким слоем (до 0,3 см) органики ко-

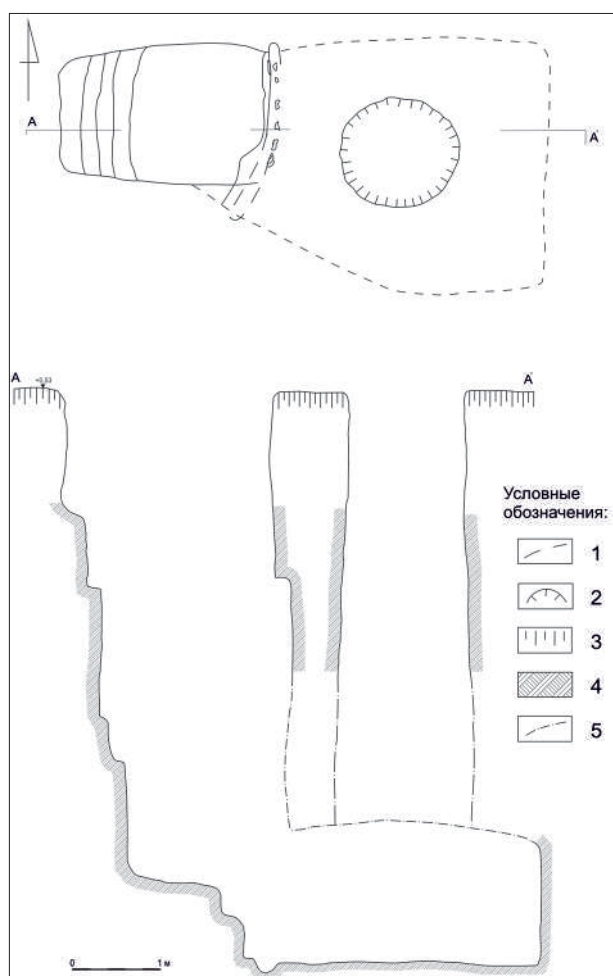

Рис. 8. Нестеровка, курган, могила №1. План и разрезы. Условные обозначения: 1 - невидимый контур подземной камеры; 2 - грабительская яма; 3 - древний чернозём; 4 - материк (глина); 5 - рухнувший свод подземной камеры.

Fig. 8. Nesterovka, a barrow, grave №1. Plan and sections. Legend: 1 - invisible contour of the underground chamber; 2 - predatory pit; 3 - ancient chernozem; 4 - mainland clay; 5 - collapsed arch of the underground chamber.

ричного цвета.

На нём находились останки коня (юго-восточный сектор камеры) и человека (южный сектор камеры) (рис. 9).

Костяк человека, будучи в анатомическом положении, выглядел всё же неестественно: он лежал вытянуто на животе, с согнутой шеей и черепом, прикрытым левым плечом. Ориентирован головой на восток.

Судя по довольно представительному сохранившемуся инвентарю, захоронение принадлежит женщине⁴.

4. К большому сожалению, костный материал из погребе-

Основное скопление находок, связанных с погребённой, концентрировалось в северной половине погребальной камеры, особенно её северо-западном секторе.

В северо-восточном секторе зафиксированы костяное веретено с керамическим пряслищем, пастовая бусина. Южнее находился железный нож, возле ручки которого лежал железный предмет, похожий на пучок коррозированных железных иголок (рис. 9,1,4-5).

В северо-западном секторе компактно располагались бронзовое зеркало, несколько скоплений золотых бляшек и бронзовых наконечников стрел. Бляшки и наконечники стрел встречались также и в заполнении погребальной камеры. Кроме них, было найдено ещё 2 золотые подвески к головному убору (рис. 9,4,8-10,12).

Нарушенный остов коня, судя по положению наиболее крупных костей, лежал головой на запад. На костях и возле них обнаружены большие серебряные бляхи-фалары, ворворки, пронизь – украшения конской упряжи (рис.9, 3,6). При этом ворворки и пронизь располагались в задней части остатков конского костяка, предположительно – в районе хвоста.

Учитывая концентрацию основного количества находок (и в первую очередь – золотых аппликаций от одежды, зеркала и пр.) в северной части камеры, вполне логично предположить, что первоначально покойница находилась именно там и, судя по расположению зеркала, лежала, скорее всего, головой на запад.

При ограблении (а оно, вероятнее всего, произошло через небольшой интервал времени после захоронения) труп умершей был перемещён в южную, освещаемую сверху через грабительский «колодец», часть камеры. Именно там с неё были сняты, вероятно, наиболее ценные украшения, при этом труп был перевернут вниз лицом и приобрёл несколько неестественное положение.

Что же касается трупа коня, то в силу своей тяжести он вряд ли перемещён с первоначального места, хотя его также, несомненно, потревожили, сняв, по-видимому, некоторые уздечные принадлежности.

Характеристика находок

Все артефакты, оставшиеся после ограбления, могут быть подразделены на следующие

ния не подвергался антропологическому и палеозоологическому исследованиям и оказался безвозвратно утраченным.

категории: 1). украшения; 2). предметы туалета; 3). орудия труда; 4). вооружение; 5). детали конской упряжи.

Украшения представлены, прежде всего, золотыми штампованными бляшками-апликациями и подвесками, а также – пастовыми бусами.

Бляшки-апликации круглой формы подразделяются на 5 типов:

1). Апликация, довольно больших размеров, с изображениями двух крылатых существ, располагающихся относительно друг друга в геральдической позе.

Персонажи стоят на задних лапах, при этом туловище животных изображено в профиль, а голова дана в фас. Из-за схематичности изображения, но ещё более вследствие повреждения апликации (она смята и разорвана по центру), некоторые детали просматриваются очень слабо. Однако у левого персонажа сравнительно хорошо видно окончание ноги с раздвоенным копытом, у правого – изогнутый короткий хвост. Короткие крылья имеют серповидную форму. Детали головы более-менее отчётливы у правого персонажа. Она с широким лицом и ртом, нос в виде прямой складки, глаза переданы выпуклыми кружочками. В центральной части головы – расходящиеся в стороны рожки.

В нижней части бляхи весьма условно переданы левосторонние изображения козлиных голов.

По краю апликация декорирована горизонтальными рубчиками.

Диаметр изделия около 50 мм, толщина 0,2 мм, вес около 2,6 г (рис. 10,1).

Украшение имеет 10 отверстий, выполненных крайне небрежно для крепления его на какой-то твёрдой основе. Шесть из них находятся по краям изделия: по 2 сверху и по одному – по бокам, 4 отверстия – в центре, непосредственно на изображениях.

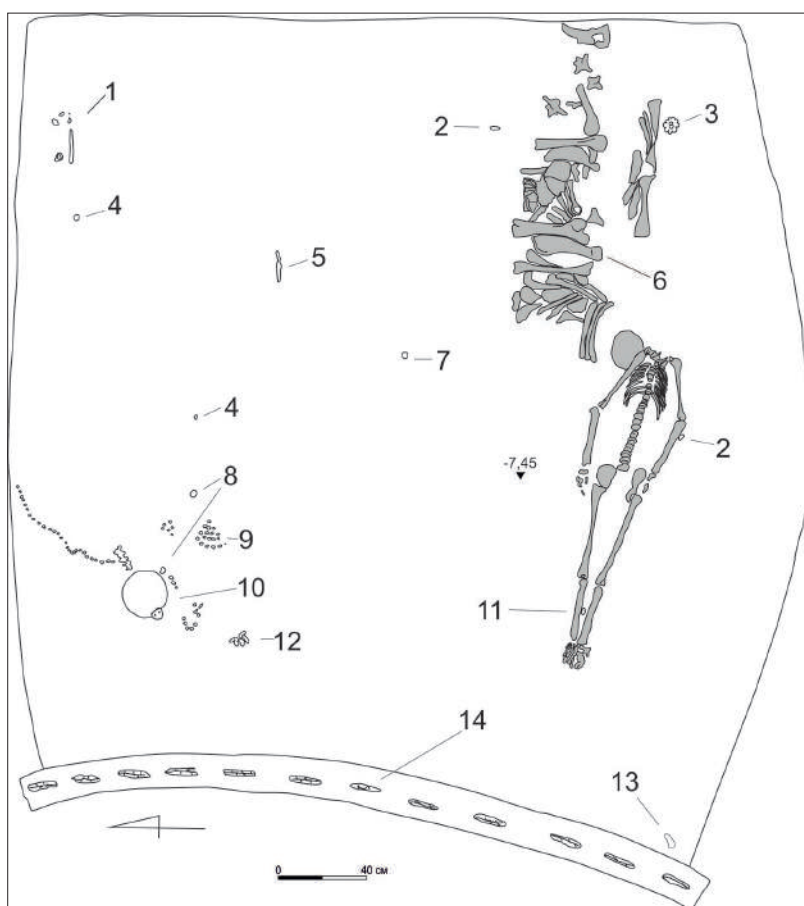

Рис. 9. Нестеровка, курган, могила №1. Погребальная камера: 1 - костяное веретено; 2 - бусы тёмно-синего цвета; 3 - мелкие серебряные ворворки; 4 - округлые бусы голубого цвета; 5 - железные нож и иголки (?); 6 - серебряные фалары; 7 - круглая бусина жёлтого цвета; 8 - золотые бляшки-лица с причёской; 9 - мелкие золотые полусферические бляшки; 10 - бронзовое зеркало; 11 - золотые бляшки-лица без причёски; 12 - бронзовые наконечники стрел; 13 - железный вток; 14 - остатки деревянного заслона.

Fig. 9. Nesterovka, a barrow, grave №1. *Funerary chamber:* 1 - bone spindle; 2 - dark blue beads; 3 - small silver fag; 4 - round beads of blue color; 5 - iron knife and needles (?); 6 - silver falaras; 7 - yellow round bead; 8 - golden plaques-faces with a hairstyle; 9 - small golden hemispherical plaques; 10 - bronze mirror; 11 - golden plaques-faces without hair; 12 - bronze arrowheads; 13 - iron inlet; 14 - the remains of a wooden barrier.

Их наличие определённо свидетельствует о вторичном использовании данного украшения, которое, несомненно, крепилось первоначально на твёрдую(?) основу не посредством отверстий, а иным способом.

Полных аналогий данному изображению найти не удалось. В определённой степени сход-

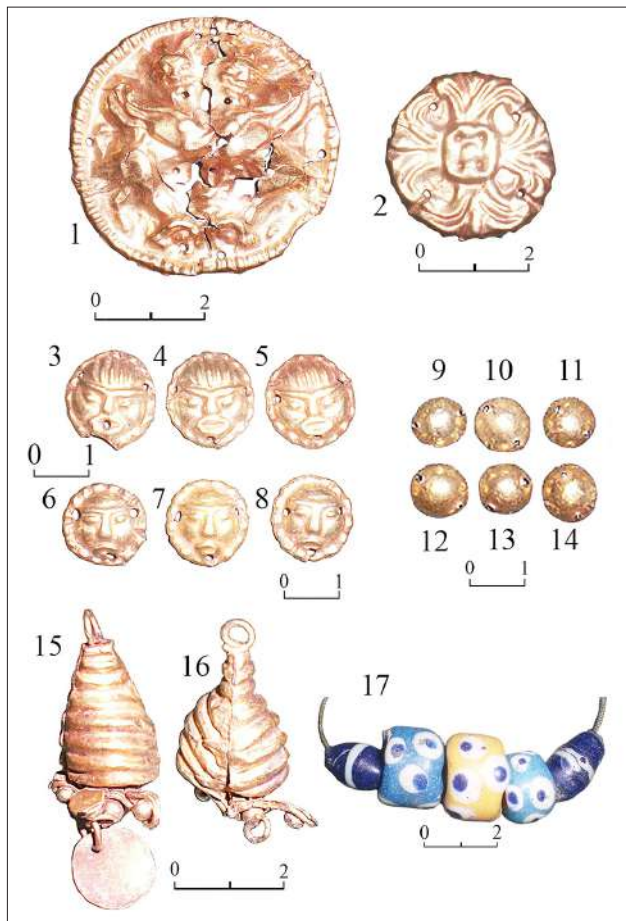

Рис. 10. Нестеровка, курган, могила №1. Золотые изделия: 1-2 - крупные бляхи; 3-8 - бляшки с изображением человеческих лиц; 9-14 - мелкие бляшки - украшения женской одежды; 15-16 - подвески; 17 - бусы ожерелья.

Fig. 10. Nesterovka, a barrow, grave №1. Gold items: 1-2 - big plaques; 3-8 - plaques depicting human faces; 9-14 - small plaques - jewelry of women's clothing; 15-16 - suspension brackets; 17 - beads necklace.

ные крылатые существа с подобной рогатой личиной изображены на двух верхних золотых лентах – аппликаций калафа, найденных в северо-восточной камере кургана Чертомлык. Отличия: существа изображены опирающимися на все лапы, туловище у них, похоже, кошачьего хищника и крылья с хорошо проработанными перьями иной формы. Даны они в сценах противостояния с орлиноголовыми грифонами [Alekseev, Murzin, Rolle 1991, 206-207, №128].

В целом, геральдическая схема противостояния крылатых существ на задних лапах, серповидная форма их крыла, наличие в нижней части бляхи козлиных голов выглядят довольно архаично и, возможно, свидетельствуют об изготов-

лении данной аппликации в качестве реплики или подражания более ранним образцам.

2). Бляшка – розетка с изображением стилизованного креста с плавно расходящимися в сторону краями, центральной частью в виде небольшого квадратика с округлой выпуклостью в центре и четырьмя округлыми вогнутостями по краям.

Диаметр аппликации 30 мм, толщина 0,2 мм, вес 1,1 г. Для нашивания на одежду на бляшке – 4 отверстия, симметрично расположенные по краям (рис. 10,2).

Круглые ажурные бляшки, аналогичные рыжановским, известны в ряде погребальных памятников знати скифского периода, относящимся к последним десятилетиям IV в. до н.э.: Александрополь, 8-ом Пятибратнем кургане, гробнице «а» Большой Близицы [Alekseev 1987, 34, fig. 3; 11; 38] или началу III в. до н.э. – в Боковой гробнице Большого Рыжановского кургана [Ossowski 1888, tabl. III, 22]. При этом нашу аппликацию отличает от изделий из перечисленных курганов следующее. У изделий из указанных памятников у каждого конца креста вырезаны углубления, придавшие некоторую ажурность аппликациям. Этой особенности нет у бляшки из катакомбы у с. Нестеровка.

3). Три выпукло-вогнутые, почти полусферические бляшки в виде масок людских личин со стилизованным причёской выше бровей, обрамлённые рельефным рубчатый валиком. Диаметр бляшек 13-14 мм, при толщине 0,2 мм и весе 0,3-0,4 мм. Для нашивания на одежду – 3 отверстия: 2 по бокам, возле валика, и по одному – внизу (рис. 10,3-5).

Подобные аппликации с изображением личины и стилизованной причёской встречаются нечасто. Абсолютно аналогичные бляшки найдены, например, в Нижнем Поднепровье: гробнице №1 кургана Бабина Могила в [Mozolevskii, Polin 2005, tabl. 12, 28], относящейся к 3-ей четверти IV в. до н.э., а также в составе околоскурганной тризны царского кургана Александрополь, время которого определяется 340-330 гг. до н.э. [Polin, Daragan 2018, 342, 344, fig. 9, kat. 51]⁵.

4). Три схожие с предшествующими по орнаментации бляшки, правда, без стилизованно-

5. Примечательно, что данные бляшки трактуются авторами раскопок в качестве аппликаций, украшавших женскую одежду [Polin, Daragan 2018, 344, fig. 9].

го волоса и со слегка отличными чертами лица, несколько меньшие по размерам. Их диаметр 11-12 мм, при толщине 0,2 мм и весе 0,2-0,3 г. Количество и схема расположения отверстий для нашивания на одежду аналогичны предшествующим (рис. 10,6-8). Аналогии немногочисленные, в основном из скифских степных погребений IV в. до н.э., например, в кургане №11 могильника Гайманово Поле в [Terenzhkin, P'inskaia, Mozolevskii 1977, 164, fig. 13, 8], кургане №2 у с. Петровка в бассейне р. Большая Высь [Bokii 1977, 204, fig. 3,3].

5). Мелкие, вогнуто-выпуклые, почти полусферические бляшки с гладкой поверхностью. Они диаметром 8-10 мм, при толщине 0,2 мм и весе до 0,2 г. Для нашивания на одежду имеют по 2 отверстия (рис. 10,9-14). Этот тип аппликаций содержит наибольшее число находок – 171 экз.

Подобные аппликации чрезвычайно широко присутствуют в скифских древностях, являясь элементами, прежде всего – женского костюма, присущего элитной части общества. Они известны с V в. до н.э., но наибольшее распространение получили в IV в. до н.э. Однако чаще всего такие бляшки имеют петельки и по этой причине их называют «пуговицами». Бляшки без петелек встречаются реже [например: Alekseev 1986, 161, №44].

Подвески представлены 2 находками: одна повреждена, другая – целая. Обе однотипны, имеют каплевидную форму, суженную кверху. Внутри – полые. Поверхность декорирована ребристым орнаментом. Внизу к подвескам припаяны 3 золотые лепестка, каплевидные в плане, украшенные по краю проволокой, а посередине – шариками. Вверху и внизу украшения имеют по петельке: сверху для подвешивания всего изделия, а внизу – для крепления к подвескам, с помощью проволочного кольца круглой подвесочки из листового золота. На повреждённой подвеске не хватает одного лепестка и подвесочки. Кроме того, она примята.

Изготовлены подвески, как и описанные выше бляшки-аппликации, из листового золота. Исполнение украшений не отличается высоким уровнем. Складывается впечатление, что это некая местная реплика, подражание изделиям античных торевтов.

Высота подвески без дополнительных подвесочек около 30 мм, а с ней – 40 мм, наибольший

диаметр 14 мм. Вес целого экземпляра 2,4 г, вес повреждённой подвески – 1,8 г, (рис. 10,15-16).

Пока аналогий данным подвескам отыскать не удалось.

Бус найдено 5 экз., при этом они относятся к двум типам:

1). Две бочонковидные бусины из полупрозрачной пасты тёмно-синего цвета, с белой полоской посередине. Длина 15-18 мм, наибольший диаметр 9-10 мм, диаметр отверстия – до 3 мм (рис. 10,17).

2). Три бусины в виде короткого цилиндра (или колёсовидные) со слегка закруглёнными краями. Это полихромные глазчатые бусы. Две из них изготовлены из голубого непрозрачного стекла, одна – из жёлтого. «Глазки» – из белого стекла, с вкраплениями по центру синего. На каждой бусине по 9 таких «глазков». Диаметры синих бусин 14, 16 мм, длина, соответственно, 10, 13 мм, диаметры отверстия 6, 8 мм (рис. 10,17). Размеры жёлтой бусины 18x11x9 мм (рис. 10,17).

Пастовые бусы указанной формы и цвета имели широкое распространение в скифских памятниках, прежде всего, IV в. до н.э. [например: Bidzilia et al. 1977, 109, fig. 18; Chernenko, Buniatian 1977, 48, fig. 9,16; Polin 2014, 35, fig. 16,1]. Нередки они и в захоронениях скифской элиты. Так, абсолютно аналогичные полихромные глазчатые бусы найдены в Мелитопольском кургане [Terenzhkin, Mozolevskii 1988, 83, fig. 86, zh, n; 105, fig. 117, a, b, c, e, z; 114, fig. 124, p, r, s, t].

Предметы туалета представлены бронзовым зеркалом в виде массивного диска с бортиком, диаметром 20 см. В нижней части, к нему двумя железными заклёпками крепилась железная ручка, которая, к сожалению, не сохранилась. Фрагмент ручки на диске зеркала имеет слегка сердцевидную форму (рис. 11).

По типологии Т.М. Кузнецовой, данное зеркало относится к зеркалам простой дисковидной формы с бортиком и железной ручкой – II класс, 2 группа, I вид. Подобные зеркала известны в Скифии в V-IV вв. до н.э. [Kuznetsova 2010, 94].

Орудия труда включают несколько изделий.

1). Несомненный интерес представляет наборное веретено, детали которого изготовлены из рога оленя. Правда, веретено обнаружено в несобранном виде, однако, исходя из того, что рядом, на довольно большой площади, вообще отсутствовали какие-либо иные предметы, а де-

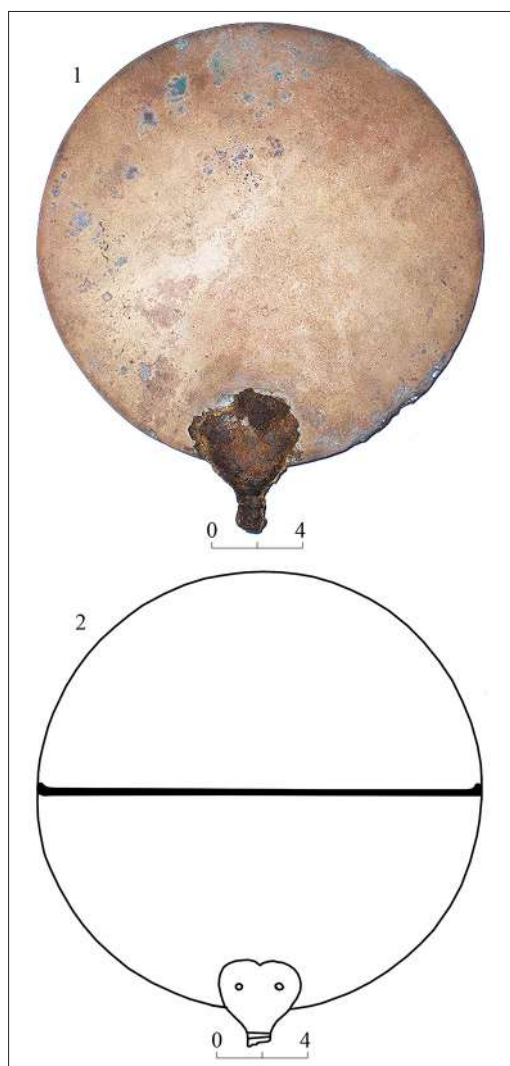

Рис. 11. Нестеровка, курган, могила №1. Бронзовое зеркало с железной обломанной ручкой: 1 - фото; 2 - графика.

Fig. 11. Nesterovka, a barrow, grave №1. Bronze mirror with iron broken handle: 1 - photo; 2 - graphics.

тали веретена могли сместиться при ограблении, попытку его реконструкции путём соединения всех костяных деталей (их 5) можно считать правомерной.

Костяной стержень украшен в верхней, несколько суженной, части двумя углублёнными параллельными линиями и имеет слегка округлый край. В нижней части стержня – шпенёк под отверстие пряслица. Общая длина стержня 15,7 см (рис. 12,1).

На шпенёк насаживалось керамическое округлое пряслице с уплощённым верхом и низом. Высота пряслица 13 мм, диаметр 17 мм, диа-

метр отверстия 4 мм. Такие пряслица обычны для скифских древностей (рис. 12,5).

Ниже пряслица крепилась деталь в виде шахматной пешки, которая в свою очередь составлялась из двух частей – цилиндрической основы (рис. 12,3) и фигурного стержня (рис. 12,4). Правда, конец стержня, который должен был входить в отверстие пряслица, слегка обломался.

Кроме того, на большой стержень надевалась цилиндрическая, слегка бочкоподобная деталь, высотой и диаметром 27 мм с конусовидным в сечении отверстием (рис. 12,2).

Общая длина реконструируемого веретена составляет около 20 см.

Следует сказать, что в скифских, прежде всего, погребальных памятниках, особенно, в степном Северном Причерноморье, находки изготовленных из кости наборных веретён не являются редкими. Чаще всего эти орудия труда отличаются совершенным видом и неким изяществом, сложной профилировкой, и, по праву, считаются произведениями эллинских мастеров [Gavriliuk 1987, 124, fig. 2; Fialko 1987, 131-132, fig. 1]. Правда, веретено из погребения в Нестеровке – довольно простое по исполнению, но и такие орудия труда известны, как в скифской, так и эллинской среде [Gavriliuk 1987, 124, fig. 2,4-7; Fialko 1987, 132, fig. 1,5], а, следовательно, отрицать импортное происхождение данного орудия труда веских оснований нет.

2). Железный нож с горбатой спинкой имеет слегка обломанный конец лезвия. Общая длина 11,5 см. Длина лезвия 8,0 см, ширина 1,5 см, толщина в верхней части 3,0 мм. В сечении лезвие клиновидной формы. Черенок ножа короткий, слегка согнут. Накладки ручки, скорее всего, были деревянными и крепились к черенку с помощью трёх железных заклёпок (рис. 12,6).

Ножи с горбатой спинкой были в широком употреблении с V в. до н.э., особенно в IV в. до н.э.

3). Железные иглы настолько корродированы, что говорить об их количестве и размерах невозможно. Находки железных игл в подобном состоянии фиксируются изредка в скифских погребениях [например: Bidzilia et al. 1977, 144, fig. 34,12-13].

Вооружение представлено бронзовыми наконечниками стрел и железным втоком от копья или дротика.

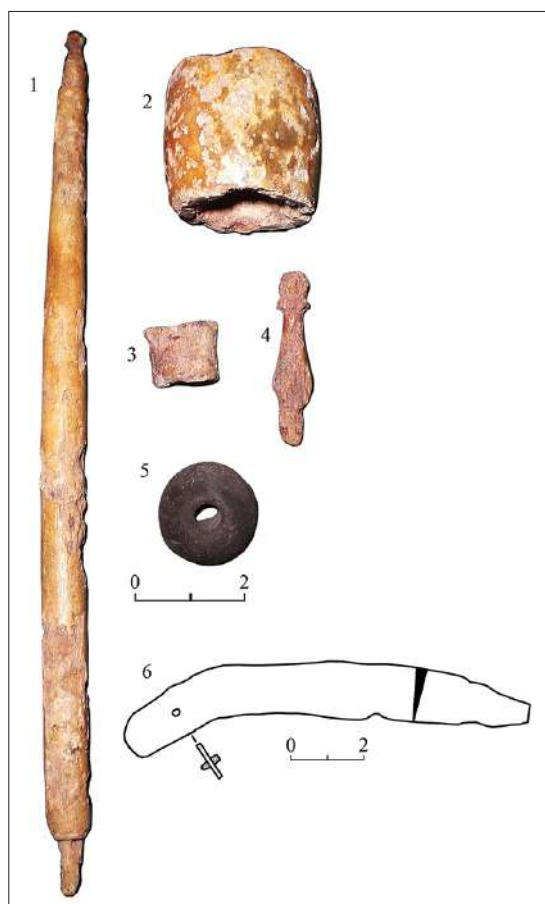

Рис. 12. Нестеровка, курган, могила №1. Орудия труда: 1-5 - детали костяного веретена; 6 - железный нож.

Fig. 12. Nesterovka, a barrow, grave №1. Tools: 1-5 - details of the bony vertex; 6 - iron knife.

Сохранившиеся 10 наконечников стрел – трёхлопастные (6 экз.) и трёхгранные (4 экз.).

Трёхлопастные наконечники относятся к двум основным типам.

1). Наконечник с треугольной головкой, высоко проточенным ложком и достаточно хорошо выступающей втулкой. Высота 4,0 см, диаметр втулки внутренний 3,0 мм (рис. 13,6).

2). Пять наконечников с треугольной головкой и скрытой втулкой. Различаются по степени проточенности ложка. На лопастях наконечников – литые метки, скорее всего, знаки мастера, изготовившего наконечники. Высота наконечников варьирует: 2,8-3,5 см, диаметр втулки внутренний 2,0 мм (рис. 13,1-5).

Все трёхгранные наконечники – однотипны, с треугольной головкой, скрытой втулкой и горизонтально подрезанной основой. Высота наконечников 2,5-2,8 см, диаметр втулки вну-

тренний – аналогичный (рис. 13,7-10).

Трёхлопастные наконечники, подобные найденным в катакомбе у с. Нестеровка, по типологии А.И. Мелюковой, относятся к 4-ой хронологической группе (II отдел, 8 тип) и характерны для скифских колчаных наборов IV в. до н.э. [Meliukova 1964, 25, 28, fig. 1, tabl. 8, I4-7, D1, ZH.1-12].

Трёхгранные наконечники со скрытой втулкой, принадлежат к наиболее поздним наконечникам Скифии и, по типологии указанной исследовательницы, входят в четвёртую хронологическую группу (III отдел, 5 тип), т.е. свойственны для IV-III вв. до н.э. [Meliukova 1964, 25, 28, fig. 1, tabl. 8, N3, 7, 9, V 6].

Оба типа наконечников широко известны в памятниках Степи и Лесостепи скифской эпохи.

Вток от древка копья или дротика имеет вид цилиндрической трубки с хорошо выделенным утолщением в верхней части. Длина втока 7,5 см,

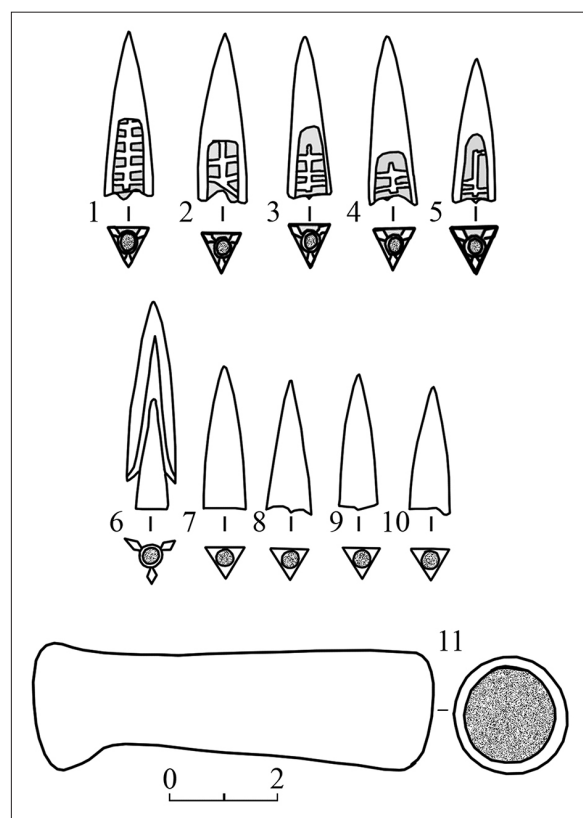

Рис. 13. Нестеровка, курган, могила №1. Предметы вооружения: 1-10 - бронзовые наконечники стрел; 11 - железный вток от копья или дротика.

Fig. 13. Nesterovka, a barrow, grave №1. Weapons: 1-10 - bronze arrow-heads; 11 - iron input from the spear or javelin.

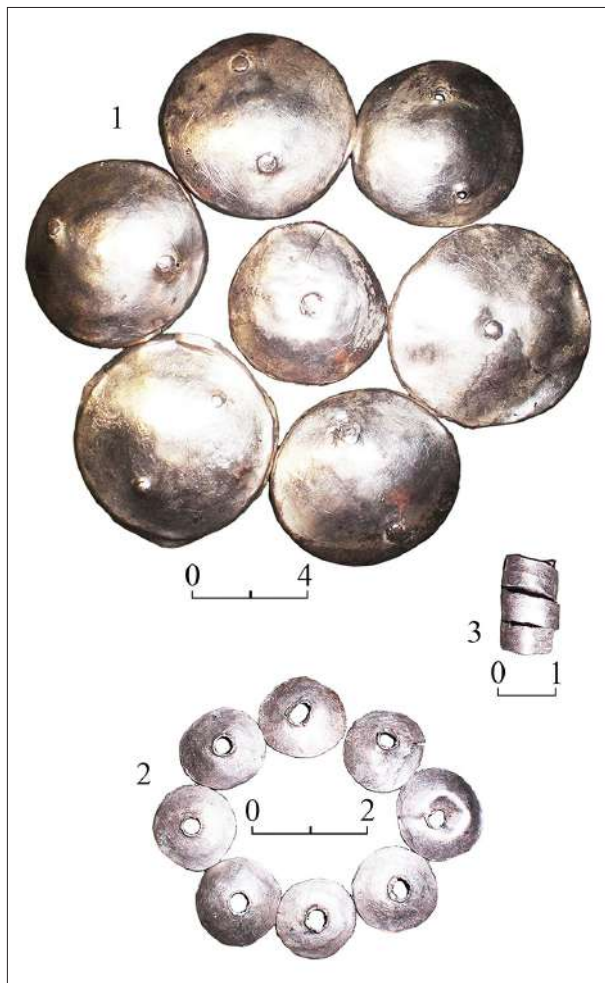

Рис. 14. Нестеровка, курган, могила №1. Серебряные украшения снаряжения коня: 1 - фалары; 2 - маленькие конические бляшки; 3 - пронизь.

Fig. 14. Nesterovka, a barrow, grave №1. Silver ornaments of horse equipment: 1 - falars; 2 - small conical plaques; 3 - the prognosis.

диаметр 2,0-2,5 см (рис. 13,11). Аналогичные вставки, крепящиеся на конце копыя или дротика, достаточно обычны для скифской паноплии V-IV вв. до н.э.

Украшения из серебра конской упряжи представлены 7 круглыми бляхами, 9 ворворками и пронизью. Поскольку погребения ограблено, у нас нет оснований утверждать, что сохранился весь декор конской упряжи, выполненный из драгоценных металлов.

1). Большие, слегка выпуклые бляхи (диаметр 55-75 мм, толщина 0,7-0,8 мм, вес 12,4-26,7 г) являлись фаларами. Четыре из них имеют по 2 серебряные заклёпки. Две более тонкие бляхи – по одной заклёпке. Наконец, у бляхи меньшей

по диаметру – 2 железные заклёпки, которые не сохранились (рис. 14,1).

2). Маленькие конические бляшки с отверстием в центре – ворворки (9 экз.). Диаметр их в среднем 15 мм, при толщине 0,3-0,5 мм и весе 0,6-1,4 г. Диаметр отверстий 3-4 мм (рис. 14,2).

3). Пронизь в виде трубочки из закрученной полосы металла. Ширина полосы 5 мм, при толщине 0,4 мм и весе 3,2 г. Полоска имеет в центре выдавленное ребро жёсткости. Пронизь в сечении овальной формы. Её длина 17 мм, при наибольшем диаметре 10 мм (рис. 14,3).

Большие серебряные бляхи-фалары являлись украшениями боковых ремней кожаной основы узды. Они хорошо известны в кругу деталей конской упряжи в захоронениях скифской элиты IV в. до н.э., например, в кургане Огуз [Scythian Gold 2000, №32], Краснокутском кургане [Meliukova 1981, 73, fig. 21,1,5-7], Соболевой Могиле [Mozolevskii, Polin 2005, 189, fig. 114] и ряде иных погребальных памятников. Достаточно хорошо представлены подобные бляхи и в лесостепных комплексах, в первую очередь в Посулье (в основном, в курганах у с. Волковцы) и на Среднем Дону (например в группе Частые курганы), где они также датируются IV в. до н.э. [Mogilov 2008, 58].

Серебряные ворворки, в том числе – низкие, усечённо-конические, в кругу металлических деталей конской упряжи встречаются нечасто и в основном в памятниках IV в. до н.э. лесостепного ареала. Так, по данным А.Д. Могилова, в Восточноевропейской Лесостепи их известно всего около 20, причём основное число приходится на Среднее Подонье [Mogilov 2008, 78-79, 366, ris. 146, 15-16].

Серебряные трубчатые витые пронизы известны в большом количестве – более 100 экз., но все они, без исключения, найдены в лесостепном ареале, на Среднем Дону, в кургане №11 группы Частых, время которого определяется 1-ой половиной IV в. до н.э. [Mogilov 2008, 73, 359, ris. 139, 24-27]. При этом, одна из среднедонских пронизей – полная аналогия изделию из Настеньковки [Mogilov 2008, ris. 139, 24]. В целом, складывается представление, что подобные серебряные пронизы – весьма редки среди металлических деталей конского снаряжения скифской поры.

Между тем, следует отметить, что расположение серебряных украшений в районе кру-

па или хвоста(?) лошади, конечно, не случайно. Сходная ситуация отмечена, например, на конском костяке в дромосе №1 гробницы №2 кургана Соболева Могила. В районе хвоста лошади зафиксированы серебряные бляшки, которые, по-видимому, были прикреплены к подхвостному ремню, являвшемуся элементом крепления мягкого седла [Mozolevskii, Polin 2005, 120]. Было ли подобное седло на лошади в нестеровском погребении, разумеется, утверждать нельзя, как, впрочем, и отрицать подобную версию.

Сохранившийся в катакомбе инвентарь, как уже было отмечено выше, в целом характерен для IV в. до н.э. Присутствие же в нём некоторых артефактов (ажурная золотая бляшка со схематическим изображением креста, мелкие круглые бляшки с личинами, бронзовые трёхгранные наконечники стрел со скрытой втулкой и пр.) позволяют, на наш взгляд, сузить эту дату, по меньшей мере, до *последних десятилетий* указанного столетия.

Судя по характеру захоронения вооружённой женщины в кургане у с. Нестеровка (основное и единственное погребение в кургане), масштабам погребальной конструкции (общая площадь могилы – 14,4 кв.м, при этом площадь погребальной камеры составляет примерно 10,5 кв.м, а глубина её – более 7 м), наличию сопровождаемого конского захоронения с серебряными элементами упряжи, а также довольно многочисленному погребальному инвентарю, в том числе – золотым изделиям, сохранившимся после раннего ограбления, обнаруженная могила является местом захоронения женщины-воительницы весьма высокого социального ранга.

Действительно, основные и тем более – единственные захоронения скифских воительниц, над которыми сооружались курганы, фиксируются крайне редко. Как пример, можно привести нетронутое грабителями погребение конца V в. до н.э. вооружённой скифянки в катакомбе кургана №1 у пгт. Городище в Поросье [Smoliar, Bilets'ka, Neroda 1989/45], правда, более скромное по масштабам могилы и сопутствующему инвентарю.

До настоящего времени в скифской Степи и в лесостепной области ещё не встречались *столь глубокие могилы*, в частности – катакомбы с женскими единственными захоронениями, со-

провожающиеся вооружением. Максимальная глубина подобных гробниц чаще всего не превышает 5-6 м [Fialko 1991, 11].

Что же касается лесостепной территории, то столь глубокая катакомба, подобная открытой в Нестеровке (глубиной до 7 м), встречена пока лишь единожды – в кургане у с. Липковатовка Нововодолажского района Харьковской области, в бассейне Северского Донца [Okatenko 2015].

Чаще всего в погребениях вооружённых женщин скифской поры присутствуют в той или иной степени наконечники стрел, реж – копий или дротиков. В значительно меньшей степени встречаются мечи, в виде исключения – топоры и элементы тяжёлого металлического доспеха [Fialko 2012, 30-31; 2015, 62, 64-65, 68]. Поскольку женское захоронение в Нестеровке ограблено, нам сложно судить объективно о составе *всей* паноплии скифской воительницы: она могла быть более разнообразной.

Лишь изредка в погребениях вооружённых женщин присутствуют элементы конской упряжи, символизирующие захоронение коня. В пределах Лесостепи подобная ситуация засвидетельствована, например, в могиле IV в. до н.э. кургана №13 Стеблёвского могильника [Skoryi 1997, 153, fig. 49], в Степи – в погребении №2 кургана №12 у с. Новое, также IV в. до н.э. [Fialko 2012, 31].

Ещё более сложным является вопрос о сопровождении скифских воительниц конскими захоронениями. Пожалуй, единственным случаем, где отмечено наличие лошади, является парное женское захоронение (знатная женщина и, очевидно, служанка) конца VII – начала VI вв. до н.э., с колчаным набором, в кургане №35 у с. Бобрица в Поросье [Kovranenko 1981, 13]. Однако следует учесть 2 момента: 1). раскопки данной могилы были осуществлены в конце XIX в. любителем древностей Е.А. Зноско-Боровским, при этом каких-либо чертежей погребения нет; 2). в сохранившемся вещевом наборе данного захоронения отсутствуют артефакты, которые можно было бы связать с конским снаряжением. В связи с этим, нельзя исключать, что в данном погребении располагались остатки напутственной пищи, с тем же черепом.

Что же касается катакомбы в Нестеровке, то здесь сомневаться в присутствии сопровождающего конского захоронения оснований нет:

среди обнаруженных конских костей присутствовали выразительные металлические детали конской упряжи.

Высказана версия, что женские погребения с оружием, в составе инвентаря которых присутствуют изделия из драгоценных металлов, сопровождаемые к тому же деталями конского снаряжения (а их пока известно – единицы!) могли принадлежать военачальникам женских подразделений [Fialko 2012, 31].

Как бы там ни было, вся информация, которой мы располагаем по женскому захоронению в глубокой катакомбе у с. Нестеровка, вполне

позволяет предполагать, что здесь, в последние десятилетия IV в. до н.э., была погребена *выдающаяся* представительница элитарного слоя вооружённых женщин Скифии.

Подводя кратко итоги публикуемому материалу, следует подчеркнуть, что он не только увеличивает банк данных по степным катакомбам в Лесостепи (и в Днепровском Лесостепном Правобережье в частности), но и является весьма презентабельным источником для изучения социальной стратификации и положения женщины в скифском кочевом обществе.

Библиография

- Aks'онов, Babenko 2007:** V.S. Aks'онов, L.I. Babenko, Katakombne pokhovannia IV st. do n.e. poblizu smt. Korotich. Trinadtsiati Sumtsovski chitannia (Kharkiv 2007), 135-138 // В.С. Аксьонов, Л.И. Бабенко, Катакомбные похоронения IV ст. до н.э. поблизу смт. Коротич. Тринадцати Сумцовські читання (Харків 2007), 135-138.
- Aks'онов, Babenko 2008:** V.S. Aks'онов, L.I. Babenko, Katakombne pokhovannia IV st. do n.e. poblizu smt. Korotich. In: (red.S.I. Posokhov) Problemy arkheologii Vostochnoi Evropy. K 85-letiiu Borisa Andreevicha Shramko (Khar'kov 2008), 7-17 // В.С. Аксьонов, Л.И. Бабенко, Катакомбные похоронения IV ст. до н.э. поблизу смт. Коротич. В: (ред. С.И. Посохов) Проблемы археологии Восточной Европы. К 85-летию Бориса Андреевича Шрамко (Харьков 2008), 7-17.
- Alekseev 1986:** A.Iu. Alekseev, Nashivnye bliashki iz Chertomlykского kurgana. In: (red. N.L. Grach) Anticnaia torevtika (Leningrad 1986), 64-75 // А.Ю. Алексеев, Нашивные бляшки из Чертомлыкского кургана. В: (ред. Н.Л. Грач) Античная торефика (Ленинград 1986), 64-75.
- Alekseev 1987:** A.Iu. Alekseev, Zametki po khronologii skifskikh stepnykh drevnostei IV veka do nashei ery. SA 3, 2987, 28-39 // А.Ю. Алексеев, Заметки по хронологии скифских степных древностей IV века до нашей эры. СА 3, 1987, 28-39.
- Alekseev, Murzin, Rolle 1991:** A.Iu. Alekseev, V.Iu. Murzin, R. Rolle, Chertomlyk. Skifskii tsarskii kurgan IV v. do n.e. (Kiev 1991). А.Ю. Алексеев, В.Ю. Мурзин, Р. Ролле, Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. (Киев 1991).
- Babenko 2005:** L.I. Babenko, Pesochinskii kurgannyi mogil'nik skifskogo vremeni (Khar'kov 2005) // Л.И. Бабенко, Песочинский курганный могильник скифского времени (Харьков 2005).
- Bidzilia et al. 1977:** V.I. Bidzilia, Iu.V. Boltrik, B.N. Mozolevskii, I.P. Savovskii, Kurgannyi mogil'nik v uroch. Nosaki. In: (red. V.I. Bidzilia) Kurgannye mogil'niki Riasnye Mogily i Nosaki (Kiev 1977), 61-158 // В.И. Бидзилия, Ю.В. Болтрик, Б.Н. Мозолевский, И.П. Савовский, Курганный могильник в уроч. Носаки. В: (ред. В.И. Бидзилия) Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки (Киев 1977), 61-158.
- Bokii 1977:** N.M. Bokii, Skifskie kurgany v basseine r. Bol'shaia Vys' na Kirovogradshchine. In: (red. A.I. Terenozhkin) Skify i sarmaty (Kiev 1977), 200-207 // Н.М. Бокий, Скифские курганы в бассейне р. Большая Высь на Кировоградщине. В: (ред. А.И. Тереножкин) Скифы и сарматы (Киев 1977), 200-207.
- Chernenko, Buniatian 1977:** E.V. Chernenko, E.P. Buniatian, Kurgannaia gruppa Shirokoe-II. In: (red. E.V. Chernenko) Kurgany Iuzhnoi Khersonshchiny (Kiev 1977), 45-93 // Е.В. Черненко, Е.П. Бунятян, Курганная группа Широкое-II. В: (ред. Е.В. Черненко) Курганы Южной Херсонщины (Киев 1977), 45-93.
- Fialko 1987:** E.E. Fialko, Kostiane izdeliia iz kurgana Oguz. In: (red. E.V.Chernenko) Skify Severnogo Prichernomor'ia (Kiev 1987), 130-140 // Е.Е. Фиалко, Костяные изделия из кургана Огуз. В: (ред. Е.В. Черненко) Скифы Северного Причерноморья (Киев 1987), 130-140.
- Fialko 1991:** E.E. Fialko, Pogrebeniia zhenshchin s oruzhiem u skifov. In: (red. Iu.V. Boltrik, E.P. Buniatian) Kurgany Stepnoi Skifii (Kiev 1991), 4-18 // Е.Е. Фиалко, Погребения женщин с оружием у скифов. В: (ред. Ю.В. Болтрик, Е.П. Бунятян) Курганы Степной Скифии (Киев 1991), 4-18.

- Fialko 1994:** E.E. Fialko, Pamiatniki skifskoi epokhi Pridneprovskoi terrasovoi Lesostepi (Kiev 1994) // E.E. Фиалко, Памятники скифской эпохи Приднепровской террасовой Лесостепи (Киев 1994).
- Fialko 2012:** E. Fialko, Vooruzhennye zhenshchiny rannego zheleznoogo veka v Severnom Prichernomor'e: sotsial'nyi aspekt. Tyragetia, VI [XXI], 1, 2012, 27-44 // E. Фиалко, Вооружённые женщины раннего железного века в Северном Причерноморье: социальный аспект. Tyragetia, VI [XXI], 1, 2012, 27-44.
- Fialko 2015:** E.E. Fialko, Amazonki vo vremeni i v prostranstve. ADIU 4 (17), 2015, 46-99 // E.E. Фиалко, Амазонки во времени и в пространстве. АДИУ 4 (17), 2015, 46-99.
- Gavriliuk 1987:** N.A. Gavriliuk, Priadenie u stepnykh skifov. In: (red. E.V. Chernenko) Skify Severnogo Prichernomor'ia (Kiev 1987), 116-130 // Н.А. Гаврилюк, Прядение у степных скифов. В: (ред. Е.В. Черненко) Скифы Северного Причерноморья (Киев 1987), 116-130.
- Grechko 2010:** D.S. Grechko, Naseleattia skifs'kogo chasu na Sivers'komu Dintsi (Kiiv 2010) // Д.С. Гречко, Населення скифського часу на Сіверському Дінці (Київ 2010).
- Grigor'ev 1994:** V.P. Grigor'ev, Zakhoronenie tiazhelovooruzhennogo skifskogo voina u s. Gladkovshchina. In: (red. E.V. Chernenko) Drevnosti skifov (Kiev 1994), 63-79 // В.П. Григорьев, Захоронение тяжеловооруженного скифского воина у с. Гладковщина. В: (ред. Е.В. Черненко) Древности скифов (Киев 1994), 63-79.
- Grigor'ev, Skoryi 2011:** V.P. Grigor'ev, S.A. Skoryi, Skifskie kurgany u s. Vishnopol' na iuge Dneprovskoi Pravoberezhnoi Lesostepi. Stratum plus 3, 2011, 175-211 // В.П. Григорьев, С.А. Скорый, Скифские курганы у с. Вишнополь на юге Днепровской Правобережной Лесостепи. Stratum plus 3, 2011, 175-211.
- Kovpanenko 1981:** G.T. Kovpanenko, Kurgany ranneskifskogo vremeni v basseine r. Ros' (Kiev 1981) // Г.Т. Ковпаненко, Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось (Киев 1981).
- Kuznetsova 2010:** T.M. Kuznetsova, Zerkala Skifii VI-III vekov do n.e. T.II (Moskva 2010) // Т.М. Кузнецова, Зеркала Скифии VI-III веков до н.э. Т.II (Москва 2010).
- Meliukova 1964:** A.I. Meliukova, Vooruzhenie skifov. SAI, Вып. D1-4 (Moskva 1964) // А.И. Мелюкова, Вооружение скифов. САИ, Вып. Д1-4 (Москва 1964).
- Meliukova 1981:** A.I. Meliukova, Krasnokutskii kurgan (Moskva 1981) // А.И. Мелюкова, Краснокутский курган (Москва 1981).
- Mogilov 2008:** O.D. Mogilov, Sporiadzhennia konia skifs'koї dobi u Lisostepu Skhidnoї Evropi (Kiiv-Kam'ianets'-Podil'skii 2008) // О.Д. Могилов, Спорядження коня скифської доби у Лисостепу Східної Європи (Київ – Кам'янець-Подільський 2008).
- Moruzhenko 1989:** A.A. Moruzhenko, Istoriko-kul'turnaia obshchnost lesostepnykh plemen mezhdurech'ia Dnepra i Dona v skifskoe vremia. SA 3, 1989, 25-40 // А.А. Моруженко, Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в скифское время. СА 4, 1989, 25-40.
- Mozolevskii, Polin 2005:** B.N. Mozolevskii, S.V. Polin, Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n.e. (Babina, Vodiana i Soboleva Mogily) (Kiev 2005) // Б.Н. Мозолевский, С.В. Полин, Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева Могилы) (Киев 2005).
- Murzin, Rolle, Skorii 1995:** V.Iu. Murzin, R. Rolle, S.A. Skorii, Doslidzhennia kurganiv na terytorii Bil's'kogo gorodishcha. Poltav's'kii arkheologichnii zbirnik, Vip. 3 (Poltava 1995), 79-86 // В.Ю. Мурзін, Р. Ролле, С.А. Скорий, Дослідження курганів на території Більського городища. Полтавський археологічний збірник, Вип. 3 (Полтава 1995), 79-86.
- Okatenko 2015:** V.M. Okatenko, Doslidzhennia skifs'kogo kurganu bilia s. Lipkuvativka na Harkivshchini. ADU-2014, 2015, 235-236 // В.М. Окатенко, Дослідження скифського кургану біля с. Липкуватівка на Харківщині. АДУ-2014, 2015, 235-236.
- Ol'khovskii 1991:** V.S. Ol'khovskii, Pogrebal'no-pominal'naia obriadnost' naseleniia Stepnoi Skifii (VI-III vv. do n.e.) (Moskva 1991) // В.С. Ольховский, Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII-III вв. до н.э.) (Москва 1991).
- Ossowski 1888:** G. Ossowski, Wielki Kurhan Ryżanowski wedlug badan dokonanych w latach 1884 i 1887 (Kraków 1888).
- Polin 2014:** S.V. Polin, Skifskii Zolotobalkovskii kurgannyi mogil'nik V-IV vv. do n.e na Hersonshchine (Kiev 2014) // С.В. Полин, Скифский Золотобалковский курганный могильник V-IV вв. до н.э. на Херсонщине (Киев 2014).
- Polin, Daragan 2014:** S.V. Polin, M.N. Daragan, Doissledovanie skifskogo tsarskogo Aleksandropol'skogo kurgana. ADIU 2(27), 2018, 335-351 // С.В. Полин, М.Н. Дараган, Доисследование скифского царского Александропольского кургана. АДИУ 2(27), 2018, 335-351.
- Skoryi 1997:** S.A. Skoryi, Steblev: skifskii mogil'nik v Poros'e (Kiev 1997) // С.А. Скорый, Стеблѐв: скифский могильник в Поросье (Киев 1997).

Skoryi 2003: S.A. Skoryi, Skify v Dneprovskoi Pravoberezhnoi Lesostepi (problema vydeleniia iranskogo etnokul'turnogo elementa) (Kiev 2003) // С.А. Скорый, Скифы в Днепроградской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента) (Киев 2003).

Skoryi, Khokhorovski 2002: S. Skoryi, Ia. Khokhorovski, Novyi Ukrainsko-Pol'skii arkheologicheskii proekt. AVU 2000-2001, 2002, 243-246 // С. Скорый, Я. Хохоровски, Новый Украинско-Польский археологический проект. АБУ 2000-2001, 2002, 243-246.

Scythian Gold 2000: Scythian Treasures from ancient Ukraine (New York 2000).

Terenzhkin, Il'inskaia, Mozolevskii 1977: A.I. Terenzhkin, V.A. Il'inskaia, B.N. Mozolevskii, Skifskii kurgannyi mogil'nik Gaimanovo Pole (raskopki 1968 g.). In: (red. A.I. Terenzhkin) Skify i sarmaty (Kiev 1977), 152-198 // А.И. Тереножкин, В.А. Ильинская, Б.Н. Мозолевский, Скифский курганный могильник Гайманово Поле (раскопки 1968 г.). В: (ред. А.И. Тереножкин) Скифы и сарматы (Киев 1977), 152-198.

Terenzhkin, Mozolevskii 1988: A.I. Terenzhkin, B.N. Mozolevskii, Melitopol'skii kurgan (Kiev 1988) // А.И. Тереножкин, Б.Н. Мозолевский, Мелитопольский курган (Киев 1988).

Архивные материалы

Nazarov 1997: O.V. Nazarov, Zvit pro arkheologichni rozvidki na teritorii Korsun'-Shevchenkivs'kogo ta Gorodishchens'kogo raioniv i okhoronni rozkopki kurganiv bilia sil Starosillia ta Khlistunivka Gorodishchenskogo r-nu Cherkaskoi oblasti u 1997 r. NA IA NANU, 1997/74 // О.В. Назаров, Звіт про археологічні розвідки на території Корсунь-Шевченківського та Городищенського районів і охоронні розкопки курганів біля сіл Старосілля та Хлистунивка Городищенського р-ну Черкаської області у 1997 р. НА ІА НАНУ, 1997/74.

Nazarov 2003: A. Nazarov, Zvit pro riativni arkheologichni doslidzhennia kurganiv skifs'kogo chasu bilia s. Nestrivka Man'kivs'kogo raionu, s. Pochapintsi Lisians'kogo raionu, poselen' skifs'kogo chasu bilia smt. Gorodishche i s. V'iazivok Gorodishchens'kogo raionu ta rozvidki na teritorii Lisians'kogo raionu Cherkaskoi obkasti. NA IA NANU, 2003/170 // О. Назаров, Звіт про рятівні археологічні дослідження курганів скіфського часу біля с. Нестерівка Маньківського району, с. Почапінці Лисянського району, поселень скіфського часу біля смт. Городище і с. В'язівка Городищенського району та розвідки на території Лисянського району Черкаської області. НА ІА НАНУ, 2003/ 170.

Smoliar, Bilets'ka, Neroda 1989: S.I. Smoliar, O.V. Bilets'ka, V.V. Neroda, Zvit pro rabotu ekspeditsii Sektoru arkheologii Cherkas'kogo oblastnogo kraeznavchogo muzeiu v 1989 rotsi. NA IA NANU, 1989/45 // С.І. Смоляр, О.В. Білецька, В.В. Нерода, Звіт про роботу експедиції Сектору археології Черкаського обласного краєзнавчого музею в 1989 році. НА ІА НАНУ, 1989/45.

Александр Назаров, заведуючий Сектором археології і охорони культурного насліддя Государственного историко-культурного заповідника «Трипольська культура», пгт. Городище, Черкаської області, Україна, e-mail: aleks.soks@yandex.ua

Сергей Скорый, доктор исторических наук, профессор, Институт археологии НАН Украины, Киев, Украина, e-mail: idanfirs@ukr.net

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Михаил Видейко, Наталия Бурдо, Евгений Слесарев, Мария Видейко

Новые исследования эпонимного памятника трипольской культуры

Key words: Trypillia Culture, Vikenty Khvoiko, Trypillia eponymous site, BI-II stage.

Cuvinte cheie: Cultura Tripolie, Vikenty Khvoiko, situl eponim Tripolie, etapa BI-II.

Ключевые слова: Трипольская культура, Викентий Хвойко, эпонимный памятник Триполье, этап BI-II.

Mykhailo Videiko, Nataliia Burdo, Yevgen Sliesariiev, Mariia Videiko

The new investigations of Trypillia Culture eponymous site

Since the beginning of the excavation of the eponymous monument of Trypillia culture at the town of Trypillia has passed more than 120 years. In time, the researchers managed to lose information about the localization of the settlement, so research had to be resumed by searching for the place which Vikenty Khvoiko discovered in 1897. Successful searches were made possible thanks to the survived field documentation, primarily the diary of the researcher. It contained numerous sketches of the area where excavations were carried out, as well as some finds. The latter circumstance is especially important, since almost nothing of what was found was published, and the descriptions of the excavations were very brief. During the field season of 2018, it was possible not only to partially establish the boundaries of the settlement on the ground, but also to obtain a fairly representative collection of finds, primarily ceramics. All this suggests that it is possible to identify precisely the eponymous settlement located on the outskirts of the Trypillia village as referred by Vikenty Khvoiko to “culture A”, which, according to the periodization adopted in our time corresponds to the stage BI-II.

Mykhailo Videiko, Nataliia Burdo, Yevgen Sliesariiev, Mariia Videiko

Noile investigații din cadrul sitului eponim al culturii Tripolie

De la începutul cercetărilor din cadrul sitului eponim al culturii Tripolie de lângă localitatea Tripolie au trecut deja 120 de ani. În această perioadă cercetătorii au pierdut informațiile despre localizarea sitului, așa că cercetările au fost reluate prin căutarea punctului, descoperit de Vikenty Khvoiko în anul 1897. Căutările reușite au fost posibile datorită documentației de teren, în special jurnalului cercetătorului. El conținea numeroase schițe ale zonei, unde au fost efectuate săpăturile, precum și desenele mai multor artefacte. Ultima circumstanță este deosebit de importantă, deoarece materialul descoperit nu a fost publicat, iar descrierile săpăturilor au fost foarte succinte. În timpul campaniei din anul 2018 au stabilit parțial limitele așezării și s-a recuperat o colecție deosebită de descoperiri, mai ales ceramică. Toate acestea sugerează că a fost posibilă identificarea cu precizie a așezării eponime, situată la periferia satului Tripolie și atribuită de Vikenty Khvoiko drept „cultura A”, care corespunde etapei BI-II a periodizării actuale.

Михаил Видейко, Наталия Бурдо, Евгений Слесарев, Мария Видейко

Новые исследования эпонимного памятника трипольской культуры

Со времени начала раскопок эпонимного памятника трипольской культуры у местечка Триполье миновало уже более 120 лет. За это время исследователи успели утратить информацию о локализации поселения, так что исследования пришлось начинать с поиска места, где его в 1897 г. обнаружил Викентий Хвойка. Успешные поиски стали возможны благодаря сохранившейся полевой документации, в первую очередь – дневнику исследователя. Он содержал многочисленные зарисовки местности, где проводились раскопки, а также некоторых находок. Последнее обстоятельство особенно важно, поскольку почти ничего из найденного не было опубликовано, а описания раскопок были весьма краткими. Во время полевого сезона 2018 года удалось не только частично установить границы поселения на местности, но и получить достаточно представительную коллекцию находок, в первую очередь керамики. Все это позволяет утверждать, что удалось идентифицировать именно эпонимное поселение, расположенное на окраине с. Триполья и отнесенное Викентием Хвойкой к «культуре А», что по принятой в наше время периодизации соответствует этапу BI-II.

История изучения эпонимного памятника трипольской культуры, а также его последующих поисков и попыток идентификации уже была подробно рассмотрена нами ранее

[Videiko 2016, 129-145]. Однако вплоть до 2018 г. не было возможности провести сколько нибудь полное обследование территории вероятного расположения поселения, а также полу-

читать с него достаточный набор находок, чтобы иметь все основания для того, чтобы окончательно утверждать о находке «того самого» поселения Триполье. Исследования проведены силами экспедиции Научно-исследовательской лаборатории археологии историко-филологического факультета Киевского университета имени Бориса Гринченко при поддержке благотворительного фонда «Платар. Памяти Сергея Платонова» и музея ПЛАТАР.

Исследование места расположения поселения

Отправной точкой исследований стало предположение, что памятник находится на плато между селами Триполье и Щербанівка, у современной окраины с. Триполье [Videiko 2016, 130-134]. Изучение местности показало, что в настоящее время этот участок разделен надвое дорогой с твердым покрытием, связывающей упомянутые выше населенные пункты. С одной стороны дороги – справа от нее – расположено поле, с другой – участки, отведенные под застройку жителям с. Щербанівка, частично застроенные, но большей частью занятые огородами. Следы поселения трипольской культуры были обнаружены по обе стороны дороги.

При проведении полевых исследований были использованы зарисовки, содержащиеся в полевом дневнике В. Хвойки (рис. 1-2), который хранится в научном архиве Института археологии Национальной академии наук Украины [Khvoika 1897]. На с. 28-35, 39, 40-41 помещены рисунки, которые связаны с раскопками эпонимного поселения. Особый интерес представляют рисунок общего вида поселения, а также схематический план с нанесением раскопов, впоследствии использованные для создания известного рисунка, на котором показана панорама долины р. Красной и процесс раскопок (рис. 1-2). Для идентификации находок 2018 г. интерес представляют содержащиеся в дневнике рисунки раскопов, на которых можно рассмотреть формы и орнаментацию найденной керамики. Для этого также можно использовать фотографии более поздних раскопок в долине р. Красной.

Сравнение местности с зарисовками, содержащимися в полевом дневнике В. Хвойки, позволило вполне уверенно идентифицировать

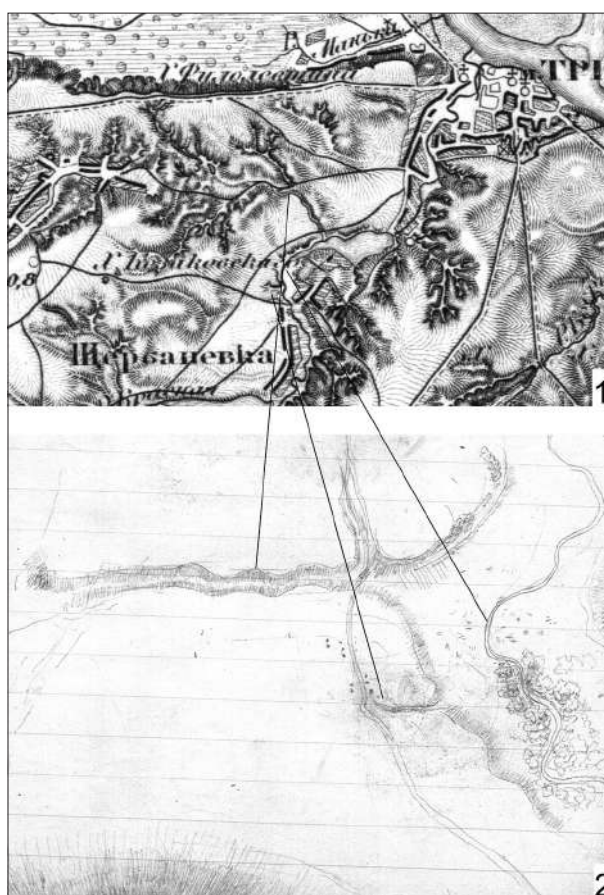

Рис. 1. Расположение эпонимного памятника трипольской культуры: 1 – фрагмент карты-трехверстовки XIX века; 2 – план из полевого дневника В. Хвойки 1897 года.

Fig. 1. Location of the eponymous Trypillia Culture site: 1 – fragment of map from XIX century; 19 века; 2 – plan from V. Khvoika's field diary, 1897.

ряд объектов как природного, так и искусственного происхождения. К числу природных объектов относятся долина реки Красной и впадающие в нее несколько оврагов разных размеров. Искусственным сооружением является полевая дорога, следы которой удалось обнаружить рядом с действующим шоссе (рис. 3,2).

Река Красная в этом месте делает несколько изгибов в широкой долине, где промыла русло шириной в виде трапециевидного углубления, ширина которого в верхней части составляет 3-6 м, в нижней – до 1-1,5 м при глубине 3-4 м. В настоящее время склоны заросли вербами и кустарником. В целом изгибы реки соответствуют тем, которые изображены в дневнике В. Хвойки (рис. 1).

Оврагов из числа показанных на рисунках и планах (рис. 1-2), содержащихся в дневнике,

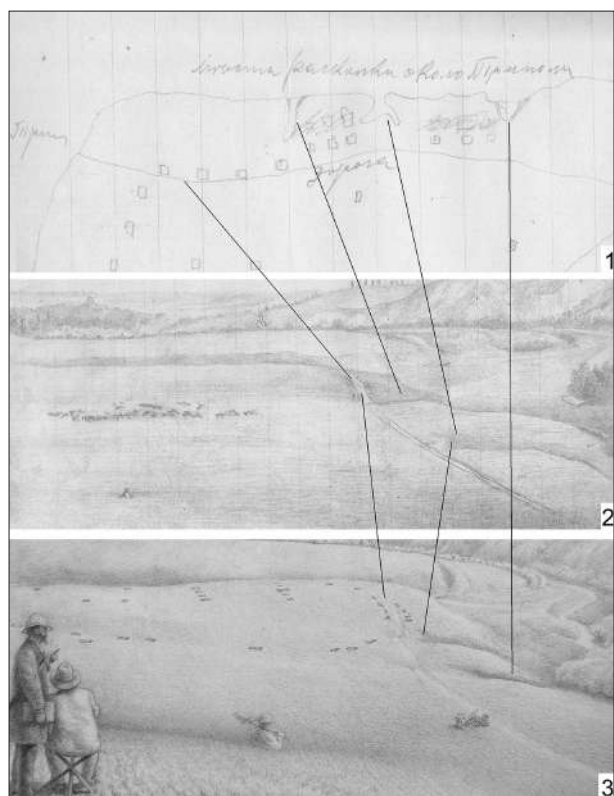

Рис. 2. Зарисовки В. Хвойки по раскопкам у с. Триполье и их сравнение: 1 – план из полевого дневника 1897 года; 2 – зарисовка места раскопок из полевого дневника 1897 года; 3 – рисунок, выполненный в качестве иллюстрации к докладу 1899 г. на XI Археологическом съезде в Киеве.

Fig. 2. Drawings by V. Khvoiko related to excavations near Trypillia: 1 – plan from the V. Khvoiko's field diary, 1897; 2 – drawings of places of excavations from V. Khvoiko's field diary, 1897; 3 – drawing to the report at the XI Archaeological Congress in Kyiv, 1899.

идентифицировано три: два небольших и один крупный. Первые два интересны сочетанием природного образования с одной вершиной с другим, имеющим две таких вершины. Оба расположены слева от дороги на Щербаневку, как и на рисунках В. Хвойки. Именно между ними на планы и рисунки нанесены контуры раскопов (рис. 1,2; 2). В описании раскопок сказано, что именно ближе к берегу реки располагались «площадки», содержавшие наиболее богатые находки, в том числе и медные изделия [Khvoiko 1901, 794]. Обследование участков между оврагами, проведенное на местности показало, что тут есть следы поселения трипольской культуры. На огородах на поверхности при этом найдены мелкие фрагменты керамики и обмазки трипольской культуры. Здесь же обнаружены

несколько мелких фрагментов лепной керамики, вероятно раннего железного века. Таким образом, наличие естественных объектов в сочетании с находками материалов трипольской культуры позволяет соотнести это место с тем, где осенью 1897 года проводил раскопки В. Хвойка.

Со стороны с. Триполье поселение на рисунках В. Хвойки ограничено большим яром, также впадающим в долину р. Красной (рис. 1). В древности по его дну, вероятно, протекал ручей, ныне пересохший. Об этом может свидетельствовать наличие водолюбивой растительности и проступающая в верховьях оврага вода. Таким образом, поселение с двух сторон имело источники водоснабжения. Этот яр сохранился, вероятно, почти в неизменном виде, за исключением деревьев, выросших в последние десятилетия (рис. 3,1). На склоне выходящего к оврагу плато найдены следы разрушенных пахотой построек в виде скоплений обожженной обмазки, а также мелкие фрагменты керамики трипольской культуры: с углубленным орнаментом, без орнамента, расписной и т.н. «кухонной». Эти находки соответствуют полукольцевому плану из раскопок, изображенных на рисунках В. Хвойки в этой части поселения.

Таким образом, обследование территории у мелких оврагов и на плато у большого показало, что везде присутствуют следы поселения трипольской культуры. Следует отметить, что расстояние между упомянутыми природными объектами составляет порядка 300-400 м. В описании раскопок у Триполья, составленном В. Хвойкой, сказано что «поселение имело около двух верст в диаметре» [Khvoiko 1901, 793]. На самом же деле поселение имело в поперечнике реально «всего лишь» несколько сотен метров. Тем не менее оно в настоящее время является самым крупным из поселений этапа VI-II в этом районе. В любом случае это единственное поселение в районе Триполья, имеющее размеры, приближающиеся к опубликованным его первооткрывателем параметрам.

Еще одним объектом с рисунков В. Хвойки является дорога между с. Триполье и Щербаневка. Дорога интересна тем, что на ее обочине указаны несколько мест раскопок (рис. 1,2; 2,1,3). Она существует и в настоящее вре-

Рис. 3. Современный вид на поселение и раскопки 2018 года: 1 – вид наместо расположения поселения, фото 2003 года; 2 – выемка старой дороги, помеченной на плане и рисунках В. Хвойки, справа – раскоп №3 2018 года; 3 – расчистка находок в раскопе 3; 4 – часть профиля раскопа 3.

Fig. 3. Contemporary views on the site and excavations near Trypillia in 2018: 1 – site location, photo from 2003, places of trenches 1-3 marked; 2 – the ancient roadway, marked in the field diary from 1897, trench 3 from 2019 to the right; 3 – finds in the pit; 4 – part of trench 3 profile.

мя, однако проложена по насыпи, в то время как на рисунках 1897 года представляет собой обычную грунтовую дорогу. Лишь в месте, где она спускается в описанный выше овраг, была устроена выемка, чтобы сделать спуск более пологим (рис. 1,3). Следы этой выемки сохранились на нескольких участках до наших дней на обочине современной дороги (рис. 3,2).

Раскопки 2018 года

В свое время при устройстве выемки для дороги пострадали остатки сожженных построек трипольского времени, о чем свидетельствуют находки фрагментов обмазки на ее

дне, сделанные в 2018 г. во время обследования территории. Напротив места находки был заложен раскоп №3 размерами 3x9 м, по длинной стороне ориентированный вдоль современной дороги (рис. 3,3) Первоначально предполагалось найти в этом месте остатки постройки трипольского времени. Дело в том, что на поле, расположенном на противоположной стороне дороги, был обнаружен подъемный материал, состоявший из мелких фрагментов обмазки и керамики трипольской культуры. Эта находка совпадала по расположению с раскопами, показанными на рисунках и планах В.В. Хвойки и, соответственно, найденными в них остатками трипольских построек.

В раскопе №3 изучение культурного слоя проводилось вначале слоями по 0,2 м с зачисткой после снятия каждого слоя. Начиная с глубины 0,3-0,4 м от современной поверхности в раскопе были обнаружены фрагменты керамики трипольской культуры, количество которых возрастало на глубинах 0,6-0,8 м от современной поверхности. Цвет грунта был темный. На этих же глубинах стали попадаться фрагменты костей животных, начиная с 0,8 м – в виде небольших по площади скоплений вместе с фрагментами керамики (рис. 3,4).

Наличие грунта темного цвета с находками на глубинах свыше 0,5 м с самого начала свидетельствовало о том, что в этом месте находится древний котлован. Дело в том, что в заложенных прежде шурфах после 0,4-0,5 м от современной поверхности начинался слой желтого лесса, нарушенный кротовинами [Videiko 2006].

Послойное изучение объекта было продолжено до уровня 0,8 м от современной поверхности, на котором были обнаружены скопления большого количества крупных фрагментов керамики, а также костей животных и немногочисленных камней и мелких фрагментов обожженной глины. Было решено провести их зачистку. Это дало возможность установить, что все эти находки лежат на склоне углубления, уровень которого понижается в сторону дороги. В нижней части углубления на глубинах с 1,2-1,4 м установлено наличие нескольких слоев заполнения углубления, состав которых аналогичен описанному выше. Дно объекта, впущенного в желтый лесс, про-

слежено на глубине 2,4 м от современной поверхности. В нижней части заполнения (после отметки – 1,8 м) в слое хорошо сохранились мелкие фрагменты обугленной древесины, вероятно попавшие сюда с фрагментами костей и керамики (рис. 3,4).

Длину и ширину углубления установить не удалось. Ширина его составляет более 3 м, поскольку на стороне раскопа с продольным профилем зафиксирована наибольшая его глубина и частично – донная часть (рис. 3,3). По расчетам, половина ширины объекта могла составлять порядка 4 м, то есть общая – достигать 9 м. Что касается длинной оси объекта, то, учитывая полученный профиль, она должна составлять не менее 12 м.

В описании процесса раскопок на поселении у Триполья, принадлежащем В. Хвойке говорится о том, что остатки постройки в одном случае лежали на глубине 50, а в другом – 20 см от поверхности [Khvoiko 1901, 794]. Таким образом, если бы на раскопе №3 существовали остатки постройки, то они были бы обнаружены. В свое время В. Хвойке довелось раскопать несколько ям глубиной до 1,5 м, в которых обнаружены кроме комьев обожженной обмазки фрагменты керамики и кости животных [Khvoiko 1901, 793]. Таким образом, впервые ямы на поселении в Триполье были обнаружены уже во время раскопок 1897 года. Они, по-видимому, как и на других трипольских поселениях, располагались вблизи остатков сожженных построек.

Значительные размеры исследованного в 2018 г. объекта – порядка 9х4 м – могут свидетельствовать о том, что здесь первоначально производили добычу глины. Скопления культурных остатков на его склонах (включая большое количество угольков в нижней его части) и постепенное заполнение напоминают картину, полученную в 2013 г. при изучении котлована вблизи постройки В17 на поселении трипольской культуры этапа VII у с. Небелевка. Размеры упомянутого объекта также весьма значительны – более 10х14 м [Videiko et al. 2014, fig. 1,1; 12; 14]. В случае с Небелевкой объект был интерпретирован, как первоначальный источник глины и суглинка при сооружении постройки, а затем был использован в качестве места для захоронения остатков жертвоприношений.

Находки керамики из раскопок 2018 г. и материалы из исследований В. Хвойко

Находки керамической посуды были представлены четырьмя группами изделий: керамика «кухонная» (тип Кукутень С), керамика с углубленным орнаментом, керамика с росписью и керамика без орнамента (рис. 4-10).

Керамика «кухонная» (тип Кукутень С) изготовлена из массы с примесью разного количества толченных ракушек. Цвет – от черного и темно-коричневого до желто-красного. Изделия этой группы представлены фрагментами горшков (рис. 4). Поверхность изделий в нижней части иногда покрыта полосчатым сглаживанием, но чаще просто заглажена. Декорирована верхняя часть сосудов, включая венчики и горловины. Для этого использованы оттиски штампа и гребенки, налепы, небольшие ручки (рис. 4,1-2,5). На плечиках помещены шевроны из оттисков штампа или гребенки в несколько рядов, центром композиции в ряде случаев являются налепы (рис. 4,1,3,5-8). Под венчиками расположены оттиски штампа (рис. 4, 1-4) или налепы- «жемчужины» (рис. 4, 5,6,8). Эти изделия находят аналогии в материалах «культуры А» В. Хвойки, происходящих с поселений Щербаневка, Веремье и Триполье [Khvoiko 1901, ris. 82; 1904, tabl. VI; Khvoika 2006, 81; Kozovs'ka, 1926]. Аналогично выглядит и керамика такого типа, полученная во время раскопок поселения Коломийцив Яр [Videiko, Burdo 2007, ris. 2; Videiko et al. 2018, ris. 4-5].

Керамика с углубленным орнаментом выполнена из глины с примесью песка, поверхность залощена. Цвет – черный, темно-коричневый, коричневый, иногда – красно-коричневый (рис. 5-6). В то же время керамика «культуры А» с углубленным орнаментом, происходящая из раскопок В. Хвойки (который исследовал в первую очередь остатки сгоревших построек), преимущественно желто-коричневого, красно-коричневого, реже – красного цвета. Так же выглядит часть керамики, обнаруженной во время исследования поселения Коломийцив Яр, а именно происходящая из остатков сгоревших построек. Однако те фрагменты, что были найдены в углубленных объектах, имеют тот же цвет, что из раскопа №3 в Триполье, то есть черный или темно-коричневый. Таким образом,

Рис. 4. Поселение Триполье, раскопки 2018 г., керамика из раскопа 3: фрагменты «кухонной» посуды.

Fig. 4. Trypillia site, excavations in 2018, pottery from the trench 3: fragments of kitchen pottery.

есть основания полагать, что керамика красного, красно-желтого или желто-коричневого цвета получила окраску во время сожжения построек, среди остатков которых была обнаружена.

В углубленных линиях порой заметны следы белой пасты, которой они были первоначально заполнены. Такая инкрустация характерна для керамики «культуры А» из раскопок В. Хвойки. Причем на сохранившихся в Национальном музее истории Украины образцах белая паста сохранилась намного лучше [Iakubenko 2006, tabl. I-II; tabl. XIII-XV] – вероятно, была закреплена вторичным обжигом при сожжении построек, в которых она находилась.

По фрагментам можно установить наличие следующих форм изделий с углубленным

орнаментом: крышки – двух разновидностей: антропоморфные и шлемовидные (рис. 5); сосуды грушевидные (рис. 6,2-10) и горшки (рис. 6,1). Больше всего обнаружено фрагментов крышек обоих видов.

Антропоморфные крышки представлены фрагментами изделий. Они небольших (до 12-14 см в диаметре) размеров, с туловом усеченно-конической формы, с таким же навершием и парой ручек с проколами на тулове (рис. 5,1,3). Композиция, составленная из углубленных линий, выстроена вокруг ручек. Край навершия орнаментирован углублениями. Этот тип крышек в довольно большом количестве известен из раскопок В.В. Хвойки в Веремье и Щербаневке [Khvoiko 1901, tabl. XXVII, riady 1-2, причем в первом ряду фото крышек помещены в перевернутом виде; 1904, tabl. V, показаны на рисунке в перевернутом виде], а также и в Триполье, судя по полевым фотографиям 1907 года [Videiko 2016, ris. 16,1,3].

Аналогичные крышки найдены при раскопках на поселении Коломыйцив Яр [Videiko et al. 2018]. Они обычны также и для памятников т.

н. Восточнотрипольської культури Буго-Дніпровського міжуроччя, таких, як Зарубинці, Шкаровка, Веселый Кут, Мирополье [Tsvek 2006, ris. 10-11,21]. Поскольку упомянутые выше памятники занимают различные хронологические позиции, то следует обратить внимание на то обстоятельство, что крышки из Триполья наиболее полные аналогии находят в Веселом Куте, занимающем позицию между Шкаровкой и Миропольем [Tsvek 2006, ris. 11].

Шлемовидные крышки представлены фрагментами, развалы собраны лишь частично (рис. 5, 4-11). Они с шаровидным туловом и горловиной усеченно-конической формы. Орнаментирована внешняя поверхность за исключением доньшка. Декор состоит из лент, включающих от 4 до 6 параллельных линий, в некоторых случаях дополненных круглыми вдавлениями диаметром 6-10 мм. Орнаментальная композиция составлена из двух частей: одна

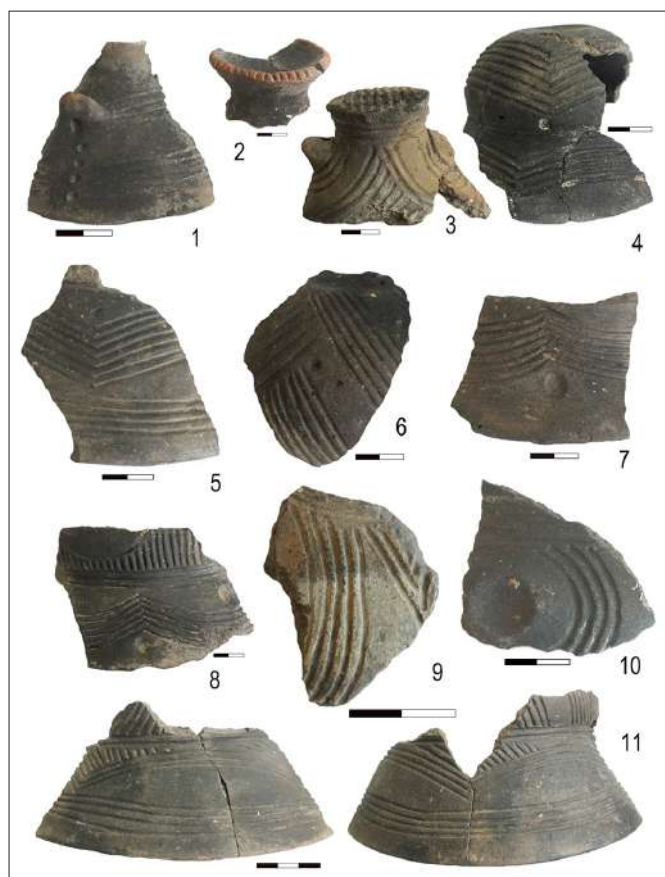

Рис. 5. Поселение Триполье, раскопки 2018 г., керамика из раскопа 3: фрагменты керамики с углубленным орнаментом: 1-3 – антропоморфные крышки; 4-11 – шлемовидные крышки.

Fig. 5. Trypillia site, excavations in 2018, pottery from trench 3: fragments of pottery with incised decoration: 1-3 – anthropomorphic lids; 4-11 – helmet-like lids.

размещена на тулове, вторая – на горловине. На тулове композиция состоит из овалов и/или фестонов, на горловине – из фестонов, иногда промежутки между ними заштрихованы короткими отрезками линий (рис. 5,11). Шлемовидная крышка с этикеткой, указывающей на ее нахождение в Триполье хранится в собрании Национального музея истории Украины [Videiko 2017, ris. 14]. Кроме того, шлемовидные крышки есть на полевых рисунках В. Хвойки, известны по фотографиям раскопок в Триполье [Videiko 2016, ris. 16] также в публикациях материалов «культуры А» из Приднпровья [Khvoiko 1901, tabl. XXVI, четвертый ряд сверху; 1904, tabl. V – показаны в перевернутом виде].

Аналогичные крышки как в виде развалов, так и в фрагментированном виде извест-

ны из раскопок поселения Коломыйцив Яр [Videiko et al. 2017, ris. 9). Такие изделия типичны для памятников «Восточно-трипольской культуры», в особенности Шкаровки и Веселого Кута [Tsvek 2006, ris.21; ris.11].

Грушевидные сосуды представлены немногочисленными фрагментами стенок от довольно крупных изделий (рис. 6, 2-10). Орнаментальная композиция составлена из параллельно расположенных шести врезных линий, образующих стилизованные изображения пар змей (рис. 6,9). Такие грушевидные сосуды известны по рисункам из дневника раскопок в Триполье В.Хвойки [Videiko 2016, ris. 9,3-4; 10-11]. Они представлены также и в опубликованных в свое время материалах «культуры А» [Khvoiko 1901, tabl. XXVI; 1904, tabl. V].

Аналогичные сосуды и их фрагменты найдены на поселении Коломыйцив Яр [Videiko et al. 2017, ris. 10,1-9]. Они широко представлены на поселениях «Восточнотрипольской культуры», наиболее близкие аналогии можно найти среди материалов из Шкаровки, Веселого Кута и Мирополья [Tsvek 2006, ris. 11; 21].

К числу сосудов, с углубленным декором, отнесены также фрагменты горшка, украшенного по горловине и плечикам двумя рядами оттисков круглого штампа (рис. 6,1). Фрагменты горшка, украшенного подобными оттисками штампа, были обнаружены В. Хвойкой во время раскопок поселения «Культуры А» на территории села Веремье. Причем на плечиках это изделие было украшено антропоморфной личиной-налепом [Khvoiko 1901, ris. 86]. Возможно, в Триполье в 2018 г. обнаружены фрагменты аналогичного сосуда.

Группа керамики с расписным орнаментом представлена фрагментами различных сосудов, в том числе полусферических мисок, кубков, шлемовидных крышек, амфорок, сферо-конических сосудов (в том числе довольно крупных) (рис. 7-9). Распись во всех случаях нанесена красной краской по белой поверхности или желто-коричневому ангобу. В сломе керамика белого цвета. Расписная керамика из Триполья представлена на рисунках из полевого дневника

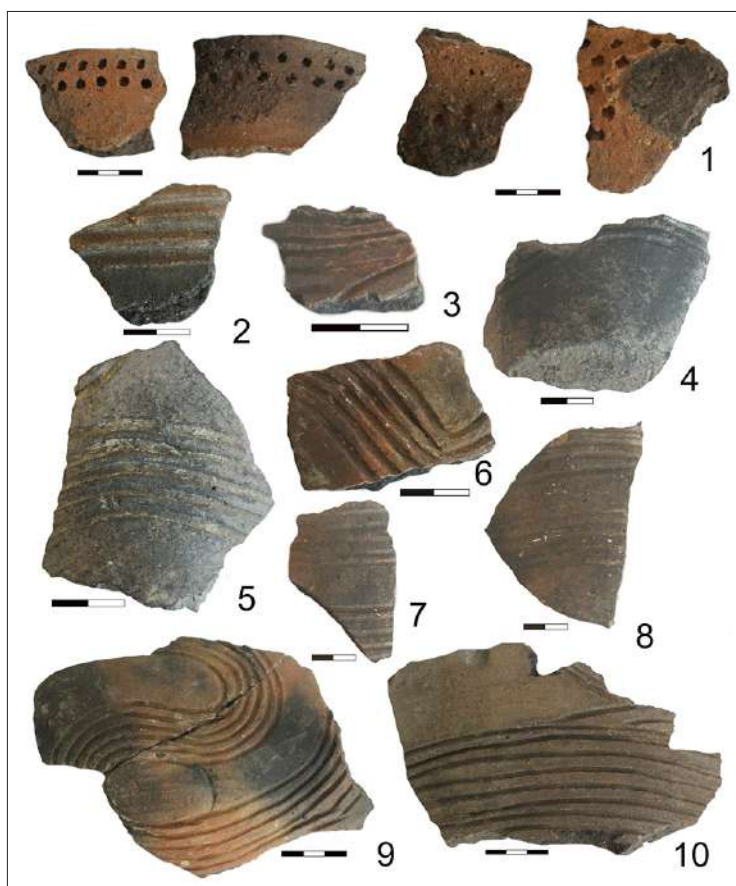

Рис. 6. Поселение Триполье, раскопки 2018 г., керамика из раскопа 3: фрагменты керамики с углубленным орнаментом: 1 – части горшка с оттисками круглого штампа; 2-10 – фрагменты грушевидных сосудов различных размеров.

Fig. 6. Trypillia site, excavations in 2018, pottery from the trench 3, fragments of pottery with incised decoration: 1 – fragments from pot with round stamp; 2-10 – fragments from different size pear-like vessels.

В. Хвойки [Videiko 2016, ris. 12], а также сводной таблице находок, связанной с докладом на XI Археологическом съезде [Videiko 2016, ris. 15].

Миски – сосуды в виде усеченной полусферы, диаметр по венчикам от 12 до 16 см, представлены фрагментами, в том числе и с полным профилем (рис. 9,1). Роспись нанесена красной краской, по-видимому – с обеих сторон. Среди архивных рисунков и публикаций по «культуре А» подобные изделия отсутствуют. Возможно, они и были найдены в виде фрагментов, однако, по-видимому, не привлекли внимания исследователя. Фрагменты таких мисок ранее были обнаружены во время раскопок на поселении Коломыйцив Яр.

Кубки – сосуды небольших (до 10 см высоты) размеров, с округлым туловом и прямым венчиком (рис. 7,1-2). На сохранившихся фрагментах видны следы треугольников и лент из параллельных тонких линий, нанесенных краской красного цвета, что позволяет предположить наличие «лицевой» схемы росписи. Среди опубликованных материалов «Культуры А» кубки такого типа не представлены. Фрагмент такого кубка происходит с поселения Шкаровка, включенного в «Восточно-трипольскую культуру» [Tsvek 2006, ris. 21,5].

Шлемовидные крышки представлены фрагментами венчиков и частями наверший (рис. 7,4-5). Орнаментальные композиции, нанесенные красной краской, состояли из широких линий и, возможно, треугольных элементов. Фрагмент шлемовидной крышки с росписью, вероятно происходящей из Триполья воспроизведен в рисунках В. Хвойки

[Videiko 2016, ris. 15, 2]. Крупная шлемовидная крышка с росписью происходит из раскопок Е.В. Цвек на поселении у с. Веселый Кут [Tsvek 2006, ris. 10, 6].

Амфорки представлены фрагментами, в том числе с ручками. Сохранились следы росписи, состоявшей из широких красного цвета линий и лент, составленных из узких полос – остатки орнаментальной «лицевой» композиции (рис.7,3). Фрагменты таких амфорок представлены на рисунках В. Хвойки с изображениями находок из раскопок 1897 г. у с. Триполье [Videiko 2016, ris. 15,3,6].

Сферо-конические сосуды представлены фрагментами и частью развала крупного сосуда (рис. 7,9-10; 8,1-3; 9). Роспись наносили на верхнюю часть сосуда, выше перегиба. На небольших сосудах композиция была составлена из лент или полей с использованием широких линий в сочетании с расположенными параллельно тонкими (рис. 7,9-10; 8,3). Роспись на крупном сосуде бихромная: контуры орнамента выполнены тонкими линиями черного цвета с заполнением полей красной краской (рис. 8,1-2,4;

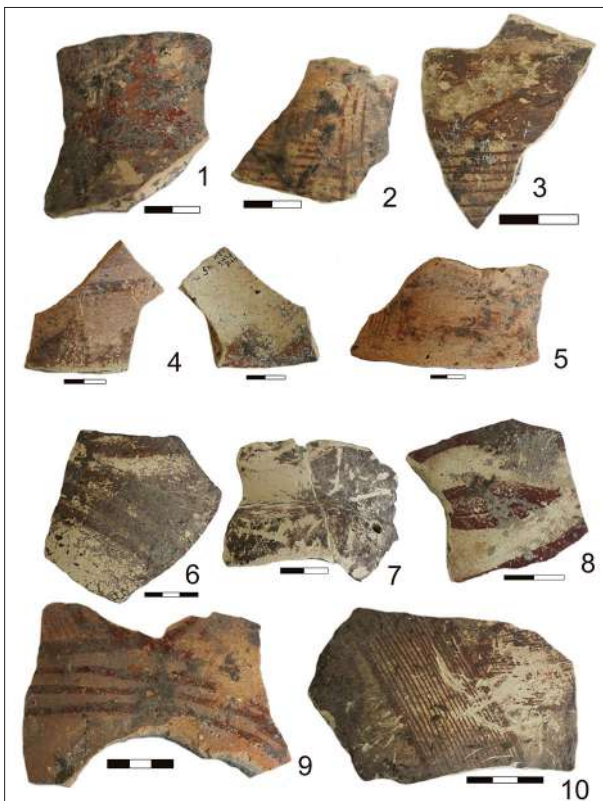

Рис. 7. Поселение Триполье, раскопки 2018 г., керамика из раскопа 3, расписная керамика: 1-2 – фрагменты кубков; 3 – фрагмент амфорки; 4,5,7 – фрагменты шлемовидных крышек; 6, 8, 9-10 – фрагменты сфероконических сосудов.

Fig. 7. Trypillia site, excavations in 2018, pottery from the trench 3, painted pottery: 1-2 – fragments from goblets; 3 – amphora; 4,5,7 – helmet-like lids; 6, 8, 9-10 – sphero-conical vessels.

9,2-7). Орнаментальная композиция включает элементы в виде листьев, вероятно являющихся стилизованными изображениями змей. Кроме росписи в верхней его части были помещены небольшие конические налесты со скругленной вершиной. Фрагменты таких сосудов представлены на рисунках В. Хвойки с изображениями находок из раскопок 1897 г. у с. Триполье [Videiko 2016, ris. 15,1,4], а также опубликованы им как материалы «Культуры А» [Khvoiko 1901, tabl. XXVIII, первые четыре позиции сверху].

Группа керамики без росписи представлена несколькими целыми сосудами, развалами, а также многочисленными фрагментами. Поверхность сосудов черного или темно-коричневого цвета. Из форм прослежены миски (полусферические), кубки, горшки, шлемовидные крышки и амфорки (рис. 10).

Кубки представлены одним целым изделием и фрагментами от сосудов разных размеров (рис. 10,3). На поверхности некоторых сохранились следы красной краски – возможно, поверхность сосудов была окрашена (рис. Полусферические миски разных размеров – от миниатюрных (рис. 10,7) до крупных, диаметром до 25-35 см, у некоторых венчики украшены выступами или налестами (рис. 10,1-2,8-9). Шлемовидные крышки той же формы, что и изделия с углубленным и расписным орнаментом (рис.10,5). Найден небольшой горшок, украшенный на плечиках налестами (рис. 10,6). Амфорки – сосуды с парой ручек под венчиком (рис. 10,4,7).

Керамика без декора представлена в дневниковых зарисовках В. Хвойки, а также публикациях находок «культуры А» [Khvoiko 1901, tabl. XVII; 1904, tabl. V]. Ее наличие отмечено и для Коломыйцева Яра [Videiko et al. 2017; 2018].

В целом описанный выше набор посуды обычен для поселений этапа VI-II в Среднем Поднепровье [Khvoiko 1901, tabl. XXVI, XXVII;

Рис. 8. Поселение Триполье, раскопки 2018 г., керамика из раскопа 3, расписная керамика: 1-4 – фрагменты сфероконических сосудов; 5 – фрагмент грушевидного сосуда.

Fig. 8. Trypillia site, excavations in 2018, pottery from the trench 3, painted pottery: 1-4 – fragments from sphero-conical vessels; 5 – pear-like vessel.

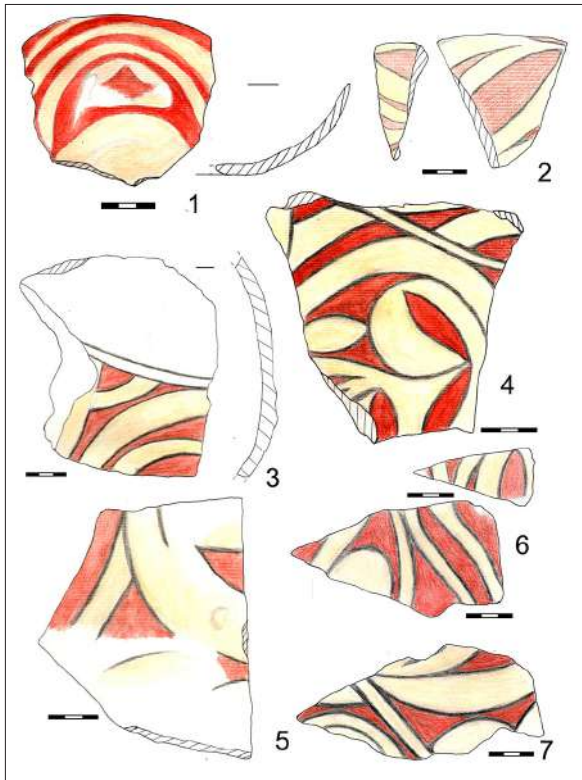

Рис. 9. Поселение Триполье, раскопки 2018 г., керамика из раскопа 3, расписная керамика: 1 – фрагмент полусферической миски; 2-7 – части развала крупного сферо-конического сосуда.

Fig. 9. Trypillia site, excavations in 2018, pottery from the trench 3, painted pottery: 1 – fragment from hemispherical bowl; 2-7 – large sphero-conical vessel.

1904, tabl. V; Videiko et al. 2017; 2018] и в целом соответствует керамическому комплексу т.н. «Восточнотрипольской культуры», в первую очередь таких поселений, как Веселый Кут и Шкаровка [Tsvek 2006, ris. 10-11; 21].

Последовательное сравнение находок керамики из раскопок 2018 года с зарисовками, содержащимися в архивных материалах, проведенное выше, показало высокую степень сходства, а порой и полную идентичность материалов с теми, которые были обнаружены В. Хвойкой во время раскопок эпонимного памятника у с. Триполье в 1897-1907 гг. В сочетании с результатами сравнения топографии исследованного у с. Триполье в 2018 г. поселения это обстоятельство на наш взгляд дает возможность идентифицировать его с эпонимным памятником трипольской культуры.

С другой стороны требуют объяснения различия по ряду позиций. Во-первых, цвето-

вая характеристика керамики: красная и красно-коричневая из раскопок В. Хвойки и черная или черно-коричневая из новых раскопок. Эту разницу можно объяснить тем, что у В. Хвойки материал происходил из раскопок остатков сожженных трипольских построек и получил повторный обжиг, находки же из углубленного объекта 2018 г. повторному воздействию огня не подвергались и сохранили первоначальный цвет.

Обращает на себя также внимание относительно большое число находок керамики с росписью, что можно также объяснить различием между наземными постройками и углубленными объектами в формировании состава находок. С другой стороны широкий ассортимент расписной посуды и относительно большое число находок характерно и для другого исследованного в недавнее время поселения

Рис. 10. Поселение Триполье, раскопки 2018 г., керамика из раскопа 3, керамика без орнамента: 1-2 – полусферические миски; 3 – кубок; 4, 7 – фрагменты амфор; 5 – шлемовидная крышка; 6 – горшок; 8-9 – фрагменты больших мисок.

Fig. 10. Trypillia site, excavations in 2018, pottery from trench 3, pottery without decoration: 1-2 – hemispherical bowls; 3 – goblet; 4, 7 – fragmented amphora; 5 – helmet-like lid; 6 – pot; 8-9 – fragments of large bowls.

этапа VI-II с этой территории – Коломыйцив Яр. В этом плане оба памятника существенно отличаются от поселений «Восточнотрипольской культуры» типа Шкаровка и Веселого Кута. Возможно, это отличие является локальной особенностью, связанной с тем, что в составе трипольского населения в бассейне р. Красной была группа людей, сумевшая наладить на месте производство расписной посуды, что косвенно подтверждено исследованиями технологии местной расписной керамики, произведенным Т.Ю. Гошко.

Более полное объяснение приведенные выше различия могут получить как после проведения новых раскопок, так и после исследований технологии изготовления керамики, которые проводятся в лаборатории археологии Киевского университета имени Бориса Гринченко.

Заключение

Таким образом, исследования 2018 г. позволили с уверенностью идентифицировать именно это поселение между с. Триполье и Щербаневка в качестве эпонимного памятни-

ка трипольской культуры. Установлено, что неплохо сохранились углубленные объекты. Их изучение позволило получить интересный материал, в первую очередь – керамику. Поселение можно отнести к этапу VI-II трипольской культуры. Несмотря на то, что находки в целом соответствуют керамическому комплексу «Восточнотрипольской культуры» (по Е.В. Цвек), оно выделяется необычным для этого варианта Триполья относительно большим числом находок расписной керамики и в особенности - ее ассортиментом. Возможно, часть этой керамики была произведена на месте. Похоже, что уже на этапе VI-II в этой части Поднепровья формируется традиция многокомпонентного керамического комплекса, характерная для региона вплоть до финала этапа CI. Эпонимное поселение представляет интерес для дальнейших исследований одного из наиболее ранних этапов заселения трипольцами Среднего Приднепровья, а также как одно из самых крупных поселений трипольской культуры этого периода.

Библиография

- Iakubenko 2006:** O. Iakubenko, Kolektsiï z rozkopok V.V. Khvoiki na tripil's'kikh poseleanniakh u Natsional'nomu muzeï istoriï Ukraïni. In: (red. M.Iu. Videiko) Doslidzhennia tripil's'koï tsivilizatsiï u naukovii spadshchini arkheologa Vikentii Khvoiki (Kiïv 2006), chastina 2, 45-70 // O. Якубенко, Колекції з розкопок В.В. Хвойки на трипільських поселеннях у Національному музеї історії України. В: (ред. М.Ю. Відейко) Дослідження трипільської цивілізації у науковій спадщині археолога Вікентія Хвойки (Київ 2006), частина 2, 45-70.
- Khvoiko 1897:** V.V. Khvoiko, Osobistii fond. In: Naukovii arkhiv Institutu arkheologii NAN Ukraïni, fond 2 (mal'iunki), 1-67 // В.В. Хвойко, Особистий фонд. В: Науковий архів Інституту археології НАН України, фонд 2 (малюнки), 1-67.
- Khvoiko 1901:** V. Khvoiko, Kamennyi vek Srednego Pridneprov'ia. In: Trudy XI Arkheologicheskogo s'ezda v Kiïve v 1899 godu (Moskva 1901), tom 1, 730-812 // В. Хвойко, Каменный век Среднего Приднепровья. В: Труды XI Археологического съезда в Киеве в 1899 году (Москва 1901), том 1, 730-812.
- Khvoiko 1904:** V. Khvoiko, Raskopki 1901 g. v oblasti tripol'skoi kul'tury In: Zapiski otdeleniia russkoi i slavianskoi arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Sankt-Petersburg 1904), tom 5, vypusk 2, 12-20 // В. Хвойка, Раскопки 1901 г. в области трипольской культуры. В: Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества (Санкт-Петербург 1904), том 5, выпуск 2, 12-20.
- Khvoika 2006:** V.V. Khvoika, Kam'ianii vik Seredn'ogo Pridniprov'ia. In: (red. M.Iu. Videiko) Doslidzhennia trypil's'koï tsivilizatsiï u naukovii spadshchini arkheologa Vikentii Khvoiki (Kiïv 2006), chastina 1, 95-104. // В.В. Хвойка, Кам'яний вік Середнього Придніпров'я. В: (ред. М.Ю. Відейко) Дослідження трипільської цивілізації у науковій спадщині археолога Вікентія Хвойки, (Київ 2006), частина 1, 95-104.
- Kozlovs'ka 1926:** V. Kozlovs'ka, Keramika kul'turi A. In: (red. V. Kozlovs'ka) Tripil's'ka kul'tura na Ukraïni (Kiïv 1926), vipusk 1, 139-157 // В. Козловська, Кераміка культури А. В: (ред. В. Козловська) Трипільська культура на Україні (Київ 1926), випуск 1, 139-157.

Tsvek 2006: O.V. Tsvek, Poselennia Skhidnotripil'skoi kul'turi (Korotkii naris) (Київ 2006) // О.В. Цвек, Поселення Східнотрипільської культури (Короткий нарис), (Київ 2006).

Videiko 2006: M.Iu. Videiko, Materiali iz doslidzhen' tripil's'koi kul'turi na Kiiivshchini 2003-2005 rokiv. In: (red. T. Morgun et al.) Okhorona kul'turnoi spadshchini Kiiiv s'koi oblasti (Київ 2006), 21-28 // М.Ю. Видейко, Матеріали із досліджень трипільської культури на Київщині 2003-2005 років. В: (ред. Т. Моргун и др.) Охорона культурної спадщини Київської області (Київ 2006), 21-28.

Videiko 2007: M.Iu. Videiko, Mistsia arkheologichnikh rozkopok V.V. Xvoiki na tripil's'kikh poseleenniakh. In: Doslidzhennia tripil's'koi tsivilizatsii u naukovii spadshchini Vikentiiia Khvoiki (Київ 2007), 28-38 // М.Ю. Видейко, Місця археологічних розкопок В.В. Хвойки на трипільських поселеннях В: Дослідження трипільської цивілізації у науковій спадщині Вікентія Хвойки (Київ 2007), 28-38.

Videiko 2012: M.Iu. Videiko, Rozvidki oblasnogo arkheologichnogo muzeiu. In: (red. D.N. Kozak) Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni 2011 (Luts'k 2012), 236-237 // М.Ю. Видейко, Розвідки обласного археологічного музею. В: (ред. Д.Н. Козак) Археологічні дослідження в Україні 2011 (Луцьк 2012), 236-237.

Videiko 2016: M. Videiko, Issledovaniia poseleniia Tripol'e. Tyragetia X, 1, 129-14 // М. Видейко, Исследования поселения Триполье. Tyragetia X, 1, 129-145.

Videiko, Burdo 2007: M.Iu. Videiko, N.B. Burdo, Riatal'ni doslidzhennia v ur. Kolomiitsiv Iar mizh s. Kopachiv ta Pershe Travnia Obukhiv's'kogo raionu Kiiiv's'koi oblasti. In: (red. N.O. Gavriiliuk, M.P. Timchenko) Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni 2005-2007 r. (Київ-Запоріжжя 2007), 110-114 // М.Ю. Видейко, Н.Б. Бурдо, Рятувальні дослідження в ур. Коломійців Яр між с. Копачів та Перше Травня Обухівського району Київської області. В: (ред. Н.О. Гаврилюк, М.П. Тимченко) Археологічні дослідження в Україні 2005-2007 р. (Київ-Запоріжжя 2007), 110-114.

Videiko et al. 2014: M. Videiko, J. Chapman, N. Burdo, B. Geidarskaia, S. Ignatova, S. Ivanova, V. Rud', Issledovaniia po proektu «Ranniia urbanizatsiia v praistoricheskoi Evrope?: tripol'skie megaroseleniia» v 2013 godu. In: Tyragetia VIII, 1, 107-144 // М. Видейко, Дж. Чапмен, Н. Бурдо, Б. Гейдарская, С. Игнатова, С. Иванова, В. Рудь, Исследования по проекту «Ранняя урбанизация в праисторической Европе?: трипольские мегароселения» в 2013 году. In: Tyragetia VIII, 1, 107-144.

Videiko et al. 2017: M. Videiko, R. Ulrau, E. Slesarev, M.M. Videiko, Novye issledovaniia na poselenii tripol'skoi kul'tury etapa VI-II Kolomiitsiv Iar. Tyragetia XI, 1, 2017, 55-66 // М. Видейко, Р. Улрау, Е. Слесарев, М.М. Видейко, Новые исследования на поселении трипольской культуры этапа VI-II Коломийцев Яр. Tyragetia XI, 1, 2017, 55-66.

Videiko et al. 2018: M.Iu. Videiko, N.B. Burdo, R. Ulrau, E. Slesarev, M.M. Videiko, Kh. Tide, V. Tide, Doslidzhennia poselennia tripil's'koi kul'turi v ur. Kolomiitsiv Iar bilia s. Kopachov 2016 roku. Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni (Київ 2018), 75-78 // М.Ю. Видейко, Н.Б. Бурдо, Р. Улрау, Е. Слесарев, М.М. Видейко, Х. Тіде, В. Тіде, Дослідження поселення трипільської культури в ур. Коломійців Яр біля с. Копачов 2016 року. Археологічні дослідження в Україні (Київ 2018), 75-78.

Михаил Видейко, доктор исторических наук, заведующий Научно-исследовательской лаборатории археологии историко-философского факультета Киевского университета имени Бориса Гринченко, ул. Тимошенко 13Бб офис 417, Киев, Украина, e-mail: my.videiko@kubg.edu.ua

Наталия Бурдо, кандидат исторических наук, Институт археологии Национальной академии наук Украины, ул. Героев Сталинграда, 12, Киев, Украина, e-mail: nbburdo@gmail.com

Евгений Слесарев, магистр, аспирант, младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии историко-философского факультета Киевского университета имени Бориса Гринченко, ул. Тимошенко 13Бб офис 417, Киев, Украина, e-mail: my.videiko@kubg.edu.ua

Мария Видейко, магистр, младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии историко-философского факультета Киевского университета имени Бориса Гринченко, ул. Тимошенко 13Бб офис 417, Киев, Украина, e-mail: my.videiko@kubg.edu.ua

Светлана Андрух, Геннадий Тощев

Курган 5 (96) могильника «Солоха»

Key words: Scythians, burial ground “Solokha”, a burial mound, a burial, inventory, dating.

Cuvinte cheie: sciți, necropola „Solokha”, tumul, complex funerar, inventar, datare.

Ключевые слова: скифы, могильник «Солоха», курган, погребение, инвентарь, датировка.

Svetlana Andruk, Gennadii Toshev

Burial Mound 5 (96) of Burial Ground “Solokha”

In the article are examined the materials of one burial mound explored by the expedition of Zaporizhzhia National University on burial ground “Solokha”. Is represented the description of two burial complexes. There are three vessels, the disk of a mirror, a knife and ornaments among the artifacts. Preliminary dating of the monument is the first half of the IV century B.C.

Svetlana Andruk, Ghenadii Toshev

Tumulul 5 (96) a necropolei „Solokha”

În articol sunt analizate materialele arheologice descoperite în unul dintre tumulii din necropola „Solokha”, cercetat de expediția Universității de Stat din Zaporojie, Ucraina. Este prezentată descrierea a două complexe funerare, unul remarcându-se printr-un inventar bogat. Acesta este reprezentat prin trei vase ceramice, discul unei oglinzi, un cuțit și câteva piese de podoabă. Încadrarea cronologică prealabilă a complexului se înscrie în prima jum. a sec. IV a.Chr.

Светлана Андрух, Геннадий Тощев

Курган 5 (96) могильника «Солоха»

В статье рассматриваются материалы одного кургана, исследованного экспедицией Запорожского национального университета на могильнике «Солоха». Приводится описание двух погребальных комплексов. Одно из них сопровождалось богатым инвентарем. Среди находок три сосуда, диск зеркала, нож и украшения. Предварительная датировка памятника – 1 половина IV в. до н.э.

Летом 2017 г. сотрудниками археологической экспедиции ЗНУ были проведены раскопки на западной периферии курганного могильника «Солоха».

Могильник «Солоха» известен по топографическим картам второй половины XIX в. (рис. 1). В начале XX в. он привлек внимание археологов. В 1912 г. обмеры и описание доминирующего кургана сделаны М.И. Веселовским [ОАК 1912 - 1916, 40-47; ОАК 1913-1915 - 1918, 104-132]. Им же проведено частичное исследование насыпи (рис. 3), а материалы раскопок отражены в каталоге А.П. Манцевич [Mantsevich 1987]. Курганный могильник осматривался Б.Н. Граковым и студентами МГУ в 1944 г. Тогда же, по данным А.И. Мелюковой и И.В. Яценко, глазомерной съемкой на полях ими было зафиксировано более 200 объектов [Meliukova, Iatsenko 1999, 218].

Спустя 50 лет после М.И. Веселовского (в 1961-1962 гг.), исследование группы курганов провели сотрудники Московского государственного университета и ИА АН СССР под

руководством Б.Н. Гракова. Раскопано 14 рельефных насыпей, из них две эпохи бронзы (№15, 16), скифские материалы (27 погребений) изданы А.И. Мелюковой [Meliukova 1999, 69]. Единственный комплекс эпохи средней бронзы приводится в работе Б.Н. Гракова [Grakov 1977, 137].

Тогда же был составлен детальный план могильника, в котором зафиксировано 75 объектов, объединенных в три подгруппы (рис. 2,3).

В 2008 году, во время инвентаризации памятников археологии, О.В. Тубольцев и М.В. Ельников провели инструментальную съемку курганов могильника, используя данные космической съемки (Google Maps). Ими отмечен 121 объект, что нашло отражение в составленном паспорте объекта культурного наследия. Увеличение количества насыпей произошло за счет детального изучения поверхности к западу, что в свое время осталось за пределами внимания исследователей. Следует отметить, что, судя по данным космической съемки, это еще не пол-

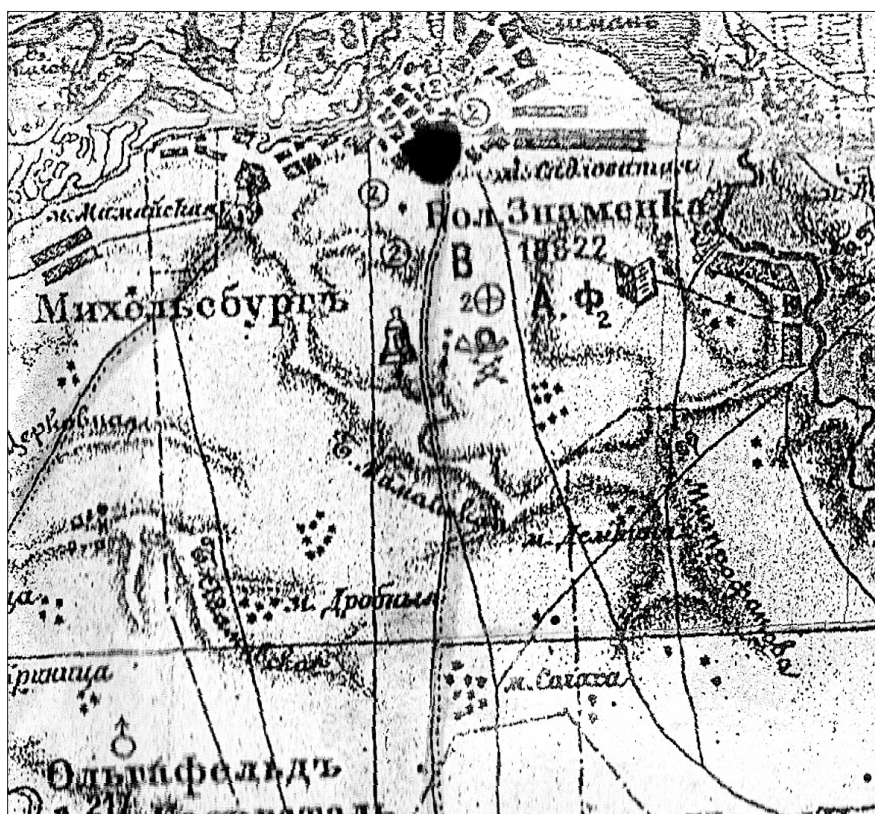

Рис. 1. Карта Мелитопольского уезда Таврической губернии. Издание Мелитопольского уездного земства 1911 г. План курганной группы «Солоха».

Fig. 1. Map of Melitopol uiezd of Tavricheskaia guberniia. Edition of Melitopol uiezd zemstvo of 1911. Plan of burial mound group "Solokha".

ный план могильника «Солоха», так как отсутствуют данные о территории к юго-востоку.

В общую (новую) нумерацию вошли также исследованные московскими археологами курганы (рис. 4).

Тогда же было предложено рассматривать насыпи в западной части могильника, расположенные двумя рядами на расстоянии 1,5 км, как своеобразную «аллею», которая вела к «царскому» кургану [Pleshivenko, Tubol'tsev 2009, 19].

В 2017 г., вновь спустя полвека после работ экспедиции Б.Н. Гракова, работы на поле «Солоха» были продолжены к западу от центрального кургана (рис. 5, А-В).

В соответствии с общепринятой методикой раскопок с использованием техники бровки разбивались по линии 3-В (к. 1) или С-Ю (к. 2-5). Ширина бровок колебалась от 0,5 до 1,2 м. Все замеры велись от центрального репера, установленного в центре «пятна».

Задачами работ являлась необходимость проверки как наличия самих нововыявленных курганов, большинство которых было обнаружено с помощью космической съемки, так и гипотезы о наличии т.н. «курганной аллеи».

В данной работе рассматривается один из раскопанных комплексов, замыкающий исследованную группу на западе – курган 5 (№96)¹.

1. Цифра в скобках соответствует номеру на плане (рис. 4), составленном О.В. Тубольцевым. Здесь же отметим, что палеоостеологические определения проведены к. и. н. Е.П. Секерской (г. Одесса), антропологические материалы обработаны А.В. Артемьевым, канд. мед. наук, старшим научным сотрудником Центра охраны и исследований памятников археологии Полтавской областной государственной администрации. Реставрация и описание амфор выполнены керамологом О.В. Фатеевым (г. Днепропетровск). Античная керамика изучена В.А. Папановой (г. Бердянск). Датировка диска зеркала приводится согласно заключению Т.М. Кузнецовой (г. Москва). Элементный анализ металла выполнен на кафедре материаловедения НТУ «ХПИ» м. п. о. С.А. Князевым (г. Харьков). Съемку с воздуха в декабре 2017 г. с помощью дрона DJI Inspire 1, с камерой X-550 на борту, выполнил Д.В. Следюк, научный сотрудник ДП ОАСУ «Слободская археологическая служба». Авторы глуп-

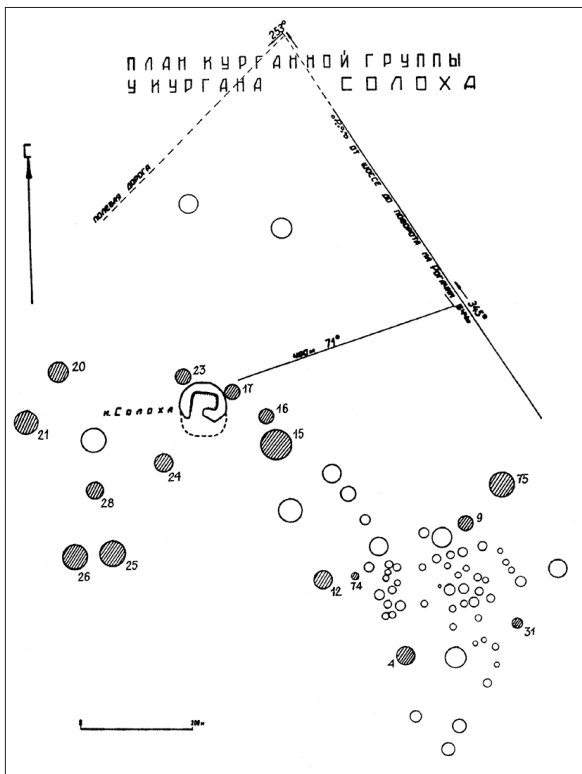

Рис. 2. План курганной группы «Солоха» 1961-1962 гг. (по: Мелюкова 1999).

Fig. 2. Plan of burial mound group “Solokha” 1961-1962 (by: Melukova 1999).

Курган 5 - №96 (рис. 6)

Высота 0,18 м, диаметр 30 м. Бровки разбиты по оси С-Ю. Выявлено 2 погребения и ров. Общая снятая площадь составляет 360 кв. м.

Погребение 1 (рис. 7, I-II). Обнаружено в 3,5 м к Ю от Ро на глубине 0,5 м. Совершено в катакомбе I типа. Входной колодец в плане подпрямоугольной формы с округленными углами, его размеры 2,6x0,75 м, вытянут по линии 3-В с небольшим отклонением. Заполнение состояло из смеси чернозема и суглинка.

На глубине 1,2 м от уровня фиксации контуров вдоль Ю стенки отмечена ступенька шириной 0,25 м.

Камера расположена к северу, в плане овальной формы, ее размеры 2,85x1 м, глубина от уровня фиксации контуров 1,45 м. Свод рухнул в древности.

Костяк лежал по диагонали камеры вытянуто на спине головой на ЮЗЗ. Руки слегка расставлены в локтях, кисти у таза.

боко признательны коллегам.

В СЗ углу, вдоль длинной стенки располагались кости напутственной пищи (лошадь), среди которых находился железный нож (1).

Над черепом, в 0,35 м находились три сосуда - лекиф (2), ниже которого стояли два лепных сосуда (3,4) и рядом с ними пряслице (5).

Слева от черепа находились пирамидальные бусинки (6) и бусы из металла (7), такие же были найдены и в заполнении над костяком - результат деятельности землероек.

На газовых костях и грудной клетке лежало бронзовое зеркало ручкой на ЮЗ (8), рядом с ним отмечена древесная труха.

При разборке костяка в глине был найден кусочек свинца с отверстием (9).

Инвентарь:

1. Нож с горбатой спинкой. Общая длина 11,5 см. Длина лезвия 8,2 см. Максимальная ширина 2,5 см. Черенок вытянутой подтреугольной формы, длиной 3,3 см, шириной у основания 2,2 см, у окончания 0,3 см. На черенке 1 железная заклепка для крепления деревянной ручки (рис. 9,7).

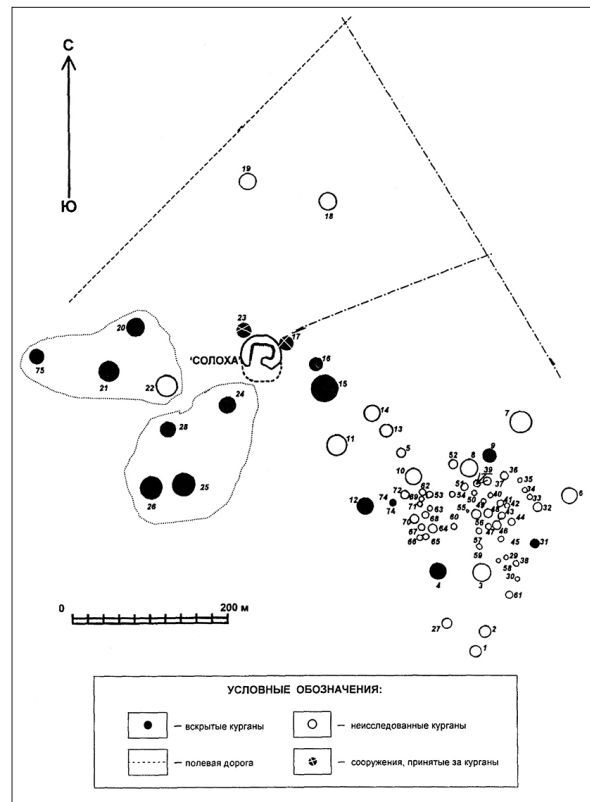

Рис. 3. План курганной группы «Солоха» 1961-1962 гг. (по: Кузнецова 2006).

Fig. 3. Plan of burial mound group “Solokha” 1961-1962 (by: Kuznezova 2006).

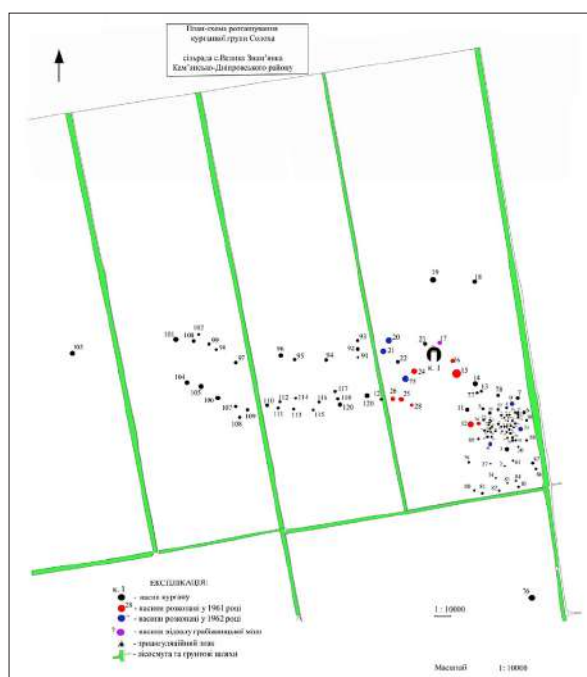

Рис. 4. План могильника «Солоха» 2008 г.

Fig. 4. Plan of burial ground „Solokha” 2008.

2. Арибаллический краснофигурный (?) лекиф (значительные потери лакового покрытия) (рис. 7,III). Тулово на непрофилированном, кольцевом, низком поддоне/ножке, плечи пологие. Тулово и поддон разделены желобком в цвете глины. Не исключено, что имел изображение, скорее всего пальметты. В древности утеряны горло и ручка. Места сби-ва обточены. Внешнее дно в цвете глины. По всей видимости, было расписано лаком двумя концентрическими кругами. Высота 3,5 см, диаметр дна 3,5 см.

3. Чашечка лепная банковидной формы. Дно на невыразительном кольцевом поддоне. Венчик подпрямоугольной формы, слегка загнут внутрь. Высота 3,5 см, диаметр венчика 6,2 см, дна – 6,2 см. В тесте обильная примесь крупного песка и мелкозернистого шамота. Обжиг неравномерный, цвет пятнистый кирпично-черный (рис. 8,1; 9,9).

4. Горшок миниатюрный лепной с округлым туловом, узкой шейкой и отогнутой наружу горловиной. Венчик в разрезе подпрямоугольной формы. Высота 6,5 см, диаметр венчика 4,5 см, дна – 4,3 см. В тесте примесь дресвы и мелкого шамота. Цвет серо-коричневый с темными пятнами (рис. 8,2; 9,10).

5. Пряслице свинцовое конусовидной формы. Высота 1 см, диаметр основания 1,5 см, диаметр отверстия 0,3 см (рис. 9,6). Система сплавов*: Мо-Рb не смешиваются, в соединении используются в качестве пигмента или спутника свинцовой руды.

6. Бусы из стекла: 1) пирамидальные синего цвета – 21 экз. + фрагменты четырех; 2) биконические синего цвета – один экз. (рис. 9,2).

7. Бусы из желтого металла: 1) округлые полые из двух полусфер – 2 экз. + мелкие фрагменты еще трех; 2) половина бусины бочковидной полый с поперечными рифлениями (рис. 9,3,5).

8. Зеркало с ручкой, т.н. «пелопонесского» типа. Диск плоский диаметром 22 см. Ручка приварена к зеркалу; подпрямоугольной формы, заканчивается медальоном округлой формы диаметром 5,4 см. Длина 15 см, ширина 5-3,8 см. Медальон декорирован розеткой с радиальными врезными линиями (23 лепестка).

Рис. 5. Вид центральной насыпи с востока (А); Вид на изучаемый сектор могильника «Солоха» - № 91-96 (В).

Fig. 5. View of central embankment from the east (A); View on exploring sector of burial ground “Solokha” - № 91-96 (B).

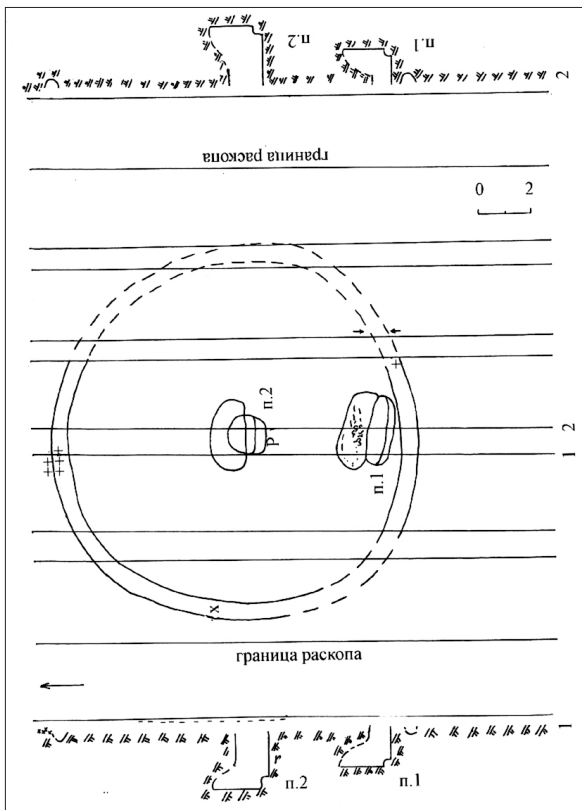

Рис. 6. Общий план и разрезы бровок кургана 5. Стрелочками указано место разреза рва. + - находки фрагментов амфор; X - кости животных.

Fig. 6. General plan and sections of edges of burial mound 5. Place of section of ditch is indicated by arrows. + - finds of fragments of amphoras; X - animal bones.

Край диска и продольные края ручки декорированы вдавленными точками в круге. На рукояти их 32 (по 16 на каждой стороне), на диске 202. На тыльной стороне медальона размечены едва различимые линии, возможно, черновой эскиз орнамента (рис. 8,3-5; 9,1).

9. Изделие (?) из свинца неправильной формы с отверстием. Высота 0,4 см, длина 0,8 см. Диаметр отверстия 0,15 см. Брак? (рис. 9,4).

В.В. Артемьев отмечает, что в погребении 1, кургана 5 (96), с большой долей сомнения, находился скелет женщины 45-50 лет

Погребение 2 (рис. 10,1). Выявлено в 0,8 м к С от Ро на глубине 0,6 м. Входной колодец в плане округлой формы, диаметром 1,6 м. Вдоль Ю стенки на глубине 1,8 м от уровня фиксации контуров прослежена ступенька шириной 0,3 м.

Камера примыкала к колодцу с севера. В плане она овальной формы, размерами 2,5x1,2 м. Глубина от уровня фиксации контуров 2,2 м.

В заполнении колодца найдена ворворка (1).

В черноземном заполнении камеры обнаружены 2 наконечника стрел (2) и отдельные кости человека. С большей степенью вероятности, они принадлежали женщине (40-45 лет).

Инвентарь:

1. Ворворка из бронзы усечено-конической формы. Диаметр 2,2-0,9 см, высота 1,5 см. Диаметр отверстия 1,3x0,7 см (рис. 10,2).

2. Наконечники стрел из бронзы (2) трехлопастные опорновтульчатые. Головка трехгранная, выделена П-образным углублением. Лопасты обрезаны под острым углом к втулке, вровень или слегка ниже. Высота 3,2-3 см, ширина лопасти 0,7 см (рис. 10,3).

Погребения находились в пределах рва. Контуры рва отмечены на глубине 0,6-0,7 м, он едва фиксировался на фоне суглинка, его ширина 0,5-0,6 м, глубина от уровня фиксации 0,15-0,2 м, от Ро 0,8-0,9 м. Заполнение - чернозем. Диаметр

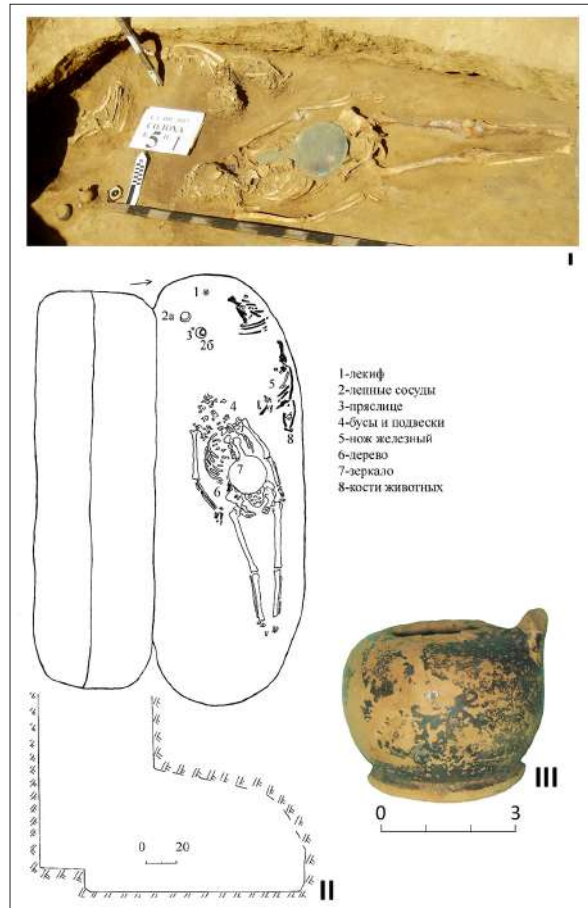

Рис. 7. Вид (1), план (2) и материал (3) погребения 1 к. 5.

Fig. 7. View (1), plan (2) and materials (3) of burial 1 of burial mound 5.

Рис. 8. Материалы из погребения 1 кургана 5. 1-2 - керамика; 3-5 - бронза.

Fig. 8. Materials from burial 1 of burial mound 5. 1-2 - pottery; 3-5 - bronze.

рва (по внешнему контуру) достигает 14 м.

В С части выявлены обломки амфор. Они были зафиксированы как в заполнении рва, так и за его пределами, с внешней стороны.

Во рву обломки амфор находились совместно с фрагментами лепной керамики. В восточном секторе контуры рва не прослеживались. На одном из участков была найдена ручка амфоры.

В западном секторе рва найдены кости взрослой лошади.

Находки:

По заключению О.В. Фатеева, амфора (рис. 10,5) имеет высокое прямое горло, сдавленное сверху, диаметр устья 92х73 мм, тулово приближается к строго конической форме, ножка утра-

чена. Сосуд по своей морфологии может быть отнесен к продукции острова Скопелос (античный о. Пепарет).

Горшок лепной, фрагментирован (рис. 10,4).

Разбит в древности. Диаметр венчика приблизительно около 10 см, диаметр дна 9 см. Толщина стенок 0,5 см. В черном тесте примеси песка, мелких камешков. Цвет поверхности варьирует от черного до коричневого. Орнаментирован редкими вдавлениями пальца.

Уровень древней дневной поверхности не фиксировался, материковая глина отмечается с отметки 0,5-0,6 м. В разрезе 1 отмечена тоненькая прослойка материковой глины на глубине 0,15-0,2 м от поверхности, ее толщина 2-3 см.

Исходя из планиграфии, первичным выступает п.2, с возведением которого связываем сооружение рва. Погребение 1 совершено позже.

А.И. Мелюкова на материалах раскопок 1961-1962 гг. пришла к выводу, «что время исследованных курганов может быть определено в пределах второй-четвертой четвертей IV в. до н.э.» [Meliukova 1999,78].

Исходя из разработок Е.П. Бунятян, она

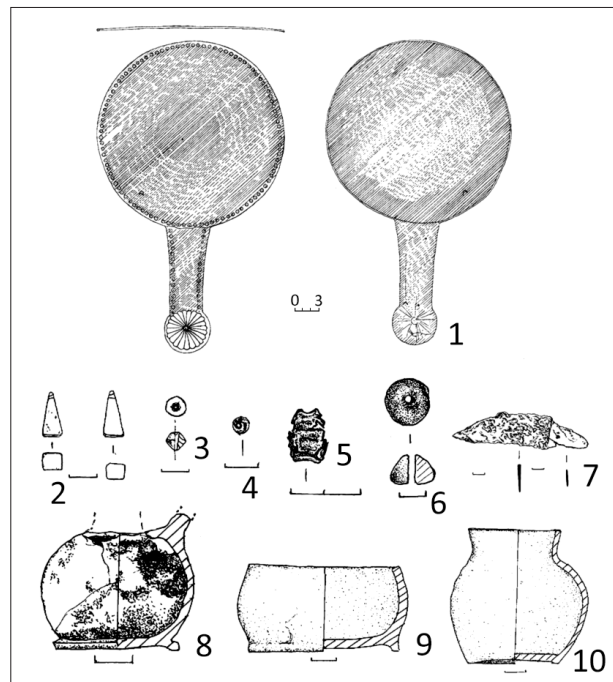

Рис. 9. Материалы из погребения 1 кургана 5. (1-бронза; 2-3 - стекло; 4-5 - желтый металл; 6 - свинец; 7 - железо; 8 - керамика.

Fig. 9. Materials from burial 1 of burial mound 5. (1 - bronze; 2-3 - glass; 4-5 - yellow metal; 6 - lead; 7 - iron; 8 - pottery).

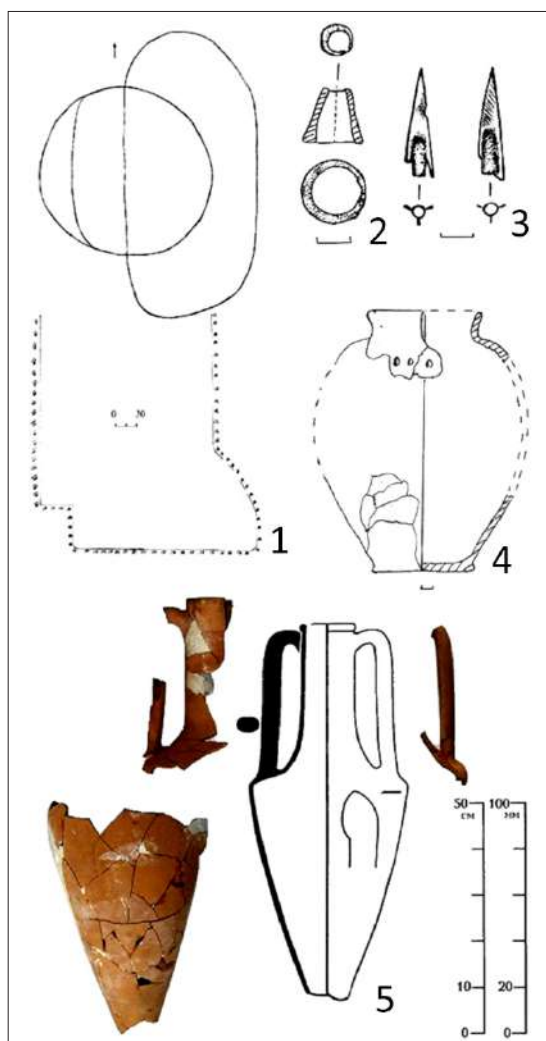

Рис. 10. План (1), материалы (2-3) погребения 2 кургана 5; находки из рва (4-5).

Fig. 10. Plan (1), materials (2-3) of burial 2 of burial mound 5; finds from ditch (4-5).

сделала заключение об отнесении погребенных общинников к числу среднего ранга, а единственное погребение 3 в к. 75, сопровождающееся из-

делиями из желтого металла, к богатой прослойке рядового населения [Meliukova 1999,78-79].

Рассмотрев амфорные клейма, выявленные в насыпях 3 курганов, Т.М. Кузнецова сделала заключение о времени функционирования могильника концом V – первой половиной IV в. до н.э. [Kuznetsova 2006, 230]. К более ранним она относит захоронения западной части. К близким выводам она пришла, рассмотрев материалы кургана 24 [Kuznetsova, 2007].

Т.М. Кузнецова относительно зеркала из п. 1 написала авторам, оно так наз. «пелопонесского» типа. В Греции они появляются во 2-й четверти VI-го в. до н.э. и присутствуют там до V в. В Северном Причерноморье имеют хождение и в IV в. до н.э.

Относительно лекифа из п. 1 отметим, что он IX типа и относится к первой половине IV до н.э. Но подобные лекифы существовали до самого начала III вв. до н.э. [Buravchuk 2007, 41-42, ris.12,5; 55, 59].

Материалы второго погребения (наконечник стрелы и ворворка) имеют широкую датировку.

По мнению С.Ю. Монахова, амфорная тара «солохинского» варианта, подобная обнаруженной во рву, изготавливалась в первой половине IV в. до н.э. [Monakhov 2003].

Материалы публикуемого кургана считаем возможным датировать в целом первой половиной IV в. до н.э.

Исследованные насыпи подтверждают предположение о наличии т.н. «курганной аллеи», ведущей к основной насыпи могильника. Также не исключаем, что все входящие в состав аллеи комплексы к западу от доминирующего кургана относятся к группе рядового населения. Однозначный ответ могут дать последующие раскопки.

Библиография

Buravchuk 2007: О.Е. Buravchuk, Krasnofigurnye ariballicheskie lekify iz sobraniia Odesskogo arkhologicheskogo muzeia. In: Antichnii mir i varvary na iuge Rossii i Ukrainy, Ol'viia. Skifia. Bospor (Moskva-Kiev-Zaporozh'e 2007), 36-60 // О.Е. Буравчук, Краснофигурные арибаллические лекифы из собрания Одесского археологического музея. In: Античный мир и варвары на юге России и Украины, Ольвия. Скифия. Боспор (Москва-Киев-Запорожье 2007), 36-60.

Grakov 1977: B.N. Grakov, Rannii zheleznyi vek (kul'tury Zapadnoi i Iugo-Vostochnoi Evropy), 1977 // Б.Н. Граков, Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы), 1977.

- Kuznetsova 2006:** T.M. Kuznetsova, O khronologii mogil'nika grupy kurgana „Solokha”. Drevnosti skifskoi epokhi. MIAR 7, 2006, 227-236 // Т.М. Кузнецова, О хронологии могильника группы кургана «Солоха». Древности скифской эпохи. МИАР 7, 2006, 227-236.
- Kuznetsova 2007:** T.M. Kuznetsova, Khronologiiia kurgana №24 grupy „Soloha”. In: (red. S.A. Skorii) Rannii zaliznii vik: do 100-richchia vid dnia narodzhennia O.Sh. Terenozhkina, Vidp. 23 (Київ-Чигирин 2007), 97-100 // Т.М. Кузнецова, Хронология кургана №24 группы «Солоха». В: (ред. С.А. Скорий) Ранний залізний вік: до 100-річчя від дня народження О.Ш. Тереножкіна, Відп. 23 (Київ-Чигирин 2007), 97-100.
- Mantsevich 1987:** A.P. Mantsevich, Kurgan Solokha: publikatsiia odnoi kolektsii (Leningrad 1987). // А.П. Манцевич, Курган Солоха: публикация одной коллекции (Ленинград 1987).
- Meliukova 1999:** A.I. Meliukova, Skifskie kurgany vozle Solokhi (raskopki 1961-1962 gg.). In: Evraziiskie drevnosti. 100 let B.N. Grakovu: arkhivnye materialy, publikatsii, stat' i (Moskva 1999), 60-97 // А.И. Мелюкова, Скифские курганы возле Солохи (раскопки 1961-1962 гг.). In: Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи (Москва 1999), 60-97.
- Meliukova, Iatsenko 1999:** A.I. Meliukova, I.V. Iatsenko, Pervye ekspeditsii s B.N. Grakovym. RA 4, 1999, 215-220 // А.И. Мелюкова, И.В. Яценко, Первые экспедиции с Б.Н. Граковым. РА 4, 1999, 215-220.
- Monakhov 2003:** S.Iu. Monakhov, Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiiia amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v amfornoii tare: Katalog-opredelitel' (Moskva; Saratov 2003) // С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в амфорной таре: Каталог-определитель (Москва; Саратов 2003).
- ОАК 1912 - 1916:** ОАК 1912 - 1916, 40-467 // ОАК 1912 - 1916, 40-467.
- ОАК 1913-1915 - 1918:** ОАК 1913-1915 - 1918, 104-132 // ОАК 1913-1915 - 1918, 104-132.
- Pleshivenko, Tubol'tsev 2009:** A.G. Pleshivenko, O.V. Tubol'tsev, Kurgannii mogil'nik „Solokha” - pamiatnik natsional'nogo znacheniiia: otkrytiia i problemy. In: Kul'turna spadshchina Zaporiz'kogo kraiu. Zbirka naukovikh statei ta dokumentiv. 1 vipusk (Zaporizhzhia 2009), 12-24 // А.Г. Плешивенко, О.В. Тубольцев, Курганний могильник «Солоха» – пам'ятник національного значення: відкриття і проблеми. В: Культурна спадщина Запорізького краю. Збірка наукових статей та документів. 1 випуск (Запоріжжя 2009), 12-24.

Светлана Андрух, доцент ЗНУ, к.и.н., Запорожская, 9, 107, Запорожье, 69002, Украина, e-mail: andrukhs1988@gmail.com

Геннадий Тощев, доцент ЗНУ, к.и.н., Запорожская, 9, 107, Запорожье, 69002, Украина, e-mail: gent51@mail.ru

George Dan Hânceanu

O aplică scitică de tolbă din corn descoperită în așezarea de la Roșiori – Dulcești (jud. Neamț)

Key words: Roșiori, geto-dacian dwelling, hearth, antler, plaque of the gorytos, horse heads, geometrical decoration, zoomorphic representations, Scythian culture.

Cuvinte cheie: Roșiori, locuință geto-dacică, vatră de foc, corn de cerb, aplică de tolbă, capete de cai, decor geometric, reprezentări zoomorfe, cultura scitică.

Ключевые слова: Рошиорь, гето-дакийское жилище, очаг, олений рог, аппликация на колчан, лошадиные головы, геометрический орнамент, зооморфные изображения, скифская культура.

George Dan Hânceanu

An antler piece belonging to a scythian gorytos discovered in the settlement from Roșiori (Neamț county)

During the 2016 year campaign from Roșiori, commune Dulcești, Neamț county, we traced a cassette (marked Cas.E) that later revealed the existence among different archaeological complexes of two geto-dacian houses (marked as L.1 and L.2). From the structure of the second dwelling survived mainly the floor because of the later super positioning of a Migration age dwelling. On the floor we found a hearth made of clay; a grinding stone was placed laterally. In front of the hearth we located a service pit that contained fragmentary ceramics and spindle whorls; behind the hearth there was a trash pit with numerous animal bones. On top of the hearth we discovered a spindle whorl and a bone handle. While dismantling the hearth, we could observe, at its base the presence of a piece made of animal horn (antler). It proved to be a handmade plaque that belonged to a gorytos. The object reproduces a bronze model that illustrates three horse heads (including the manes) but also a geometric decoration (circular lines located at the base of the piece). There are two gripping perforations at the base of the piece, transversely oriented, and disposed to the extremes. Easily arcuate (following the form of the antler), the piece was single-sided decorated with the back being longitudinally cut. The initial purpose of the piece was a practical one, precisely to close and decorate the Scythian gorytos but for the local population the piece gets another use, a ritual one. The deposition at the base of the hearth (considered a sacred place) inside the geto-dacian dwelling place could provide the protection of the community members (some of them being probably hunters). Based on the inventory of the ceramic forms, on the analogies with similar pieces belonging to the archaic or post archaic Scythian period (VIIth-Vth centuries a. Chr.) but also taking into account the reuse of the plaque as a family amulet we established the chronological framework for the object from Roșiori and that is the second half of the Vth century – beginning of the IVth century (around 440/430 – 400/390). For the time being, the raw material and the style of decoration (consisting of zoomorphic and geometrical motifs) of the object indicates that we are in the presence of the first object of this type from Romania but also for the whole European cultural space.

George Dan Hânceanu

O aplică scitică de tolbă din corn descoperită în așezarea de la Roșiori – Dulcești (jud. Neamț)

În campania anului 2016, cu prilejul trasării unei case (notată Cas.E), am descoperit printre alte complexe și două locuințe geto-dacice (notate L.1 și L.2). Din a doua locuință s-a păstrat circa un sfert, restul fiind distrus de suprapunerea unei alte locuințe din epoca migrațiilor. Pe podeaua L.2 era amenajată o vatră din lut, ce avea în lateral o piatră mare de rășniță. În fața vetrei se afla o groapă de deservire, care conținea ceramică fragmentară și fusaiole, iar în spatele vetrei era o groapă menajeră cu oase de animale. Pe vatră erau fragmente ceramice, o fusaiolă și un mâner din os. La demontarea vetrei, etapă cu etapă, am observat la baza ei, la legătura cu podeaua, prezența unei piese, care era o aplică de tolbă, confecționată manual din corn de animal (cerb). Obiectul este o imitație după aplicele din bronz și se remarcă prin cele trei capete de cai deosebit redată (inclusiv coama), dar și prin decorul geometric, linii circulare situate pe picior. Cele două perforații de prindere de pe picior sunt transversale și dispuse la extremități. Ușor arcuită (conform structurii cornului), piesa a fost ornamentată doar pe față, spatele fiind retezat longitudinal. Inițial, piesa a fost întrebuințată pentru închiderea și ornamentarea unei tolbe scitice, iar ulterior, după ce a pătruns în mediul geto-dacic, a fost reutilizată ritualic, fiind depusă la baza vetrei de foc (considerată sacră) a unei locuințe geto-dacice, cu rol protector pentru membrii acesteia, dintre care unii posibili vânători (potrivit obiectelor din locuință). Conform ceramicii din locuință și prin analogii cu celelalte aplice cunoscute, produse în perioada arhaică sau post-arhaică a culturii scitice (secolele VII-V a.Chr.), la care se adaugă refolosirea piesei ca amuletă de familie, datăm artefactul de la Roșiori în a doua jumătate a secolului al V-lea a.Chr. și începutul veacului al IV-lea a.Chr. (circa 440/430 – 400/390). Materia primă și ornamentul compus din motive zoomorfe și geometrice indică, până în actualul stadiu al cercetărilor, că este primul de acest fel din spațiul românesc și european.

Жеорже Дан Хынчану

Апликация из рога от скифского колчана, обнаруженного на поселении Рошиорь – Дулчешть (жуд. Нямц)

Во время археологической экспедиции 2016 года, в результате прокопки кассеты (отмеченной как Cas.E), нами были обнаружены, наряду с другими комплексами, два жилища гето-даков (отмеченных как L.1 и L.2). От второго жилища сохранилось около четверти, а остальная часть была разрушена при строительстве другого жилища периода миграций. На полу Жилища 2 был расположен глиняный очаг, в боковой части которого была обнаружена зернотёрка. Перед очагом находилась яма для его обслуживания, в которой были выявлены фрагменты керамики и пряслица, а сзади очага – хозяйственная яма с остатками костей животных. На очаге находились фрагменты керамики, пряслице и костяная рукоять. В процессе демонтажа очага, у его основания, на пересечении с полом, был обнаружен предмет, представляющий собой аппликацию для колчана, изготовленная вручную из рога животного (олени). Предмет является имитацией бронзовой аппликации и отличается выразительным воспроизведением трех лошадиных голов (вместе с гривой), а также и геометрическим декором, в виде круговых линий, расположенных в основании. Два отверстия для прикрепления являются сквозными и расположены на концах ножки. Слегка вогнутый (из-за естественной структуры рога), предмет был орнаментирован только с лицевой стороны, а обратная была продольно разрезана. Изначально, предмет применялся для застегивания и орнаментации скифского колчана, но затем, после того, как проник в гето-дакийскую среду, был использован как ритуальный объект, будучи положенным в основание очага (считавшегося сакральным) гето-дакийского жилища, с целью защиты членов семьи, среди которых, возможно, были охотники (исходя из инвентаря данного жилища). Согласно фрагментам керамики, обнаруженным в жилище, и по другим известным аналогиям аппликации, изготовленным в архаический или пост-архаический период скифской культуры (VII-V вв. до н.э.), к которым добавляется и реутилизация предмета как семейного амулета, датируем артефакт из Рошиорь второй половиной V в. до н.э. – началом IV в. до н.э. (примерно 440/430 – 400/390). Сырьё и орнамент, состоящий из зооморфных и геометрических мотивов, указывает на то, что на данном этапе исследования, предмет является первой находкой такого рода в румынском и европейском пространстве.

În situl arheologic de la Roşiori (punctul *Țarina Veche*), comuna Dulceşti, jud. Neamţ (fig. 1,1) au fost efectuate mai multe săpături sistematice¹, care au indicat următoarele niveluri de locuire: secolele V-IV a.Chr., II-I a.Chr., II-III p.Chr. și VI-VII p.Chr. Situl de la Roşiori se află la circa 2 km distanță de așezarea de la Poiana-Dulcești (punctul *Varniță*) (a se vedea harta la Hânceanu 2011, 73, pl. I), fiind situat pe terasa superioară a râului Moldova (fig. 1,2).

În campania anului 2016² s-a trasat o casetă (notată Cas.E) în paralel cu buza terasei. De dimensiuni mari (26 m lungime x 6,50 m lățime), caseta a permis descoperirea unor complexe arheologice diferite, printre care și două locuințe geto-dacice (secolele V-IV a.Chr.) (notate L.1, L.2).

Descoperirea piesei

Spre finalul campaniei de cercetări, în capătul nordic al casetei s-a identificat, în nivelul de locuire geto-dacic, o a doua locuință adâncită, si-

tuată la mică distanță de prima. Din dimensiunile totale am surprins în cadrul casetei circa 25-30%, situație comparată cu celelalte descoperiri, unde locuințele aveau între 6 și 8 m diametru. În L.2 s-a găsit vatra, situată pe podea, la -0,80 m adâncime. Una dintre laturi (posibil lungimea) s-a păstrat pe profilul stratigrafic de nord al Cas.E, de circa 4,50-4,70 m (fig. 2,1), iar din latura opusă (poate lățimea) au rămas doar 2,00-2,20 m, restul dimensiunilor fiind distruse de suprapunerea unei locuințe romane, găsită în campania anului următor. În interior, pe podea, vatra era intens arsă, cu straturi succesive de depuneri, la baza căreia era o groapă de deservire (ovală, 1,00 m lungime x 0,60 m lățime), iar în spatele vetrei se afla o altă groapă, menajeră, numai cu oase de animale. Podeaua locuinței a fost amenajată simplu, prin bățătorire.

În urma cercetărilor, vatra s-a dovedit a fi cel mai important vestigiu al locuinței. De formă ovală (0,9 m lungime x 0,5 m lățime) și cu o grosime ce varia între 0,2-0,3 m, aceasta a fost îndelung utilizată, conform straturilor de ardere. Pe vatră erau îndeosebi fragmente ceramice, oase animale, dar și o fusaiolă. În urma demontării treptate, etapă cu etapă a vetrei, s-a remarcat, când ne

1. Campanii: anii 2004-2007, 2015-2018.

2. Mulțumesc colegilor Dan Spătariu, Costică Buză și Leonard Luca, de la Muzeul de Istorie din Roman, pentru ajutorul acordat pe șantier. Desenul piesei este executat de muzeograf Dan Spătariu.

apropiam de baza ei (dinspre groapa de deservire), capătul unei piese. La atingere ea s-a rupt de la jumătate (din zona perforațiilor de prindere) și a căzut pe podea (fig. 2,2). Cealaltă jumătate a rămas *in situ*, prinsă sub vatră. Interesant este modul depunerii obiectului, pe podea, complet sub vatra de foc. În altă ordine de idei, artefactul poate avea un rol magic, poate ca simbol de cinstire a vetrei sacre, de protecție a locuinței și membrilor familiei.

Descrierea piesei

Încă din momentul descoperirii și reasamblării piesei (ruptă accidental) s-a remarcat starea foarte bună de conservare. După o atentă spălare, restaurare și conservare, s-a observat că este lucrată manual dintr-un corn de cerb.

Obiectul este ușor curbat (fig. 3,2)³, datorită materiei prime și nu ca urmare a vreunei acțiuni voite. Cornul a fost retezat longitudinal și lăsat simplu, neșlefuit, poros, pe spate (fig. 3,1b). Pe partea din față, suprafața a fost șlefuită și are pe piciorul de prindere un decor format din linii circulare, consecutive (fig. 3,1a), care dau aspectul unui trunchi de copac, motivele liniare amintind de inelele arborilor. Liniile sunt dispuse din 2 în 2 mm, de jos în sus, iar de la perforațiile de prindere se extind spre 3 mm. Numărul total al liniilor și implicit al spațiilor dintre ele este de 24. În partea opusă, din corp se ramifică trei brațe, care imită capete de cai, dispuse două pe laterale (față în față) și unul central (cu fața spre cel din stânga) (fig. 3,1a,2). Capetele sunt redată din profil, fapt sugerat de botul întins, prezența unui singur ochi și grumazul arcuit. Pe laterala fiecărei reprezentări urechea este ciulită, iar coama este redată prin linii scurte. Pentru a delimita brațele de corp, meșterul a prelungit prin incizie coama capetelor laterale, pe care le-a unit și arcuit, sub postamentul capului de cal, situat central. Capetele cabalinelor sunt similare ca mod de realizare, dar prezintă dimensiuni sensibil diferite. Prin dispunerea lor par să indice, pe fundal, ideea că animalele sunt față în față. Maniera detaliată de redare a capetelor sugerează meticulozitatea și atenția pe care a acordat-o meșterul piesei, cu scopul de a ilustra cât mai fidel animalele, cu eleganță și rafinament tehnic deosebit. Întrucât obiectul a servit drept aplică pentru

3. Piesa va fi descrisă conform modului în care era poziționată pe tolbă, adică piciorul fiind partea superioară, iar capetele partea inferioară.

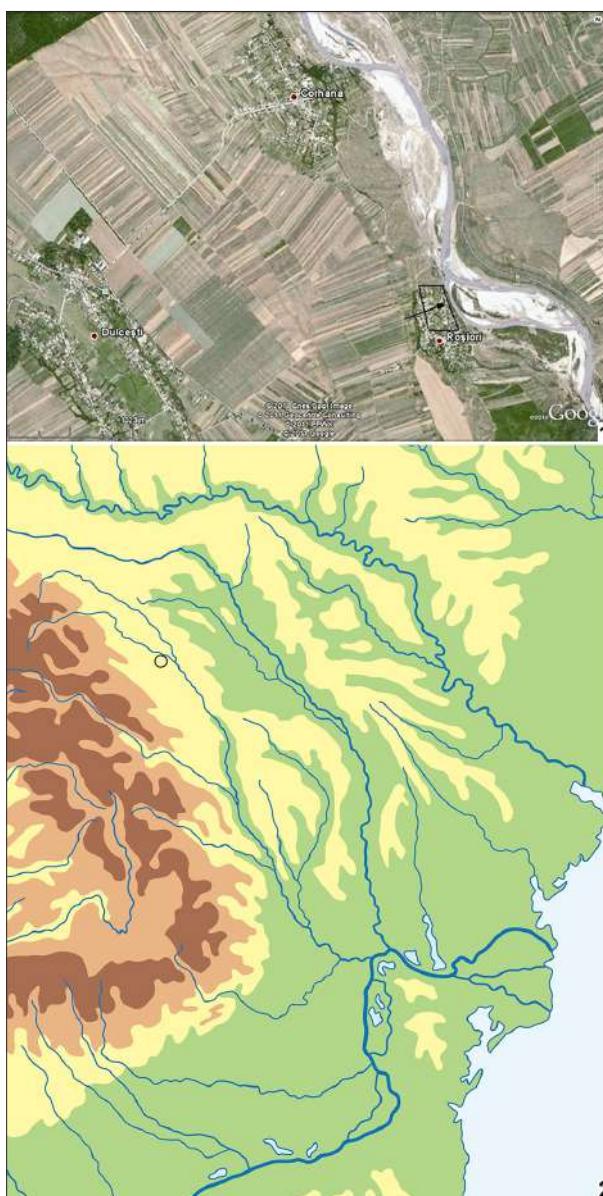

Fig. 1. 1 - amplasarea sitului arheologic de la Roșiori (jud. Neamț) pe terasa superioară a râului Moldova; 2 - localizarea sitului în spațiul est-carpatic.

Fig. 1. 1 - the location of the archaeological site from Roșiori (Neamț county) on the upper terrace of the river Moldova; 2 - the location of the site in the east-carpathian area.

tolba de săgeți (*gorytos*) s-a omis finisarea părții dorsale, deoarece se fixa pe tolbă și nu era vizibilă. Piesa era prinsă pe tolbă cu capetele în jos. Pe picior, dispune de două perforații transversale (fig. 3,1c,2), de 4 mm diametrul. Acestea permiteau ca aplica să fie cusută de tolbă. Prima perforație, de jos în sus, este poziționată între liniile 2-4, iar a doua perforație între liniile 18-20 din ornamentul piciorului.

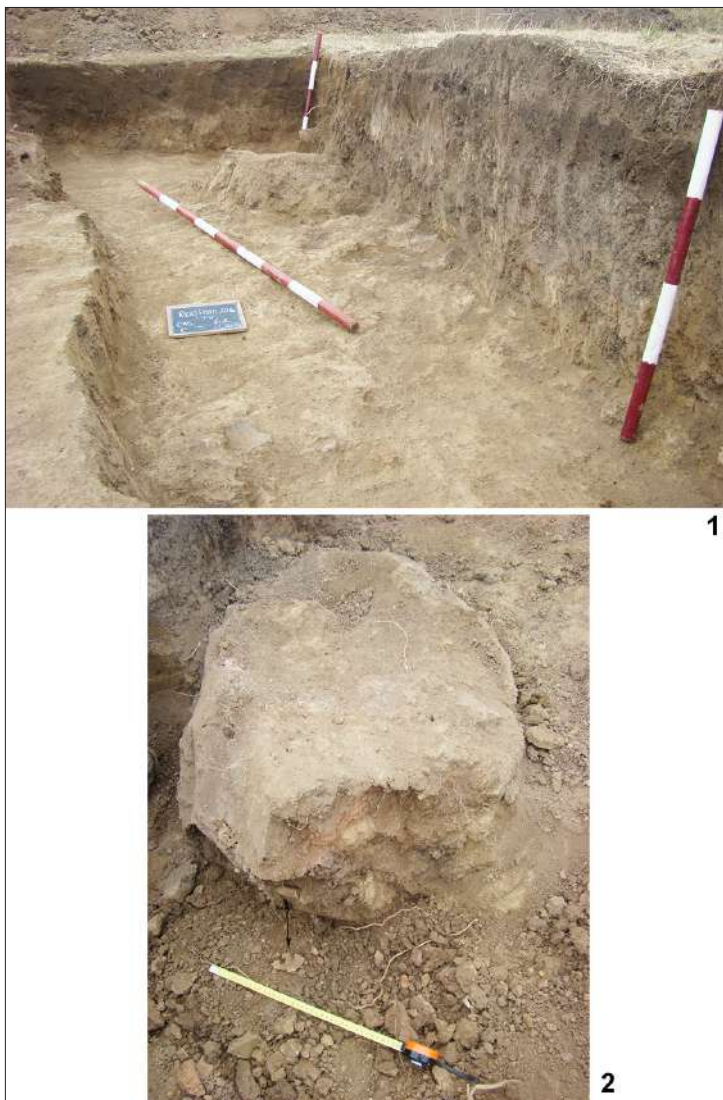

Fig. 2. 1 - foto locuința L.2 cu delimitarea stratigrafică; 2 - foto general cu vatra și aplica de tolbă descoperită *in situ*.

Fig. 2. 1 - photograph of the dwelling no. 2 with the stratigraphic delimitation; 2 - overall view with the hearth and the handmade plaque of the gorytos *in situ*.

Datorită materiei prime, dimensiunile piesei variază: totale – 100 mm lungime x 12 mm-15-20 mm lățime; pe segmente: picior – 60 mm lungime x 18-20 mm lățime; brațe laterale – 30 mm lungime x 12 mm (grumazul stâng) / 15 mm (grumazul drept) și 20 mm (botul) lățime, iar brațul central – 25 mm lungime (la care se adaugă postamentul pe care se află brațul central, 15 mm) x 12 mm lățime. Grosimea corpului oval este de 15x20 mm, a brațelor laterale de 5-6 mm și a celui central de 7-8mm.

Motivele decorative alese să ornamenteze aplica din corn sunt elemente primordiale din viața

cotidiană a scitilor. Capetele de cai indică nu doar animalul de companie și tracțiune, dar și simbioza *om-animal*. Comuniunea *om-natură* ar putea fi motivația alegerii reprezentării piciorului piesei sub forma unui trunchi de copac, finalizând „tandemul artistic” și uniunea *om-animal-natură*, implicit conviețuirea dintre ele. Îmbinând spiritul creativ și tehnica inciziei, s-a creat imaginea unui trunchi de copac, ce se continuă, abstract, cu trei capete de cai. Legătura indestructibilă dintre om și animal se reflectă și în inventarele mormintelor din epocă care conțin cai. De pildă, în lumea scitică, în câteva cazuri, numărul cailor sacrificați în tumuli este foarte mare (uneori dispuși în cerc), precum cei 14 de la Tuva, Siberia (Rusia) [Hinds 2010, 35], găsiți în M.16 (cercetat în anul 2001), 24 de la Kelermes (Rusia) [Galanina 1997, 54, fig. 16; Ivantchik 2011, 84, fig. 3,1; Parzinger 2017, 351, fig. 12] din kurganul punctului *Arzhan 1* (săpat în anul 1970) și circa 360 în mormintele din nordul Caucazului [Hinds 2010, 35; Bendrey et al. 2011, 111, 113, fig. 2]. Aceștia îi adăugăm pe cei sacrificați în mormintele necropolei de la Chertomlyk (Ucraina) [Rolle, Murzin, Alekseev 1998, fig. 25a; Hinds 2010, 35-36; Ivantchik 2011, 86, fig. 3,3], descoperiți în anul 1862.

Tipologii, cronologii și interpretări

Aplicele de tolbă (de regulă, din bronz) au fost descoperite în așezări și necropole de pe teritoriul românesc, dar mai ales în spațiile învecinate, precum în Ungaria, Bulgaria, Ucraina, Rusia și Slovacia. Din descoperiri mai vechi aflăm că aplicile erau însoțite, în inventarele complexelor arheologice, de sulite, vârfuri de săgeți din bronz și vârfuri piramidale din os, resturi de arcuri, mânere din os pentru unelte, cuțite scurte curbe, săbii, spade scurte sau lungi, pumnale de tip *akinakes*, fragmente de armuri și vase din lut.

Întrucât până acum nu s-au descoperit aplicile din corn, vom raporta piesa de la Roșiori clasificărilor efectuate pe aplicile din bronz. Prin urmare, ea poate fi inclusă în categoria **aplicelor cruciforme de tolbă**, specifice culturii scitice nord-ponti-

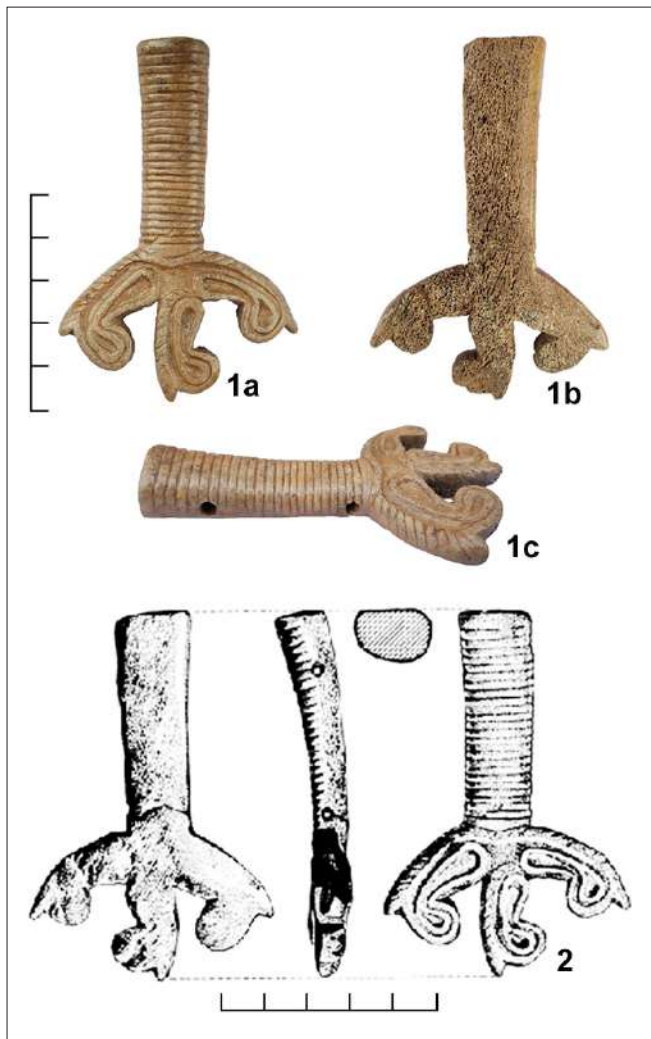

Fig. 3. 1a-1b - foto față-verso aplica de tolbă; 1c - foto de pe laterala aplicii cu cele două perforații de prindere; 2 - desenul aplicii de tolbă.

Fig. 3. 1a-1b - photography obverse-reverse of the plaque of the gorytos; 1c - lateral photography of the piece with the two attachment perforations; 2 - drawing of the plaque of the gorytos.

ce, cu rol decorativ, dar și funcțional de închidere a tolbei, precum în cazul M.13, de la Opișleanka, Ucraina (grupa *Vorskla*) [Vasiliev 1980, 77, inclusiv nota 400 cu referințele bibliografice], unde o astfel de piesă era fixată pe o tolbă de săgeți. Tot origine scitică au și piesele răspândite în arealul carpatic, din centrul Transilvaniei și al Moldovei, nord-estul Ungariei și estul Slovaciei [Horedt 1960, 487, fig. 2]; apartenență susținută și de lipsa respectivelor obiecte în cultura autohtonă (cazul sitului Ferigi, dar și al cimitirelor de la Balta Verde, Basarabi) [Vasiliev 1980, 77], fiind prezente în

spațiul românesc doar ca urmare a pătrunderii triburilor scitice.

Pentru grupa scitică din Transilvania cele opt aplice găsite (concentrate îndeosebi pe teritoriile actualelor județe Alba și Mureș) au fost clasificate tipologic (de Vl. Vasiliev) după cum urmează:

A1 cu ornamente în stil zoomorf scitic: o piesă din cimitirul de la Teiuș, jud. Alba [Horedt 1953, 805, fig. 12,17, 812; Vasiliev 1980, 77, pl. 21,1] și alta găsită la Țelna, jud. Alba [Vasiliev 1980, 77, pl. 21,3; Vasiliev, Moga 1982, 75-80].

A2 decorate geometric cu linii incizate pe întreaga suprafață: una la Mădăraș, jud. Mureș [Vasiliev 1976, 72, inclusiv nota 75; 1980, 77, inclusiv nota 403] și două la Băița, jud. Mureș [Vasiliev 1976, 72-73, pl. XXII, XXIV,1-3; 1980, 78, pl. 22,1,3], câte una în mormintele M.7 și M.10.

A3 cu suprafața lisă, neornamentată: câte un exemplar la Alba Iulia, jud. Alba [Horedt 1945, 545-546, Abb. 2,a-b; Vasiliev 1976, 72-73; 1980, 78] și Șeica Mică, jud. Sibiu [Horedt 1945, 545, Abb. 1,a-b; Vasiliev 1976, 72-73; 1980, 78].

A4 de formă stilizată, decorată cu cercuri incizate: o piesă la Comlod, jud. Bistrița-Năsăud [Horedt 1960, 583, fig. 1,2; Vasiliev 1976, 72-73; 1980, 78], dintr-un mormânt distrus.

Aplicele de tolbă din Transilvania provin din necropole (Teiuș, Băița) și dintr-un mormânt distrus (Comlod), iar altele din afara arealului grupului scitic din zona centrală, precum piesa de la Salonta [Vasiliev, Chidioșan 1972, 453-457, fig. 1-2], majoritatea fiind găsite întâmplător (Țelna, Mădăraș, Alba Iulia și Șeica Mică). Din punct de vedere cronologic, ele s-au răspândit în spațiul românesc de la finalul secolului al VI-lea a.Chr. și până la mijlocul veacului al V-lea a.Chr., când se remarcă și intensificarea procesului de asimilare a enclavei scitice de către populația autohtonă de pe teritoriul actual al Transilvaniei [Vasiliev 1980, 78]. Unele piese, puține ca număr, sunt și mai vechi, din faza arhaică a culturii scitice, secolul al VII-lea a.Chr. Aplicele găsite până acum sunt confecționate din bronz.

Printre aplicele de tolbă, descoperite de timpuriu în spațiul Moldovei, le amintim pe cele de

la Armășoia-Pungești (jud. Vaslui) [Nițu 1953, 3-6, fig. 1; Coman 1980, 218, 379, fig. 169/12] și Bârsești (jud. Vrancea) [Morintz 1956, 219-224; 1957, 117-132; 1959a, 355-360; 1959b, 231-235; 1961, 201-206; Irimia 2007, 383, inclusiv nota 95; Polidovich 2000, 37, ris. 2,4; 2009, 478, ris. 1,4], diferite ca materie primă, formă, reprezentări, sisteme de prindere, datare (îndeosebi mai vechi, din faza arhaică a culturii scitice) față de exemplarul de la Roșiori.

În exteriorul teritoriului României, astfel de aplici⁴ au fost descoperite, în contexte diferite, cunoscute sau necunoscute, prin săpături ori incidental, în spațiul Ungariei, la Budajenő, Cegléd, Kál, Komárom, Mátraterenye, Mezőlak și Törökszentmiklós [Kemenczei 1986, 117-122, 124, Abb. 2; 3,1; 4,1; 6,1], Rusiei, la Prikamye [Melnik 2011, 21, fig. 2, 155], Ucrainei, la Gusarka [Murzin 1977, 57, ris. 2], Olbia [Kapožhina 1956, 173, ris. 16; Polidovich 2000, 37, ris. 2,1; 2009, 478-479, ris. 1,1; 2,1] și Hotin [Polidovich 2000, 37-38, ris. 2,5; 3,4], în Bulgaria, la Veliko Târnovo [Agre 1994, 29-31, fig. 1-3], în nordul [Minchev 2008, 112-113, obr. 1-7; 2013, 30, fig. 13] și nord-vestul țării, la Vidin [Dediulkin 2014, 358, ris. 136,1].

O aplică de os având doar piciorul la fel, dar corpul dintr-o bucată, decupată neuniform în două locuri pe lățime, s-a găsit în inventarul M.320 de la Tiszalök (*Prison*) [Scholtz 2010, 98, pl. 9,6; 2012, 80, 83, fig. 3, 98, pl. VI,4,5], regiunea Szabolcs-Szatmár-Bereg (Ungaria). Piesa este decorată pe toată suprafața cu cercuri concentrice, iar pe spatele ei are un sistem de agățare sub forma unui inel situat transversal. Deosebită este și reprezentarea pe os a unui cal, cu accent pe detalii (coamă, elemente de harnașament), desprinsă din componența unei fibule, găsită în M.12 de la Kaptol (*Gradci*) – Zagreb (Croatia) [Potrebica 2009, 137; 2012, 15, fig. 5]. Același motiv decorativ apare, tot pe obiecte din os, la Vače și Nesactium (Italia) [Marzatico 2009, 205-210].

Artefactul de la Roșiori este asemănător ca formă și ornamente celor găsite la Băița (în inventarul mormântului M.7) [Vasiliev 1976, 72-73, pl. XXII; 1980, 78, pl. 22,1] și Mădăraș [Vasiliev 1976,

72, inclusiv nota 75; 1980, 77, inclusiv nota 403].

În morminte aplica indica prezența unui războinic, adult, bărbat sau femeie, pe când la Roșiori obiectul a fost refolosit cu semnificație magică, fiind depus la baza vetrei de foc a unei locuințe, probabil cu scop protector. În cazul piesei de la Băița, contextul arheologic permite o datare mai sigură, datorită elementelor adiacente din inventarul M.7 (un vas borcan din lut, un akinakes din fier, un cuțit curb din fier, șapte vârfuri scitice de săgeți din bronz și alte șapte vârfuri de săgeți din os). Caracteristicile obiectelor funerare indică o datare a M.7 de la finalul secolului al VI-lea și începutul secolului al V-lea a.Chr. De altfel, aplica de tolbă de la Băița, dar și cele de la Mădăraș și Comlod apar în medii scitice post-arhaice, chiar spre faza clasică a culturii scitice, de la mijlocul secolului al VI-lea a.Chr. și până la jumătatea veacului al V-lea a.Chr. întrucât perioadei arhaice (între a doua jumătate a secolului al VII-lea și prima jumătate a veacului al VI-lea a.Chr.) îi corespund în general aplicile de tolbă cu decoruri strict zoomorfe. Practic noua modalitate de ornamentare a pieselor cu motive geometrice (linii, cercuri) ar putea fi asociată cu faza finală a procesului de asimilare a enclavei scitice, de pe la mijlocul secolului al V-lea a.Chr., de către geto-daci [Vasiliev 1980, 78].

Interesant la piesa găsită în locuința L.2 de la Roșiori este faptul că prin motivele decorative s-ar încadra în primele două variante (după clasificarea propusă de Vl. Vasiliev), dar are legături și cu piesele grupei a II-a propusă de J. Chochorowski [Chochorowski 1985, 94-99] sau din aceeași grupă, dar după T. Kemenczei [Kemenczei 1986, 127-133; 2009, 47-48], inclusiv cu tipul I după A. Kozubová [Kozubová 2013, 93-95, obr. 30] și nu doar variantei a doua, precum cea de la Băița.

Considerații finale

Întrucât este singura piesă din corn, descoperită până în prezent, putem emite ipoteza unei imitații, o copie fidelă după piese originale din bronz, văzută ca un substitut, dintr-o materie accesibilă, lipsită de costuri. Nu excludem posibilitatea ca obiectul să fi fost lucrat în mediul geto-dacic, dar cu siguranță de/pentru un războinic scit (aplicile de tolbă nefiind caracteristice culturii locale), iar ulterior prin diverse căi (pierdere, schimb, dar) a ajuns în posesia unor membri ai comunității așezării geto-dacice de la Roșiori. Mai

4. Dorim să mulțumim colegului Denis Topal de la Școala Antropologică Superioară din Chișinău pentru ajutorul acordat în vederea obținerii unei părți din bibliografia în lb. străină. De asemenea, aducem mulțumiri pentru colaborare și colegilor L. Uță și V. Diaconu (Complexul Muzeal Județean Neamț).

putem avea în vedere și o posibilă enclavă scitică situată în apropierea sitului de la Roșiori, ipoteză ce poate fi confirmată ori infirmată prin descoperirile viitoare.

Cu elemente combinate din primele două variante ale clasificării amintite, aplica de la Roșiori poate fi interpretată ca o piesă de tranziție, ce are reminiscențe ale fazei arhaice, dar care se apropie mai mult de a doua variantă cu decoruri geometrice. Deși păstrează din motivele decorative arhaice, piesa aparține fazei post-arhaice, clasice, a culturii scitice, din a doua jumătate a secolului al V-lea a.Chr. Ținând cont de unii factori, timpul folosit ca ornament pentru o tolbă scitică, durata traseului piesei în spațiul Moldovei și nu în ultimul rând, perioada de reutilizare (probabil cea mai lungă), propunem o datare mai târzie, după asimilarea sciților, undeva între jumătate – maxim ultimul sfert al secolului amintit și începutul veacului al IV-lea a.Chr. Intervalul de timp propus se referă doar la etapa în care aplica a ajuns în situl de la Roșiori și a fost refolosită; în sprijinul datării fiind și formelor ceramice din locuință (vase borcan și castroane cu buza dreaptă, uneori trasă spre interior).

Potrivit elementelor componente ale decorului, obiectul a fost produs la limita dintre fazele arhaică și post-arhaică, după jumătatea secolului al V-lea a.Chr. și a ajuns mai târziu în așezarea de pe malul Moldovei. Cel mai probabil, după ce a intrat în posesia localnicilor de la Roșiori, s-a renunțat la funcționalitatea piesei. Prin depunerea sub vatră, obiectul a fost refolosit în alt scop, magico-religios. Dacă în mediul scitic avea strict utilitate funcțională, fiind aplică de închidere și decorare a

unei tolbe (dovadă uzura și perforațiile sale), ulterior, în spațiul geto-dacic a fost reutilizată, poate ca simbol de protecție, ca o amuletă de familie. Dacă ar fi fost lucrat doar cu scop magic, ca talisman, obiectul nu trebuia să aibă uzură și să fie lipsit de perforații. De asemenea, modul îngrijit al redării motivelor decorative este un alt argument care denotă rolul ornamental avut inițial.

Gestul depunerii ritualice a piesei l-am putea interpreta ipotetic și ca o legătură între cultul vetrei, practicat la geto-daci, și preferința unor membri ai locușiei pentru vânătoare. De altfel, pe vatră și în afara ei au fost găsite două plăsele din corn, nefinalizate, un mâner din os, dar și o amuletă din dinte de animal și un vârf conic de la o brățară din bronz⁵ (ultimele două descoperite în anul 2017, sub locuința romanică, care a suprapus locuința geto-dacică L.2). În timp, suprapunerea locuințelor amintite a dus la pierderea unui important material geto-dacic.

Pentru spațiul românesc, aplica de la Roșiori își găsește analogii la Băița și Mădăraș, iar pentru cel extern este asemănătoare exemplarului găsit la Gyömrő-Pest (Ungaria) [Patay, Scholtz, Scard 2017, 472-474, fig. 4, 480, pl. II,1]. Dacă aplicile amintite sunt datate între jumătatea secolului al VI-lea a.Chr. – jumătatea veacului al V-lea a.Chr., exemplarul de la Roșiori, prin reutilizare, poate fi *grosso modo* inclus perioadei cuprinsă după a doua jumătate a secolului al V-lea a.Chr. și începutul veacului al IV-lea a.Chr (circa 440/430 – 400/390).

5. Asupra lor și a tuturor obiectelor din inventarul locuinței L.2 vom reveni cu un articol detaliat.

Bibliografie

- Agre 1994:** D. Agre, Kr'’stovidna aplikatsia ot Veliko'’rnovsko. Arkheologiiia 3-4, 1994, 29-37 // Д. Агре, Кръстовидна апликация от Великотърновско. Археология 3-4, 1994, 29-37.
- Bendrey et al. 2011:** R. Bendrey, J.P. Cassidy, N. Bokovenko, S. Lepetz, G. I. Zaitseva, A possible case of "poll-evil" in an early Scythian horse skull from Arzhan 1, Tuva Republic, Central Asia. IJO 21, 2011, 111-118.
- Chochorowski 1985:** J. Chochorowski, Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde (Warszawa-Kraków 1985).
- Coman 1980:** Gh. Coman, Statornicie, continuitate. Repertoriul arheologic al județului Vaslui (București 1980).
- Dediulkin 2014:** A.B. Dediulkin, Voinskoe snariazhenie skifskoi epokhi iz mogil'nikov „Digino X” i „Krest” v Del'te Dona. In: (red. R.V. Prokof'ev) Raskopki u khutora Digino v Del'te Dona v 2009 godu (Rostov-na-Donu 2014), 350-363 // А.Б. Дедиюлкин, Воинское снаряжение скифской эпохи из могильников «Дигино Х» и «Крест» в Дельте Дона. В: (ред. Р.В. Прокофьев) Раскопки у хутора Дигино в Дельте Дона в 2009 году (Ростов-на-Дону 2014), 350-363.

- Galanina 1997:** L.K. Galanina, Die Kurgane von Kelemers. 'Königsgräber' der frühskythischen Zeit (Moscow 1997).
- Hânceanu 2011:** G.D. Hânceanu, O scurtă analiză comparativă a unui complex de așezări dacice, de epocă romană, de pe malul Moldovei. *Carpica* 40, 2011, 63-77.
- Hinds 2010:** K. Hinds, Scythians and Sarmatians (New York 2010).
- Horedt 1945:** K. Horedt, Skythische Riemenzierate. *Dacia* 9-10 (1941-1944), 1945, 545-546.
- Horedt 1953:** K. Horedt, Cercetările arheologice din regiunea Hoghiz-Ugra și Teiuș. *Materiale* 1, 1953, 85-815.
- Horedt 1960:** K. Horedt, Skifskie nahodki v Komlode. *Dacia* 4, 1960, 481-488 // К. Хоредт, Скифские находки в Комлоде. *Dacia* 4, 1960, 481-488.
- Irimia 2007:** M. Irimia, Unele aspecte privind raporturile dintre sciți, traco-geți și greci în zona vest și nord-vest pontică. *MA* 24, 2007, 371-418.
- Ivanchik 2011:** A.I. Ivanchik, The Funeral of Scythian Kings: the historical reality and the description of Herodotus (IV, 71-72). In: (ed. M.A. Sears) *European Barbarians* (Cambridge 2011), 71-106.
- Kapozhina 1956:** S.I. Kapozhina, O skifskikh elementakh v kul'ture Ol'vii. *MIAS* 50, 1956, 154-189 // С.И. Капозина, О скифских элементах в культуре Ольвии. *МИАС* 50, 1956, 154-189.
- Kemenczei 1986:** T. Kemenczei, Mitteleisenzeitliche Köcherbeschläge aus dem Alföld. *FA* 37, 1986, 117-136.
- Kemenczei 2009:** T. Kemenczei, Studien zu den Denkmälern skytisch geprägter Alföld Gruppe (Budapest 2009).
- Kozubová 2013:** A. Kozubová, Pohrebiská vekeřzugskej kultúry v Chotíne na juhozápad-nom Slovensku. *Katalóg S dodatkom Pohrebisko vekeřzugskej kultúry v Senci-Štrkovej kolónii* (Bratislava 2013).
- Marzatico 2009:** F. Marzatico, Il cavaliere di Mechel in Valle di Non (Trentino). In: (eds. J.E. Bagley, Ch. Neumann, D. Schefzik) *Alpen, Kult und Eisenzeit. Festschrift für Amei Lang zum 65. Geburtstag*, *Studia honoraria*, 30 (Rahden, Westfalen 2009), 205-210.
- Melnik 2011:** N. Melnik (red.), *Kolleksii Mikhaila i Sergeia Botkinykh* (Moskva 2011) // Н. Мелник (ред.), *Коллекций Михаила и Сергея Боткиных* (Москва 2011).
- Minchev 2008:** Al. Minchev, Skitska kr'stovidna aplikatsiia za kal'f na l'k ot Varnenskiia arheologicheski muzei. In: (red. Al. Baiburin i dr.) *Trakiia i okolniat sviat nauchna konferentsiia – Shumen* (Sofia 2008), 103-113 // Ал. Минчев, Скитска кръстовидна апликация за калъф на лък от Варненския археологически музей. В: (ред. Ал. Байбурин и др.) *Тракия и околният свят научна конференция – Шумен* (София 2008), 103-113.
- Minchev 2013:** Al. Minchev, Novi dannii za bronzoleiarstvoto vseveroiztochna Trakiia prez V-IV v. Pr. Kr. *IBM*, 2013, 11-37 // Ал. Минчев, Нови данни за бронзолелярството в североизточна Тракия през V – IV в. Пр. Хр. *IBM*, 2013, 11-37.
- Morintz 1956:** S. Morintz, Săpăturile de la Bîrsești (reg. Galați, r. Vrancea). *Raport preliminar. Materiale III*, 1956, 219-226.
- Morintz 1957:** S. Morintz, Novaia gal'shtatskaia grupa v Moldove (Kurganyi mogil'nik v Byrseshti, raion Vranča, Galatskoj oblasti). *Dacia* I, 1957, 117-132 // С. Моринц, Новая гальштатская группа в Молдове (Курганный могильник в Быршешти, район Вранча, Галацкой области). *Dacia* I, 1957, 117-132.
- Morintz 1959a:** S. Morintz, Săpăturile de la Bîrsești-Vrancea (r. Vrancea, reg. Galați). *Materiale V*, 1959, 355-361.
- Morintz 1959b:** S. Morintz, Săpăturile de la Bîrsești (r. Vrancea, reg. Galați). *Materiale VI*, 1959, 231-236.
- Morintz 1961:** S. Morintz, Săpăturile de la Bîrsești (r. Vrancea, reg. Galați). *Materiale VII*, 1961, 201-207.
- Murzin 1977:** V.Iu. Murzin, Dva ranneskifskikh kompleksa iz Zaporozhskoi oblasti. In: (red. V.D. Baran) *Novye issledovaniia arheologicheskikh pamiatnikov na Ukraine* (Kiev 1977), 54-68 // В.Ю. Мурзин, Два раннескифских комплекса из Запорожской области. В: (ред. В.Д. Баран) *Новые исследования археологических памятников на Украине* (Киев 1977), 54-68.
- Nițu 1953:** A. Nițu, Despre unele urme scitice în Moldova. *Materiale* 1, 1953, 3-11.
- Parzinger 2017:** H. Parzinger, Burial mounds of Scythian elites in the Eurasian steppe: New discoveries. *JBA* 5, 2017, 331-355.
- Patay, Scholtz, Scard 2017:** R. Patay, R.G. Scholtz, Al. Scard, Scythian Age quiver mount from the outskirts of Gyömrő (Hungary). *SHN* 21, Supplementum – sedem decénii Petra Romsauera (Peter Romsauer), 2017, 469-480.
- Polidovich 2000:** Iu.V. Polidovich, Skifs'ki khrestopodibni bliakhi. *Arkheologiiia* 1, 2000, 35-48 // Ю.В. Полидович, Скифські хрестоподібні бляхи. *Археологія* 1, 2000, 35-48.
- Polidovich 2009:** Iu.V. Polidovich, Krestovidnaia bliakha iz arkhaiskogo nekropolia Ol'vii v kontekste skifskogo «zverinogo stiliiia». In: (red. M.Iu. Vakhtina et al.) *The phenomenon of Bosporan Kingdom: art at the periphery of classical world* (Saint-Petersburg 2009), 477-484 // Ю.В. Полидович, Крестовидная бляха из архаического некрополя Ольвии в контексте скифского «звериного стиля». In: (ред. М.Ю. Вахтина и др.) *The phenom-*

- enon of Bosporan Kingdom: art at the periphery of classical world (Санкт-Петербург 2009), 477-484.
- Potrebica 2009:** H. Potrebica, Kaptol-Gradci (istraživanje 2008). Hag, 5/2008, 2009, 135-138.
- Potrebica 2012:** H. Potrebica, Religious Phenomena of the Hallstatt Communities of Southern Pannonia. In: (ed. S. Berecki) Iron Age Rites and Rituals in the Carpathian Basin. Proceedings of the International Colloquium from Târgu Mureș, 7-9 October 2011, BMM V, Seria Archaeologica (Tg. Mureș 2012), 9-29.
- Rolle, Murzin, Alekseev 1998:** R. Rolle, Yu. Murzin, A.Yu. Alekseev, Königskurgan Certomlyk. Einskythischer Grabhügel des 4. vorchristlichen Jahrhunderts (Mainz 1998).
- Scholtz 2010:** R. Scholtz, New Data on the Scythian Age Settlement History of Szabolcs County, Hungary. In: (ed. S. Berecki) Iron Age Communities in the Carpathian Basin. Proceedings of the International Colloquium from Târgu Mureș, 9-11 October 2009, BMM, Seria Archaeologica (Tg. Mureș 2010), 79-98.
- Scholtz 2012:** R. Scholtz, Scythian Age burial at Tiszalök. In: (ed. S. Berecki) Iron Age Rites and Rituals in the Carpathian Basin. Proceedings of the International Colloquium from Târgu Mureș, 7-9 October 2011, BMM V, Seria Archaeologica (Tg. Mureș 2012), 77-100.
- Vasiliev 1976:** Vl. Vasiliev, Necropola de la Băița și problemele tracizării enclavei scitice din Transilvania. Marisia 6, 1976, 49-88.
- Vasiliev 1980:** Vl. Vasiliev, Sciții agatârși pe teritoriul României (Cluj Napoca 1980).
- Vasiliev, Chioșdan 1972:** Vl. Vasiliev, N. Chioșdan, O aplică scitică de tolbă descoperită la Salonta (jud. Bihor). SCIV 23, 3, 1972, 453-457.
- Vasiliev, Moga 1982:** Vl. Vasiliev, V. Moga, Aplică scitică de tolbă de la Țelna (com. Ighiu, jud. Alba). Apulum 20, 1982, 75-80.

George Dan Hânceanu, arheolog, doctor în istorie, cercetător științific III, Muzeul de Istorie Roman (Complexul Muzeal Județean Neamț), str. Cuza Vodă, nr. 19, Roman, jud. Neamț, România, e-mail: georgehanceanu@yahoo.com.

Александр Могилов

Зеркала из Светловодского могильника

Key words: mirror, burial ground, Scythian period, interment, Dnieper Right-Bank Forest-Steppe.

Cuvinte cheie: oglindă, necropolă, perioada scitică, mormânt, silvostepa din dreapta râului Nipru.

Ключевые слова: зеркало, могильник, скифский период, погребение, Днепровская Правобережная Лесостепь.

Oleksandr Mogylov

The mirrors from the Svitlovodsk cemetery

Mirrors are one of the most significant categories of Scythian material culture. These objects were actively used by the Scythian nobility and the ordinary population. The mirrors of the ordinary population are represented in the Svitlovodsk repository in the south of the Dnieper Right-Bank Forest-Steppe, investigated by N.M. Boki and I.A. Kozyr. These items were found in 8 women's graves (5% of their total number). As a rule, they are fixed in richer complexes. Most often they were placed at the breast or under the back of a dead person. The basis of the mirrors was a round bronze disc. They belong to several types: 1. mirrors with a wooden handle that has not been preserved; 2. mirrors with an iron handle, having an oval extension at the end; 3. mirrors with an iron handle extending at the end; 4. mirrors with a bronze rectangular handle. These artefacts have analogies in Steppe Scythia and East European Forest-Steppe. Mirrors from Svetlovodsk dated IV. B.C.

Oleksandr Mogylov

Oglinzi din necropola Svetlovodsk

Oglinzile reprezintă una din cele mai importante categorii ale culturii materiale scitice. Aceste piese au fost folosite în mod activ și de nobilimea scitică și de populația săracă. Oglinzile populației de rând sunt reprezentate în necropola Svetlovodsk din partea de sud a silvostepii din dreapta Niprului, investigat de N.M. Boki și I.A. Kozyri. Aceste artefacte au fost găsite în 8 morminte feminine (5% din numărul total de complexe funerare). De regulă, ele sunt fixate în complexele mai bogate. Cel mai des ele au fost plasate pe piept sau sub spatetele defunctului. Baza oglinzilor se prezintă sub forma unui disc circular de bronz. Acestea pot fi atribuite mai multor tipuri: 1. oglinzi cu mânerul din lemn, care nu s-a păstrat; 2. oglinzi cu mânerul de fier, având o extensie ovală la capăt; 3. oglinzi cu mânerul de fier, care se extinde la capăt; 4. oglinzi cu mânerul dreptunghiular din bronz. Aceste obiecte au analogii în silvostepa Scithiei și silvostepa est-europeană. Oglinzile din Svetlovodsk datează din sec. IV a.Chr.

Александр Могилов

Зеркала из Светловодского могильника

Зеркала являются одной из примечательных категорий скифской материальной культуры. Эти предметы активно использовались и скифской знатью, и бедным населением. Зеркала рядового населения представлены в Светловодском могильнике на юге Днепровской Правобережной Лесостепи, исследованном Н.М. Бокий и И.А. Козырь. Эти изделия найдены в 8 женских захоронениях (5% от общего числа погребальных комплексов). Как правило, фиксируются они в более богатых захоронениях. Чаще всего ставили их у груди или под спиной покойника. Основу зеркал составлял круглый бронзовый диск. Зеркала относятся к нескольким типам: 1. зеркала с деревянной рукоятью, которая не сохранилась; 2. зеркала с железной ручкой, имеющей овальное расширение на конце; 3. зеркала с железной ручкой, расширяющейся на конце; 4. зеркала с бронзовой прямоугольной рукоятью. Данные изделия имеют аналогии в Степной Скифии и Восточноевропейской Лесостепи. Зеркала из Светловодска датируются IV в. до н.э.

Зеркала представляют собой одну из характерных и колоритных категорий скифской материальной культуры. Как и сейчас, они играли важную роль для представительниц прекрасного пола. Утилитарное их предназначение, видимо, сочеталось и с магическим применением. Изображения на целом ряде золотых блях, свидетельствуют, что зеркала были частью культово-мифологической практики племен

скифского времени. Ассортимент этих изделий велик. От высокохудожественных предметов из курганов скифской элиты, до, порой простых, бронзовых дисков рядового населения Скифии. Зеркала именно обычных скифских общинников представлены в Светловодском некрополе, возле одноименного районного центра Кировоградской области в Центральной Украине, на юге Лесостепного Правобережья. Это один

из крупнейших некрополей Скифии. Работами Н.М. Бокий и И.А. Козырь здесь исследовано более 160 захоронений [Bokii 1980; Kozir 2014; Bokii, Mogilov 2014; Bokii, Mogilov, Panchenko 2013; Panchenko 2015; Mogilov 2018]¹. Примечательно, что подавляющее их большинство – это грунтовые могилы, до недавнего времени считавшиеся малохарактерными для скифских древностей. Раскопано также и 5 курганов.

Зеркала встречены в 8 грунтовых могилах в Светловодске (5% от общего числа погребальных комплексов), всякий раз – по 1 предмету (гробницы 2, 32, 44, 48, 94, 95, 109, 113). Они всегда сопровождали женщин, в 1 случае, видимо – девушку-подростка. Это вполне соответствует традиции положения зеркал в Скифии только в женские захоронения² [Meliukova 1975, 151; Buniatian 1985, 92; Voiko 2017, 75]. Однако, процент захоронений с такой категорией инвентаря в рядовых курганных могильниках Степной Скифии IV в. до н.э. выше, чем в Светловодске. Е.П. Бунятян приводит данные, по которым эти предметы были в почти 30% могил рядовых скифянок [Buniatian 1985, 9]. Все зеркала из Светловодска относятся к IV в. до н.э. Предметы клали под левым плечом (3 случая), или на нем (1 могила). В одном случае зеркало было у головы, но это погребение было ограблено и полной уверенности, что это его изначальное положение нет. Эти покойные, видимо, принадлежали к зажиточной части общины: они всегда сопровождались заупокойной едой, и были похоронены в сравнительно больших ямах или катакомбе. Лишь захоронение подростков в могиле 48 и женщины из погребения 113 совер-

1. Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность И.А. Козырь за любезно предоставленную возможность использовать материалы ее раскопок; а также К.И. Панченко, за важную помощь в работе с материалами в музейных фондах.

2. Исключение известно в могиле 17 Николаевского некрополя, где такой артефакт сопровождал, по антропологическому определению, мужчину [Meliukova 1975, 79].

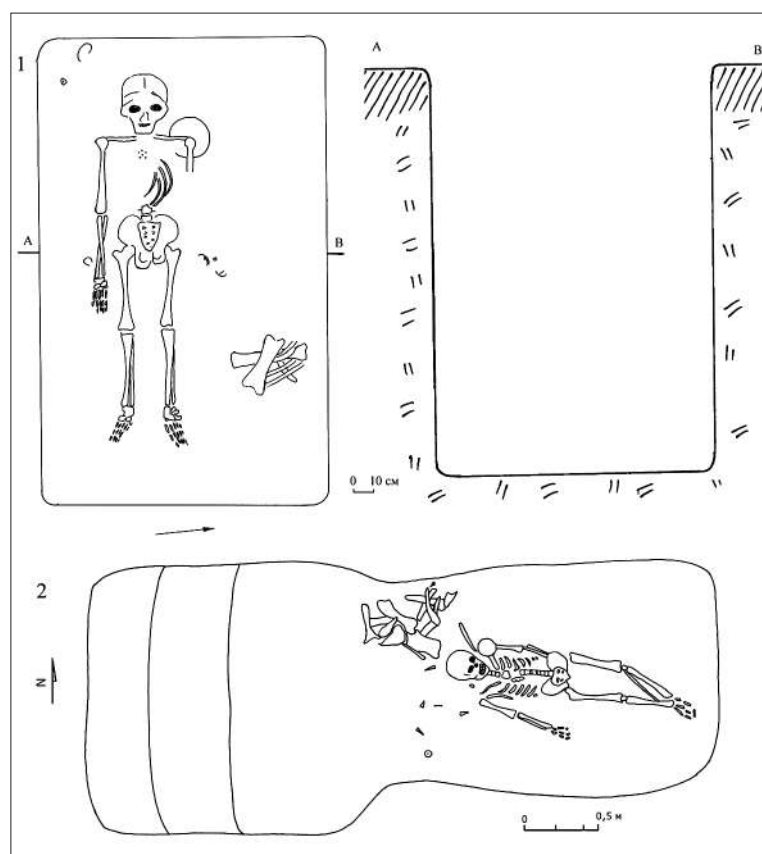

Рис. 1. Погребения Светловодского могильника. 1 - могила №2; 2 - могила № 95.

Fig. 1. Burials of the Svitlovodsk burial ground. 1 - grave number 2; 2 - grave number 95.

шены в небольших погребальных сооружениях. В большинстве случаев усопших сопровождали и другие украшения: браслеты, ожерелья, серьги, или детали одежды.

Любопытно, что только 2 из 8 погребений были не ограблены. В остальных шести случаях грабители не взяли зеркало. Чем же можно это объяснить? Ведь они были достаточно эффективными и массивными вещами среди другого инвентаря. Как известно, зеркала были тесно связаны со скифской культовой практикой. По мнению специалистов, они могли нести значение, с одной стороны, символов солнца, плодородия, женского начала. А с другой – были мистическими предметами способными отражать мир, показывать прошлое и будущее. В скифской мифологии зеркала считаются атрибутами женских божеств Табиты или Аргимпасы [Bessonova 1983, 98-105]. Эта культовая принадлежность, в частности, нашла отражение на ряде

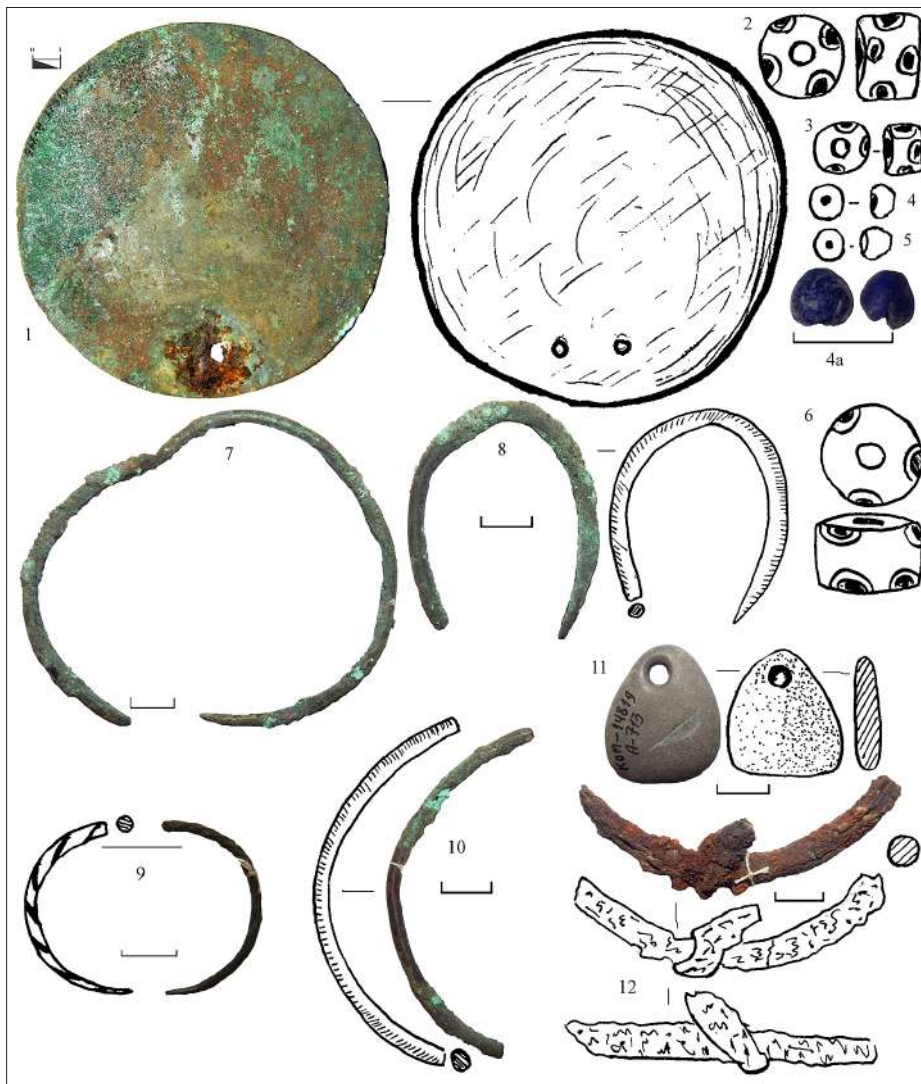

Рис. 2. Находки из погребения 2 Светловодского могильника.

Fig. 2. Finds from the burial 2 of the Svetlovodsk burial.

золотых блях IV в. до н.э., где эти предметы туалета изображены в руках богини: пластина из Сахновки, бляхи из курганов Куль-Оба, Чертомлык, Мелитопольский, Первый Мордвиновский, 4 в урочище Носаки и др. [Artamonov 1966, ris. 114, tab. 235; Bessonova 1983, ris. 23; 25; Bidzilia et al. 1977, ris. 11, 13, 14; Alekseev, Murzin, Rolle 1991, kat. 212, 30]. В понимании древних племен, в зеркале можно было увидеть не только свое отражение, но и картины прошлого и будущего, события, происходящие на далеком расстоянии. Сами зеркала на протяжении веков выступали одним из главных атрибутов магических действий. Такие «заколдованные» зеркала, в понимании древних людей, могли не только помогать

хозяйке, но и нанести урон постороннему непосвященному человеку. И, тем более, грабителю, потревожившему покой мертвых. Может быть, именно этим объясняется то, что грабители не трогали зеркала из Светловодского могильника?

Примером захоронения с зеркалом может быть грунтовая могила 2, исследованная Н.М. Бокий в 1975 г. (рис. 1,1). Прямоугольная яма ориентирована с небольшим отклонением по линии запад-восток. Она имела длину 2,3, ширину 1,4 и глубину 2,5 м. Местами сохранились следы деревянного тлена от перекрытия. Захоронение оказалось ограбленным, но много вещей все же уцелело. Скелет, сохранившийся *in situ*, кроме левой руки, лежал в вытянутом

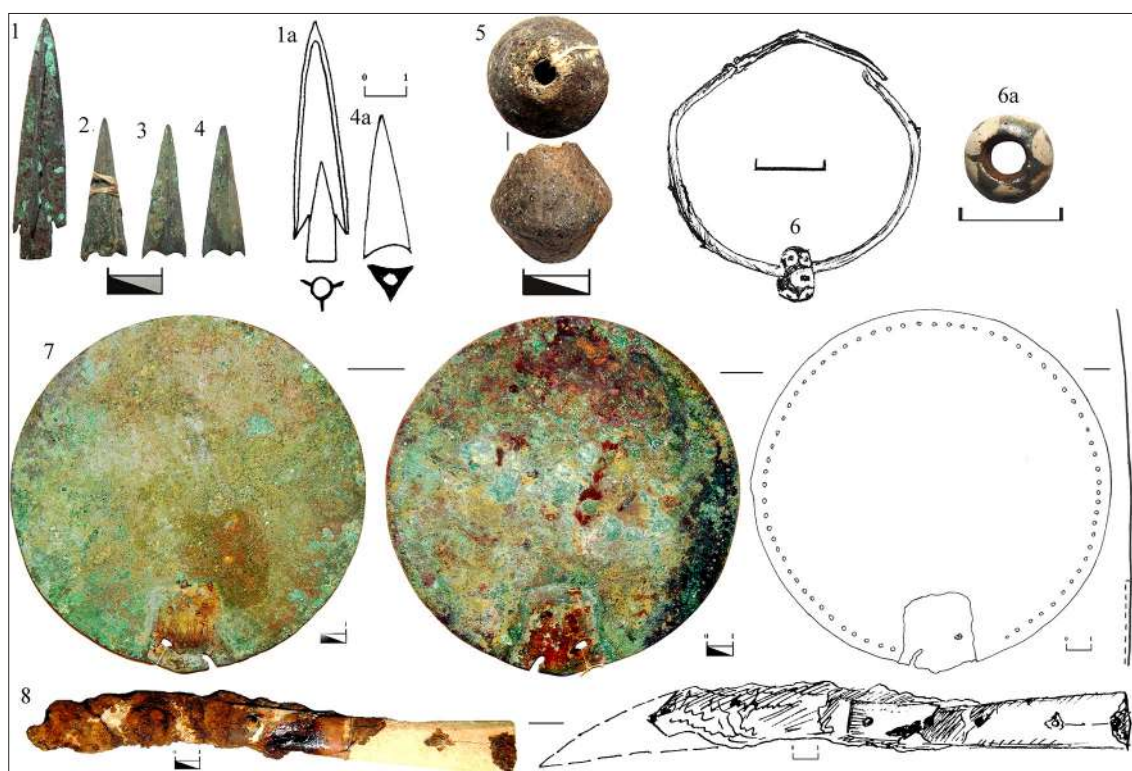

Рис. 3. Находки из погребение 95 Светловодского могильника

Fig. 3. Finds from the burial 95 Svitlovodsk burial.

положении, на спине, головой на запад. В северо-восточном углу находились кости коровы от заупокойной еды. Под левым плечом покойной лежало бронзовое зеркало с несохранившейся ручкой (рис. 2,1), справа за головой – бронзовый браслет из овальной в сечении проволоки (рис. 2,7), рядом – каменная подвеска треугольной формы с отверстием (рис. 2,17). В области груди – несколько бус от ожерелья (рис. 2,2-6), возле лучевых костей правой руки – обломки бронзового проволочного браслета с расклепанным концом (рис. 2,8). У тазовых костей, слева, расчищены обломок железной пряжки (рис. 2,12), и два бронзовых фрагмента от проволочной витой серьги (рис. 2,9) и браслета (рис. 2,10), а также кусочек краски.

В одном случае в Светловодске зеркало встречено в захоронении женщины воительницы, которую сопровождали наконечники стрел. Эта грунтовая могила – катакомба № 95 (рис. 1,2), ориентирована по линии запад – восток. Входная яма была квадратной формы, размером 1,85x1,8 м, и глубиной 2,8 м. Под ее западной стенкой находились две материковые ступеньки. Дно входной ямы переходит в пол погре-

бальной камеры. Последняя имела прямоугольную форму. Ее длина – 2,25 м, ширина – 1,4-1,6 м. В погребальной камере, в обвале, на различной глубине, выявлены четыре бронзовых наконечника стрел (рис. 3,1-4) и глиняное пряслице (рис. 3,5). В катакомбе была похоронена молодая беременная женщина. Она лежала в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад. За головой находились коровьи кости от заупокойной пищи, при них – железный нож с костяной ручкой (рис. 3,8). Возле головы женщины найдены бронзовые серьги, изготовленные из круглого в сечении прута (3, 6). На одну из них насажена бусина (рис. 3,6,6a). Поверх левого плеча покойной было положено бронзовое зеркало с деревянной ручкой (рис. 3,7).

Основу всех зеркал из Светловодского могильника составляет круглый бронзовый диск. В зависимости от различных деталей, они могут быть разделены на 4 разновидности.

Бронзовые зеркала с деревянной рукоятью, которая не сохранилась (рис. 4). Крепилась она железными штифтами через 2 отверстия в диске. Всего известно 4 предмета (половина их общего числа; могилы 2, 32, 44, 95). При этом,

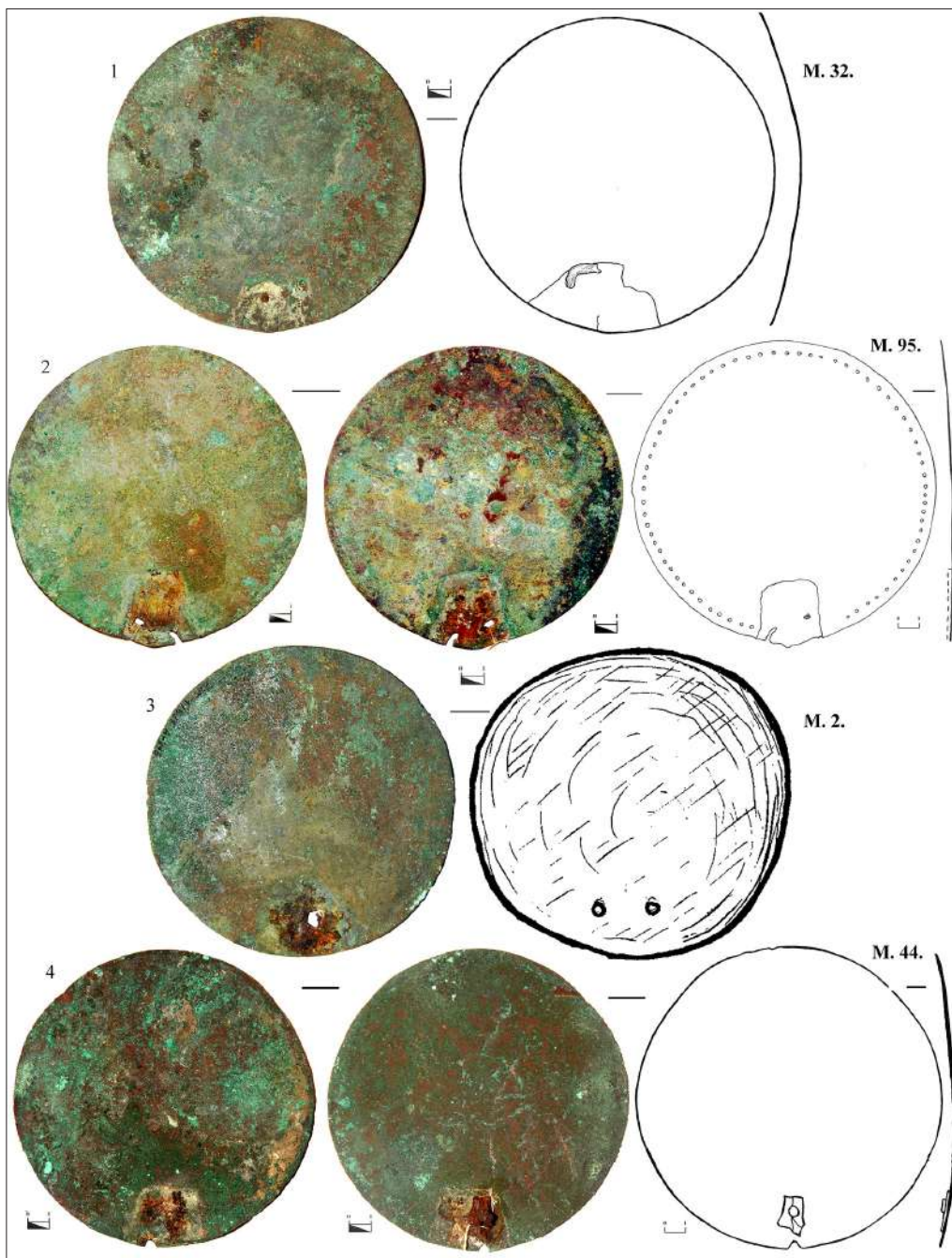

Рис. 4. Зеркала Светловодского могильника.

Fig. 4. Mirrors of the Svitlovodsk burial.

диск зеркала из могилы 95 с одной стороны по периметру покрыт пуансонным орнаментом.

Т.М. Кузнецова относит подобные зеркала к II классу, II отделу, 4 группе. Дальнейшая типологическая атрибуция на уровне типов, видов и вариантов усложнена отсутствием рукояти [Kuznetsova 1987, ris. 4; 2002, ris. 10; 2010, 163, tab. 112-119].

Этот тип зеркал известен и в V в. до н.э., например, в насыпи 11, могилы 3, у Акимовки [Boltrik, Fialko 2010, ris. 6, 8]. Однако, абсолютное большинство находок датируется уже IV в. до н.э. В Степной Скифии они найдены в курганах 9 группы Широкое II [Chernenko, Simonenko 1977, tab. III], 16 (захоронения 1 и 5) на Мамай-Голе [Andruk, Toshchev 1999, ris. 27,2; 29,1], 8

(могила 1) у Нового [Fialko 2012, ris. 8,1], 16 (захоронение 2) могильника Акермень I [Fialko 1991, ris. 4], 13 (гробница 1) около Львово [Evdokimov 1992, ris. 3,9], 1, погребение 2, некрополя Плавни [Sunichuk, Fokeev 1984, ris. 3,12], 9 группы Чертомлыка [Fialko 2010, ris. 3,12], 8 (могила 1) у Волчанска [Polin, Kubyshev 1997, ris. 8,16].

В Лесостепи такая находка известна из насыпи 14 у Сеньковки в Левобережной Террасовой Лесостепи [Pokrovs'ka 1965]. Некоторые из указанных артефактов (Мамай-Гора, Сеньковка), как и зеркало из погребения 95 в Светловодске, декорированы по краю пуансонным орнаментом.

Зеркала указанного типа из рассматриваемого могильника, как и большинство аналогий, относятся к IV в. до н.э.

Бронзовое зеркало с железной ручкой, имеющей овальное расширение на конце (рис. 5,2) происходит из захоронения 94. Бронзовый диск входит в паз железной рукояти, которая в этом месте расширяется.

По классификации Т.М. Кузнецовой, это изделие близко к II классу, II отделу, 2 группе, VII типу, II виду, 1 варианту. Именно такие предметы характеризуются наличием эллипсовидного расширения на конце. [Kuznetsova 2010, 125]. Однако, Т.М. Кузнецова относит эту находку к II классу, II отделу, 2 группе, VI типу, II виду, 1 варианту, коим свойственна перекадина на конце ручки [Kuznetsova 2010, 116]. Прилагаемое фото этой вещи, хранящейся в фондах Кировоградского музея (рис. 5,2), как кажется, скорее демонстрируют поврежденное окончание ручки в виде овала или эллипса. Это позволяет предполагать, что упомянутый предмет относится все же к VII типу.

Данный тип зеркал находит аналогии среди изделий из курганов IV в. до н.э.: 2 у Красного Подола [Polin 1984, ris. 15,2], 13 возле Богдановской

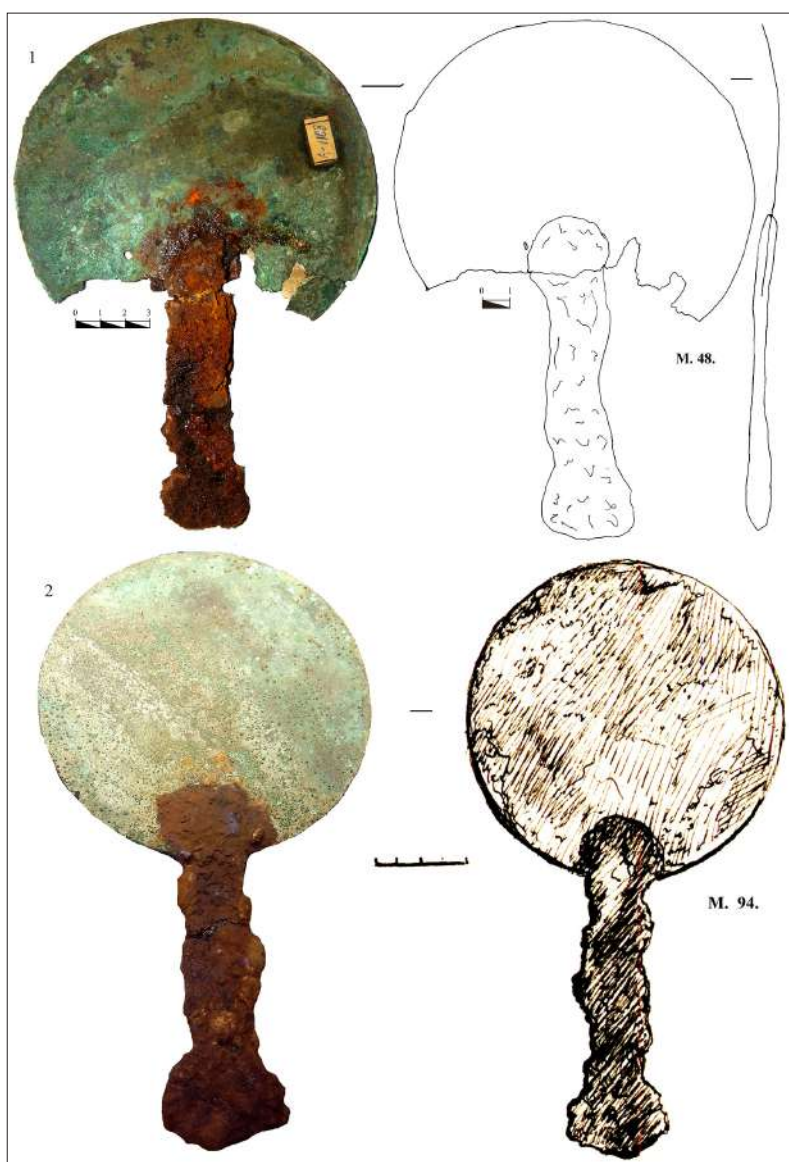

Рис. 5. Зеркала с железной ручкой из Светловодска.

Fig. 5. Mirrors with an iron handle from Svitlovodsk.

обогатительной фабрики [Terenzhkin et al. 1973, ris. 40,8], 11 под Нагорным [Mozolevskii 1973, ris. 17,6], 11 около Старого Мерчика [Bandurovskii, Vuinov 2000, ris. 19,9]. Этим же временем датируются и однотипный предмет из Светловодска.

Бронзовые зеркала с железной ручкой, расширяющейся на конце (рис. 5,1; 6,1), происходят из могил 48 и 109. Диск предмета из могилы 48 был обломан в месте крепления рукояти. И последняя была прикреплена выше – над линией разлома.

По классификации Т.М. Кузнецовой они могут быть отнесены к II классу, II отделу, 2 группе,

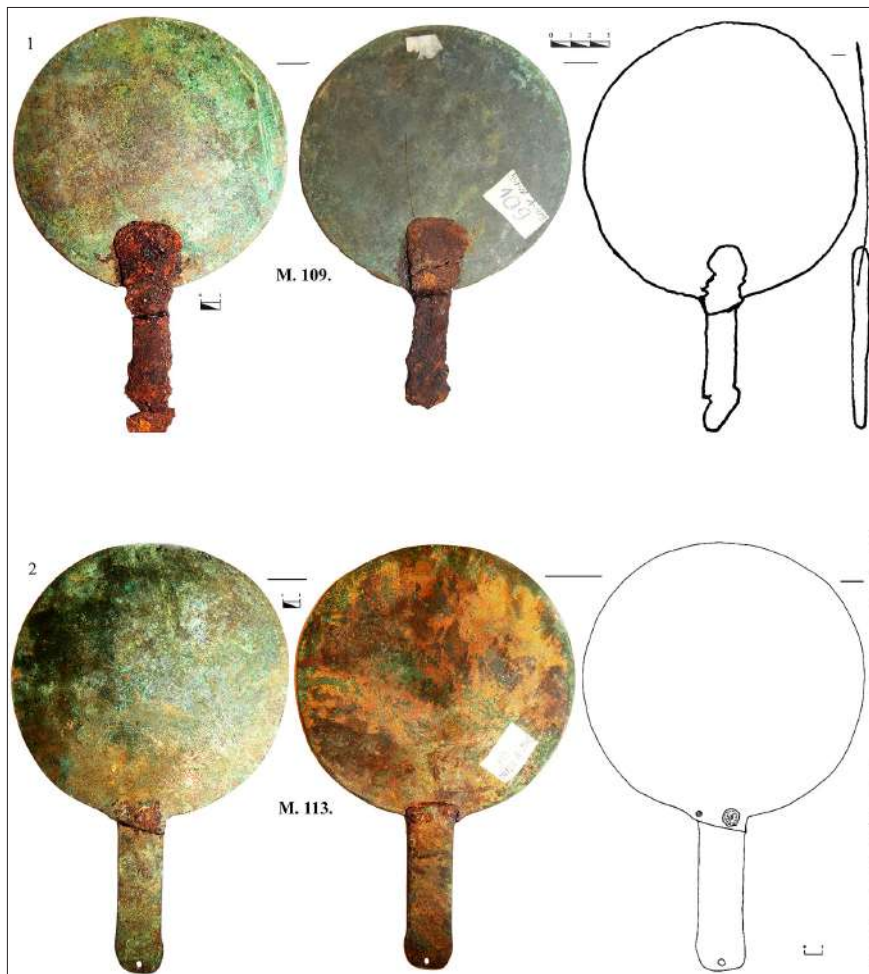

Рис. 6. Зеркала с бронзовой и железной ручкой из Светловодска.

Fig. 6. Mirrors with a bronze and iron handle from Svitlovodsk.

IV типу, II виду, 1 варианту, который датируется ей V–IV вв. до н.э. [Kuznetsova 1987, ris. 4; 2002, ris. 10; 2010, 106].

Бронзовые зеркала с железной ручкой появляются еще в раннескифское время: Репяховатая Могила, погребение 2 [P'inskaia, Mozolevskii, Terenozhkin 1980, ris. 20, 4]. Но большинство

находок относятся к IV в. до н.э.: курганы у Старинской птицефабрики [P'inskaia 1966, ris. 5], 13, захоронение 1, группы Капуловка I [Terenozhkin et al. 1973, ris. 9,16], 14 близ Русской Тростянки [Puzikova 2001, ris. 21,2]. Этим же временем (IV в. до н.э.) могут датироваться и предметы из Светловодска.

Зеркало с бронзовой ручкой из погребения 113 (рис. 6,2). На конце рукояти – круглое отверстие, через которое мог проходить шнурок для подвешивания предмета. Рукоять была сначала цельнолитой с диском. Однако впоследствии сломалась, и была прикреплена двумя бронзовыми заклепками.

Т.М. Кузнецова отнесла это зеркало к II классу, II отделу, 2 группе,

XII типу, II виду, 1 варианту, верно продатировав его, на основании инвентаря погребения, IV в. до н.э. Исследовательница отметила, что до поломки, это зеркало относилось к I классу, II отделу, X типу [Kuznetsova 1987, ris. 4; 2002, ris. 10; 2010, 55, 56, tab. 37].

Зеркала из Светловодского некрополя еще раз иллюстрируют использование этой категории материальной культуры всеми социальными слоями скифского общества. В том числе и рядовым населением Скифии.

Библиография

- Alekseev, Murzin, Rolle 1991:** A.Iu. Alekseev, V.Iu. Murzin, R. Rolle, Chertomlyk (skifskii tsarskii kurgan IV v. do n.e.) (Kiev 1991) // А.Ю. Алексеев, В.Ю. Мурзин, Р. Ролле, Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н.э.) (Киев 1991).
- Andrukh, Toshchev 1999:** S.I. Andrukh, G.N. Toshchev, Mogil'nik Mamai-Gora (Zaporozh'e 1999) // С.И. Андрух, Г.Н. Тошчев, Могильник Мамай-Гора (Запорожье 1999).
- Artamonov 1966:** M.I. Artamonov, Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha

(Praga Leningrad 1966) // М.И. Артамонов, Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа (Прага Ленинград 1966).

Bandurovskii, Buinov 2000: A.V. Bandurovskii, Iu.V. Buinov, Kurgany skifskogo vremeni (severskodonetskii variant) (Kiev 2000) // А.В. Бандуровский, Ю.В. Буйнов, Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант) (Киев 2000).

Bessonova 1983: S.S. Bessonova, Religioznye predstavleniia skifov (Kiev 1983) // С.С. Бессонова, Религиозные представления скифов (Киев 1983).

Bidzilia et al. 1977: V.I. Bidzilia, Iu.V. Boltrik, B.N. Mozolevskii, I.P. Savovskii, Kurgannii mogil'nik v urochishche Nosaki. In: (red. V.I. Bidzilia) Kurgannye mogil'niki Riasnye Mogily i Nosaki (Kiev 1977), 61-158 // В.И. Бидзиля, Ю.В. Болтрик, Б.Н. Мозолевский, И.П. Савовский, Курганний могильник в урочище Носаки. В: (ред. В.И. Бидзиля) Курганні могильники Рясні Могили і Носаки (Киев 1977), 61-158.

Boiko 2017: Iu.M. Boiko, Sotsialnii sklad naselennia baseinu r. Vorskli za skifs'koї dobi (Київ Котельва 2017) // Ю.М. Бойко, Соціальний склад населення басейну р. Ворскли за скіфської доби (Київ Котельва 2017).

Bokii 1980: N.M. Bokii, Pozdneskifskii beskurgannii mogil'nik u g. Svetlovodska. In: (red. P.P. Tolochko) Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine v 1978-1979 gg. Tezisy dokladov XVIII konferentsii Instituta arkheologii AN USSR (Dnepropetrovsk 1980), 101 // Н.М. Бокій, Позднескифский бескурганний могильник у г. Светловодска. В: (ред. П.П. Толочко) Археологические исследования на Украине в 1978-1979 гг. Тезисы докладов XVIII конференции Института археологии АН УССР (Днепропетровск 1980), 101.

Bokii, Mogilov 2014: N.M. Bokii, O.D. Mogilov, Pershii sezon robit na Svitlovods'komu mogil'niku. In: (red. O.B. Suprunenko) Fenomen Bil's'kogo gorodishcha (Київ Полтава 2014), 26-29 // Н.М. Бокій, О.Д. Могилов, Перший сезон робіт на Світловодському могильнику. В: (ред. О.Б. Супруненко) Феномен Більського городища (Київ Полтава 2014), 26-29.

Bokii, Mogilov, Panchenko 2013: N.M. Bokii, O.D. Mogilov, K.I. Panchenko, Kolektivne pokhovannia skifs'kogo chasu v Lisostepovomu Pravoberezhnomu Podniprov'ї. In: (red. V.S. Travins'kii) Arkheologii i fortifikatsiia Seredn'ogo Podnistrov'ia (Kam'ianets-Podil's'kii 2013), 17-24 // Н.М. Бокій, О.Д. Могилов, К.І. Панченко, Колективне поховання скіфського часу в Лісостеповому Правобережному Подніпров'ї. В: (ред. В.С. Травинський) Археологія і фортифікація Середнього Подністров'я (Кам'янець-Подільський 2013), 17-24.

Boltrik, Fialko 2010: Iu.V. Boltrik, E.E. Fialko, Skifskii kurgan s rannei uzdoi iz Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia. Vosporskie issledovaniia XXIII, 2010, 104-122 // Ю.В. Болтрик, Е.Е. Фиалко, Скифский курган с ранней уздой из Северо-Западного Причерноморья. Боспорские исследования XXIII, 2010, 104-122.

Buniatian 1985: E.P. Buniatian, Metodika sotsial'nykh rekonstruktsii v arkheologii (na materiale skifskikh mogil'nikov IV-III vv. do n.e.) (Kiev 1985) // Е.П. Бунятян, Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV-III вв. до н.э.) (Киев 1985).

Chernenko, Simonenko 1977: E.V. Chernenko, A.V. Simonenko, Kurgannaia gruppa Shirokoe III. In: (red. E.V. Chernenko) Kurgany Iuzhnoi Khersonshchiny (Kiev 1977), 5-33 // Е.В. Черненко, А.В. Симоненко, Курганная группа Широкое III. В: (ред. Е.В. Черненко) Курганы Южной Херсонщины (Киев 1977), 5-33.

Evdokimov 1992: G.L. Evdokimov, Skifskii kurgan u s. Lvovo na Khersonshchine. DSPK III, 1992, 136-148 // Г.Л. Евдокимов, Скифский курган у с. Львово на Херсонщине. ДСПК III, 1992, 136-148.

Fialko 1991: E.E. Fialko, Pogrebeniia zhenshchin s oruzhiem u skifov. In: (red. Iu.V. Boltrik, E.P. Buniatian) Kurgany Stepnoi Skifii (Kiev 1991), 4-18 // Е.Е. Фиалко, Погребения женщин с оружием у скифов. В: (ред. Ю.В. Болтрик, Е.П. Бунятян) Курганы Степной Скифии (Киев 1991), 4-18.

Fialko 2010: E.E. Fialko, Pogrebeniia amazonok Chertomlykского kurgannogo polia. Vosporskie issledovaniia XIII, 2010, 166-190 // Е.Е. Фиалко, Погребения амазонок Чертомлыкского курганного поля. Боспорские исследования XIII, 2010, 166-190.

Fialko 2012: E.E. Fialko, Pogrebenie amazonki v doline reki Molochnoi. ADIU 8, 2012, 43-49 // Е.Е. Фиалко, Погребение амазонки в долине реки Молочной. АДИУ 8, 2012, 43-49.

I'inskaia 1966: V.A. I'inskaia, Skifskie kurgany okolo g. Borispolia. SA 3, 1966, 152-171 // В.А. Ильинская, Скифские курганы около г. Борисполя. СА 3, 1966, 152-171.

I'inskaia, Mozolevskii, Terenozhkin 1980: V.A. I'inskaia, B.N. Mozolevskii, A.I. Terenozhkin, Kurgany VI v. do n.e. u s. Matusov. In: (red. A.I. Terenozhkin) Skifia i Kavkaz (Kiev 1980), 31-64 // В.А. Ильинская, Б.Н. Мозолевский, А.И. Тереножкин, Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов. В: (ред. А.И. Тереножкин) Скифия и Кавказ (Киев 1980), 31-64.

Kozir 2014: I.A. Kozir, Ritual'ne pokhovannia 145 z gruntovogo mogil'nika poblizu m. Svitlovods'k Kirovogradskoi oblasti. In: (red. O.B. Suprunenko) Fenomen Bil's'kogo gorodishcha (Київ Полтава 2014), 61-64 // I.A. Козир, Ри-

туальне поховання 145 з ґрунтового могильника поблизу м. Світловодськ Кіровоградської області. В: (ред. О.Б. Супруненко) Феномен Більського городища (Київ-Полтава 2014), 61-64.

Kuznetsova 1987: Т.М. Kuznetsova, Zerkala iz skifskikh pamiatnikov VI-III vv. do n.e. (klassifikatsiia i khronologicheskoe raspredelenie). SA 1, 1987, 35-47 // Т.М. Кузнецова, Зеркала из скифских памятников VI-III вв. до н.э. (классификация и хронологическое распределение). СА 1, 1987, 35-47.

Kuznetsova 2002: Т.М. Kuznetsova, Zerkala Skifii VI-III veka do n.e., I (Moskva 2002) // Т.М. Кузнецова, Зеркала Скифии VI – III века до н.э., I (Москва 2002).

Kuznetsova 2010: Т.М. Kuznetsova, Zerkala Skifii VI-III vekov do n.e., II (Moskva 2010) // Т.М. Кузнецова, Зеркала Скифии VI – III веков до н.э., II (Москва 2010).

Meliukova 1975: А.И. Meliukova, Poselenie i mogil'nik skifskogo vremeni u s. Nikolaevka (Moskva 1975) // А.И. Мелюкова, Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка (Москва 1975).

Mogilov 2018: О.Д. Mogilov, Pokhoval' nii obriadi Svitlovods'kogo mogil'nika. In: (red. V.P Chabai) I Vseukraïns'kii arkheologichnii z'їzd (Київ 2018), 119-120 // О.Д. Могилов, Похвальний обряд Світловодського могильника. В: (ред. В.П Чабай) I Всеукраїнський археологічний з'їзд (Київ 2018), 119-120.

Mozolevskii 1973: В.Н. Mozolevskii, Skifskie pogrebeniia u s. Nagornoe bliz g. Ordzhonikidze na Dnepropetrovs'hchine. In: (red. A.I. Terenozhkin) Skifskie drevnosti (Kiev 1973), 187-234 // Б.Н. Мозолевский, Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине. В: (ред. А.И. Тереножкин) Скифские древности (Киев 1973), 187-234.

Panchenko 2015: К.И. Panchenko, Skifs'ke pokhovannia v dvokamernii katakombi z ґрунтового mogil'nika bilia m. Svitlovods'k. ADIU 2(15), 2015, 219-222 // К.И. Панченко, Скифське поховання в двокамерній катакомбі з ґрунтового могильника біля м. Світловодськ. АДІУ 2(15), 2015, 219-222.

Pokrov's'ka 1965: Е.Ф. Pokrov's'ka, Kurgani bilia s. Sen'kivki. Arkheologiiia XVIII, 1965, 139-149 // Е.Ф. Покровська, Курганы біля с. Сеньківки. Археологія XVIII, 1965, 139-149.

Polin 1984: S.V. Polin, Zakhoronenie skifskogo voïna-druzhinnika u s. Krasnyi Podol na Khersonshchine. In: (red. E.V. Chernenko) Vooruzhenie skifov i sarmatov (Kiev 1984), 103-119 // С.В. Полин, Захоронение скифского воина-дружинника у с. Красный Подол на Херсонщине. В: (ред. Е.В. Черненко) Вооружение скифов и сарматов (Киев 1984), 103-119.

Polin, Kubyshev 1997: S.V. Polin, A.I. Kubyshev, Skifskie kurgany Utliuiskogo mezhdurech'ia (v severo-zapadnom Priazov'e) (Kiev 1997) // С.В. Полин, А.И. Кубышев, Скифские курганы Утлюкского междуречья (в северо-западном Приазовье) (Киев 1997).

Puzikova 2001: А.И. Puzikova, Kurgany skifskogo vremeni Srednego Podon'ia (publikatsiia kompleksov) (Moskva 2001) // А.И. Пузикова, Курганы скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов) (Москва 2001).

Sunichuk, Fokeev 1984: Е.Ф. Sunichuk, М.М. Fokeev, Skifskii mogil'nik Plavni I v nizov'iakh Dunaia. In: (red. I.T. Cherniakov) Rannii zheleznyi vek Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Kiev 1984), 103-120 // Е.Ф. Суничук, М.М. Фокеев, Скифский могильник Плавни I в низов'ях Дуная. В: (ред. И.Т. Черняков) Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья (Киев 1984), 103-120.

Terenozhkin et al. 1973: А.И. Terenozhkin, В.А. Il'inskaia, Е.В. Chernenko, В.Н. Mozolevskii, Skifskie kurgany Nikol'pol'shchiny. In: (red. A.I. Terenozhkin) Skifskie drevnosti (Kiev 1973), 113-186 // А.И. Тереножкин, В.А. Ильинская, Е.В. Черненко, Б.Н. Мозолевский, Скифские курганы Никопольщины. В: (ред. А.И. Тереножкин) Скифские древности (Киев 1973), 113-186.

Александр Могилов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии, Национальная академия наук Украины, просп. Героев Сталинграда, 12, 04210, Киев, Украина, e-mail: mogilovod@gmail.com

Денис Бондаренко, Михаил Иващенко, Виталий Синика

Находки амфорных клейм эллинистического времени из округи Ольвии

Key words: amphora stamps, Hellenistic time, Lower Bug region, settlement, barrow.

Cuvinte cheie: ștampile de amfore, perioada elenistică, Bugul Inferior, așezare, tumul.

Ключевые слова: амфорные клейма, эллинистическое время, Нижнее Побужье, поселение, курган.

Denis Bondarenko, Mikhail Ivashchenko, Vitalij Sinika

Finds of amphorae stamps of the Hellenistic time in the vicinity of Olbia

The paper publishes the stamps of the Hellenistic time from Victorovka-I settlement and the barrow near Krivaja Balka village on the right bank of the South Bug for the first time. Five stamps from the cider heap No. 2 of the Viktorovka-I settlement allow us to state that stamped amphora tare has fallen into this object for fifty years - since the 20s of the IV century BC to the early 60s of the III century BC. The finding of the stamp from the mound of the barrow near Krivaja Balka village confirms the existence of Scythian sites in the region in the III century BC.

Denis Bondarenko, Mikhail Ivashchenko, Vitalij Sinika

Descoperiri de ștampile de amfore din perioada elenistică din vecinătatea Olbiei

În lucrare, pentru prima dată, sunt publicate și analizate ștampile din perioada elenistică din așezarea Victorovka-I și tumulul de lângă s. Krivaia Balka, de pe malul drept al Bugului de Sud. Cinci ștampile din cenușarul nr. 2 al așezării Victorovka-I ne permit să stabilim că pătrunderea ambalajului amforic ștampilat pe teritoriul acesteia a durat circa 50 de ani – din anii 20 ai sec. IV a.Chr. până la începutul anilor 60 ai sec. III a.Chr. Descoperirea ștampilei din mantaua tumulului de lângă s. Krivaia Balka ne confirmă existența monumentelor scitice în regiune în sec. III a.Chr.

Денис Бондаренко, Михаил Иващенко, Виталий Синика

Находки амфорных клейм эллинистического времени из округи Ольвии

В работе впервые публикуются и анализируются клейма эллинистического времени из поселения Викторовка-I и кургана у с. Кривая Балка на правом берегу Южного Буга. Пять оттисков из зольника № 2 поселения Викторовка-I позволяют констатировать попадание клеймёной амфорной тары в данный объект на протяжении пятидесяти лет – с 20-х гг. IV в. до н.э. по начало 60-х гг. III в. до н.э. Находка клейма из насыпи кургана у с. Кривая Балка подтверждает существование скифских памятников в регионе в III в. до н.э.

Со второй половины VII в до н.э. Северное Причерноморье становится одним из регионов греческой колонизации. Первым древнегреческим поселением на этой территории стал Борисфен, основанный на современном о-ве Березань. Уже в первой половине VI в. до н.э. ионийские колонисты начали активное освоение близлежащих берегов Березанского и Днепро-Бугского лиманов, где появляется целая сеть аграрных поселений, подчинённых, вероятно, вначале Борисфену, а позднее – Ольвии. Этот город функционировал в архаический [Skudnova 1988; Buiskikh 2013], классический [Kozub 1974; Levi 1984, 36-37] и эллинистический [Parovich-Peshikan 1974; Levi 1985] периоды, а также в римское время [Krapivina 2014].

Наряду с Ольвией в регионе с VI в. до н.э. функционируют сельские поселения, форми-

рующие её хору [Kryzhitskii et al. 1990]. Исследование этих памятников продолжается и в настоящее время, а материалы из их раскопок обогащают наши представления об истории развития региона.

В настоящей работе публикуются и анализируются клейма эллинистического времени из поселения Викторовка-I и из кургана у с. Кривая Балка, расположенных в Нижнем Побужье.

Поселение Викторовка-I находится на высоком плато правого коренного обрывистого берега Березанского лимана, в 1,5 км к северу от его устья и в 300 м к югу от современного с. Викторовка Березанского района Николаевской обл. Сохранившаяся часть памятника имеет протяжённость вдоль береговой линии по линии север – юг до 400 м и простирается на запад от берега на 10-20 м. Общая площадь

около 6000 м² [Kryzhitskii et al. 1990, 12-13, 44].

Первое упоминание о поселении в научной литературе содержится в публикации В.И. Гошкевича, посвящённой проблеме локализации древнего Одессоса за 1915 г. [Goshkevich 1915, 446; Fabritsius 1951, 61]. Первые стационарные раскопки на памятнике были проведены Березанским отрядом Буго-Днепровской экспедиции во главе с М.Ф. Болтенко в 1949 г. [Slavin 1955, 143-145; Rudyk 1957, 63-66]. Современные археологические исследования поселения были начаты в 2012 г. Викторовским отрядом Николаевской археологической экспедиции Научно-исследовательского центра «Лукоморье» Охранной археологической службы Украины ИА НАН Украины [Bondarenko et al. 2012; 2013; 2014; 2016].

Памятник представляет собой археологический комплекс, состоящий из поселения и святилища. Поселение занимало южную часть плато, святилище – северную. Фиксируются позднеархаический и раннеэллинистический слои. Святилище относится к категории т.н. святилищ *extra-urban* (загородных относительно городских центров приграничных святилищ Ольвийского полиса), которое маркировало юго-западную границу государства. На святилище отправлялись культы плодородия, огня и домашнего очага, приносились жертвы Аполлону и Деметре.

Пять клейм происходят из заполнения зольника №2, частично исследованного в 2017 г. (кат. №№ 1-3, 5, 6¹). Данный объект представляет собой выкопанный в древнем гумусе и материковой глине котлован, засыпанный золой. Почти вся площадь котлована уничтожена береговой абразией, сохранилась лишь его западная часть, шириной до 5,5 м, которая тянется вдоль берегового обрыва в направлении северо-восток – юго-запад более чем на 15 м. Материал эллинистического времени из зольника представлен следующими находками: фрагментами амфор различных производственных центров, гончарными и лепными сосудами, керамическими, свинцовым и каменным рыболовецкими грузилами, лепным пряслицем, костяными наконечником стрелы, амулетом, фрагментом терракотовой протомы богини, астрагалами, а также медным тетрагалком Пантикапея (голова безбородого сатира в плющевом венке влево / «ПАН»,

1. Номер по каталогу соответствует номеру на рисунке 1.

голова льва и осётр влево) и др. Обнаруженная совокупность материала позволяет датировать время формирования комплекса в пределах последней трети IV – первой половины III в. до н.э.

Ещё одно клеймо было обнаружено в кургане у с. Кривая Балка. Данная насыпь диаметром около 70 м при сохранившейся высотой более 2 м находится в 2,45 м к юго-востоку от окраины с. Кривая Балка Николаевского района Николаевской области. Надмогильное сооружение является частью курганной гряды длиной около 4 км, тянущейся в направлении с северо-запада на юго-восток от с. Кривая Балка до с. Большая Корениха на правом берегу р. Южный Буг, и состоящей не менее чем из 11 насыпей. Полю кургана регулярно распахиваются местными фермерами. После очередной распашки несколько лет назад местными школьниками было найдено клеймо и передано в школьный музей с. Кривая Балка, где сейчас и хранится. Вместе с клеймом были обнаружены фрагменты амфор производства Синопы и Коса, а также фрагменты гончарных сосудов (кастрюли и красноглиняной миски на низком кольцевом поддоне).

Всего из указанных памятников происходит шесть амфорных клейм. Два оттиска принадлежат средиземноморским центрам (Родос – 1 экз., и неустановленный – 1 экз.), и четыре – причерноморскому центру Синопе. Все клейма удалось восстановить и хронологически определить.

Так, из заполнения зольника №2 на поселении Викторовка-I происходит амфорное клеймо о. Родос, оттиснутое на ручке с плавным перегибом. В данном клейме отсутствует предлог *ἐπί*, а имя чиновника *Πολυάρατος* дано в именительном падеже. Такая ситуация характерна для ранних родосских клейм [Kats 2002, 161; 2007, 212]. На настоящий момент клеймо может быть датировано в пределах конца 70-х гг. III в. до н.э. [Finkielsztein 2001, 188, Tabl. 17; Kats 2007, 419, prilojenie III].

Помимо родосского, в заполнении зольника №2 на поселении Викторовка-I обнаружены три синопских клейма. Хронология астиномов в этих оттисках (*Επίελλος 1*, *Θεαρίων* и *Φίντις*) довольно компактна и не выходит за пределы последней четверти IV в. до н.э. [Fedoseev 1999, 32-34, Tabl. I; Fedoseev 2014, 91; Garlan 2004, 95-96, Tabl. VI; Kats 2007, 434, prilozhenie VII].

Самым интересным является одностроч-

ное клеймо «неизвестного» средиземноморского центра из зольника №2 на поселении Викторовка-I. В нём оттиснуто имя *Ἐρμι(-)* в сокращении (кат. № 6). Впервые подобный оттиск был опубликован В.В. Шкорпилом в 1902 г. Тогда исследователь поместил его среди родосских клейм [Shkorpil 1904, 146]. Публиковались аналогичные клейма и позже. Их относили к Косу [Shtaerman 1951, 61, ris. 5,169; Kolesnikov 1985, 79], Хиосу [Kolesnikov 1985, 79], Паросу [Kolesnikov 1985, 79], Икосу [Fateev 2012, 182], Пепарету [Fateev 2012, 182], к одному центров Южной Италии или Сицилии [Monakhov 1999, 509] и даже к Гераклею [Shtaerman 1951, 36, ris.4,21a]. Однако вопрос о месте производства сосудов с подобными оттисками по-прежнему остаётся открытым. В то же время относительно датировки клейм *Ἐρμι(-)* существует общая точка зрения. Оттиски относят на основании материалов из усадьбы № 6 поселения Панское I [Monakhov 1999, 497, 508-509], усадеб Евпаторийского маяка [Kolesnikov 1985, 93] и Капуловского городища [Fateev 2012, 180] к концу IV – 70-м гг. III в. до н.э.

В итоге, по результатам анализа пяти клейм из заполнения зольника №2 на поселении Викторовка-I в настоящее время можно сделать вывод, что амфорная тара попадала в него около пятидесяти лет – с 20-х гг. IV в. до н.э. по начало 60-х гг. III в. до н.э.

Оттиск на ручке синопской амфоры из полы кургана у с. Кривая Балка принадлежит астиному *Πρταγόρης τοῦ Κυνίσκου*. Хронология этого синопского чиновника носит противоречивый характер. С одной стороны, Н.Ф. Федосеев и И. Гарлан относят его к третьей четверти III в. до н.э.

[Fedoseev 1999, 34, Tabl. I; Garlan 2004, 97, Tabl. VI; Fedoseev 2014, 91]. Совсем иначе трактуют время деятельности *Πρταγόρης τοῦ Κυνίσκου* Н. Коновичи и В.И. Кац. Они датируют его серединой 10-х гг. III в. до н.э. [Conovici 1998, 49; Kats 2007, 436, prilojenie VII]. На наш взгляд последняя датировка выглядит предпочтительной.

Данное клеймо из кургана у с. Кривая Балка представляет значительный интерес для реконструкции исторической картины Нижнего Побужья в эллинистическое время. В своё время было указано, что в Побужье в эллинистическое время функционируют греческий город Ольвия и его некрополь [Parovich-Peshikan 1974; Papanova 2006], а также поселения и могильники её хоры [Kryzhickij et al. 1990], однако «скифские памятники этого времени не известны» [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2012, 12]. Позже это утверждение было признано ошибочным [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 989-990]. Среди скифских памятников Побужья III в. до н.э. были указаны погребение 38/2 у с. Отрадное [Grebennikov 2008, 91, ris. 24,1, 32,1, 44/1], захоронения O_3 (51) и S_3 (56) Петуховского могильника (с. Солончаки, Очаковский р-на, Николаевская обл.) [Ebert 1913, 68, 75, Abb. 73, 77, O_3S_3], а также поминальный комплекс, исследованный на окраине г. Николаев [Lobko, Snytko 2008, 29-30]. В настоящее время очевидно, что и курган у с. Кривая Балка на правом берегу Южного Буга, вне зависимости от того, содержит ли он скифские погребальные комплексы, синхронные совершённой на ней тризне, из которой происходит синопское клеймо *Πρταγόρης τοῦ Κυνίσκου*, фиксирует скифское присутствие в регионе в III в. до н.э.

Приложение

Каталог амфорных клейм из зольника № 2 поселения Викторовка-I и кургана у с. Кривая Балка

Родос

1.

*Πολύ-
ρατος*

Викторовка-I, 2017, зольник № 2 (инв. № 14).
Аналогии: IOSPE-III № 8796; Shkorpil 1902, 159, № 53.

Магистрат *Polyaratos 1* относится к I-b MXГ.

Датируется:

- 1) 280 270 (ок. 275) гг. до н.э. [Grace 1974, 194];
- 2) 270 268 (ок. 269) гг. до н.э. [Finkielsztejn 2001, 188, Tabl. 17; Kats 2007, 419, prilojenie III].

Синоп

2.

[Επ]ἔλπου
ἀστυνό(μου) Цветок→.

[Θ]ευδώρου

Викторовка-I, 2017, зольник № 2 (инв. № 18).
Аналогии: IOSPE-III № 3083-3087; Garlan 2004, 119, № 64.

Магистрат *Epielpos 1* относится ко II-B MXГ.

Датируется:

- 1) 342-332 (ок. 339) гг. до н.э. [Fedoseev 1999, 32, Tabl. I; Fedoseev 2014, 91];
- 2) 327-323 (ок. 322) гг. до н.э. [Garlan 2004, 95, Tabl. VI];
- 3) 20-е гг. IV в. до н.э. [Kats 2007, 434, prilojenie VII].

3.

[Θ]εαρίωνος

ἀστυνό(μου) Колос←, гроздь↓.

Ποσειδωνίο.

Викторовка-I, 2017, зольник № 2 (инв. № 16).

Аналоги: IOSPE-III № 3889, 3892 (3889 – Shkorpil 1904, 71, № 284); Kats 2015, №№ 1199, 1200.Магистрат *Theariôn* + *Philônos* относится к III-С МХГ.**Датируется:**

- 1) 317-307 (ок. 313) гг. до н.э. [Fedoseev 1999, 33, Tabl. I; Fedoseev 2014, 91];
- 2) 309-301 (ок. 307/306) гг. до н.э. [Garlan 2004, 96, Tabl. VI];
- 3) конец IV в. до н.э. [Kats 2007, 434, prilojenie VII].

4.

Ἀστ[υνόμου]

Πρωτα[γύρου]

τοῦ Κυν[ίσκου] Ника↑←.

Στεφά[νου]

Кривая Балка, курган.

Аналоги: IOSPE-III № 7152 (Ольвия, Ник. м. № 3866).Астином *Prôtogorès Kyniskou* относится к VII-А МХГ.**Датируется:**

- 1) 252-212 (ок. 246) гг. до н.э. [Fedoseev 1999, 34, Tabl. I; Fedoseev 2014, 91];
- 2) 244-237 (ок. 237) гг. до н.э. [Garlan 2004, 97, Tabl. VI];
- 3) 10-е гг. III в. до н.э. [Conovici 1998, 49; Kats 2007, 436, prilozhenie VII];

5.

[Φίντ]ιος

[ἀ]στυνό(μου) Канфар↑.

[Ηφαίστι(ου)]

Викторовка-I, 2017, зольник № 2 (инв. № 17).

Аналоги: IOSPE-III № 3864 3867.Магистрат *Phintis* относится ко II-В МХГ.**Датируется:**

- 1) 352-342 (ок. 350) гг. до н.э. [Fedoseev 1999, 34, Tabl. I; Fedoseev 2014, 91];
- 2) 327-323 (ок. 323) гг. до н.э. [Garlan 2004, 95, Tabl. VI];
- 3) 20-е гг. IV в. до н.э. [Kats 2007, 434, prilojenie VII].

Неустановленный центр**6.**

Ἐρμι(-)

Викторовка-I, 2017, зольник № 2 (инв. № 15).

Аналоги: IOSPE-III № 427 436; Shkorpil 1904, 146, № 639; Pridik 1917, 142, № 24; Shterman 1951, 41, ris. 5,169; Gavrilov 2011, 178, 180: № 674, № 685; Fateev 2012, 180, ris. 3.**Датируется:**

- 1) последняя четверть IV – 70-е гг. III в. до н.э. [Monakhov 1999, 497, 508-509];
- 2) IV – начало III в. до н.э. [Gavrilov 2011, 180];
- 3) конец IV 70-е гг. III в. до н.э. [Fateev 2012, 180].

Рис. 1. Амфорные клейма из поселения Викторовка-I (1-3, 5, 6) и кургана у с. Кривая Балка (4).

Fig. 1. Amphora stamps from the Viktorovka-I settlement (1-3, 5, 6) and from the barrow near Krivaia Balka village (4).

Библиография

- Bondarenko et al. 2012:** D.V. Bondarenko, A.V. Vasil'chuk, L.I. Smirnov, Otchet ob arkhеologicheskikh razvedkakh v Berezanskom i Zhovtnevom raionakh Nikolaevskoi oblasti v 2012 godu. Naukovii arkhiv IA NAN Ukraїni, № 2012/34 (Kiev 2012) // Д.В. Бондаренко, А.В. Васильчук, Л.И. Смирнов, Отчет об археологических разведках в Березанском и Жовтневом районах Николаевской области в 2012 году. Науковий архів ІА НАН України, № 2012/34 (Киев 2012).
- Bondarenko et al. 2013:** D.V. Bondarenko, A.V. Vasil'chuk, A.I. Smirnov, L.I. Smirnov, Otchet o provedenii nauchno-spasatel'nykh rabot na antichnom poselenii Viktorovka-I v 2013 godu. Naukovii arkhiv IA NAN Ukraїni, № 2013/45 (Kiev 2013) // Д.В. Бондаренко, А.В. Васильчук, А.И. Смирнов, Л.И. Смирнов, Отчет о проведении научно-спасательных работ на античном поселении Викторовка-I в 2013 году. Науковий архів ІА НАН України, № 2013/45 (Киев 2013).
- Bondarenko et al. 2014:** D.V. Bondarenko, A.V. Vasil'chuk, A.I. Smirnov, L.I. Smirnov, Otchet o provedenii nauchno-spasatel'nykh rabot na antichnom poselenii Viktorovka-I v 2014 godu. Naukovii arkhiv IA NAN Ukraїni, № 2014/37 (Kiev 2014) // Д.В. Бондаренко, А.В. Васильчук, А.И. Смирнов, Л.И. Смирнов, Отчет о проведении научно-спасательных работ на античном поселении Викторовка-I в 2014 году. Науковий архів ІА НАН України, № 2014/37 (Киев 2014).
- Bondarenko et al. 2016:** D.V. Bondarenko, A.I. Smirnov, L.I. Smirnov, Otchet o provedenii nauchno-spasatel'nykh rabot na antichnom poselenii Viktorovka-I v 2016 godu. Naukovii arkhiv IA NAN Ukraїni, № 2016/41 (Kiev 2016) // Д.В. Бондаренко, А.И. Смирнов, Л.И. Смирнов, Отчет о проведении научно-спасательных работ на античном поселении Викторовка-I в 2016 году. Науковий архів ІА НАН України, № 2016/41 (Киев 2016).
- Buiskikh 2013:** A.V. Buiskikh, Arkhaicheskaiа raspisnaiа keramika iz Ol'vii (vostochnogrecheskaiа, lakonskaiа, korinfskaiа, imitatsii) (Kiev 2013) // А.В. Буйских, Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации) (Киев 2013).
- Conovici 1998:** N. Conovici, Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbrées comprises). Hestia VIII (Bucarest-Paris 1998).
- Ebert 1913:** M. Ebert, Ausgrabungen auf dem Gute Maritsin, Gouv. Cherson (Süd-Russland). PZ, Bd.V, 1913, 1-80.
- Fabritsius 1951:** I.V. Fabritsius, Arkheologicheskaiа karta Prichernomor'ia Ukrainskoi SSR (Kiev 1951) // И.В. Фабрициус, Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР (Киев 1951).
- Fateev 2012:** O.V. Fateev, Novaia grupa sredizemnomorskikh amfornykh kleim. In (ed. N.P. Tel'nov). Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III-II vv. do n.е. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Tiraspol', 16-19 oktiabria 2012 g. (Tiraspol' 2012), 178-182 // О.В. Фатеев, Новая группа средиземноморских амфорных клейм. В: (отв. ред. Н.П. Тельнов) Древности Северного Причерноморья III-II вв. до н.э. Материалы Международной научной конференции. Тирасполь, 16-19 октября 2012 г. (Тирасполь 2012), 178-182.
- Fedoseev 1999:** N.F. Fedoseev, Classification des timbres astynomiques de Sinope. In: (Ed. Y. Garlan) Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire (Aix-en-Provence: Cedex 1999), 27-40.
- Fedoseev 2014:** N.F. Fedoseev, Iz istorii Sinopy. Keramicheskii aspekt. Tavricheskie studii. Istoricheskie nauki 6, 2014, 90-97 // Н.Ф. Федосеев, Из истории Синопы. Керамический аспект. Таврические студии. Исторические науки 6, 2014, 90-97.
- Finkielsztejn 2001:** G. Finkielsztejn, Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ. Premier bilan. BAR. Intern. Ser. (Oxford 2001).
- Garlan 2004:** Y. Garlan, Les timbres ceramiques sinopeens sur amphores et sur tuiles trouves Sinope. Varia Anatolica XVI. Corpus international des timbres amphoriques 10 (Paris 2004).
- Gavrilov 2011:** A.V. Gavrilov, Amfornye kleima okrugі antichnoi Feodosii (materialy k khronologii arkhеologicheskikh pamiatnikov). Arkheologicheskii al'manakh 24 (Donetsk 2011) // А.В. Гаврилов, Амфорные клейма округа античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников). Археологический альманах 24 (Донецк 2011).
- Goshkevich 1915:** V.I. Goshkevich, Gde byl drevnii Odess? ZOOID 32, 1915, 445-450 // В.И. Гошкевич, Где был древний Одесс? ЗООИД 32, 1915, 445-450.
- Grace 1974:** V. Grace, Revision in Early Hellenistic Chronology. Mitteilungen des Deutschen Archaologischen Instituts (Abtenische Abteilung) Bd. 89, 1974, 193-203.
- Kats 2002:** V.I. Kats, Reviziia khronologii rannikh keramicheskikh kleim Rodosa. AMA, 11, 2002, 153-167 // В.И. Кац, Ревизия хронологии ранних керамических клейм Родоса. АМА, 11, 2002, 153-167.
- Kats 2007:** V.I. Kats, Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniia).

- VI, XVIII, 2007 // В.И. Кац, Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). БИ, XVIII, 2007.
- Kats 2015:** V.I. Kats, *Keramicheskie kleima Aziatskogo Bospora. Gorgippiia i ee hora, Semibratnee gorodishche: katalog* (Saratov 2015) // В.И. Кац, Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и её хора, Семибратнее городище: каталог (Саратов 2015).
- Kolesnikov 1985:** A.V. Kolesnikov, *Keramicheskie kleima iz raskopok usadeb u Evpatoriiskogo maiaka*. VDI (2), 1985, 67-93 // А.В. Колесников, Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка. ВДИ (2), 1985, 67-93.
- Kozub 1974:** Iu.I. Kozub, *Nekropol' Ol'vii V-IV st. do n.e.* (Київ 1974) // Ю.И. Козуб, Некрополь Ольвии V-IV ст. до н. э. (Київ 1974).
- Krapivina 2018:** V.V. Krapivina, *Ol'viiia Pontiis'ka. Greko-rims'kii ta piznoantichnii periodi* (Kiev 2014) // В.В. Крапивина, Ольвия Понтийська. Греко-римський та пізньоантичний періоди (Київ 2014).
- Kryzhitskii et al. 1990:** S.D. Kryzhitskii, S.B. Buiskikh, V.M. Otreshko, *Antichnye poseleniia Nizhnego Pobuzh'ia. Arkheologicheskaia karta* (Kiev 1990) // С.Д. Крыжицкий, С.Б. Буйских, В.М. Отрешко, Античные поселения Нижнего Побужья. Археологическая карта (Киев 1990).
- Levi 1984:** E.I. Levi, *Ol'viiia*. In: (eds. G.A. Koshelenko, I.T. Kruglikova, V.S. Dolgorukova) *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ia. Arheologiiia SSSR* (Moskva 1984), 34-40 // Е.И. Леви, Ольвия. In: (отв. ред. Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгорукова) *Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР* (Москва 1984), 34-40.
- Levi 1985:** E.I. Levi, *Ol'viiia: gorod epokhi ellinizma* (Leningrad 1985) // Е.И. Леви, Ольвия: город эпохи эллинизма (Ленинград 1985).
- Lobko, Snytko 2008:** A.G. Lobko, I.A. Snytko, *Pominal'naia ploshchadka II veka do n.e. na vostochnoi okraine g. Nikolaev. Problemy istorii i arkheologii Ukrainy. Materialy VI Mezhdunarnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 150-letiiu so dnia rozhdeniia akademika V.P. Buzeskula* (Har'kov, 10-11 oktiabria 2008 g.) (Har'kov 2008), 29-30 // А.Г. Лобко, И.А. Снытко, Поминальная площадка II века до н.э. на восточной окраине г. Николаев. Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VI Международной научной конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения академика В.П. Бузескула (Харьков, 10-11 октября 2008 г.) (Харьков 2008), 29-30.
- Monakhov 1999:** S.Iu. Monakhov, *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoi tary VII-II vv. do n.e.* (Saratov 1999) // С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII-II вв. до н.э. (Саратов 1999).
- Grebennikov 2008:** Iu.S. Grebennikov, *Kimmeriitsy i skify Stepnogo Pobuzh'ia (IX-III vv. do n.e.)*. (Nikolaev 2008) // Ю.С. Гребенников, Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX-III вв. до н.э.). (Николаев 2008).
- Papanova 2006:** V.A. Papanova, *Urochishche Sto mogil – nekropol' Ol'vii Pontiiskoi* (Kiev 2006) // В.А. Папанова, Урочище Сто могил – некрополь Ольвии Понтийской (Киев 2006).
- Parovich-Peshikan 1974:** M. Parovich-Peshikan, *Nekropol' Ol'vii ellinisticheskogo vremeni* (Kiev 1974) // М. Парович-Пешикан, Некрополь Ольвии эллинистического времени (Киев 1974).
- Pridik 1917:** E.M. Pridik, *Inventarnyi katalog kleim na amfornykh ruchkakh i gorlyshkakh i na cherepitsakh Ermitazhnogo sobraniia* (Petrograd 1917) // Е.М. Придик, Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания (Петроград 1917).
- Rudyk 1957:** F. Rudyk, *Drevnee poselenie Viktorovka I (VI-III vv. do n.e.)*. MASP 1, 1957, 63-66 // Ф. Рудык, Древнее поселение Викторовка I (VI-III вв. до н.э.). МАСП 1, 1957, 63-66.
- Shkorpil 1902:** V.V. Shkorpil, *Keramicheskie nadpisi, naidennye pri raskopkakh na severnom sklone gory Mitridata v g. Kerchi*. ИАК, 3, 1902, 122-165 // В.В. Шкорпил, Керамические надписи, найденные при раскопках на северном склоне горы Митридата в г. Керчи. ИИАК, 3, 1902, 122-165.
- Shkorpil 1904:** V.V. Shkorpil, *Keramicheskie nadpisi, priobretennye Kerchenskimi muzeem drevnostei v 1901 i 1902 godakh*. ИАК 11, 1904, 19-166 // В.В. Шкорпил, Керамические надписи, приобретённые Керченским музеем древностей в 1901 и 1902 годах. ИИАК 11, 1904, 19-166.
- Shtaerman 1951:** E.M. Shtaerman, *Keramicheskie kleima iz Tiry (V svyazi s voprosom o kleimakh neizvestnykh tsentrov)*. КСИИМК XXXVI, 1951, 31-49 // Е.М. Штаерман, Керамические клейма из Тире (в связи с вопросом о клеймах неизвестных центров). КСИИМК XXXVI, 1951, 31-49.
- Skudnova 1988:** V.M. Skudnova, *Arkhaischeskii nekropol' Ol'vii. Publikatsiia odnoi kollektcii* (Leningrad 1988) // В.М. Скуднова 1988. Архаический некрополь Ольвии. Публикация одной коллекции (Ленинград 1988).
- Slavin 1955:** L.M. Slavin, *Arkheologichni doslidzhennia gorodishch, poselen' ta mogil'nikiv Ol'viis'kogo otocchen-*

nia u 1949-1950 rr. AP USSR 5, 1955, 127-148 // Л.М. Славін, Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників Ольвійського оточення у 1949-1950 рр. АП УРСР 5, 1955, 127-148.

Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2012: N.P. Tel'nov, I.A. Chetverikov, V.S. Sinika, Skifskii mogil'nik III-II vv. do n.e. u s. Glinoe na levoberezh'e Nizhnego Dnestra (predvaritel'nye itogi issledovani'a). In (ed. N.P. Tel'nov). Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III-II vv. do n.e. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Tiraspol', 16-19 oktiabria 2012 g. (Tiraspol' 2012), 5-15 // Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Синика, Скифский могильник III-II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования). In: (отв. ред. Н.П. Тельнов) Древности Северного Причерноморья III-II вв. до н.э. Материалы Международной научной конференции. Тирасполь, 16-19 октября 2012 г. (Тирасполь 2012), 5-15.

Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016: N.P. Tel'nov, I.A. Chetverikov, V.S. Sinika, Skifskii mogil'nik III-II vv. do n.e. u s. Glinoe (APP. III) (Tiraspol' 2016) // Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Синика. Скифский могильник III-II вв. до н.э. у с. Глиное (АПП. III) (Тирасполь 2016).

Денис Бондаренко, Национальный историко-археологический заповедник «Ольвия», Национальная Академия наук Украины, 57540, ул. Ольвийская, 47, с. Парутино, Очаковский р-н, Николаевская обл., Украина, e-mail: bondarenkod1987@gmail.com

Михаил Иващенко, Институт Истории и Международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, корпус 11, 410012, Саратов, Россия, e-mail: m.ivashchenko@list.ru

Виталий Синика, кандидат исторических наук, научно-исследовательская лаборатория «Археология», Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 Октября 128, 3300, Тирасполь, Молдова, e-mail: sinica80@mail.ru

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Дмитрий Тетеря, Валентина Билоусько

Два сакральных артефакта трипольской культуры из коллекции Викентия Хвойки

Key words: Trypillia culture, sacred artefacts, binocular vases, anthropomorphic tire.

Cuvinte cheie: cultura Tripolie, piese de cult, vas-binoclu, capac antropomorf.

Ключевые слова: трипольская культура, сакральные изделия, биноклевидный сосуд, антропоморфная крышка.

Dmytro Teterya, Valentyna Bilousko

Two sacral artifacts of Trypillia culture from the collection of Vikenty Khvoyka

The article publishes new finds of the times of the Cucuteni-Trypillia culture, related to the ceremonial activity of the farmers of the Eneolithic. Their detailed description is provided, the region, the time and circumstances of the detection are analysed. The study made it possible to attribute these items as artifacts included in the collection of finds of the discoverer of Trypillia culture Vikenty Khvoyka.

Dmitri Teteria, Valentina Bilousko

Două piese de cult tripoliene din colecția lui Vikenty Khvoyka

În articol sunt prezentate două vestigii unice din perioada Cucuteni-Tripolie, care, probabil au fost utilizate de agricultori în diverse activități rituale. Este prezentată analiza și descrierea detaliată a pieselor, regiunea, perioada și circumstanțele descoperirii acestora. În urma cercetării s-a stabilit că vestigiile provin din colecția lui Vikenty Khvoyka, cel care a și descoperit cultura Tripolie.

Дмитрий Тетеря, Валентина Билоусько

Два сакральных артефакта трипольской культуры из коллекции Викентия Хвойки

Статья посвящена двум уникальным находкам времен Триполья-Кукутень, которые связаны с обрядовой деятельностью земледельцев эпохи энеолита. Представлено их детальное описание, анализируется регион, время и обстоятельства обнаружения. Проведенное исследование позволило атрибутировать данные изделия как артефакты, которые принадлежат к коллекции находок первооткрывателя трипольской культуры Викентия Хвойки.

В музейном собрании Национального историко-этнографического заповедника «Переяслав» хранится достаточно представительная коллекция археологических материалов. Ее формирование происходило на протяжении нескольких десятков лет, начиная с 1951 года, и продолжается в настоящее время. Отдельную группу данной коллекции составляют находки культуры Триполье-Кукутень, которая существовала на территории Юго-Восточной Европы (территории современных стран Румынии, Молдовы, Украины) с конца VI до начала III тыс. до н.э. Значительная часть этих музейных предметов сегодня демонстрируется в экспозиции Музея трипольской культуры НИЭЗ «Переяслав». В ней представлено более 500 артефактов из основных регионов распространения трипольской культуры. Они повествуют о хозяйстве, ремеслах, быте и культуре древних

земледельческих племен, которые проживали на территории почти всей Правобережной и частично Левобережной Украины в эпоху энеолита. В музее экспонируются материалы, которые найдены во время археологических исследований на более 40 поселениях трипольской культуры. Они представляют основные регионы распространения трипольцев-земледельцев на территории современной Украины: Поднепровье (поселения Халепье-Коломыйщина I и II, Веремье, Жуковцы, Триполье, Щербаневка, Стритовка, Стайки, Юшки, Черняхов, Ржищев, Гребени, Карань, Комуна, Веселэ, Гребля, Цыбли, Козинцы), Побужье (поселения Чечельник, Доброводы, Сушковка, Юрковка, Косеновка, Аполянка), Поднепровье (поселения Черкасов Сад, Великая Слободка, Ломачинцы, Лоивцы, Мицевцы, Коновка, Жванец-Щовб и Лысяя Гора, Бакота, Гримячка, Непорото-

во, Великий Жванчик, Малая Кужелевка) [Teteria 2017, 13].

Особый интерес среди находок эпохи Триполье-Кукутень представляют керамические изделия, которые отображают сакральную сторону существования ранних земледельцев. В музейном собрании они представлены антропоморфными и зооморфными статуэтками, моделями саней и жилищ, биноклевидными изделиями. Недавно коллекция пополнилась двумя новыми уникальными артефактами: биноклевидным сосудом и крышкой с антропоморфными чертами. Они были обнаружены вовремя изучения музейной археологической коллекции НИЭЗ «Переяслав», которую формировала известная исследовательница культуры ранних земледельцев Т.Г. Мовша для создания экспозиции Музея трипольской культуры [Buzian et al. 2010; 2012].

Биноклевидный сосуд, относится к культовой керамике трипольцев. Свое название такие изделия получили от первооткрывателя трипольской культуры Викентия Хвойки [Iakubenko 2007, 18]. Именно этот исследователь назвал найденные на территории Киевщины своеобразные по форме сосуды – биноклевидными. Эти загадочные изделия он характеризовал таким образом: «Двойные биноклеобразные сосуды с сквозными отверстиями (бездонные), сделанные из обыкновенной красноватой или особо приготовленной желто-беловатой глины (табл. XXVI, №17-18,21); поверхность первых бывает всегда украшена выгиснутым по незатвердевшей еще глине глубоким бороздчатым орнаментом, состоящим из нескольких параллельных линий и окрашена одним из оттенков коричневого цвета, переходящего иногда в красноватый» [Khvoika 1901, 805].

Уникальные в своем роде «бинокли» не встречаются ни в одной из археологических культур от неолита до эпохи раннего железного века. И это является одной из причин сложности интерпретации их назначения и использования [Burdo 2008, 46]. В отличие от многих трипольских артефактов, биноклевидные изделия появляются в конце раннего этапа культуры Триполье-Кукутень и получают наибольшее распространение на среднем этапе развития культуры [Burdo 2008, 242; Chernysh 1982, 199]. В.Н. Даниленко видел в отдельных конструктивных элементах «биноклей» антропоморфные черты. В частности соединяю-

щие раструбы перемычки отождествлял с антропоморфной фигурой олицетворяющей верховное божество [Danilenko 1999, 26]. О предназначении данных находок единого мнения на сегодня нет. Наиболее вероятно, что они связаны с сельскохозяйственными культурами. По мнению Б. А. Рыбакова, «бинокли» использовались во время обряда «поения земли» – вызывание дождя [Rybakov 1965, 6-17]. Также исследователи допускают, что их могли использовать во время ритуалов жертвоприношений, а также, возможно, в качестве барабанов [Burdo 2008, 47].

До этого времени, в музейном собрании НИЭЗ «Переяслав» хранилось два подобных артефакта. Один из них, биноклевидный сосуд в полной сохранности, выставлен в Музее трипольской культуры. Он был обнаружен в 1985 году экспедицией под руководством Т.Г. Мовши на позднетрипольском поселении Косеновка [Buzian 2004, 252-253]. Изделие состоит из двух полых тонкостенных раструбов цилиндрических в средней части и плавно расширенных в конус с обеих сторон. Их края («венчики») слегка отогнуты наружу. Раструбы на уровне краев соединены между собой двумя горизонтальными перемычками с обеих сторон. Внешняя часть перемычек уплощена, внутренняя – выпуклая. Вся поверхность покрыта коричневым ангобом, по которому нанесен орнамент темно-коричневой краской [Buzian, Bilous'ko 2017, 21-22]. Еще один небольшой фрагмент сфероконической чаши от биноклевидного изделия, который хранится в музейной коллекции НИЭЗ «Переяслав», найден на поселении Владимировка.

Далее даем описание нового артефакта, который пополнил музейную коллекцию «биноклей».

Биноклевидный сосуд лепной, декорирован углубленным орнаментом (рис. 1). Он состоит из групп параллельных врезных линий и насечек, расположенных горизонтально и вертикально. В углубленных линиях сохранились следы инкрустации белой пастой.

Изделие состоит из двух раструбов полых в средней части и конически расширенных кверху и к низу. Нижние чаши несколько меньше верхних: одна на 1 см, другая на 0,5 см. Один из раструбов отбит от основной части в месте соединения с нижней перемычкой. Раструбы имеют вертикальные отверстия диамет-

Рис. 1. Бинокулярный сосуд. Трипольская культура. Этап VI-VII.

Fig. 1. Binocular vessel. Trypillian culture. Phase VI-II.

тром 4 см, соединенные между собой двумя перемычками.

Верхняя перемычка утеряна. Возможно, она поднималась дугой над чашами и была украшена насечками по краям и параллельными отрезками-желобками, которые размещались поперечно к дужке, по ее верхней поверхности. Несколько таких желобков сохранилось на верхней части одной из чаш в месте присоединения перемычки.

Нижняя перемычка плоская, в верхней части трапециевидной формы. Нижняя ее часть образует широкую полосу в виде поддона. Перемычка соединяет раструбы от середины к нижней плоскости. В верхней части перемычка декорирована углубленными линиями из четырех

параллельных желобков, которые повторяют очертания угла и опоясывают нижние чаши по всему периметру. В центральной части перемычки сделано сквозное отверстие диаметром 1,8 см, украшенное с двух сторон насечками (с одной стороны их тринадцать, с другой – двенадцать). От отверстия отходят 14 пар горизонтальных двойных отрезков-желобков, которые нанесены по периметру нижних чаш и перемычки.

На венчиках чаш и краях перемычек нанесены косые вертикальные насечки. На верхних чашах их опоясывает горизонтальный желобок.

Верхняя полоса орнамента на «биногле» состоит из четырех параллельных желобков, огибающих дугой верхние чаши по внешней стороне к верхней перемычке.

В центральной части раструбов нанесены горизонтальные тройные (по бокам) и двойные (на передней и тыльной стороне) углубленные отрезки-желобки, а в месте соединения с перемычкой – овалы с двумя парами отрезков-желобков.

На наш взгляд, орнаментация на изделии связана с семантикой воды и солнечно-лунной символикой ранних земледельцев-трипольцев. Возможно, углубленные ленты-желобки, опоясывающие раструбы и нижнюю перемычку, символизируют воду и водно-солнечных драконов-змей. Насечки по краю верхних чаш, подчеркнутый горизонтальный желобок – запасы небесной влаги, а насечки на нижних чашах – капли воды-дождя. Поверхность земли-поля отражают двойные и тройные отрезки-желобки, изображенные в нижних чашах и в центральной части раструбов. Отверстие на нижней перемычке отражает солнечно-лунную символику. Насечки вокруг отверстия олицетворяют световые лучи [Rybakov 1965a, 30].

Поверхность артефакта имеет равномерный обжиг, глиняная масса содержит примесь песка и белых известняковых включений. Высота бинокулярного изделия – 10 см, ширина верхней ча-

сти – 29,5, нижней – 28 см, диаметр верхних чаш – 12,5 см, нижних – 12 и 11,5 см.

Место и время находки неизвестны. Прямого прототипа данному изделию нами не найдено. По таким признакам, как углубленный орнамент, спирально-желобчатые ленты, заполненные белой пастой, трапециевидные перемычки с солярными и антропоморфными знаками, прототипы находке известны на трипольских поселениях Днепро-Бугского региона. Представленный нами биноклевидный сосуд возможно датировать средним периодом VI-VII. Близкая аналогия к нему известна из поселения Шкаровка [Tsvek 2006, 51].

Можем предположить, что данный артефакт, принадлежит к неатрибутованным находкам Викентия Хвойки обнаруженных им в Киевской области. Коллекция трипольских материалов данного исследователя была вывезена в годы Второй мировой войны в Германию. Ее возвращение производилось частями. В результате чего, много шифров на материалах было утрачено. Часть этих находок в 1950-х годах была передана в музейную коллекцию НИЭЗ «Переяслав». Среди них и публикуемые предметы.

Следующий артефакт, пополнивший экспозицию Музея трипольской культуры НИЭЗ «Переяслав» – крышка с антропоморфными чертами, лепная, орнаментирована углубленным орнаментом (рис. 2).

Она имеет коническую форму с двумя ручками-«ушками» со сквозными вертикальными проколами. Они орнаментированы параллельными врезными отрезками (на одной – 12, на другой – 9). Верхнюю часть составляет ручка в виде конической чаши. Она декорирована четырьмя горизонтальными бороздками-желобками, а по верхнему краю – косыми насечками. Основной узор нанесен по обе стороны от ручек-«ушек». Его составляют два треугольных в плане сегмента, изображенные с двух сторон пятью параллельными углубленными косыми желобками, которые опускаются от ручки-чаши. В середине каждого сегмента размещен треугольник из косых углубленных линий (в одном – 11, в другом сохранилось – 3). Венчик покрывшки украшен косыми насечками.

Орнаментальную композицию, возможно, связать с земледельческими обрядами трипольско-кукутенских племен. Ручка-чаша, с нанесенным на

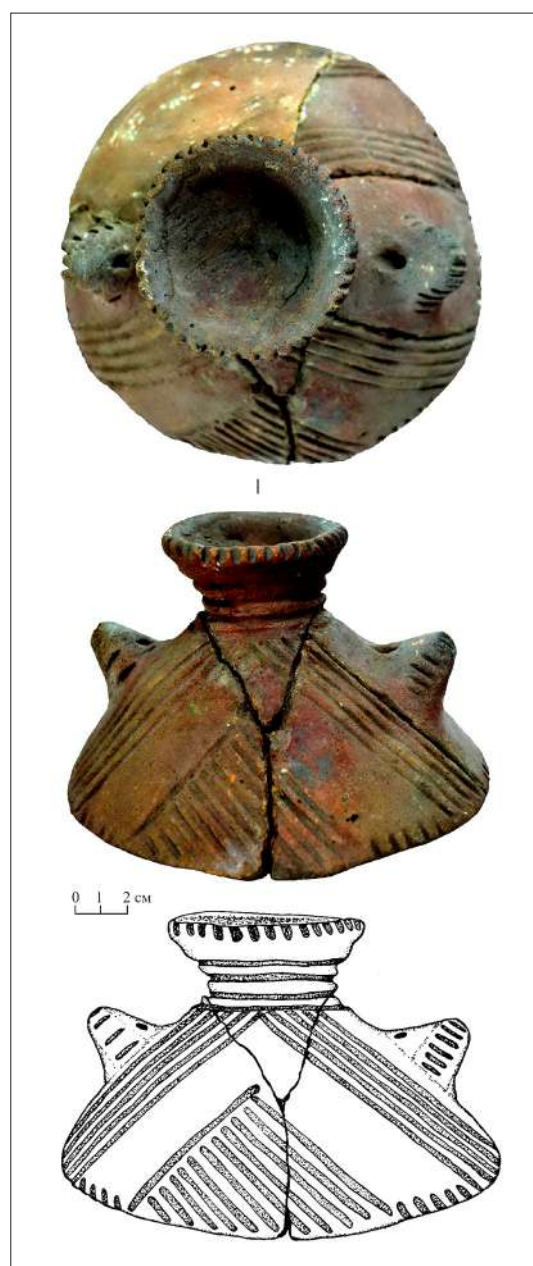

Рис. 2. Антропоморфная крышка. Трипольская культура. Этап VI-VII.

Fig. 2. Anthropomorphic lid. Trypillian culture. Phase VI-II.

ней узором, символизирует верхнее небо с запасами влаги, косые углубленные линии и насечки – дождь и капли воды, треугольники с вершинами вверх – вспаханное поле [Rybakov 1965a, 41].

Обжиг поверхности покрывшки равномерный, коричневого цвета. На поверхности фиксируются остатки ангоба терракотового цвета. Часть изделия утрачена и отреставрирована. Высота покрывшки составляет 9 см, диаметр – 16 см.

Высота ручки-чаши – 3,5 см, ее диаметр – 6,5 см.

Данная находка происходит из раскопок Викентия Хвойки. Она была опубликована исследователем в докладе «Каменный век Среднего Поднепровья» на XI Археологическом съезде в Киеве в 1899 году. Принадлежит к материалам, которые В. Хвойка отнес к культуре Триполья А, обнаруженных им на двух разных возвышенностях, которые находились на левом берегу р. Красной у м. Триполье, вблизи с. Щербановки, на юго-западной окраине с. Веремья и окрестностей с. Черняхова [Khvoika 1901, 805]. Сегодня эти материалы исследователями датируются средним этапом трипольской культуры VI-VII.

Изучая собранные материалы В. Хвойка, по определенным признакам, разделил керамические изделия на несколько типов. Аналогичные покрывашки он характеризовал следующим образом: «Плошкообразные сосуды сь более или менее высокой ножкой, суженной или сильно расширенной вь нижней ея части (табл. XXVII – два верхних ряда). Такие сосуды бывають украшены темь же вытиснутымь линейнымь орнаментомь, дополнениемь котораго служатъ еще два обращенныхь книзу ушка различной формы. Поверхность, подобно предыдущимь, покрыта коричневой краской разныхь отенковь, а величина варируется между большими и малыми размерами» [Khvoika 1901, 806]. Публикуемая нами

покрывашка размещена в приведенной В. Хвойкой таблице XXVII четвертой в верхнем ряду.

Современные исследователи называют такие артефакты антропоморфными покрывашками [Markevich 1989, 29; Videiko 2004, 42-45]. Их применяли в наборе, как крышки к грушевидным сосудам. Орнаментация данных изделий сочеталась с декором самого сосуда. Такой же, из коллекции находок В. Хвойки, экспонируется в Музее трипольской культуры НИЭЗ «Переяслав». Объединенные в единой композиции два предмета символизируют антропоморфный образ женщины-богини. Конусообразные ручки на покрывашке, возможно, трактовать как поднятые вверх руки «Оранты». В совокупности они изображают своеобразный сакральный смысл, связанный с культом земледелия.

В данное время в музейном собрании НИЭЗ «Переяслав» находилось три сосуда из коллекции Викентия Хвойки, которые экспонируются в Музее трипольской культуры. Они были опубликованы исследователем в собрании материалов XI Археологического съезда [Khvoika 1901, 776, ris. 79 (№1,4), tabl. XXVI 2 riad №6]. Два нововведенные в научный круг изделия Триполье-Кукутьень значительно дополняют музейное собрание НИЭЗ «Переяслав» и расширяют источниковедческую базу изучения духовной жизни ранних земледельцев Юго-Восточной Европы.

Библиография

- Buzian 2004:** G.M. Buzian, Kosenivka. In: Entsiklopediia tripil's'koï tsivilizatsii, T. 2 (Київ 2004), 252-253 // Г.М. Бузян, Косенівка. В: Енциклопедія трипільської цивілізації, Т. 2 (Київ 2004), 252-253.
- Buzian, Bilous'ko 2017:** G.M. Buzian, V.M. Bilous'ko, Dva unikal'ni artefkti z poselennia tripil's'koï kul'turi Kosenivka. In: PEREIASLAVIKA: Naukovi zapiski Natsional'nogo istoriko-etnografichnogo zapovidnika «Pereiaslav»: Zbirnik naukovikh statei (Pereiaslav-Khmel'nits'kii 2017), vip. 12 (14), 21-28 // Г.М. Бузян, В.М. Білоусько, Два унікальні артефакти з поселення трипільської культури Косенівка. В: ПЕРЕЯСЛАВІКА: Наукові записки Національного історико-етнографічного заповідника «Переяслав»: Збірник наукових статей (Переяслав-Хмельницький 2017), вип. 12 (14), 21-28.
- Buzian et al. 2010:** G.M. Buzian, V.M. Bilous'ko, D.A. Teteria, Istoriia stvorennia ta perspektivi vdoskonalennia ekspozitsii Muzeiu tripil's'koï kul'turi NIEZ «Pereiaslav». In: Naukovo-doslidnits'ka ta prosvitnits'ka diial'nist' Vikentii Khvoiki. Do 160 richchia z dnia narodzhennia. (Tripillia 2010), 9-16 // Г.М. Бузян, В.М. Білоусько, Д.А. Тетеря, Історія створення та перспективи вдосконалення експозиції Музею трипільської культури НІЕЗ «Переяслав». В: Науково-дослідницька та просвітницька діяльність Вікентія Хвойки. До 160 річчя з дня народження (Трипілля 2010), 9-16.
- Buzian et al. 2012:** G.M. Buzian, V.M. Bilous'ko, D.A. Teteria, Vznachni doslidniki tripil's'koï kul'turi. In: Tamara Grigorivna Movsha. Buklet (Pereiaslav-Khmel'nits'kii, 2012), 24 // Г.М. Бузян, В.М. Білоусько, Д.А. Тетеря, Визначні дослідники трипільської культури. В: Тамара Григорівна Мовша. Буклет (Переяслав-Хмельницький 2012), 24.м

- Burdo 2008:** N.B. Burdo, *Sakral'nii svit tripil's'koї tsivilizatsii* (Київ 2008), 296 // Н.Б. Бурдо, *Сакральний світ трипільської цивілізації* (Київ 2008), 296.
- Chernysh 1982:** E.K. Chernysh, *Eneolit Pravoberezhnoi Ukrainy i Moldavii. Eneolit SSSR* (Moskva 1982), 165-320 // Е.К. Черныш, *Энеолит Правобережной Украины и Молдавии. Энеолит СССР* (Москва 1982), 165-320.
- Danilenko 1999:** V.N. Danilenko, *Kosmogoniia pervobytnogo obshchestva*. In: *Nachala Tsivilizatsii* (Moskva 1999), 9-216 // В.Н. Даниленко, *Космогония первобытного общества*. В: *Начала Цивилизации* (Москва 1999), 9-216.
- Iakubenko 2007:** O.O. Iakubenko, *Binoklepodibnii posud tripil's'kogo poselennia Volodimirivka (iz zbirki NMIU)*. In: (vidp. nauk. red. N.G. Kovtaniuk) *Natsional'nii muzei istorii Ukraini – skarbntsia istorichnikh pam'iatok narodu. Tematichnii zbirnik naukovikh prats'* (Київ 2007), 17-37 // О.О. Якубенко, *Біноклеподібний посуд трипільського поселення Володимирівка (із збірки НМІУ)*. В: (відп. наук. ред. Н.Г. Ковтанюк) *Національний музей історії України – скарбниця історичних пам'яток народу. Тематичний збірник наукових праць* (Київ 2007), 17-37.
- Khvoika 1901:** V.V. Khvoika, *Kamennyi vek Srednego Podneprov'ia*. In: *Trudi XI Arkheologicheskogo s'ezda v Kieve v 1899 g., t. 1* (Moskva 1901), 736-812 // В.В. Хвойка, *Каменный век Среднего Поднепровья*. Труды XI Археологического съезда в Киеве в 1899 г., т. 1 (Москва 1901), 736-812.
- Markevich 1989:** V.I. Markevich, *Antropomorfizm v khudozhestvennoi keramike kul'tury Tripol'e-Kukuten'*. In: *Pamiatniki drevnego iskusstva na territorii Moldavii* (Kishinev 1989), 26-36 // В.И. Маркевич, *Антропоморфизм в художественной керамике культуры Триполье-Кукутень*. В: *Памятники древнего искусства на территории Молдавии* (Кишинев 1989), 26-36.
- Rybakov 1965:** B.A. Rybakov, *Kosmogoniia i mifologiiia zemledeit'sev eneolita*. SA 2, 1965, 13-33 // Б.А. Рыбаков, *Космогония и мифология земледельцев энеолита*. СА 2, 1965, 13-33.
- Rybakov 1965a:** B.A. Rybakov, *Kosmogoniia i mifologiiia zemledeit'sev eneolita*. SA 1, 1965, 24-46 // Б.А. Рыбаков, *Космогония и мифология земледельцев энеолита*. СА 1, 1965, 24-46.
- Teteria et al. 2017:** D.A. Teteria, V.M. Bilous'ko, *Muzei tipil's'koї kul'turi: istoriia stvorennia ta s'ogodennia*. *Naris* (Київ 2017), 34 // Д.А. Тетеря, В.М. Білоусько, *Музей трипільської культури: історія створення та сьогодення*. Нарис (Київ 2017), 34.
- Tsvek 2006:** O.V. Tsvek, *Poselennia skhidnotripil's'koї kul'turi (korotkii naris)* (Київ 2006), 85 // О.В. Цвек, *Поселення східнотрипільської культури (короткий нарис)* (Київ 2006), 85.
- Videiko 2004:** M.Iu. Videiko, *Tripil's'ka kul'tura*. PLATAR. Kolektsiia starozhitnostei rodin Platonovikh i Tarut: *Katalog* (Київ 2004), 8-75 // М.Ю. Відейко, *Трипільська культура*. ПЛАТАР. Колекція старожитностей родин Платонових і Тарут: *Каталог* (Київ 2004), 8-75.

Дмитрий Тетеря, заведующий научно-исследовательским отделом археологии Национального историко-этнографического заповедника «Переяслав», ул. Шевченко, 10, г. Переяслав-Хмельницкий, 08400, Украина, e-mail: teteria-18@ukr.net.

Валентина Білоусько, младший научный сотрудник научно-исследовательского отдела археологии Национального историко-этнографического заповедника «Переяслав», ул. Шевченко, 10, г. Переяслав-Хмельницкий, 08400, Украина, e-mail: v_bilousko@ukr.net.

Victoria Surdu

Double and collective graves of the Iamnaia culture from the Prut-Dniester space

Key words: Iamnaia Culture, Double and Collective Graves, Funeral Rite.

Cuvinte cheie: cultura Iamnaia, morminte duble și colective, ritual funerar.

Ключевые слова: Ямная культура, парные и коллективные погребения, ритуальный обряд.

Victoria Surdu

Double and collective graves of the Iamnaia culture from the Prut-Dniester space

In this article, 79 double and collective graves of the Iamnaia culture discovered in the Prut-Dniester space are described and analyzed. They are main and secondary graves with two, three, four, five and six skeletons. The information about these graves was summed up in a statistical table. Based on the obtained data, it was possible to highlight and discuss the particularities related to the deceased and their position, the funeral inventory, the funerary pits, etc. This information allowed us to make some socio-cultural observations typical of this culture.

Victoria Surdu

Mormintele duble și colective ale culturii Iamnaia din spațiul pruto-nistrean

În articolul de față sunt descrise și analizate 79 de morminte duble și colective ale culturii Iamnaia, descoperite în spațiul pruto-nistrean. Se disting morminte principale și secundare, cu doi, trei, patru, cinci și șase defuncți. Informațiile despre aceste morminte au fost sistematizate într-un tabel statistic. În baza datelor obținute sunt evidențiate și discutate particularitățile legate de defuncți și poziția lor, inventarul funerar, gropile funerare etc. Analizarea tuturor materialelor și informațiilor i-au permis autoarei și formularea unor observații de ordin socio-cultural.

Виктория Сурду

Парные и коллективные погребения Ямной культуры в Прото-Днестровском регионе

В статье описаны и проанализированы 79 парных и коллективных погребений Ямной культуры, раскопанных на территории Прото-Днестровского региона. Захоронения подразделяются на основные и второстепенные, с двумя, тремя, четырьмя, пятью и шестью погребенными. Информация об этих погребальных комплексах обобщена в статистической таблице. На ее основании были выделены и описаны особенности, связанные с погребенными, их ориентацией и положением скелетов в яме, погребальным инвентарем, типом погребальных ям и так далее. Полученные данные позволили автору выделить некоторые социо-культурные особенности, характерные для этой культуры.

Introduction

The Iamnaia culture has often been discussed in specialized literature, its general and particular issues being reflected in the studies written by V. Dergaciov, E. Iarovoï, L. Subbotin, S. Ivanova, etc. New discoveries or excavation reports have been published since the 1990s, but they have not been interpreted yet in the chronological and cultural context of this phenomenon [Chebotarenco, Iarovoï, Tel'nov 1989; Levițki, Manzura, Demcenco 1996; Ivanova, Petrenko 2005; Khakheu, Popovich 2010; Bruiako, Agul'nikov 2017; Maliukevich, Agul'nikov, Popovich 2017 etc.].

In order to complete a broader repertoire dedicated to this culture, we have proposed the selection and completion of a database containing information about the funeral ritual. There are

known graves with one or more inhumed. Double and collective funeral complexes are considered more informative. According to their placement in the tumulus, there are two types of graves – the primary ones, located in the center of the tumulus and secondary ones, located at the periphery of the mantles. Altogether, around 500 tumuli were examined, from which 2500 graves originated [Ivanova 2013, 223]. Most are single graves, double graves are in smaller numbers, and collective ones rare (fig. 1). The information on the latter was briefly included in the catalog below (Catalog no. 1-79). The following criteria are described: the grave and the context of its discovery, the deceased and their position; the funeral inventory, bibliographic references. These peculiarities will be discussed separately below.

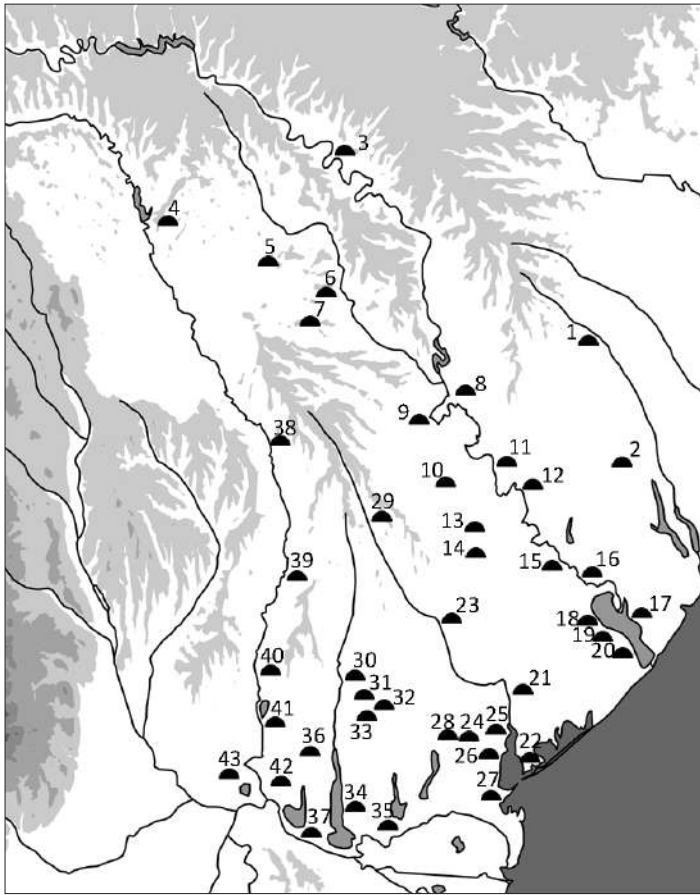

Fig. 1. The map of double and collective graves of the Iamnaia culture within Prut-Dniester space.

1. Katarzhino; 2. Baranovo, „Soldatskaia slava”; 3. Ocița Nouă; 4. Corpaci; 5. Frunzeni; 6. Brăviceni; 7. Orhei; 8. Krasnoe; 9. Bălăbănești; 10. Gura Bicului; 11. Nicolscoe-Uiutnoe; 12. Tîrnauca; 13. Ursoaia; 14. Căușeni, Cîrnățeni; 15. Olănești; 16. Iașki; 17. Efimovka Nikolaevka; 18. Semyonovka; 19. Sadovoe; 20. Mologa; 21. Beloleșe; 22. Trapovka; 23. Borisovka; 24. Bashtanovka; 25. Nerushai; 26. Primorskoe; 27. Kholmское; 28. Gura Galbenă; 29. Balaban; 30. Taraclia; 31. Ogorodnoe; 32. Kubei; 33. Ozerno; 34. Bogatoc; 35. Alexandru Ioan Cuza; 36. Orlovka; 37. Chirileni; 38. Crihana Veche; 39. Sărățeni; 40. Zirnești; 41. Vadul lui Isac; 42. Vânători; 43. Giurgiulești.

The deceased and their position

In most of the double and collective graves, the position of the deceased is identical, although some variations also occur. The dominant position is being crouched on the back with the legs raised from the knees, which later fell on one side (95). The other position is being crouched on the right or the left side (53). The position being crouched on the back, slightly inclined on one side, is rarely encountered (11). Because of the precarious condition of preserving the skeletons of children, their

position was often identified only by the leg bones and the skull, but in some cases, it was not possible to specify the position with certainty. For example, in grave 19 of Tumulus 1 from Chirileni [Abâzov, Clociuco 1997, 105-107], there was a deceased, who had the characteristic position for a double funeral complex (adult and child). The right arm was far from the body and stretched toward the south wall of the grave-pits, so it could be interpreted that the deceased had the hand directed to the child lying beside. Such situations have also been observed in other complexes, where the bones of the child's skeleton have been preserved (no. 41, 49, 53, 73).

In 32 out of 64 double graves, one adult and one child are buried, in 23 graves, adults are buried and only in three cases children are buried (no. 22, 36, 44).

The child in the double or collective graves was placed parallel to the right or the left of the adult (30 cases) and oriented identically. The child was placed beside the hand (no. 11, 43, 44, 55, 70), in the region of the adult's feet (no. 16, 39, 42, 60) or in the basin region and oriented

differently (no. 8, 59). Often the adult is inclined towards the child. This is manifested by the orientation of the skull (no. 35, 68), the hand (no. 18, 31, 45, 67) or of the whole body (no. 29, 47) (fig. 2). In adult double graves, the close position of the skeletons (no. 14, 19, 42, 50, 51, 58, 61, 73) is found, the hands being laid one over another. We often met graves in which only one of the deceased is in crouched position on one of the sides facing the other deceased, who was in a crouched position on the back (no. 2, 3, 62).

There have been identified 15 collective graves. Of the eight triple graves, five contain two adults and one child (no. 25, 37, 42, 47, 60) and three contain two children and / or adolescents and an adult (26, 52, 55). Of the five graves with four deceased, two contain two adults and two children (no. 39, 68?). There is a grave with three adults and one child (no. 76), one with an adult, a child and two teenagers (no. 69), and a grave with four children (no. 40). The grave with five deceased contained an adult and four children (no. 65), and the one with six deceased contained two adults and four children (no. 78).

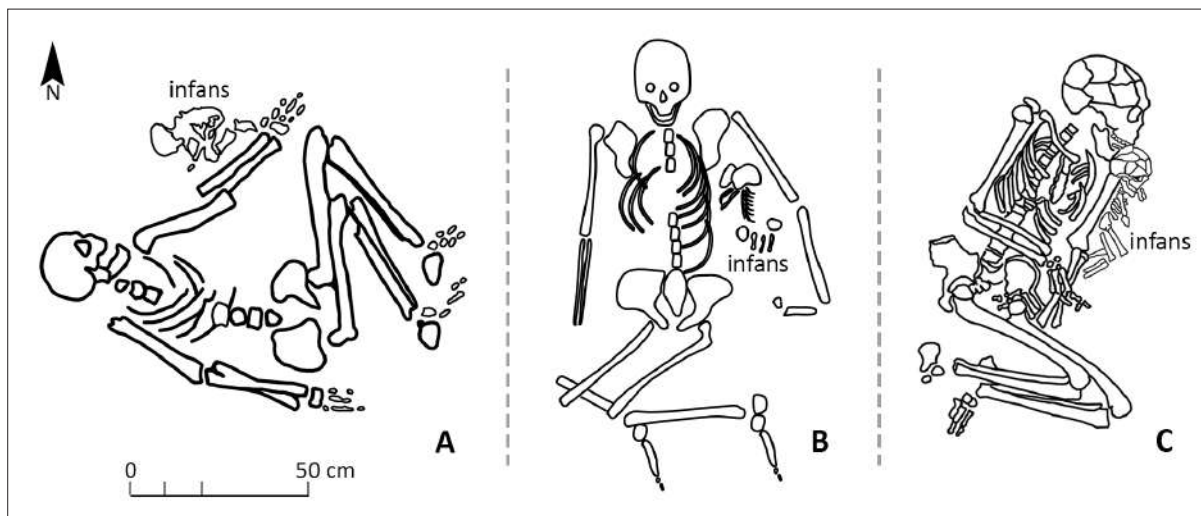

Fig. 2. The positions of the dead in double graves (adult and infant). A. Efimovka M6/T10; B. Semyonovka M5/T14; C. Ocnîța Nouă M4/T4.

After analyzing the accumulated material, it was possible to identify three major positions of deposition of the dead in the sepulchral pit one to another: side-by-side, reverse and perpendicular (Table 1). The dominant position is the side-by-side one (46 graves), where two or more skeletons are positioned parallel to one another in identical orientation or with some variation. The reverse position, which was encountered 19 times, represents two skeletons arranged in parallel but oriented in opposite directions. The reverse position is more common in adult and collective graves. The last category, with an insignificant number of cases, is the perpendicular positioning of a deceased to the other, where one of them was placed at the feet (no. 38, 39, 40, 78). In our opinion, this typology is more general, which allows including a number of discoveries of tumulus graves as belonging to the Iamnaia culture. For example, E. Iarovoi proposes a more detailed classification, consisting of five groups, describing the positions of the deceased according to the way of crouching, laying of arms and legs [Iarovoi 1985, 70-73].

The funeral inventory

Of the 79 graves, 32 of them were accompanied by a series of artifacts. Two or three pieces were found in 13 cases. Most often, these are whole ceramic vessels (14) or their fragments (4). There are also silexes (5), boulders (3), ornaments (8), processed animal and bird bones (4). More rarely, fragments of wooden carts (no. 13), chalcedony

plate (no. 29), grinder fragment (no. 1), shell (no. 10), perforated animal teeth (no. 39).

Ceramic vessels. The vessels that are more common are cups. They correspond to type V [Iarovoi 1985, 85; Dergachev 1986, 50], being identified as simple cups without decoration. Among other types of pots are the amphorae of ovoid shape, sometimes with vertical handles, and jars. These were positioned in the region of the skull or in one of the corners of the funeral pit. The vessels were more often encountered in double graves (adult and child) and only in two collective graves (no. 69, 78); one pot was discovered in each. In the grave with two adults, one of whom was not in the anatomical position, two vessels were deposited, one in the region of the skull and one at the feet (no. 21). Some pots had traces of ocher (no. 72), or some fragments of ceramics were found on the edge of the pit and its bottom. Perhaps, they were used to gather ocher and could not be interpreted as a funeral inventory for this burial (no. 49).

Silex and boulder fragments. The inventory list includes silex pieces, which were found in five graves with other artifacts. In one case, an isolated silex nucleus was found at the base of the grave (no. 17). The discovery of an arrow tip in the chest of deceased 1 (adult), being in a triple grave with two children, is particular (no. 52). Stone fragments have been discovered in three cases. They were identified as boulders (no. 1, 7, 52), which probably were tools that had the function of scrapers.

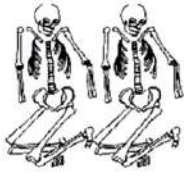

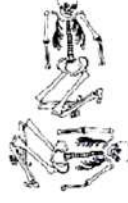
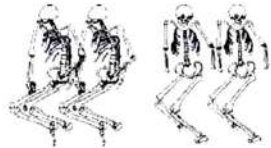

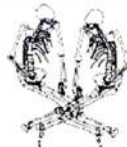
Positions Variations			
	Adjacent position	Antithesis position	Perpendicular position
	4, 6, 7, 9, 10, 14, 20, 22, 25, 27, 33, 34, 43, 44, 45, 55, 56, 59, 62, 66, 71, 72, 73, 75, 77.	18, 26, 29, 42, 52, 53, 57, 60, 64, 68, 76.	
	1, 2, 3, 5, 11, 13, 16, 30, 41, 61, 67.	15, 23, 47, 48, 69.	39, 40.
	16, 19, 31, 32, 35, 36, 49, 70, 74.	37, 63.	38, 78.
Total:	46 graves	19 graves	4 graves

Table 1. The positions of the dead in double and collective graves of the Iamnaia culture within the Prut-Dniester space.

Ornaments. Several types of ornaments are known for the Iamnaia culture: spiral hair rings (5), bracelet made of a copper plate with the edges rolled towards the interior (2), “beads” made of perforated animal teeth (1). The hair rings (no. 11, 16, 36, 39, 67) were discovered at the temples of skulls belonging to women or children. They were made of one or two spirals of silver or bronze wire. Other types of ornaments are the bracelets made of several copper twisted tubes (no. 14, 45). Sometimes, oxidized metal (no. 21, 42), which could come from ornamental objects, was detected.

Animal bones. In some cases, bones of animals or birds with traces of filing have been discovered (no. 11, 20, 25, 53). Bovine bones were also found in the skull region of the adult (no. 67) or a pile of small bones was found in the region of the skull or the shoulder of the deceased (no. 15, 25, 27). Special is the case when the skeleton of a dog was discovered in anatomical position in a double grave belonging to an adult and child (no. 49). They all had the same orientation.

The funeral ritual

As a rule, the sepulchral pit has rectangular shape (29) or rounded corners (36). The pits that remind the oval shape (No. 42, 49), trapezoidal (No. 24, 70) or similar to a square (No 48) are exceptions. Few were the cases when the contour of the pit was not detected (no. 58, 62, 68) or was irregular (73). In most of the funeral grave-pit, the deceased formed a rather compact group, only some of the pits are larger (54, 77).

Many of the grave-pits were fitted with steps (32), sometimes the remains of a vegetal cover were found on them. Rotten mats or thin slivers could be observed on the walls of the grave-pit. The walls were vertical and in four cases, there were traces of work done with a tool (no. 10, 33, 35, 52).

The bottom of the sepulchral grave was often covered with a mat made of sedge (49) or a cover of reed, bark, or thin slivers. Only in one case, it is assumed that there are traces of leather at the bottom of the pit (no. 43). There are graves in which several

layers of sedge mats of different thickness are identified. Also, the remains of the cover were detected on the bottom of the pit or only under the dead. A special case can be considered the covering of two skeletons with a vegetal layer, after which they were painted with ocher. It is supposed that these served as the garments of the dead (no. 15).

Ocher pigment is another indicator of the presence of Iamnaia culture graves throughout the area of spreading. The skeletons were sprinkled with ocher or ocher lumps were deposited on the bottom of the pit. In 54 graves, a layer of ocher put over the dead was certified, in 13 cases on the bottom of the pit, 7 times ocher lumps were deposited and 6 times it was found in the form of stains. The lumps and stains have been detected in the region of the skull, shoulder, hand or sole of the deceased person. The ochre plate of a few centimeters represents a particular discovery (no. 11, 42). In the first case, a plate was found in one of the walls, and the second, a larger one, was located near the child's skull [Subbotin 1998, 94]. The second case is a triple grave, the ocher plate was found on the chest box of skeleton 2 that belonged to an adult [Ivanova, Petrenko, Vetchinnikova 2005, 41]. Chalk was found 6 times at the bottom of the pit or it was sprinkled over the defunct (no. 11, 15, 16, 18, 45, 63). More specific is a double grave 1/16 found in Brăviceni, where a way of separating the deceased was detected. Just under one of the skeletons, which was unsatisfactorily preserved, a chalk layer was identified that was missing underneath the other.

The characteristic feature of the funeral ritual was to cover the sepulchral pit. Wood or stone was used for this purpose (no. 6, 8). A wooden beams are found in 37 cases where the beams were arranged latitudinally (15) or longitudinally (14). Only in one case, there was a roof made of a wooden layer and then plated with stone slabs (no. 11). The roof of tomb 5, belonging to an adult and a child in tumulus 14 discovered at Semyonovka, is special. It was at the pit level and reminded a rectangular carcass made of thick pillars of up to 8 cm above which another layer of beams was placed perpendicularly [Subbotin 2017, 73]. Small pits were discovered at the base of the grave-pit (no. 10, 17, 22, 47), which probably were for the wooden pillars that supported the roof. In the case of single graves, pits are found more often.

In some cases, traces of fire were found on the roof (no. 16, 57). Fragments of wooden coal were

found in the filler (no. 15, 38, 72) or at the bottom of the pit (no. 17, 25, 29, 36, 37). The ritual of purification through burning is also certified on the mat. At the bottom of the pit in grave 8 with a wooden beams, Tumulus 2 from Brăvenieni, an oval spot was identified in the wrist region of the adult's left hand, which could be considered to be a trace of a fire [Larina, Manzura, Khakheu 2008, 19].

The catalog of double and collective graves of the Iamnaia culture from Prut-Dniester space

Abbreviations have been used in the catalog where: T – stands for tumulus; G – grave; S – skeleton; A – adult; M – man; W – woman; Ch – child; H – height; D – diameter; BD – base diameter; DB – diameter of the bottom; E – east; W – west; N – north; S – south.

1. Alexandru Ioan Cuza (2017). T8, G3 (primary, double). Rectangular pit, covered with 7 longitudinally positioned wooden beams. S1 (W, 35-45 years) was placed in a crouching position on the back, with the head to the W. S2 (Ch, 4-5 years old) lying on the right of S1 in a crouching position on its back (?) with the head to the W. The bones had traces of ocher. At the bottom of the pit, there were found remains of a vegetal cover, on the upper edge – a fragment of yellowish sandstone **grinder** of 15x14x7.5 cm, and under the roof a **boulder** with a rounded edger (scraper?) of 7.4x5.5x3.2 cm [Popovici, Ciobanu 2018, 34-35].

2. Balaban (1971). T3, G5 (secondary, double). The rectangular pit with rounded corners and steps had the remains of a vegetal cover on the bottom. It was covered with 9 longitudinally arranged wood beams. S1 (M) was in a crouching position on the back with the head to the ENE. S2 (W) slightly inclined to S1, was in a crouching position on the back and the head towards ENE. The bones were intensely painted with red ocher [Chebotarenko, Iarovoi, Tel'nov 1989, 22-23].

3. Balaban (1971). T8, G2 (secondary, double). The rectangular pit with rounded corners and a step had the remains of a vegetal cover on the bottom. It was covered with 4 longitudinally arranged wooden beams. S1 (M) was in a crouching position on the back with the head towards the SE. S2 (W) was in a crouching position, inclined to the left, with the head towards SE and pointing to S1, the left palm was over S1 palm. The bones were

intensely painted with red ocher [Chebotarenko, Iarovoi, Tel'nov 1989, 42].

4. Bălăbănești (1981). T1, G9 (double). Rectangular pit with rounded corners and a step. Both S1 (A) and S2 (Ch) were in a crouching position on the back [Ivanova 2001, 38].

5. Bălăbănești (1981). T2, G2 (double). Rectangular pit with rounded corners. S1 (A) was in a crouching position on the back, and S2 (Ch) was in a crouching position, inclined to the right [Ivanova 2001, 38].

6. Baranovo-Soldatskaia slava (1990-1991). T1, G4 (primary, double). The rectangular pit with rounded corners was covered with a stone plate, and on the bottom contained the remains of a bark cover. Both S1 (A) and S2 (A) were in a crouching position on the back, with the heads to NE and had the bones painted with red ocher [Ivanova, Petrenko, Vetchinnikova 2005, 21].

7. Baranovo-Soldatskaia slava (1990-1991). T2, M6 (secondary, double). Pit of rectangular shape with a step. It was covered with wood beams arranged longitudinally, on the bottom contained the remains of a vegetal cover and ocher stains. Both S1 (A) and S2 (A) were in a crouching position on the back with their heads to SW. The bones were painted with red ocher, more intensely the legs and skulls. Between the skeleton knees, a **scraper** was found of 11x7.5x5.5 cm [Ivanova, Petrenko, Vetchinnikova 2005, 53-54].

8. Bashtanovka (1966). T4, G13 (secondary, double). The pit of rectangular shape and with a step. It was covered with 7 stone slabs, under which, including at the bottom, were traces of a reed cover. S1 (A) placed in a crouching position on the back with the head towards the SW. S2 (A) was lying in a crouching position on the back, the head towards the NW. The bones were intensely painted with ocher [Shmaglii, Cherniakov 1970, 73-74].

9. Bashtanovka (1966). T7, G11 (secondary, double), the pit of rectangular shape with a step. It was covered with wooden beams, and on the bottom there were remains of a bark cover. S1 (W) was in a crouching position on the back, headed to the NW. S2 (Ch) placed near the left hand of S1, in a crouching position on the back, headed to the NW. The bones were poorly preserved. The skulls were painted with ocher, that of S2 being more intense [Shmaglii, Cherniakov 1970, 82-83].

10. Beloles'e (1980). T3, M23 (secondary,

double), the pit of rectangular shape with steps. It had a roof made of wood beams arranged longitudinally. On the SE step, including on the bottom, it contained the remains of a vegetation cover, and on the NW step, some sand was scattered, then covered with a layer of bark. Also, four pits for supporting pillars were observed, and at the level of a step, a **shell** and a fragment of a **ceramic vessel** decorated with a cord were found. The long walls of the chamber had traces of being worked with tools. S1 (M, 40 years old) was lying in a crouching position on his back, headed to the NW and turned to the right. The soles of the feet had traces of black paint. S2 (Ch) was in a crouching position on the back, headed to the NW and turned to the left. Next to the skull was a lump of ocher and beside the feet a clay stain. The bones of the skulls and legs had traces of red ocher [Subbotin, Dzigovskii, Ostroverkhov 1998, 77].

11. Beloles'e (1980). T7, G4 (secondary, double). Pit of rectangular shape with a step. It was covered with wooden beams, then with stone plates, under which the remains of a reed vegetal cover was found, and on the bottom, there was a cover of bark, chalk and ocher. S1 (W, 20 years old) placed in a crouching position, inclined to the left, the head to the NW. Next to the skull, there were five **silver hair rings** (1.5, 2 and 2.5 spirals). S2 (Ch) was lying near the left hand of S1 in a crouching position on the back, headed to the NW. There was a red ocher plate of 4x2 cm in the wall, near the skull of S1, and at the bottom of the pit, in the region of the skull of S2, there was a dark red ocher plate of 5.5x5 cm; a **bone** (astragal of sheep) with traces of filing and fragments of a **ceramic vessel** [Subbotin, Dzigovskii, Ostroverkhov 1998, 94].

12. Bogatoe (1978). T1, G6 (double). Two deceased were buried - an adult and a child [Ivanova 2001, 209].

13. Bogatoe (1978). T1, G7 (double). Rectangular pit with rounded corners and steps, next to which were fragments of **cart wheels** of 0.55-0.6 cm. The roof was made of wooden beams. S1 (A) placed in a crouching position on the back with the head towards NW. S2 (Ch) lay near the right hand of S1 in a crouching position, slightly inclined to the right, the head towards the NW. The bones were intensely painted with ocher [Aleksieva, Shmaglii 1985, 19-20].

14. Borisovka (1965). T9, G6 (secondary, double). The pit of rectangular shape with a step

contained the remains of bark on the bottom. *S1* was in a crouching position, inclined to the right, the head to the SW. The arms were laid over the bones of the basin of *S2*, which was lying in a crouching position, inclined to the right and the head to the SW. In the chest box area, there were **five twisted copper tubes** of 2-3x0.5 cm. The bones were intensely painted with ocher [Shmaglii, Cherniakov 1970, 64-65].

15. Brăviceni (1987-1988). T2, G2 (secondary, double). The pit of rectangular shape, slightly irregular and with steps. It had a roof made of wood beams latitudinally arranged. The pit filler was made of chernozem, in which charcoal was found. *S1* (M) was placed in a crouching position on the back, with a slight inclination to the right, with the head towards the NW. The bones were painted with purple ocher, more intensely the skull, the chest box and the forearms. Underneath the layer of ocher and under the skeleton bones, there was a layer of mold of 1.5 cm (probably the clothing?). In the region of the right shoulder, a pile of animal bones (?) and mold was discovered. *S2* (A) was lying in a crouching position on the back, the head to E-SE. The bones were painted with purple ocher, more intensely the skull. On the bottom, there was a layer of chalk, over which there was a bark cover (?) and in some places bright red ocher. Next to the palms, there were two bright red ocher stains of 13-18 cm [Larina, Manzura, Khakheu 2008, 17].

16. Brăviceni (1987-1988). T2, G8 (secondary, double). Rectangular pit with irregular shape and step. It had a roof of wooden beams arranged longitudinally, and on the bottom, there were the remains of a vegetal oval-shaped cover and a layer of chalk and ocher. *S1* (W?) was in a crouching position on the back, headed to the NNW. There were traces of fire of 8.5cm where the left hand was supposed to be. The bones of the skull and the soles were painted with ocher. A **bronze hair ring** made of 1.6 spirals was found near the skull. Near the left shoulder, there was a **fragment of silex** of 3.2x1,8x0.7 cm, with no traces of being used. *S2* (Ch) was lying on the right, at *S1* feet, in a crouching position on the back, with a slight inclination to *S1* (?), the head towards NNW. The bones of the skull were intensely painted with ocher [Larina, Manzura, Khakheu 2008, 19].

17. Brăviceni (1987-1988). T11, G1 (secondary, double). The rectangular pit was covered with

six wood beams longitudinally arranged. In the upper part, there were traces of a fire, and on the bottom - remains of a vegetal cover, two pits for pillars, traces of fire and a lump of claret ocher. *S1* (A) placed in a crouching position, inclined to the right and the head to the W. In the region of the skull, there was a **silex nucleus** of 3.3x1.6x0.7 cm. The right arm was stretched to *S2* (Ch), which was in a crouching position, inclined to the left and the head to the W. The left arm was bent from the elbow and pointing toward *S1*. The bones of the skulls were intensely painted with claret and bright red ocher [Larina, Manzura, Khakheu 2008, 54].

18. Brăviceni (1987-1988). T16, G1 (secondary, double). Pit of rectangular shape with steps. It had the roof made of four wooden beams arranged longitudinally, and on the bottom - the debris of a wooden cover and two stains of claret ocher of 12x6 and 8x4 cm. *S1* (W, A?) placed in a crouching position on the back, with the head toward the E. The bones of the upper part of the skeleton were painted with claret ocher. *S2* (A, elder?) lay in a crouching position on the back with the head to the W. The bones were intensely sprinkled with chalk [Larina, Manzura, Khakheu, 2008, 73].

19. Brăviceni (1987-1988). T17, G4 (secondary, double). Rectangular pit with rounded corners, which contained the remains of a vegetal cover on the bottom. *S1* (M?) placed in a crouching position on the back, slightly inclined to the right, the head to the SSE. The left arm was bent from the elbow and pointing to the palm of *S2*. The bones were heavily painted with ocher. *S2* (A) was in a crouching position, inclined to the left and the head to the SSE. The left arm was bent from the elbow and pointing to the palm of *S1*. The bones were slightly painted with ocher [Larina, Manzura, Khakheu, 2008, 82].

20. Brăviceni (1987-1988). T18, G1 (main, double). The rectangular pit was covered with four wood beams arranged longitudinally. On the bottom, there was a **saltaleon** made of a 2 cm bird bone. Both *S1* (A?) and *S2* (A?) were in a crouching position on the back (?), with their heads to the WSW and had ocher painted bones [Larina, Manzura, Khakheu 2008, 86].

21. Căușeni (1968). T1, G18 (secondary, double). Rectangular shape pit with slightly rounded corners and steps. It had the roof made of seven beams arranged latitudinally, and the bottom of a vegetal cover. *S1* (A) was in a crouching position,

inclined to the left, the head to the NE. Oxidized bronze was found among the bones and a stain of ocher at the feet. S2 (A) was not in the anatomical position, and the bones were intensely painted with ocher. At the feet, there was an **amphora** of an ovoid shape, with handles and a rim ornamented with circular incisions (H - 32 cm, BD - 13.5 cm, DB - 9 cm). In the region of the skull, there was a tronconic vessel with narrow neck, circular support and the rim ornamented with triangular incisions (H - 21.5 cm, BD - 16 cm, DB - 9 cm) [Chebotarenko, Iarovoi, Tel'nov 1989, 86-88].

22. Cîrnăţeni (1985). T6, G7 (primary, double). Rectangular pit with rounded corners. On the bottom, there were the remains of a vegetal cover and two pits for pillars. Both S1 (Ch) and S2 (Ch) were in a crouching position on the back, the head to the W and had the bones painted with ocher [Demchenko, Levitskii 1997, 171].

23. Chirileni (1990). T1, G9 (secondary, double). Rectangular pit, rounded corners with steps. The roof was made of wooden beams arranged longitudinally, and the bottom was covered with a vegetal cover. The skeletons were later disturbed. S1 (A) was placed in a crouching position on the back with the head to the SW. The bones were painted with ocher, more intensely the skull and soles. S2 (Ch) was at the feet of S1, in a position, possibly slightly crouched on the back, the head to the NE, and the bones intensely painted with ocher [Abâzov, Clocico 1997, 99-102].

24. Chirileni (1990). T1, G18 (secondary, double). Trapezoidal pit with rounded corners and steps. The roof was made of wooden beams latitudinally arranged, and on the bottom, there were remains of a vegetal cover. In the filler, there were found small fragments of wood charcoal. The skeletons were put apart and painted with ocher [Abâzov, Clocico 1997, 105].

25. Corpaci (1976). T2, G13 (secondary, triple). It had two chambers one on the other at the level of the roof. Pit 1 had a rectangular shape with slightly rounded corners, a roof made of 8 beams arranged latitudinally, and the bottom of a vegetal cover (the layer being thicker under the skull). Pit 2 was rectangular in shape, covered with beams arranged latitudinally, and on the bottom contained the remains of a vegetal cover. S1 (W) was placed in a crouching position, inclined to the left, with the head to the S. S2 (Ch) lying next to S1, in

a crouching position, inclined to the left, with the head to the S. On the chest box, there was some charcoal. The bones were painted with ocher. S3 (M, 25-30 years old) was in a crouching position on the back with the head to the N. The bones had traces of ocher. Near the skull, there was an ovoid-shaped **amphora** with four handles (H - 23.3 cm, BD - 9 cm, DB - 6 cm) and nearby, there were animal bones. Near the left knee, there was an **animal bone** with a sharp tip and traces of processing [Iarovoi 1984, 48-49].

26. Corpaci (1976). T4, G2 (secondary, triple). Rectangular pit with slightly rounded corners, which had the remains of a vegetal cover on the bottom. S1 (W) was in a crouching position, on the back, with the head to the NW. S2 (Ch, 2-5 years) and S3 (Ch, 2-5 years or more) were placed at S1 feet in a crouching position, on the back, with their head to the SW. The bones had traces of ocher, more intense on the skulls and feet [Iarovoi 1984, 62-63].

27. Corpaci (1976). T4, G4 (secondary, double). The pit of rectangular irregular shape with rounded corners. On the bottom, it contained the debris of a vegetal cover. S1 (M, 25-30 years) placed in a crouching position, inclined to the left, the head to the W. In the skull region, there were animal bones. S2 (W, 30-35 years) was lying in a crouching position, inclined to the left, the head to the W. The bones had traces of ocher and a layer of sedge mat [Iarovoi 1984, 64-65].

28. Crihana Veche (2016). T5, G4. Two deceased were buried in the grave [Ciobanu, Simalcsik 2017, 23].

29. Cubei (1987). T23, G15 (double). The rectangular pit with rounded corners and steps was covered with wooden beams. The roof formed a wooden carcass located on the sides of the pit. S1 (A) was lying in a crouching position on the back. S2 (A) was placed at S1's feet in a crouching position on the back [Ivanova 2001, 68].

30. Dubinovo (1990-1991). T1, G5 (secondary, double). The pit of rectangular shape contained the debris of a vegetal cover and wood charcoal on the bottom. S1 (A) was in a crouching position on the back with the head to the N. S2 (W, 30-35 years) was slightly inclined towards S1, in a crouching position on the back, with the head to the N. Under the bones of the right hand, there was a **chalcedonite plate** of 3.5x2x0.4 cm [Ivanova, Petrenko, Vetchinnikova 2005, 89].

31. Efimovka (1968-1969). T6, G7 (secondary, double). Rectangular funeral pit. *S1* (W) was lying in a crouching position; inclined to the left, the head to the N. *S2* (Ch) was next to the chest box of *S1*, placed in a crouching position, inclined to the right, the head to the N. The bones were painted with ocher, which was also observed at the bottom of the pit [Shmaglii, Cherniakov 1970, 107].

32. Efimovka (1968-1969). T10, G6 (secondary, double). The funerary pit of rectangular shape was covered with wooden beams. *S1* (W) lay in a crouching position, inclined to the left, the head to the W. The bones of the basin and the legs were painted with ocher. In the region of the skull, there was a ceramic vessel with vertically perforated handles (H - 12 cm, DB - 7 cm). *S2* (Ch) was placed near the left hand of *S1* [Shmaglii, Cherniakov 1970, 113].

33. Frunzeni (1972). T1, G1 (secondary, double). Rectangular pit with rounded corners and covered with wooden beams. *S1* and *S2* were placed in a crouching position on the back. Beneath the legs of the skeleton on the right, there were ocher lumps [Dergachev 1973, 12].

34. Frunzeni (1972). T1, G6 (secondary, double). Rectangular pit with rounded corners, which contained the remains of a bark cover on the bottom. The chamber was covered with wooden beams. *S1* (A) and *S2* (Ch) were in a crouching position on the back, the head to the SW, the bones were painted with red ocher [Dergachev 1973, 12-13].

35. Giurgiulești (1991). T3, G5 (central, double). The rectangular pit with slightly rounded corners was covered with wood beams longitudinally arranged. Over the beams, there were traces of white lime stone, and on the bottom, there were the remains of a vegetal cover and charcoal. *S1* (A) was placed in a crouching position, inclined to the right, the head to the NE and the skull facing *S2*. Next to the shoulder and the leg, there was a lump of ocher. *S2* (Ch) was lying on the right side of *S1* and the skull near *S1*. It was in a crouching position, sloping to the left and the head to the NE. The bones were painted with ocher, more intensely the skulls [Khakheu, Popovich 2010, 143].

36. Giurgiulești (1991). T3, G8 (primary, double). The rectangular pit with slightly rounded corners was covered with wood beams longitudinally arranged. The walls retained a layer of mold and traces of being worked with a tool; there were the

remains of a vegetal cover and wood charcoal on the bottom. *S1* (Ch) was in a crouching position on the back with the head to the NW, and next to the right temple, there was a silver hair ring (1.5 spirals) of 1.4x0.9 cm. *S2* (Ch) was in a crouching position on the back, the head to the NE. The bones had traces of ocher, more intensely the skulls [Khakheu, Popovich 2010, 148].

37. Giurgiulești (1991). T3, G9 (secondary, triple). Rectangular shape pit with slightly rounded corners and steps. It had a roof of wooden beams arranged longitudinally, and the bottom of a vegetal cover and wood charcoal. *S1* (A) was placed in a crouching position, inclined to the left, the head to the SE. *S2* (Ch) lay in a crouching position on the back with the head to the ESE. *S3* (A) was placed at the feet of *S1* and *S2* in a crouching position, inclined to the left, the head to the NW. The bones were intensively painted with red ocher [Khakheu, Popovich 2010, 148].

38. Giurgiulești (1991). T3, G10 (secondary, double). Rectangular shape pit with slightly rounded corners. The walls contained a layer of mold and traces of work done with a tool; there were the remains of a vegetal cover and charcoals on the bottom, which were also found in the filling of the pit. *S1* (A) was placed in a crouching position, inclined to the right with the head to the S. *S2* (A) was lying at the feet of *S1*, in a crouching position on the back, with the head to the E. The bones were painted with red ocher [Khakheu, Popovich 2010, 148-149].

39. Gura Bicului (1974). T3, G13 (primary, four S). Rectangular pit with rounded corners and steps. It had a roof made of wood beams arranged latitudinally. Over the beams, there were traces of a vegetal cover, and there were the remains of a vegetal cover on the bottom. *S1* (M?, 25-35 years old) was lying in a crouching position on the back with the head to the W. *S2* (Ch) was between *S1* and *S3* in a crouching position on the back with the head to the W. In the neck region, there were ten perforated teeth (wolf or dog), and near the left temple a copper hair ring (1.5 spirals) with the D of 0.8 cm. *S3* (A) was placed in a crouching position on the back with the head to the W. *S4* (Ch, 3-5 years) was lying at his feet of *S1*, in a crouching position on the back, with the head to the E. The bones had traces of red ocher [Dergachev 1984, 13].

40. Gura Galbenă (1968). T2, G4 (secondary, four S). Rectangular pit with rounded corners.

S1 (Ch, 3-7 years old) and *S2* (Ch, 3-7 years old) lay in a crouching position on the back, with the head to the S. *S3* (Ch 3-7 years old) and *S4* (Ch, 3-7 years old) were in a crouching position on the back with the head to the W. The bones were painted with red ocher (also observed at the bottom of the pit) [Dergachev 1973, 19].

41. Ias'ki (1976). T6, G14 (double). It was a rectangular pit with rounded corners. *S1* (A) placed in a crouching position, inclined to the right, the head to the N. In the skull region, there was a ceramic vessel with two handles. *S2* (Ch) was lying between the body and the right arm of *S1* in a crouching position on the back [Iarovoï 1985, 71].

42. Katarzhino (1990-1991). T1, G21 (secondary, triple). The oval-shaped funerary pit was covered with longitudinally arranged wood beams. *S1* (A) was lying in a crouching position on the back, the head the SW, and there was oxidized copper on the ribs. *S2* (A) was in a crouching position on the back, the head to the SW, the right palm was placed over the left palm of *S1*, and on the chest, there box was a purple **ocher plate** of 2x3 cm. On the wrists of *S1* and *S2*, there was a purple ocher lump (oval shape of 4 cm). *S3* (Ch) was lying on the soles of *S1* [Ivanova, Petrenko, Vetchinnikova 2005, 41].

43. Kholmskoe (1977-1978). T2, G4 (secondary, double). The rectangular and stepped pit was covered with wood beams arranged latitudinally. There were traces of a reed cover over the beams, and the remains of a bark cover on the bottom. *S1* (W?) lay in a crouching position, inclined to the left, the head to the SE. In the region of the skull, there were observed inclusions of ocher. *S2* (Ch) was placed in a crouching position, inclined to the left, the head to the SE. The bones were slightly painted with ocher [Cherniakov, Stanko, Gudkova 1986, 68].

44. Kholmskoe (1977- 1978). T2, G7 (secondary, double). The rectangular pit with rounded corners and steps was covered with wood beams arranged latitudinally. Traces of a reed layer were seen over the beams. *S1* (Ch) was lying in a crouching position on the back, the head to the SW. *S2* (Ch) was placed in a crouching position with the head to the SW. Next to the temple, there was a lump of ocher. The bones were intensely painted with ocher. In the NW corner of the pit, there was a **cup** with traces of ocher (BD - 8 cm, DB - 5 cm) [Cherniakov, Stanko, Gudkova 1986, 70].

45. Kholmskoe (1977-1978). T2, G13 (secondary, double). Rectangular pit with rounded corners, probably with a step and the roof made of wood beams latitudinally arranged. The beams contained traces of a layer of reed. There was a layer of ocher and chalk on the bottom. *S1* (A) lay in a crouching position, inclined to the left, the head to the SW and the right palm pointing to *S2*. There were two **small tubes of copper foil** on the wrist, and behind the deceased, there was a vessel with two handles decorated with a cord. *S2* (Ch) was in a crouching position, sloping to the left and the head to the SW. The bones were intensely painted with red ocher [Cherniakov, Stanko, Gudkova 1986, 73].

46. Kholmskoe (1977-1978). T2, G32 (secondary, double). The rectangular pit with rounded corners and steps had the remains of a vegetal and ocher cover on the bottom. The bones of *S1* (A) were not in the anatomical position. *S2* (Ch) was placed over the bones of *S1* in a crouching, right-angled position with the head to the W-SW. The bones were painted with ocher [Cherniakov, Stanko, Gudkova 1986, 79-80].

47. Krasnoe (1979). T9, G20 (triple). The rectangular pit with irregular rounded corners was covered with 7 longitudinally arranged beams and six pits for pillars on the bottom. *S1* (A) was placed in a crouching position on the back, with the head to the S. *S2* (A) lying in a crouching position on the back, with the head to the N. *S3* (Ch), being in a moderately sloping position, was inclined to the left, towards *S2* [Ivanova 2013, 233].

48. Mologa (2004). T2, G39 (secondary, double). The square-shaped pit contained the remains of a vegetal cover on the bottom. *S1* (A) was lying in a crouching position on the back, with the head to the SW. The bones had traces of red ocher, more intensely the skull. *S2* (A) was in a crouching position, inclined to the left, the head to the ENE. The bones had traces of brown ocher, more intensely the skull and hands. There was a **cup** (H-8 cm, BD - 11.8 cm, DB - 0.6 cm) behind the skull [Maliukovich, Agul'nikov, Popovich 2017, 63-64].

49. Nerushai (1964). T9, G9 (secondary, double). The pit of oval shape with a step. It had a roof of reed and thin wood beams, keeping the traces of a reed and bark cover. There were fragments of **ceramics** with a thick layer of ocher on the edge of the pit and the debris of a thick reed cover on the bottom. *S1* (W) was lying in a moderately crouch-

ing position, sloping to the right, the head to the SE, having a perforated ocher lump near the skull. S2 (Ch) was under the right hand of S1 in a crouching position, inclined to the left, with the head to the SE. The bones had intense traces of ocher. Also, a dog's skeleton was found in anatomical position with the head to the SE [Shmaglii, Cherniakov 1970, 18-20].

50. Nerushai (1964). T9, G74 (secondary, double). The rectangular pit had walls covered with thin wood beams. S1 (A) was placed in a crouching position, inclined to the left; the head to the SE. S2 (A) was placed in a crouching position, inclined to the right, with the head to the SE. The bones were painted with red ocher. Their palms were close and the skulls were facing each other. There was a tronconic vessel with vertically perforated handles between them [Shmaglii, Cherniakov 1970, 29-30].

51. Nerushai (1964). T9, G84 (secondary, double). The rectangular pit was covered with wooden beams. There were traces of a layer of reed and thin wood beams on the walls and the remains of a reed cover, thin beams and ocher on the bottom. S1 (M?) was lying in a crouching position, inclined to the right, the head to the SE, being close to the skull of S2 (W?), who was placed in a crouching position, inclined to the left with the head to the SE and the arms towards the basin of S1. The bones were intensely painted with ocher [Shmaglii, Cherniakov 1970, 31].

52. Nicolscoe-Uitnoe (1987-1989). T13, G1 (secondary, triple). The rectangular pit with steps was covered with seven longitudinally arranged wooden beams. The walls had traces of being worked with tools. There were remains of a vegetal cover, inclusions of ocher and chalk on the bottom. S1 (A) was lying in a crouching position on the back with the head to the W. In the chest box, there was a 1.5x1 cm **silex arrow tip**. The bones had traces of red ocher, more intensely the skull. S2 (Ch, 2-3 years old) and S3 (Ch, 6-7 years old) were placed at the knees of S1 in a crouching position on the back with their heads to the E. The bones had traces of red ocher [Agul'nicov, Sava 2004, 119-121].

53. Nikolaevka (1968-1969). T4, G9 (secondary, double). Rectangular pit with rounded corners and step. It had the roof made of wooden beams, and the remains of a bark cover on the bottom. S1 (A) was lying in a crouching position on the back with the head to the NE. S2 (A) was in a crouching position on the back with the head to the SW. The bones had traces of ocher. There was

an 11x7 cm **pebble** at the bend of the knee [Shmaglii, Cherniakov 1970, 123].

54. Ocnîța Nouă (1988). T4, G4 (secondary, double). The rectangular pit was covered with wooden beams. S1 (A) was lying in a crouching position on the back with the head to the S. Near the left elbow, there was a **cup** decorated with three rows of triangular incisions below the rim (H - 7.7 cm, BD - 9.6 cm, DB - 6.5 cm). Near the left palm, there was an animal bone with rounded corners of 15.2 cm. S2 (C) was placed between the left arm and the chest box of S1 with the head to the S [Manzura, Klochko, Savva 1992, 34].

55. Ocnîța Nouă (1988). T4, G6 (secondary, triple). Pit of rectangular shape with step. It had a roof made of wood beams arranged latitudinally and the bottom of a vegetal cover. S1 (A) was lying between S2 and S3, in a crouching position on the back with the head facing the NW; the skull was with traces of ocher. S2 (Ch) was lying on the right side of S1 in a crouching position on the back (?), with the head to the NW. S3 (A) was placed on the left side of S1, in a crouching position with the head to the NW [Manzura, Klochko, Savva 1992, 35-36].

56. Ocnîța Nouă (1988). T5, G4 (secondary, double). Rectangular pit with rounded corners and steps. It had a roof made of wood beams latitudinally arranged, and the bottom of a vegetal cover with ocher inclusions. S1 (A) was lying in a crouching position on the back, slightly inclined to the left, with the head to the SE, in front of which there was an elongated-shaped vessel and a rim decorated with circular incisions (H - 8.8 cm, BD - 8 cm, DB - 4.4 cm). S2 (Ch) was placed on the left forearm of S1 in a crouching position on the back, slightly inclined to the left, with the head to the SE. The bones had traces of ocher [Manzura, Klochko, Savva 1992, 41].

57. Ocnîța Nouă (1988). T6, G10 (secondary, double). The rectangular pit with heavily rounded corners was covered with latitudinally arranged wood beams with traces of fire. The bottom contained the remains of a bark cover with ocher inclusions. Small charcoals were found in the filler. S1 (A) was lying in a crouching position on the back, the head to the NW and the bones were painted with ocher. S2 (A) was placed in a crouching position on the back with the head to the SE [Manzura, Klochko, Savva 1992, 51].

58. Ogorodnoe (1966). T1, G4 (secondary, double). The contour of the pit was not observed. S1

(M?) was lying in a crouching position, inclined to the right, with the head to the NNW. There was a **piece of silex** at the bent of the knees. S2 (W?) was placed in a crouching position, inclined to the left, the head to the NNW. The bones of the skulls had traces of ocher [Shmaglii, Cherniakov 1970, 131-132].

59. Ogorodnoe (1980). T1, G11 (secondary, double). Rectangular pit with rounded corners and step. S1 (A) was in a crouching position on the back with the head to the N. The bones had traces of ocher. S2 (Ch) was on the left side, next to the S1 basin, in a crouching position, inclined to the left, the head to the NE [Subbotin, Dzigovskii, Maiorov 1984, 107-108].

60. Olănești (1978-1980). T1, G26 (triple). The rectangular pit had the remains of a vegetal cover on the bottom. S1 (A) was placed in a crouching position, inclined to the right; the arms faced S2 (A), which was lying in a crouching position, inclined to the right. S3 (Ch) was at the feet of S1 in a crouching position, inclined to the left [Ivanova 2001, 38].

61. Olănești (1978-1980). T6, G4 (double). Rectangular pit with slightly rounded corners. S1 (A) was placed in crouching position inclined to the right. S2 (A) was in crouching position on the back, slightly inclined to the left [Iarovoi 1985, 72].

62. Orhei (1968). T1, G6 (secondary, double). The contour of the pit was not detected. The bottom had the remains of a vegetal cover. Both S1 (W?) and S2 (M?) were in a crouching position on the back, with the heads to the SWW; the bones were painted with ocher, more intensely the skulls [Dergachev 1973, 16; Popovici 2008, 94].

63. Orlovka, the fortification from Cartal (2007). Section III, G6 (double). The rectangular pit with slightly rounded corners contained a 5 cm treaded soil on the bottom. S1 (A) lay in a moderate crouching position on the back with the head to the SSE. Chalk marks were observed between the left arm and the spinal cord. S2 (A) was in significant crouching position, inclined to the right and the head to the NNW. The bones were intensely painted with ocher [Bruiako, Agul'nikov 2017, 91-92].

64. Ozerno (1977). T1, G5 (double). Rectangular pit with slightly rounded corners. S1 (A) and S2 (A) were lying in a crouching position on the back [Ivanova 2001, 38].

65. Ozerno (1977). T5, G1. Five deceased were buried in the grave: an adult and four children [Iarovoi 1985, 69].

66. Primorskoe (1976). T1, G24 (double). S1 (W) was placed in a moderate crouching position inclined to the right. The skull was pointing to S2 (Ch), which was near the hand of S1 in a moderate crouching position [Iarovoi 1985, 70].

67. Sadovoe (1990). T1, M32 (central, mantle V, double). The rectangular pit with rounded corners and steps was covered with two rows of beams arranged longitudinally and latitudinally. There were debris of a bark cover under the roof and on the bottom of the pit. S1 (W, 25-35 years old) was in a moderately crouching position, inclined to the right, the head to the ENE. There were two silver **hair rings** (2.5 spires) of 0.9 cm on the left and right sides of the skull and bovine bones behind the skull. S2 (Ch, 5-6 years old) was lying in a crouching position on the back, the head to the ENE. The bones were painted with bright red ocher, more intensely the skulls [Maliukevich, Agul'nikov, Popovich 2017, 26-27].

68. Sărăteni (1988). T1, G1 (secondary, four S). The outline of the chamber was not identified; the remains of a vegetal cover were found on the bottom. S1 (Ch?) lay in a crouching position, inclined to the right, the head to the E; the bones were painted with red ocher, more intensely the skull. S2 (A) placed in a crouching position on the back facing S1, head to E and bones painted with red ocher. S3 (A) was in a crouching position on the back, the head to the W; the bones were painted with red ocher. S4 (C) was lying in a crouching position on the back (?), the head to the WNW [Levițkii, Manzura, Demcenco, 1996, 21].

69. Semyonovka (1976). T2, G3 (secondary, four S). Rectangular pit with rounded corners and steps. It had a roof made of three logs and seven beams arranged latitudinally. There was a thick cover of bark or beams (?) on the bottom. First, S1 and S2 were deposited, then S3 and S4. S1 (W?) was in a crouching position, inclined to the right, the head to the NNE; a **cup** (H - 8.5 cm, BD - 11 cm, DB - 6 cm) was found behind the skull. S2 (Ch) was in front of S1, in a crouching position, inclined to the right (?), the head to the NNE. S3 (A) was lying in a crouching position on the back. S4 (A) was placed in a crouching position, inclined to the right and the skull facing S3. The bones of the skulls were painted with ocher [Subbotin, Razumov, Sinika 2017, 32].

70. Semyonovka (1975). T14, G5 (secondary, double). The pit in the shape of irregular ra-

peze was covered with wooden logs. The roof formed a wooden carcass located on the sides of the pit and consisted of 6 beams arranged latitudinally. The remains of a vegetal cover were on the bottom. *S1* (W) was lying in a crouching position, inclined to the left, the head to the NE. Behind the skull, there was an ovoid-shaped **amphora** with tubular handles and vertical holes (H - 9.8 cm, DB - 9.2-9.8 cm). *S2* (Ch) was next to the right arm of *S1* in a crouching position, inclined to the right, the head to the NE. There were two **polished bone tubes** with smoothed corners of 2.7x2.8x0.8 cm in front of the skeleton. The bones of the skulls had traces of red-violet ocher [Subbotin, Razumov, Sinika 2017, 73-74].

71. Taraclia (1979). T1, G23 (secondary, double). Rectangular pit with rounded corners; the remains of a vegetal cover were contained on the bottom. *S1* (W?, 20 years old) was in a crouching position on the back, the head to the SEE. *S2* (Ch, 2-3 years old) was next to the right hand of *S1*, in a crouching position on the back (?), the head to the SEE [Dergachev, Sava 2016, 346-348].

72. Tîrnauca (1989). T2, G17 (secondary, double). Rectangular pit with rounded corners. The filler was made of chernozem, in which there were found remains of the wooden roof in the form of mold and wood charcoal. *S1* (? , 18-25 years old) was lying in a crouching position on the back, the head to the NW. *S2* (A) was in a crouching position on the back with the head to the NW. On the bottom, there were remains of a vegetal cover, where the fibers were arranged longitudinally [Agul'nicov, Sava 2004, 202].

73. Tîrnauca (1898). T382, G1 (secondary, double). Rectangular shaped pit. A concentration of stones was found in the filler. *S1* and *S2* were lying in a crouching position on their backs, the heads to the NE. A ceramic **vessel** (H - 3 cm) was found on the left side of *S1* skull and at the distance of 17 cm from the skull of *S2*, there were pieces of black ceramics [Dergachev 1973, 44].

74. Trapovka (1974). T1, G6 (double). Gap of irregular shape. *S1* (A) was lying in a crouching position inclined to the left. *S2* (Ch) was on the left hand of *S1*, in a crouching position, inclined to the right [Iarovoi 1985; 71].

75. Trapovka (1974). T4, G13 (double). Rectangular pit with step and roof made of wooden logs, which had a complex structure in the shape of a carcass and wooden beams arranged latitudi-

nally. *S1* (A) and *S2* (Ch) were placed in a crouching position on the back [Ivanova 2001, 33].

76. Ursoaia (1983). T3, G1 (secondary, four S). Rectangular pit with step. It had a roof made of five beams arranged latitudinally. There were the remains of a vegetal and ocher cover on the bottom. *S1* (M) was lying in a crouching position on the back with the head toward the S. *S2* (W) had the skull facing *S1*; crouching position on the back, the head towards the S. *S3* (Ch) was lying near the left hand of *S2* on the back, with the head towards the S. *S4* (A) was lying beside *S1* and *S2* feet, in a crouching position on the back, with the head to the N. The bones were intensely painted with ocher [Chebotarenko, Iarovoi, Tel'nov 1989, 112-115].

77. Vadul lui Isac (1990-1991). T3, G6 (secondary, triple). The funerary pit of rectangular shape had on the bottom the remains of a vegetal and ocher cover. *S1* (A) lay in a crouching position on the back, inclined to the right. *S2* (A) was with the skull facing *S3* in a crouching position on the back and the head to the WNW. *S3* (Ch) lay in a crouching position on the back, the head to WNW. The bones had traces of red ocher, more intensely the skulls [Agulnicov, Ursu 2008, 68].

78. Vânători (1981). T222, G10. (with six S). The rectangular pit had two Prut **silex splinters** on the bottom. Six skeletons (two adults and four children) lay in a crouching position, inclined to the left or right, with the heads to the N. There was an ovoid-shaped **vessel** with a rounded bottom in the region of the skull of one of the deceased [Croitor 2017, 175].

79. Zîrnești (1958). T1, G10. Two deceased were buried in the grave, one of whom probably had traces of forced death (?) [Iarovoi 1985, 70].

Information about 79 burial sites from various publications containing two (64), three (8), four (5), five (1) and six (1) individuals was selected for the present study (Diagram 1).

The deceased were buried with the observation of the same ritual elements. The pits were rectangular with rounded corners, sometimes with steps and wooden covers. The bottom of the chamber was covered with a sedge mat. The skeletons were painted with ocher. Ceramic vessels (cups, etc.), silex pieces, animal bones with traces of being processed were discovered as inventory.

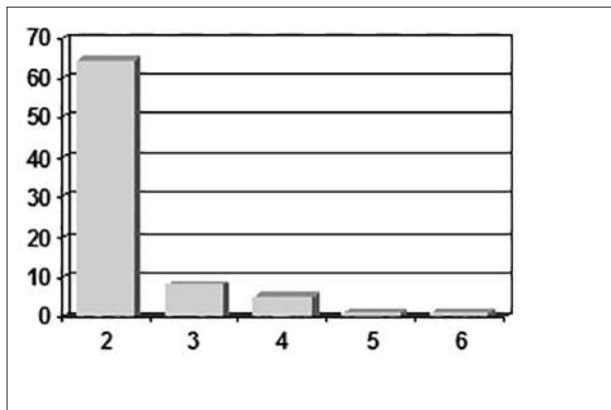

Diagram 1. Number of skeletons in a grave.

There are also hair rings and bracelets made of small tubes twisted from foil sheets.

Usually in a tumulus, there were two to three double or collective graves, rarely tumuli with 4 graves (Giurgiulești 3, Kholmskoe 2). The observance of the same funeral ritual can be highlighted in all the double or collective complexes of the tumuli. For example, traces of fires and charcoal were found in the graves of Giurgiulești and Bravicieni. The walls of Nerushai funeral chambers had traces of reed mats.

The position characteristic of the early stage is considered crouched on the back, and the legs raised from the knee. The crouching position, moderately or accentuated leaning on one side, dominates in the later stage. Sometimes, there is a divergence in the process of framing a chronological version of the double graves without inventory, where both positions are met in one grave. However, the positioning of these graves in the tumulus and the stratigraphic analysis allows the identification of the stages they belong to. The inclination of a deceased person to the other speaks of the possible social or patrimonial relations existing between the dead. More obvious are the cases where an adult and infant are buried, the adult has an arm remote from the body and the child was between the body and the arm or close to the body. This position is

not characteristic of teenagers. They were laid side by side at the adult's feet or in reverse position. The current state of research allows us to assume the existence of patrimonial and social relations based on graves with two adults facing each other, and the hands being close. It is hypothesized in the specialized literature that a maximum of two adults could be buried in a tomb [Iarovoi 1985, 70]. This theory confirms the idea of monogamous families, except for tomb 1 of Ursoaia tumulus 3 with three adults and a child.

Another possible manifestation of social and patrimonial relations is the reuse of the burial pit or the arrangement of funerary pits on consecutive levels. These are asynchronous (no. 69) or overlapped (no. 25) tombs.

In the case of collective graves, the position of the deceased is more practical to be considered an indicator of social relations. The dimensions of the funeral grave-pits are relatively identical and the defunct often form compact groups. In most cases, the reverse or perpendicular position had the utility purpose to accommodate the buried in the dimensions of the funeral chamber.

Graves, which are richer in inventories, possibly emphasize the importance or the status of the buried. In this category, double graves belonging to an adult and child are attributed, they being often accompanied by funerary inventory (one or two artifacts), having a rectangular pit covered with beams. The painting of the dead with ocher and their deposition on a layer of sedge mats is a common ritual for all graves, being most often encountered in tumular ones.

It becomes sometimes difficult to assign the culture of the graves where the bones of the skeletons are dismantled or are not in the anatomical position, lack inventory or no distinctive features of the funeral ritual can be highlighted. However, there are known a number of cases (no. 23, 46), where one of the deceased being in anatomical position was lying beside dismembered human bones.

Bibliography

- Abâzova, Clocico 1997:** E. Abâzova, E. Clocico, Tumulul nr. 1 din necropola Chirileni. *Tyragetia IV-V*, 1997, 95-108.
Agul'nikov, Sava 2004: S.M. Agul'nikov, E.N. Savva, *Issledovaniia kurganov na levoberezh'e Dnestra* (Kishinev 2004) // С.М. Агульников, Е.Н. Савва, *Исследования курганов на левобережье Днестра* (Кишинев 2004).

- Agulnicov, Ursu 2008:** S. Agulnicov, I. Ursu, Complexe funerare tumulare din zona Prutul Inferior. RA IV, 1, 2008, 61-79.
- Alekseeva, Shmaglii (1985):** I.L. Alekseeva, N.M. Shmaglii, Pogrebeniia s povozkami rannei pory bronzobogo veka Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia. In: Pamiatniki drevnei istorii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Kiev 1985), 15-22 // И.Л. Алексеева, Н.М. Шмаглий, Погребения с повозками ранней поры бронзового века Северо-Западного Причерноморья. В: Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья (Киев 1985), 15-22.
- Brudiu 2003:** M. Brudiu, Lumea de sub tumuli din sudul Moldovei. De la indoeuropeni la turanicii târzii – mărturii arheologice (București 2003).
- Bruiaiko, Agul'nikov 2017:** I. Bruiaiko, S. Agul'nikov, Pogrebeniia epokhi rannego-srednego bronzovogo na terri-torii predmest'ia gorodishcha Kartal. RA XIII, 1-2, 2017, 86-103 // И. Бруяко, С. Агульников, Погребения эпохи раннего-среднего бронзового на территории предместья городища Картал. RA XIII, 1-2, 2017, 86-103.
- Chebotarenko, Iarovoi, Tel'nov 1989:** G.F. Chebotarenko, E.V. Iarovoi, N.P. Tel'nov, Kurgany Budzhakskoi stepi (Kishinev 1989) // Г.Ф. Чеботаренко, Е.В. Яровой, Н.П. Тельнов, Курганы Буджакской степи (Кишинев 1989).
- Cherniakov, Stanko, Gudkova 1986:** I.T. Cherniakov, V.N. Stanko, A.V. Gudkova, Kholmские kurgany. In: Issle-dovaniia po arkheologii Severo-Zapadnogo Prichernomorie (Kiev 1986), 53-96 // И.Т. Черняков, В.Н. Станко, А.В. Гудкова, Холмские курганы. В: Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморие (Киев 1986), 53-96.
- Ciobanu, Simalcsik 2017:** I. Ciobanu, A. Simalcsik, Date arheologice și antropologice privind mormintele scitice din tumulii 5 și 5A de la Crihana Veche. In: Programul și rezumatele comunicărilor conferinței „Patrimoniul cul-tural: cercetare, valorificare, promovare”, 30-31 mai (Chișinău 2017), 23.
- Croitoru 2013:** C. Croitoru, Galați. Repertoriul descoperirilor arheologice și numismatice (Galați 2013).
- Demchenko, Levitskii 1997:** T.I. Demchenko, O.G. Levitskii, Issledovanie kurganov epokhi bronzy v Kaushan-skom raione. In: Vestigii arheologice din Moldova (Chișinău 1997), 155-187 // Т.И. Демченко, О.Г. Левицкий, Исследование курганов эпохи бронзы в Каушанском районе. В: Vestigii arheologice din Moldova (Chișinău 1997), 155-187.
- Dergachev 1973:** V.A. Dergachev, Pamiatniki epokhi bronzy. АКМ 3, 1973 // В.А. Дергачев, Памятники эпохи бронзы. АКМ 3, 1973.
- Dergachev 1984:** V.A. Dergachev, Kurgany u s. Gura-Bikului. In: Kurgany v zonakh novostroek Moldavii (Kishinev 1984), 3-36 // В.А. Дергачев, Курганы у с. Гура-Быкулуй. В: Курганы в зонах новостроек Молдавии (Киши-нев 1984), 3-36.
- Dergachev 1986:** V.A. Dergachev, Moldavia i sosiednie territorii v epokhu bronzy (Kishinev 1986) // В.А. Дерга-чев, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Кишинев 1986).
- Dergachev, Sava 2016:** V.A. Dergachev, E.N. Sava, Issledovaniia kurganov vozle poselka Taracliia v 1979 godu. In (red. S. Tserna, B. Govedaritsa) Kul'turnye vzaimodeistviia. Dinamika i smysly (Kishinev 2016), 335-365 // В.А. Дергачев, Е.Н. Сава, Исследования курганов возле поселка Тараклия в 1979 году. В: (ред. С. Церна, Б. Гове-дарица) Культурные взаимодействия. Динамика и смыслы (Кишинев 2016), 335-365.
- Khakheu, Popovich 2010:** V. Khakheu, S. Popovich, Raskopki kurganov u s. Dziurdziulesht' v Nizhnem Poprut'e. RA VI, 1, 2010, 130-150 // В. Хахеу, С. Попович, Раскопки курганов у с. Жюржюлешть в Нижнем Попрутье. RA VI, 1, 2010, 130-150.
- Iarovoi 1984:** E.V. Iarovoi, Pogrebal'nyi obriad nekotorykh skotovodcheskikh plemen Srednego Pruta (po materi-alam raskopok u s. Korpach). In: Kurgany v zonakh novostroek Moldavii (Kishinev 1984), 37-75 // Е.В. Яровой, Погребальный обряд некоторых скотоводческих племен Среднего Прута (по материалам раскопок курга-нов у с. Корпач). В: Курганы в зонах новостроек Молдавии (Кишинев 1984), 37-75.
- Iarovoi 1985:** E.V. Iarovoi, Drevneishie skotovodcheskie plemena Iugo-Zapada SSSR (Kishinev 1985) // Е.В. Яро-вой, Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР (Кишинев 1985).
- Ivanova 2001:** S.V. Ivanova, Sotsial'naia struktura naseleniia iamnoi kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Odessa 2001) // С.В. Иванова, Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного При-черноморья (Одесса 2001).
- Ivanova 2013:** S.V. Ivanova, Iamnaia (Budzhakaskaia) kul'tura. In: (red. I.V. Bruiaiko, T.L. Samoilova) Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Odessa 2013), 211-255 // С.В. Иванова, Ямная (Буджакская) куль-тура. В: (ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова) Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2013), 211-255.
- Ivanova, Petrenko, Vetchinnikova 2005:** S. Ivanova, V. Petrenko, N. Vetchinnikova, Kurgany drevnikh skotovodov

mezhdurech'ia Iuzhnogo Buga i Dnestra (Odessa 2005) // С. Иванова, В. Петренко, Н. Ветчинникова, Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра (Одесса 2005).

Larina, Manzura, Khakheu 2008: O. Larina, I. Manzura, V. Khaheu, Brevichenskie kurgany (Kishinev 2008) // О. Ларина, И. Манзура, В. Хахеу, Брэвиченские курганы (Кишинев 2008).

Levițki, Manzura, Demcenko 1996: O. Levițki, I. Manzura, T. Demcenko, Necropola tumulară de la Sărăteni (București 1996).

Maliukevich, Agul'nikov, Popovich 2017: A.E. Maliukevich, S.M. Agul'nikov, S.S. Popovich, Kurgany pravoberezh'ia Dnestrovskogo limana u s. Mologa (Odessa-Kishinev 2017) // А.Е. Малюкевич, С.М. Агульников, С.С. Попович, Курганы правобережья Днестровского лимана у с. Молога (Одесса-Кишинев 2017).

Manzura, Klochko, Savva 1992: I.V. Manzura, E.O. Klochko, E.N. Savva, Kamenskie kurgany (Kishinev 1992) // И.В. Манзура, Е.О. Клочко, Е.Н. Савва, Каменские курганы (Кишинев 1992).

Popovich 2008: S. Popovich, Issledovaniia kurgana u g. Orhei. RA IV, 1, 2008, 93-100 // С. Попович, Исследования кургана у г. Орхей. RA IV, 1, 2008, 93-100.

Popovici, Ciobanu 2018: S. Popovici, I. Ciobanu, Tumulul 8 de la Alexandru Ioan Cuza, r-nul Cahul. In: Cercetări arheologice în Republica Moldova: Campania 2017: Sesiunea Națională de Rapoarte, 18aprilie 2018: Program: Rezumatele comunicărilor (Chișinău 2018), 34-36.

Shmaglii, Cherniakov 1970: N.M. Shmaglii, I.T. Cherniakov, Kurgany stepnoi chasti mezhdurech'ia Dunaia i Dnestra (1964-1966 gg.). MASP 6, 1970, 5-115 // Н.М. Шмаглий, И.Т. Черняков, Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964-1966 гг.). МАСП 6, 1970, 5-115.

Shmaglii, Cherniakov 1985: N.M. Shmaglii, I.T. Cherniakov, Kurgany na levoberezh'e Nizhnego Dnestra. In: Novye materialy po arkheologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Kiev 1985), 95-131 // Н.М. Шмаглий, И.Т. Черняков, Курганы на левобережье Нижнего Днестра. В: Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья (Киев 1985), 95-131.

Subbotin, Dzigovskii, Maiorov 1984: L.V. Subbotin, A.N. Dzigovskii, V.N. Maiorov, Okhrannye raskopki kurgana u s. Ogorodnoe. In: Severnoe Prichernomor'ie (materialy po arkheologii) (Kiev 1984), 104-111 // Л.В. Субботин, А.Н. Дзиговский, В.Н. Майоров, Охранные раскопки кургана у с. Огородное. В: Северное Причерноморье (материалы по археологии) (Киев 1984), 104-111.

Subbotin, Dzigovskii, Ostroverkhov 1998: L.V. Subbotin, A.N. Dzigovskii, A.S. Ostroverkhov, Arkheologicheskie drevnosti Budzhaka. Kurgany u sel Vishnevoe i Beloles'e (Odessa 1998) // Л.В. Субботин, А.Н. Дзиговский, А.С. Островерхов, Археологические древности Буджака. Курганы у сел Вишневое и Белолесье (Одесса 1998).

Subbotin, Razumov, Sinika 2017: L.V. Subbotin, S.N. Razumov, V.S. Sinika, Semeonovskie kurgany (Tiraspol' 2017) // Л.В. Субботин, С.Н. Разумов, В.С. Синика, Семёновские курганы (Тирасполь 2017).

Victoria Surdu, scientific researcher, Center of Archeology, Institute of Cultural Heritage, 1 Ștefan cel Mare bl., Chișinău, MD 2001, Republic of Moldova, e-mail: vicasurdu@yahoo.com

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Татьяна Гошко

Изучение технологии изготовления расписной керамики с поселения Триполье

Key words: Trypillia Culture, Trypillia settlement, painted pottery, experimental works with local clay and engobe.

Cuvinte cheie: Cultura Tripolie, aşezarea Tripolie, ceramică pictată, lucru experimental cu argilă locală și angobă.

Ключевые слова: трипольская культура, поселение Триполье, расписная керамика, экспериментальные работы с местной глиной и ангобами.

Tatiana Hoshko

The study of the technology of painted pottery from Trypillia site

A lot of fragments from painted pottery were found during the excavations at Trypillia site in 2018. Studying this finds, we were looking for local raw materials such as clay and minerals used for red and black paint. Other crucial questions were the composition of used engobes and the technologies of pottery painting. In the area of Trypillia, we discovered sources of all raw materials applicable for painted pottery production. The technique of painting and engobes was also investigated. The brushes turned out to be the most suitable tools, but the technique of applying fine lines has not been established. The composition of the base for the paints used in the painting of vessels requires further study. In general, the studies have shown the likelihood of local production of painted ceramics, primarily due to the availability of raw materials.

Tatiana Hoshko

Cercetarea tehnologiei de fabricare a ceramicii pictate din aşezarea Tripolie

În anul 2018, în procesul investigațiilor din aşezarea eponimă Tripolie, au fost găsite multiple fragmente de ceramică pictată. Studiind aceste descoperiri, ne-am propus identificarea materiei prime locale, cum ar fi argila și mineralele utilizate pentru vopseaua roșie și neagră. O altă problemă importantă ține de compoziția angobei și de tehnologiile folosite în aplicarea picturii. În regiunea localității Tripolie au fost găsite surse de materii prime potrivite pentru producerea ceramicii pictate. De asemenea, a fost investigată și tehnica de aplicare a picturii și a angobei. Periștele s-au dovedit a fi cel mai potrivit instrument, însă metoda de aplicare a liniilor subțiri nu a fost posibil de stabilit. Totodată, este necesară continuarea cercetării compoziției de bază a vopselelor utilizate la pictarea vaselor. În general, cercetările au demonstrat probabilitatea producerii locale a ceramicii pictate, în primul rând datorită existenței materiilor prime.

Татьяна Гошко

Изучение технологии изготовления расписной керамики с поселения Триполье

Во время раскопок на эпонимном поселении у с. Триполье в 2018 году было найдено много фрагментов расписной керамики. Изучая эти находки, мы ставили задачей отыскать местное сырье, такое как глина и минералы, используемые для красной и черной краски. Еще одним актуальным вопросом были состав использованных ангобов и технологии нанесения росписи. В районе Триполья обнаружены источники сырья, пригодного для производства расписной керамики. Техника росписи и ангобов также была исследована. Кисти оказались наиболее подходящим инструментом, но метод нанесения тонких линий не был установлен. Также требуется дальнейшее изучение состава основы для красок, используемых при покраске сосудов. В целом, исследования показали вероятность локального производства окрашенной керамики, в первую очередь, благодаря наличию сырья.

Расписную керамику трипольской культуры, в том числе технологию ее изготовления, исследуют уже более века. Были изучены рецептура и свойства глиняной массы, минералы для получения ангобов. Так, было установлено, что черную краску получали из оксидов

марганца, красную из охры или гематита, а темно-бурую – из болотной руды, белую – из талька или мела. В составе красок орнаментов выявлены органические белковые и углеводные соединения, которые использовались как связующие для минеральных красителей

[Podvigina et al. 1999, 36-37; Kalinina, Starkova 2016, 125-128; Constantinescu et al. 2007, 281-288]. Расписную керамику культуры А, к которой отнесено Триполье, изучала в 20-е годы XX в. В. Козловская. Тогда же были проведены первые анализы химического состава фрагментов керамики [Kozlovsk'ka 1926, 150]. Что касается исследований расписной керамики собственно с эпонимного памятника – поселения Триполье, то такое исследование известно лишь одно и проводилось оно в 30-е годы прошлого столетия [Krasnikov 1931, 10-12].

Идея начать экспериментальные работы по моделированию технологии расписывания керамики появилась во время археологической практики студентов Киевского университета им. Б. Гринченко на раскопках поселения Триполье в 2018 году, когда была проведена идентификация эпонимного памятника. В результате проведенных раскопок найдено большое количество фрагментов расписных сосудов разных форм и размеров, поэтому возникло предположение о том, что эту керамику могли изготавливать на месте [Videiko et al. 2018].

Для начала принято решение остановиться на изучении светло-глиняной посуды с темно-красной росписью, часто обведенной черным контуром. Тем более, что выходы глины, которая могла быть использована для ее изготовления, в конце 30-х годов XX века были обнаружены южнее расположения пристани в Триполье [Kul's'ka 1940, 316]. Были поставлены следующие исследовательские задачи: найти в районе трипольского поселения белую глину, пригодную для производства такой керамики; найти минералы и сырье, необходимые для изготовления ангобов, а также красного и темно-коричневого пигментов; изучить следы инструментов, которыми нанесена роспись и попытаться воссоздать их, а также реконструировать процесс росписи керамических изделий. Во время выполнения

Рис. 1. Расположение эпонимного поселения трипольской культуры и известные выходы мергелистой белой глины в районе с. Триполье: 1 – место расположения эпонимного поселения у с. Триполье; 2-4 – выходы глины.

Fig. 1. Location of the Trypillia site and places with white clay nearby: 1 – location of the site; 2-4 – clay sources.

программы возникали и иные вопросы, которые требовали решения.

Исследования глин в окрестностях поселения Триполье

В свое время, в ходе исследований керамики «культуры А» В. Козловская заказала химический анализ керамических изделий профессору Б.С. Лысину (известному специалисту в области изучения минерального сырья для керамического производства), он же сделал заключение о происхождении глин. Изучив образцы, Б.С. Лысин пришел к выводу, что глина (в том числе использованная при изготовлении расписной керамики) не находит аналогий среди известных ему «киевских глин», и высказал предположение, что она была привезена с левобережья Днепра – из районов Чернигова или Глухова [Kozlovsk'ka 1926, 156-157]. Что касается происхождения сырья, то и в самом деле, в то время в пределах Киевской губернии добыча глин в районе Триполья и прилегающих местностей не про-

изводилась, так что Б.С. Лысин мог и не располагать соответствующей информацией [Lisin 1918, 33-42].

Во время раскопок в 1925 г. у с. Веремье, под руководством В. Козловской, также не была сделана попытка найти образцы глины, пригодной для изготовления трипольской керамики в районе распространения «культуры А». И только в 2018 г. поиски, предпринятые автором, увенчались успехом.

Со времен исследований, проведенных 90-80 лет тому назад В. Козловской и О.А. Кульской, село Триполье значительно увеличилось в размерах и выходы желаемой глины удалось найти лишь на труднодоступных в наше время днепровских обрывах в районе сел Триполье и Халепье. Кроме того, по свидетельствам местных жителей, выходы белой глины были на склонах высокого правого берега р. Красной неподалеку от эпонимного поселения (рис. 1).

В результате исследований установлено, что материалом для трипольских гончаров могла служить местная мергелистая глина. Мергель содержит 30-90% карбонатов (кальцит, реже доломит) и, соответственно, 70-10% глинистых частиц. В зависимости от состава породообразующих карбонатных минералов мергели делятся на известняковые, доломитовые, глинистые и кремнеземистые. В отличие

от глины, с которой он очень схож, мергель интенсивно реагирует на раствор соляной кислоты (шипит и выделяет углекислый газ CO₂).

В найденной породе, происходящей с территории с. Триполье, под микроскопом замечено значительное количество измельченной ракушки и органики, а нанесение кислоты на образец сопровождалось активным шипением. Провести полноценный лабораторный анализ состава керамики у нас нет возможности, в силу объективных причин. Несколько анализов были выполнены на рентгенофлуоресцентном спектрометре, чтобы иметь, хотя и приблизительное, представление о составе глины и пигментов (табл. 1-3).

Обнаружение источника глины дало возможность изготовить из нее эталоны, которые были обожжены в муфельной печи при температурах от 400 до 1000°C, и сравнить с ними керамику трипольской культуры, найденную во время раскопок у Триполья в 2018 г. При этом мы исходили из того, что глина близкого состава при одинаковых температурах должна приобрести приблизительно и одинаковую окраску. Эталонные образцы, обожженные при температуре 700-800°C, а также некоторые керамические фрагменты, найденные на поселении, имеют примерно одинаковый цвет. Таким образом, можно предположить, что часть керамических изделий, найденных

Al ₂ O ₃	SiO ₂	SO ₃	K ₂ O	CaO	TiO ₂	Cr ₂ O ₃	MnO	Fe ₂ O ₃	SrO	ZrO ₂	Ag ₂ O	LE
11.99	49.78	0.05	1.251	26.25	0.423	0.035	0.036	2.631	0.075	0.013	0.054	7.42

Таблица 1. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа мергелистой глины из Триполья.

Table 1. X-ray fluorescence analysis of clay-marl from Trypillia.

Al ₂ O ₃	SiO ₂	SO ₃	K ₂ O	CaO	TiO ₂	Fe ₂ O ₃	ZnO	Rb ₂ O	SrO	ZrO ₂	Ag ₂ O	LE
7.375	39.41	13.23	1.192	6.738	0.284	20.75	0.048	0.01	0.063	0.013	0.026	12.89

Таблица 2. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа желтой конкреции.

Table 2. X-ray fluorescence analysis of yellow concretion.

Образец	Al ₂ O ₃	SiO ₂	P ₂ O ₅	SO ₃	K ₂ O	CaO	TiO ₂	Cr ₂ O ₃	MnO	Fe ₂ O ₃	CuO	Rb ₂ O	SrO	ZrO ₂	Ag ₂ O	Sb ₂ O	PbO
2	18.61	47.93	1.106	0.283	1.708	10.89	1.544	0.06	0.734	16.75	0.069	0.012	0.142	0.087	0.053	0.035	—
7	15.18	62.4	—	0.084	2.016	3.615	1.183	0.046	1.931	13.24	0.055	0.012	0.09	0.059	0.042	—	—
3	16,62	49,01	0,976	0,116	2,032	8,847	1,142	0,055	0,35	20,28	0,08	0,015	0,15	0,086	0,055	—	0,01

Примечания: образцы 2, 7 — черный ангоб; 3 — темно-красный ангоб

Таблица 3. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа ангобов росписей Примечания: образцы 2, 7 – черный ангоб; 3 – темно-красный ангоб.

Table 3. Results of X-ray fluorescence analysis of engobes on ornaments Notes: samples 2, 7 – black engobe; 3 – dark red engobe

на поселении, обжигалась при температурах около 700-800°C.

Среди найденных фрагментов расписной керамики есть один, цвет которого слегка темнее высушенной глины (рис. 2,2). При отжиге в муфельной печи до 600°C черепок и ангоб поменяли свой цвет. Таким образом, подтверждаются выводы Б.С. Лысина, о том, что некоторые готовые изделия сушили или обжигали при температуре свыше 300 градусов [Kozlovs'ka 1926, 157].

На некоторых обнаруженных в ходе раскопок фрагментах расписной керамики, изготовленной из мергелистой глины, сохранился светлый ангоб-фон, слегка отличающийся по цвету от керамического теста. Поиски источника для его изготовления привели к мергелистому суглинку, который трипольцы использовали для обмазки перекрытий построек. Эта порода залегает прямо на территории поселения на небольшой глубине, около 0,5 м от современной поверхности, что практически совпадает с глубиной залегания культурного слоя трипольского времени. Нанесение кислоты на кусочек этой породы сопровождалось заметным шипением. Мергелистый суглинок для изготовления керамики не пригоден, однако при небольшой добавке его к мергелистой глине, последняя приобретает слегка розовый оттенок. Смешивание этих двух составляющих в разных пропорциях (суглинка должно быть меньше) дает ангобы с разной насыщенностью цвета и хорошей спекаемостью с поверхностью черепка, что важно для качества росписи. Поэтому, возможно, поверхность изделий трипольской культуры покрывалась указанной смесью.

Нанесение ангоба на поверхность сосуда

По поводу технологии нанесения ангоба на поверхность сосудов существует несколько версий. Это и окунание их полностью или частично в раствор жидкой глины, нанесение ангоба тампоном, тканью или же кистью. На тех небольших фрагментах керамики из Триполья, где ангоб хорошо сохранился, видно (насколько позволяет сохранность поверхности изделий), что он нанесен равномерно, без пробелов. По этой причине установить способ нанесения ангоба-фона пока что не удалось

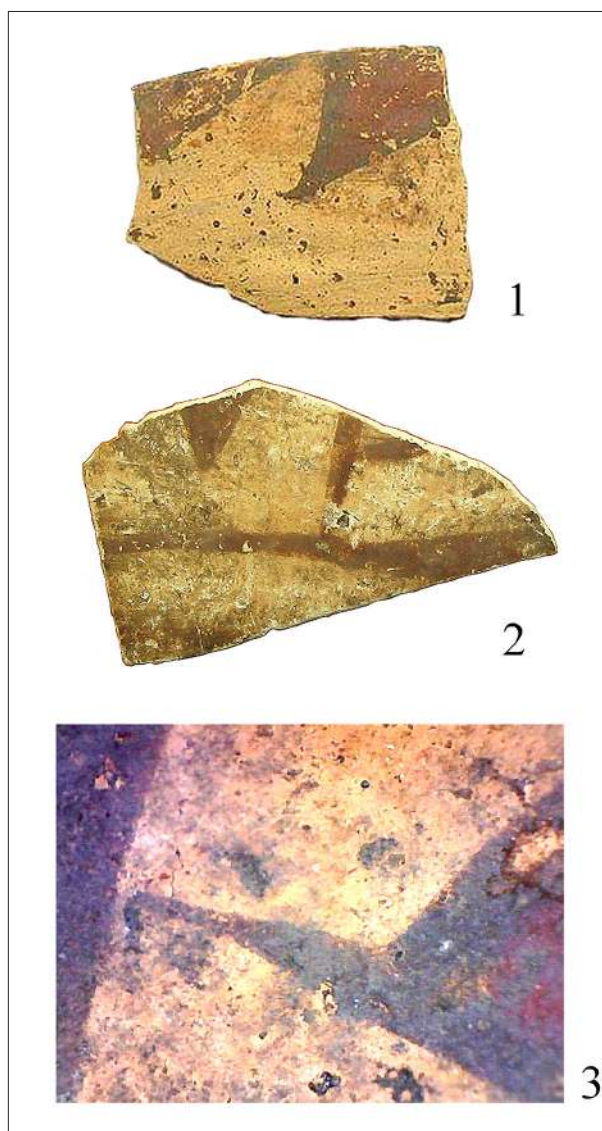

Рис. 2. Примеры изделий из раскопок у Триполья в 2018 г.: орнамент на фрагментах сосудов: 1 – темно-красный с черным контуром; 2 – темно-красный; 3 – узкий след от кисти на керамике.

Fig. 2. Samples of painted pottery from Trypillia, excavated in 2018: 1 – dark red contoured by black; 2 – dark red; 3 – narrow trace of brush on ceramics.

из-за ограниченности информации – следов орудий. В отличие от Триполья, на керамике с других поселений (Майданецкое, Медвин, Небелевка) в некоторых местах видны узкие параллельные следы орудия, похожего на кисть. Предполагалось, что это мог быть помазок из травы, пучок перьев или волосяная кисть. Эти три варианта и были испробованы.

Эксперименты показали, что кисть, изготовленная из сухой травы (свежая не под-

ходит) работает неплохо, но на относительно небольшом участке (рис. 3,1). Однако такая кисть забирает много ангоба, который к тому же на ней быстро высыхает. Кроме того сухая трава царапает непросохшую глину и быстро начинает крошиться. Из этого следует, что кисть для нанесения ангоба должна была быть достаточно мягкой.

Привычная для нас кисточка из шерсти животного оставляет после себя или полностью окрашенную поверхность, или густые параллельные мазки. А так как глина – абразив, то на большой площади такая кисть будет достаточно быстро приходиться в негодность.

Пучок перьев также не оправдал себя на больших площадях (рис. 3,2). Оказалось, что перья быстро слипаются и не дают таких параллельных следов, как на керамике из Майданецкого. Здесь есть следы, состоящие из параллельных полосок со штрихами шириной в 10 мм, очень напоминающие плоскую волосяную кисть (рис. 3,3).

Подобные кисти и в наше время делают из щетины кабана. Наиболее ценится щетина со спинной области. Она толстая, прямая, упругая и может достигать в длину до 140 мм. Из нее трипольские мастера вполне могли бы сделать плоские кисти для нанесения ангоба. Жесткая щетина в наше время используется преимущественно в масляной живописи. Такие кисти отличаются особой упругостью и быстро впитывают краску. То есть они могли хорошо удерживать и тяжелый ангоб. В результате, кисть из щетины показала наилучшие результаты (рис. 3,4). Если ангоб наносить особо тщательно, то поверхность в итоге будет покрыта вполне равномерно.

Исследование красок-ангобов с поселения у Триполья

В белой мергелистой глине встречаются небольшие желтые конкреции. Их состав размещен в таблице 2. Из таблицы видно, что со-

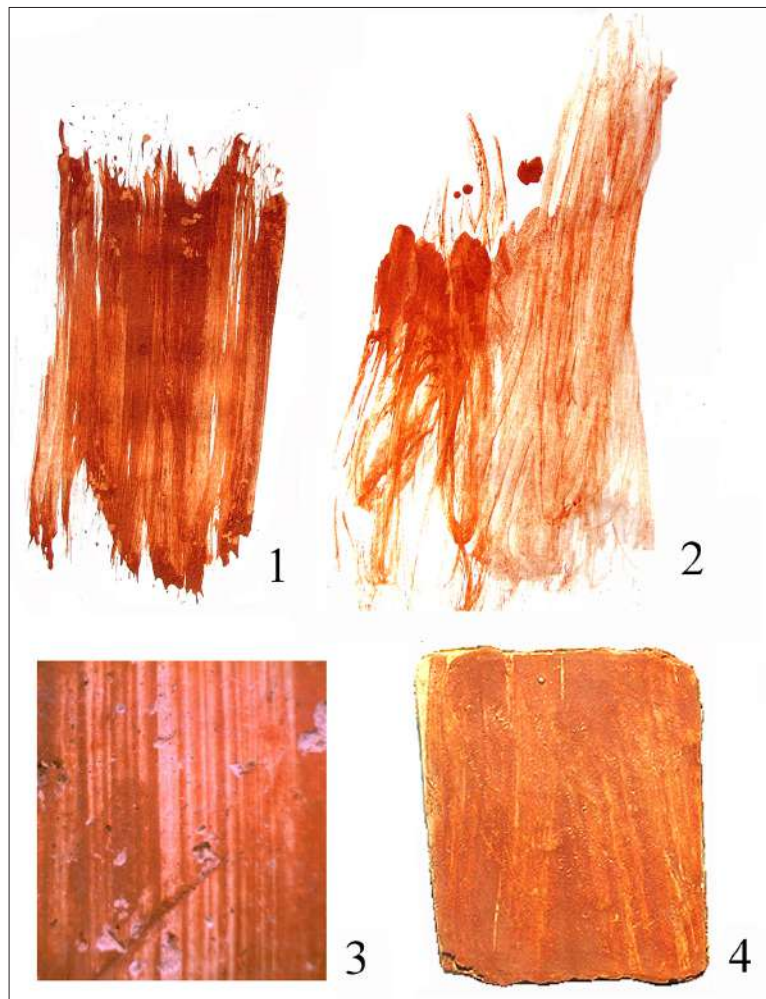

Рис. 3. Экспериментальные работы по изготовлению расписной керамики: следы, полученные в ходе эксперимента: 1 – от кисти из сухой травы; 2 – пучка перьев; 3 – следы на фрагменте керамики с пос. Майданецкое; 4 – экспериментальные следы от щетинной кисти.

Fig. 3. Experiments with production of painted pottery: traces of different brushes: 1 – from dry grass; 2 – from feathers; 3 – traces of brush on pottery from Maidanetske; 4 – traces from experimental bristle brush.

держание железа в этих включениях намного выше, чем в белой глине. Поэтому при обжиге цвет должен был быть красным. При обжиге эти конкреции приобрели цвет темно-красной охры, подобный тому, что наблюдаем на орнаментах сосудов.

Из необожженной конкреции была сделана краска-ангоб. Для этого предварительно измельченная конкреция была растерта в ступке с водой. Когда раствор отстоялся, а глинистые частицы осели на дно, лишняя вода была сцежена. Полученный раствор желтого

цвета (ангоб), слегка подсушенный, был нанесен на керамические пластины, сделанные из белой глины. Следует отметить, что эта глина даже без искусственных примесей прекрасно лепится и сохраняет нужную форму.

Попутно возник вопрос, когда же наносили ангоб – на необожженный или обожженный сосуд. Дело в том, что ангоб хорошо закрепляется на керамической поверхности только в том случае, когда оба материала имеют близкие температуры плавления. Только тогда происходит полноценное спекание. И второй вопрос: когда лощили черепок (а следы лощения сохранились и хорошо видны на части фрагментов керамики): до нанесения ангоба или же после, по ангобу? По И.П. Красникову ангоб наносили на необожженный черепок, после его лощения и только затем сосуд обжигали [Krasnikov 1931, 11-12].

Для проведения эксперимента были изготовлены две глиняные пластины: одна с предварительно залощенной поверхностью, вторая – с хорошо выровненной. На каждую нанесен обожженный ангоб и необожженный. После обжига при температуре 700°C спекание произошло лучше на второй пластине, а цвет ангоба стал одинаковым на обеих.

Орнамент, выполненный красной краской, часто обведен черным (темно-коричневым) контуром. Причем черный контур по-

ложен на края рисунка (рис. 2,1). Результат анализа обоих красок-ангобов приведен в таблице 3. Следует иметь в виду, что анализ проводился на поверхности, так как собрать достаточное количество вещества не удалось из-за тонкого сохранившегося слоя. Поэтому, вероятно, частично анализировалась и глиняная без ангоба поверхность. В целом, как мы видим, состав их очень схож, однако цветом они заметно отличаются. Очевидно, в черном пигменте присутствовало дополнительное составляющее, не регистрируемое спектрометром. Что касается изготовленного пигмента из найденных в глине железистых включений, то его не использовали для выполнения орнамента на сосудах из светлой мергелистой глины. Это подтверждается заметным отличием от остальных ангобов и в первую очередь отсутствием марганца (табл. 2-3).

Лощение поверхностей и нанесение росписи

Активное лощение поверхности керамики из мергелистой глины Триполья до и после нанесения ангоба визуально не отмечено. Не исключено, что поверхность только выглаживали. В ходе моделирования выяснилось, что усиленное лощение после обжига хотя и тускнеет, но все же остается в виде блестящей сплошной поверхности, отдельных участков

Рис. 4. Нанесение тонких прямых параллельных линий: 1 – линии на керамике из Триполья; 2 – экспериментальные следы от тростинки; 3 – экспериментальные следы от нити.

Fig. 4. Tracing of thin parallel lines: 1 – sample of lines on Trypillia Culture pottery; 2 – experimental painting by straw; 3 – experimental painting by filament.

или полос. Цветом они более темные.

Следующей задачей было определить, какими же инструментами пользовались керамисты-художники для нанесения рисунка на поверхность изделий. На трипольских росписях визуально можно наблюдать не менее двух видов кистей. Первый – с коротким ворсом (щетинный), который дает примерно прямоугольный мазок. Второй подобен тому, который используют мастера народной петриковской росписи, изготовленному из кошачьей шерсти – это так называемая «кошачка». Он дает мазок с очень тонким концом (рис. 2,3). Возникает резонный вопрос: из шерсти каких животных трипольские керамисты-художники могли делать кисти? Учитывая сходство трипольского и петриковского мазков, можно предположить, что трипольские мастера тоже использовали шерсть пушных животных. С трипольских памятников нам известна куница и кот лесной [Zhuravl'ov 2008, 61], шерсть которых вполне пригодна для изготовления таких кистей. Итак, контурные линии, по видимому, наносили кистями из шерсти пушных животных.

Интересным моментом является нанесение тонких прямых параллельных линий (рис. 4,1). Испытанные нами варианты использования для этого травинки (рис. 4,2) и нити (рис. 4,3) хотя и дали четкую прямую линию, но при малейшей неровности на керамической поверхности образовывался пробел, который исправить уже невозможно. Наиболее вероятно, что такие линии наносили пером. Однако нам получить пером тонкую прямую линию пока не удалось. Линия по насыщенности цвета получается неравномерной и краски хватает лишь на небольшой отрезок. Эти эксперименты следует продолжить.

Теперь о закреплении черного ангоба-краски. Ранее произведенные исследования росписей на неолитических сосудах показали следующие связующие материалы: белки, углеводы и липиды. Для закрепления росписей чаще использовались желток, белок яйца или молока, иногда желатин. Воско-смоляные или масляно-смоляные покрытия применялись для покрытия поверхности сосуда для предохранения ее повреждений [Podvigina et al. 1999, 36].

Как нам удалось установить экспериментальным путем, ангоб-фон закрепляется обжигом. Также обжигом закрепляется и темно-красная роспись, нанесенная на поверхность без ангоба. А вот с черным (темно-коричневым) ангобом-краской не удалось добиться спекания (во время опытов были использованы марганцевая руда и коричневая охра). Опытным путем установлено, что разведенный на камеди или желтке, ангоб прекрасно ложится на обожженную поверхность и при высыхании рукой не стирается (рис. 5). Но даже при невысоких нагревах (до 400°C) он разрушается и осыпается. Так что в итоге остаются в силе выводы, сделанные группой исследователей [Podvigina et al. 1999, 37] о том, что в ангобы для росписей вводились связующие вещества и в завершение вся поверхность сосуда покрывалась защитным слоем.

Пока осталось загадкой, как наносилось такое покрытие на поверхность сосудов. Воскование керамических изделий проводится в горячем состоянии. Только тогда воск хорошо проникает в поры, ровно ложится на поверхность. Неплохой результат показало покрытие воском нагретой до 200°C пластины с орнаментом. Хотя при этом вся поверхность темнеет, но орнамент лучше защищен от повреждений (рис. 5). Как это происходило на целых сосудах, возможно удастся решить при проведении новых опытов.

Рис. 5. Экспериментальный образец с черным ангобом, разведенным на желтке. Горячий образец покрыт расплавленным воском.

Fig. 5. Experimental sample with black paint, diluted on yolk. Heated sample was covered by melted wax.

Проведенные эксперименты показали, что только попытки понять и воспроизвести экспериментальным путем все операции, известные трипольским мастерам-керамистам, предоставляют определенную возможность осознать их знания и умение. Оказалось, что в районе поселения имеется вполне достаточно разнообразного сырья как для изготовления, так и отделки расписной керамики. Найденные ее образцы показывают, что ее производили в более значительных количествах, чем предполагалось ранее. Для нанесения ангобов могли использовать кисти, изготовленные из щетины животных.

Приведенные в данной статье результаты только начало задуманной работы. Пока не удалось найти материалы, подходящие для изготовления темно-коричневой и черной красок, не вполне понятной также осталась и завершающая обработка уже расписанной поверхности сосудов. Остается открытым вопрос поиска подходящих основ для ангобов. Представляют интерес эксперименты по обжигу керамики в реконструированном гончарном горне. Продолжение экспериментов и поисков сырья позволит найти ответы на поставленные вопросы.

Библиография

- Constantinescu et al. 2007:** B. Constantinescu, R. Bugoi, E. Pantos, D. Popovici, Phase and chemical composition analysis of pigments used in Cucuteni Neolithic painted ceramics. *Documenta Praehistorica* XXXIV, 2007, 281-288.
- Zhuravl'ov 2008:** О.П. Zhuravl'ov, Tvarinnitstvo ta mislivstvo u tripil'skikh plemen na teritorii Ukraïni (Київ 2008) // О.П. Журавльов, Тваринництво та мисливство у трипільських племен на території України. (Київ 2008).
- Kalinina, Starkova 2016:** K.B. Kalinina, E.G. Starkova, The technical features of Tripolye ceramic production (in Russian and English). Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. Материалы международной научной конференции 24-27 мая 2016, Санкт-Петербург (Санкт-Петербург 2016), 125-128.
- Kozlovs'ka 1926:** V. Kozlovs'ka, Keramika kul'turi A. In: (ed. V. Kozlovs'ka) Tripil's'ka kul'tura na Ukraïni (Київ 1926), випуск 1, 139-157 // В. Козловська, Кераміка культури А. У зб.: (ред. В. Козловська) Трипільська культура на Україні (Київ 1926), випуск 1, 139-157.
- Krasnikov 1931:** I.P. Krasnikov, Tripol'skaia keramika (tekhnologicheskii etiud). Soobshcheniia GAIMK 3, 1931, 10-12 // И.П. Красников, Трипольская керамика (технологический этюд). Сообщения ГАИМК 3, 1931, 10-12.
- Kul's'ka 1940:** O.A. Kul's'ka, Keramika tripil'skoi kul'turi: khimiko-tekhnologichni doslidzhennia. In: (ed. O.A. Kul's'ka) Tripil's'ka kul'tura (Київ 1940), 307-323 // O.A. Кульська, Кераміка трипільської культури: хіміко-технологічні дослідження. У: (ред. O.A. Кульська) Трипільська культура (Київ 1940), 307-323
- Lisin 1918:** B.S. Lisin, Glini i gliniana promislovist' Ukraïni (Київ 1918) // Б.С. Лисін, Глини і глиняна промисловість України (Київ 1918).
- Podvigina et al. 1999:** N.L. Podvigina, S.A. Pisareva, V.N. Kireeva, I.V. Palaguta, Issledovanie raspisnoi eneoliticheskoi keramiki kul'tury Tripol'e-Kukuteni (IV-III tys. do n.e.). *Khudozhestvennoe nasledie* 17, 1999, 33-37 // Н.Л. Подвигина, С.А. Писарева, В.Н. Киреева, И.В. Палагута, Исследование расписной энеолитической керамики культуры Триполье-Кукутени (IV-III тыс. до н.э.). *Художественное наследие* 17, 1999, 33-37.
- Videiko et al. 2018:** M. Videiko, N. Burdo, Ye. Sliesariev, M.M. Videiko. Archaeological investigations near Trypillia in 2018. In: *Trypillia Civilization Journal*, 2018: url: <http://trypillia.com/2018/149-mykhailo-videiko-nataliia-burdo-yevhen-sliesariev-mariia-videiko-archaeological-investigations-near-trypillia-in-2018>

Татьяна Гошко, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии историко-философского факультета Киевского университета им. Бориса Гринченко, ул. Бульварно-Кудрявская, 18/2, г. Киев, Украина, e-mail: goshko_t@ukr.net

Дарья Родионова, Елена Кагакина

Антропологический подход к изучению древних культур региона как методологическая основа подготовки музеологов

Key words: anthropological approach, museologist, higher education, education of museum staff, exploring ancient cultures.

Cuvinte cheie: abordare antropologică, muzeolog, învățământ superior, formarea muzeologilor, studiul culturilor antice.

Ключевые слова: антропологический подход, муzeолог, высшее образование, подготовка музеологов, изучение древних культур.

Daria Rodionova, Elena Kagakina

Anthropological approach to study ancient cultures of the region as methodological basis for training museum specialists

The article attempts to substantiate the anthropological approach to study the ancient cultures of the region as a methodological basis for training future museum specialists. The authors prove that the anthropological approach to study ancient cultures of the region as a methodological basis for training museum specialists will allow to solve such problems as: readiness of future specialists to work in the conditions of the collection-centred paradigm taking into account advanced education that allows training them for work in the museum-centrist and anthropological paradigms; providing openness of an educational institution by incorporating it into the regional museum space; diversification and variability of education in the field of museology in accordance with the trends in developing the social and cultural sphere and the directions of cultural policy and development strategy of culture.

Presently, the training of museum specialists is an urgent task of science and practice related primarily to the expansion of the functions of modern museums and museum-type institutions, as well as lack of systematic training.

Daria Rodionova, Elena Kagakina

Abordarea antropologică în studierea culturilor antice din regiune ca bază metodologică pentru pregătirea muzeologilor

În articol se încearcă argumentarea abordării antropologice a studiului culturilor antice din regiune ca bază metodologică pentru pregătirea viitorilor specialiști din muzee. Autorii demonstrează că abordarea antropologică în studiul culturilor antice din regiune, ca bază metodologică pentru formarea muzeologilor va rezolva următoarele probleme cum ar fi disponibilitatea viitorilor specialiști de a lucra în condițiile paradigmei bazate pe colectare centrată, ținând cont de educația avansată și formarea acestora pentru a lucra în paradigmele muzeului-centrist și antropologic; asigurarea deschiderii unei instituții de învățământ prin includerea acestora în spațiul muzeal regional, diversificarea și variabilitatea educației în domeniul muzeologiei, în conformitate cu tendințele dezvoltării sferei sociale și culturale și a direcțiilor politicii culturale și strategiilor de dezvoltare a culturii.

În prezent, formarea muzeologilor reprezintă o sarcină urgentă a științei și practicii, fiind strict legată în primul rând de extinderea funcțiilor muzeelor moderne și a instituțiilor de tip muzeu, precum și de lipsa instruirii sistematice a specialiștilor.

Дарья Родионова, Елена Кагакина

Антропологический подход к изучению древних культур региона как методологическая основа подготовки музеологов

В статье предпринята попытка обосновать антропологический подход к изучению древних культур региона как методологической основы для подготовки будущих музейных специалистов. Авторы аргументируют, что антропологический подход к изучению древних культур региона как методологической основы подготовки музеологов позволит решить следующие проблемы подготовки музеологов как готовность будущих специалистов к работе в условиях коллекционноцентристской парадигмы с учетом опережающего образования и позволяет готовить их к работе в музеецентристской и антропологической парадигм, обеспечение открытости образовательного учреждения за счет включения его в региональное музейное пространство, диверсификация и вариативность образования в области муzeологии в соответствии с тенденциями развития социокультурной сферы и направлениями реализации культурной политики и стратегии развития культуры.

Подготовка музеологов в настоящее время представляет собой актуальную задачу науки и практики связанную прежде всего с расширением функций современных музеев и учреждений музейного типа, а также отсутствие системности подготовки кадров.

Российское музееведческое образование в XX в. формировалось в рамках исторического, культурно-просветительного и художественного образования, соответственно подготовка кадров для музеев осуществлялась в учебных заведениях разного профиля и ведомственного подчинения. На сегодняшний день существует корпус родственных направлений подготовки и специальностей («История», «Документоведение и архивоведение», «Теория и история искусств» и другие), которые в структуре профессиональной подготовки имеют музееведческие дисциплины.

Наше исследование показало, что самые ранние программы подготовки специалистов для музеев, разрабатываемые высшими учебными заведениями в 80х гг. XX века были тесно связаны традиционными научными дисциплинами – археологией, антропологией, отечественной историей, историей искусств и др. Российские и зарубежные программы подготовки музеологов учитывали перспективы деятельности в музее, основные направления музейной деятельности, однако обучение происходило в рамках раздела вышеуказанных дисциплин, учившие применять полученные знания определенной науки в практической музейной деятельности. То, что касается подготовки музейных кадров за рубежом такое положение объяснялось следующими причинами – невозможность продлить сроки обучения, финансовыми трудностями, нежеланием признать необходимость дополнительной подготовки. Руководители программ подготовки музейных работников уделяли особое внимание традиционным дисциплинам и причиной тому было отсутствие отдельных дисциплин, предусматривающих изучение различных аспектов музейной деятельности.

Подготовка музеологов в настоящее время представляет собой актуальную задачу науки и практики. Это обусловлено следующими причинами. Во-первых, изменением целей и соответственно расширением функций современных музеев. Посетители не только и не столько получают определенный объем информации, с помощью которой познают историю и окружающий их современный мир, но расширяют свои представления о себе и своих возможностях. Они могут включаться не толь-

ко в рациональное познание фактов, событий, относящихся к разным историческим эпохам, но и постигать культуру прошлого и настоящего, включаясь в исполнение песен, танцев, понимая смысл обрядов, праздников, костюмов, традиций различных культур и народов. То есть, музей становится не только местом хранения имеющих историческое или культурное значение объектов, но и местом диалога культур, общения человека и различных эпох и культур, что обеспечивает основания для эмоционального и ценностного развития его посетителей [Kaplunov, Rodionova, Nasonov 2016]. То есть, в современном музее реализуется идея И. Канта о том, что знание только тогда имеет ценность, когда оно помогает человеку стать человечнее. Как отмечает Л.М. Шляхтина, в современном музее «не методологическая заданность только одной профильной науки, а междисциплинарные проектные идеи определяют ракурс видения того или иного явления, превращая ценности историко-культурного и природного характера в многомерный феномен, гипертекст, соединяя порой пространство и время в форме свободных конфигураций: «Новое рождается сегодня не в профильных областях знаний и даже не на стыке их, а в результате обмена смыслами между ними, трансляцией и взаимопереводимостью их языков» [Shliakhtina 2011, 16].

Второй причиной, актуализирующей исследование проблематики подготовки музеологов, является отсутствие системности этой подготовки. Отдельные компоненты методологии и теории подготовки музеологов (проблемы, цели, содержание, технологии, этапы, школы подготовки музеологов в вузах культуры России и др.) были исследованы нами ранее [Rodionova, Kagakina 2012; 2016].

Системообразующее значение для дальнейшего исследования, организации и совершенствования подготовки музеологов имеет разработка ее методологических основ. Под методологией мы будем понимать учение об организации деятельности. Это понимание является традиционным, общепринятым для философии, педагогики, культурологии и других наук. Оно позволяет нам в процессе исследования определить методологические основы подготовки музеологов для работы в совре-

менных условиях и в обозримой перспективе. Данное основание должно отвечать определенным требованиям. Во-первых, оно должно быть общеметодологическим. Во-вторых, оно должно быть профессиональным, то есть являться методологической основой для теории музейной деятельности и практики деятельности музейных специалистов. В-третьих, оно должно быть педагогическим, то есть являться методологической основой для организации образовательного процесса по подготовке музееведов в вузе.

Указанным требованиям отвечает антропологический подход к изучению древних культур региона, разработанный и реализующийся на кафедре музейного дела Кемеровского государственного института культуры. В процессе поиска общеметодологических, профессиональных и педагогических значений антропологического подхода к изучению древних культур в процессе подготовки музееведов мы исходили из того, что музееведение возникло в рамках культурологии на «пересечении» ряда наук: история (в особенности этнография, археология и др.), философия (этика, эстетика и др. философские дисциплины), педагогика, социология, антропология, социальная психология, искусствоведение и др. Использование данного подхода позволяет сформировать у студентов ценность тех или иных феноменов культуры в целом и музейного дела в частности. Понятие «культура» в антропологии выражает следующее: культурное становление (просвещение) общества и человека; совокупность (целостность) общественных и человеческих обычаев, традиций, привычек, учреждений и т.п.; естественная целостность (система), противостоящая другим культурным целостностям.

Антропологический принцип был сформулирован Л. Фейербахом. Он означал необходимость соотносить все изучаемое философом с природой человека. С тех пор антропологическая проблематика в современной науке и социокультурной практике становится все более актуальной. Е.М. Сергейчик обосновала, что «антропологический подход является общенаучным подходом и представляет собой совокупность методов получения, обработки, систематизации, проверки знаний, используе-

мых и в естественных, и в гуманитарных науках. Антропологический подход возникает во второй половине XIX века в науках, для которых человек становится приоритетным объектом исследования, а знания о нем нуждаются в интеграции для создания целостного и всестороннего представления. Философским основанием антропологического подхода выступает философская антропология – совокупность идей, принципов, составляющих фундамент неклассической философии – новой парадигмы, пришедшей на смену классической на рубеже XX века. Поэтому антропологический подход обладает высокой степенью всеобщности по отношению к частным наукам и затрагивает философские и мировоззренческие основания наук, в т. ч. и педагогики» [Sergeichik 2018, 71]

Антропологический подход в социокультурных исследованиях и культурологии рассматривает в качестве главной ценности межкультурное общение и понимание. «При таком понимании культурный анализ – это способность «читать» сообщения, посылаемые обществом и людьми друг другу не только в вербальном или письменном выражении, а в форме любых культурных феноменов. Форма зданий, пространственная организация помещений, одежда, мимические реакции, повседневные ритуалы, наконец, реклама, СМИ, произведения искусства – все это тексты, в пространстве которых и под влиянием которых проходит жизнь человека» [Brandt 2014, 18].

В психологии антропологический подход предлагается рассматривать в качестве принципа [Slobodchikov, Isaev 1995, 31]. А.А. Белик определяет психологическую антропологию как междисциплинарную «отрасль знания, изучающую этнические особенности психики людей, национальный характер, закономерности формирования и функции национального самосознания, этнических стереотипов и т.д.» [Belik 2009, 484].

Антропологический подход в педагогике и образовании в современных условиях представлен в двух вариантах: как общепедагогический и как частнометодический. Общепедагогический аспект рассматривает человека в качестве субъекта, активного участника процесса обучения. Частнометодический аспект

«позволяет углубить представление о человеке как участнике воспитательно-образовательного процесса, его индивидуальной, социальной эволюции» [Loginova 2018, 346].

В рамках музеологии и музейной практики антропологический подход предполагает обращение к человеку как главной фигуре музейной коммуникации. При этом существенно изменился метод, известный в настоящее время как мягкая музейфикация он не требует прекращения функционирования памятника и его изъятия из социокультурной среды. Мягкая музейфикация привела к появлению живых, или средовых, музеев, создающих цельные невербальные образы феноменов истории, культуры, природы, обладающие большими гносеологическими возможностями. Именно музейфикация целых территорий способствовала возникновению новых учреждений музейного типа, обогативших современную типологию музеев и ознаменовавших новый рубеж в теории и практике сохранения и освоения культурного наследия. В процессе исследования и разработки методологических основ подготовки музеологов в вузе мы учитывали, что антропологический подход позволил осуществить пересмотр представлений о хронологических рамках наследия: сегодня музейными предметами становятся реалии современной жизни. Следовательно, студенты должны быть готовы к осуществлению музейфикации объектов современной жизни.

По данным Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области на сегодняшний день в регионе зарегистрировано около 800 памятников археологии. Археологические исследования на территории нашей области, интенсивно начавшиеся с конца 50-х годов XX века, выявили различные археологические памятники: поселения, стоянки, могильники, писаницы, плавильни, клады и др. Как отмечал в своей работе А.М. Кулемзин, непосредственный участник археологических открытий на территории Кузбасса, «...от первых полуфантастических сведений русских землепроходцев об археологических памятниках Южной Сибири археология пришла к воссозданию длительной исторической картины заселения и освоения человеком этого сурового края» [Kulemzin 1985, 107-105].

Одно из первых упоминаний об археологических памятниках находящихся на территории современной Кемеровской области относится к концу XVII века «...на краю реки Томи лежит камень велик и высок, а на нем писано звери и скоты, и птицы, и всякие подобия...» [Okladnikov, Martynov 1972, 9]. В последующие 150 лет писаницы на данной территории стали активно изучаться, о чем свидетельствуют труды таких ученых как Г.Ф.Миллер, Г.С. Спасский [Spasskii 1835]. Впоследствии наскальные изображения на правом берегу р. Томи у деревни Писаная, в 60 км ниже г. Кемерово, где на гладких поверхностях скалы изображена люди, лоси, птицы и другие животные в 1964-1967 гг. были обследованы А.П. Окладниковым и А.И. Мартыновым. Датировка памятника от эпохи неолита до железного века. Еще одна писаница находится напротив села Новороманово. На скалах выбиты изображения лосей, антропоморфные фигуры, сцены охоты. Данный памятник открыт А. Корчугановым в 1966 году. В 1967 году обследован А.И. Мартыновым, Ю.М. Бородкиным и В.В. Бобровым. Датировка от неолита до эпохи металла. Еще одни наскальные изображения на правом берегу р. Томи в том же районе Кемеровской области обследовались А.И. Мартыновым, Ю.М. Бородкиным, В.В. Бобровым, П.Я. Герасимовым в 1967 году. Изображения лосей, медведя и других животных датируются эпохой неолита – раннего железного века.

В 1988 г. в данном районе был открыт историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская писаница» в основе которого находится скала, первое упоминание о которой, как было указано выше, относится к концу XVII века.

Еще одним интереснейшим объектом на территории Кемеровской области является комплекс памятников археологии, истории и уникальных природных объектов (палеонтология, геология, зоология и ботаника), расположенный в долине среднего течения р. Кии, у села Шестаково Чебулинского муниципального района. На данной территории сконцентрировано около 50 археологических памятников от верхнего палеолита до раннего Средневековья. Наиболее ценными являются три палеонтологических местонахождения окаменевших скеле-

тов динозавров (*Psittacosaurus sibiricus*) и других животных раннемелового периода (*Krokodilia Taharosuhus Kulemsini*). Особый интерес представляют курганные группы (Шестаково I, Шестаково II, Шестаково III), где были раскопаны погребальные склепы, найдено большое количество металлических предметов: пластичные диадемы, бляшки, миниатюрное оружие и др. Особую ценность представляет глиняный скульптурный портрет (маска) погребенного человека.

Кроме того, на данной территории зафиксировано более 25 поселений [Kulemzin 2015, 40-52].

Все это в совокупности дает основу для создания на базе Шестаковского археологического комплекса природного и культурного комплексного музея-заповедника.

В работе И.В. Андреевой рассматривается динамика развития музеологии [Andreeva 2016, 11]. Согласно представленным в работе результатам анализа и обобщения, музеология прошла в своем развитии ряд этапов соответственно следующим парадигмам: коллекционноцентристская, музеецентристская, антропологический подход. «Происходит смещение акцентов с музеологии предметов к музеологии идей» [Andreeva 2016, 14].

Студенты направления подготовки 51.03.04 «Музеология и охрана памятников культурного и природного наследия» Кемеровского государственного института культуры осваивают профессию в условиях антропологического подхода на базе следующих памятников археологии: Шестаковский археологический комплекс, Чебулинский район, правый берег р. Кия, окрестности с. Шестаково; Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская писаница», Яшкинский район деревня Писаная. Первый памятник в настоящее время проходит становление в качестве учреждения музейного типа. С большой долей вероятности это будет музей без коллекций, так как в рамках сетевого регионального взаимодействия музеев коллекция будет находиться в Кемеровском областном краеведческом музее. Таким образом, студенты в процессе подготовки в вузе должны быть готовы к работе в музейном учреждении практически только в рамках музеецентристской и антропологической парадигмы. В то же время

в рамках регионального музейного пространства присутствуют все три парадигмы. Поэтому в деятельности отдельных выпускников вуза – будущих музейных работников соотношение различных парадигм может быть различным. Мы допускаем, что в отдельных случаях музей может представлять собой пространство, преимущественно предназначенное для общения и формирования этнокультурной компетентности посетителей, удовлетворение их культурных и досуговых потребностей и предпочтений, культурной и гражданской идентичности и др. В этих случаях именно антропологический подход позволит разрешать противоречия, вызванные несоответствием нормативно обусловленного образования, обеспечивающего подготовку музеологов, трансформациям общества, социально-культурной сферы и музейных учреждений.

Осуществленное нами обоснование антропологического подхода к изучению древних культур региона как методологической основы подготовки музеологов позволит решить следующие проблемы подготовки будущих специалистов для работы в учреждениях музейного типа:

- сочетание в образовательном процессе воспроизводящего и опережающего компонентов (воспроизводящее образование обеспечивает готовность будущих специалистов к работе в условиях коллекционноцентристской парадигмы, опережающее образование позволяет готовить их к работе в музеецентристской и антропологической парадигм);

- индивидуализация и дифференциация подготовки музеологов на основе профессиографического подхода, позволяющего описать варианты профессиональной деятельности выпускника не только в различных учреждениях, но и парадигмах музейной деятельности, а также уточняющего профессиональные и образовательные стандарты подготовки студентов по соответствующему направлению;

- обеспечение открытости образовательного учреждения за счет включения его в региональное музейное пространство; диверсификация и вариативность образования в области музеологии в соответствии с тенденциями развития социокультурной сферы и направлениями реализации культурной политики и стратегии развития культуры.

Библиография

- Andreeva 2016:** I.V. Andreeva, Paradigmal'nyi podkhod v muzeologii i integrativnaia me-todologiya P. Van Mensha. Vestnik ChGAKI 1, 2016, 7-21 // И.В. Андреева, Парадигмальный подход в музеологии и интегративная методология П. Ван Менша. Вестник ЧГАКИ, 1, 2016, 7-21.
- Belik 2009:** А.А. Belik, Kul'turnaia (sotsial'naia) antropologiya (Moskva 2009) // А.А. Белик, Культурная (социальная) антропология (Москва 2009).
- Brandt 2014:** G.A. Brandt, «Kul'turologiya»: tupiki i opyty vykhoda. Chelovek v mire kul'tury, 3, 2014, 17-20 // Г.А. Брандт «Культурология»: тупики и опыты выхода. Человек в мире культуры, 3, 2014, 17-20.
- Kaplunov, Rodionova, Nasonov 2016:** V.A. Kaplunov, D.D. Rodionova, A.A. Nasonov, Rol' kompleksnogo arkheologicheskogo muzeia-zapovednika v razvitiі vnutrennego turizma. Chelovek i kul'tura, 4, 2016, 110-117 // В.А. Каплунов, Д.Д. Родионова, А.А. Насонов, Роль комплексного археологического музея-заповедника в развитии внутреннего туризма. Человек и культура, 4, 2016, 110-117.
- Kulemzin 1985:** А.М. Kulemzin, Istoriia izucheniia arkheologicheskikh pamiatnikov v Kemerovskoi oblasti. Arkheologiya Iuzhnoi Sibiri (Kemerovo 1985) // А.М. Кулемзин, История изучения археологических памятников в Кемеровской области. Археология Южной Сибири (Кемерово 1985).
- Kulemzin 2015:** А.М. Kulemzin, Vos'moe chudo Kuzbassa: Shestakovskii muzei-zapovednik (Kemerovo 2015) // А.М. Кулемзин, Восьмое чудо Кузбасса: Шестаковский музей-заповедник (Кемерово 2015).
- Loginova 2018:** V.S. Loginova, Antropologicheskii podkhod k osvoeniiu istoriko-pedagogicheskikh znaniі v kontekste gumanizatsii obrazovaniia. Izvestiia Saratovskogo univesiteta. Novaia seriia Seriiia Filosofia. Psikhologiya. Pedagogika, 3, 2018, 344-348 // В.С. Логинова, Антропологический подход к освоению историко-педагогических знаний в контексте гуманизации образования. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика, 3, 2018, 344-348.
- Okladnikov, Martynov 1972:** А.П. Okladnikov, А.И. Martynov, Sokrovishcha Tomskikh pisanits (Moskva 1972) // А.П. Окладников, А.И. Мартынов, Сокровища Томских писаниц (Москва 1972).
- Rodionova, Kagakina 2012:** D.D. Rodionova, E.A. Kagakina, Model' podgotovki bakalavrov na osnove soglasovaniia obrazovatel'nykh i professional'nykh standartov (na primere napravleniia 072300 «Muzeologiya i okhrana ob'ektov kul'turnogo i prirodnogo naslediia»). Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, 7, 2012, 121-125 // Д.Д. Родионова, Е.А. Кагакина, Модель подготовки бакалавров на основе согласования образовательных и профессиональных стандартов (на примере направления 072300 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия»). Вестник Кемеровского государственного университета, 7, 2012, 121-125.
- Rodionova, Kagakina 2016:** D.D. Rodionova, E.A. Kagakina, Primenenie tekhnologii praktiko-orientirovannogo obucheniia pri podgotovke spetsialistov napravleniia „Muzeologiya i okhrana ob'ektov kul'turnogo i prirodnogo naslediia”. Nauchnyi dialog, 3, 2016, 329-340 // Д.Д. Родионова, Е.А. Кагакина, Применение технологий практико-ориентированного обучения при подготовке специалистов направления «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия». Научный диалог, 3, 2016, 329-340.
- Sergeichik 2018:** Е.М. Sergeichik, Filosofskie osnovaniia antropologicheskogo podkhoda v postklassicheskoi nauke. Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriiia: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 3, 2018, 70-83 // Е.М. Сергейчик Философские основания антропологического подхода в постклассической науке. Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 3, 2018, 70-83.
- Shliakhtina 2011:** L.M. Shliakhtina, Sovremennyi muzei: idei i realii. Voprosy muzeologii, 2, 2011, 14-20 // Л.М. Шляхтина Современный музей: идеи и реалии. Вопросы музеологии, 2, 2011, 14-20.
- Slobodchikov, Isaev 1995:** V.I. Slobodchikov, E.I. Isaev, Osnovy psikhologicheskoi antropologii. Psikhologiya cheloveka: Vvedenie v psikhologiyu sub'ektivnosti (Moskva 1995) // В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев, Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности (Москва 1995).
- Spasskii 1835:** G. Spasskii, O dostoprimechatel'neishikh pamiatnikakh sibirskikh drevnostei i skhodstve nekotorykh iz nikh s velikorusskimi (Sankt-Petersburg 1835) // Г. Спасский, О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими (Санкт-Петербург 1835).

Дарья Родионова, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой музейного дела ФГБОУ ВО

«Кемеровского государственного института культуры», руководитель учебно-методического объединения по направлению подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» Федерального учебно-методического объединения по укрупненной группе специальностей «Культуроведение и социокультурные проекты», ул. Ворошилова, 17, Кемерово, Россия, e-mail: kafedraMD@yandex.ru

Елена Кагакина, доктор педагогических наук, доцент, профессор межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики ФГБОУ ВО «Кемеровского государственного университета», ул. Красная, 6, Кемерово, Россия, e-mail: shkola3a@yandex.ru

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Синика, Скифский могильник III-II вв. до н.э.
у с. Глиное, Tipografia Centrală, 2016, 1096 p., 64 fig. color și alb-negru, LXXXV pl. color și alb-negru,
ISBN 978-9975-4486-1-1//ISBN 978-9975-3148-1-7

*The complete publication of Glinoe Scythian cemetery and the question of
“The third century crises”: a review with some considerations*

My first steps in archeology were made in the domain of Scythian studies [Romanchuk1999; Romanchuk 2004]. Later, my research interests shifted to more ancient times. Even though, I was very close to the Scythian times in my subsequent studies, I never crossed the line in these cases either.

However, my research interest in Scythian culture has never completely disappeared. Perhaps it would be better to say that it has just been put to sleep for a while. This was probably the decisive reason to return to the Scythian theme at the earliest opportunity. However, another reason was perhaps even more important. I mean, the opportunity, I am talking about now, was the proposal to review one of undoubtedly outstanding publication on Scythian studies. Therefore, it is my greatest pleasure to present here a very important and interesting monograph. This is the complete publication of the late Scythian burial ground Glinoe on the Lower Dniester, which was carried out by N.P. Telnov, I.V. Chetverikov and V.S. Sinika [Tel’nov, Chetverikov, Sinika 2016]. The perfectly well published monograph has more than a thousand pages and is the result of more than twenty-years work of the authors.

Presenting this work of tremendous significance, I would like to begin with the fact that more than six hundred pages of the monograph (p. 35-668) describe (and very thoroughly) each of the 181 investigated graves of Glinoe. This exhaustive description includes a huge variety of details that very often elude the eyes of researchers. However, it does not surprise me. I had the opportunity to participate in the excavations with N. P. Telnov, as well as with V.I. Sinika, and I was truly impressed with their thoroughness and accuracy as excavators.

The significance of this site is of paramount importance in the discussion of the so-called “the

crisis of the third century” (meaning the “mystery” of the III century BC, when classical Scythia disappeared, and, as suggested by many researchers, on a large part of the Eurasian steppe we see no, or almost no, archaeological monuments of this time. The current state of the affairs is considered in a special issue devoted to the “lost century” (*Stratum plus* No. 3, 2016). The interest is so high that even if the authors had put a full stop here, they could have considered their task accomplished. However, they did not stop, and continued with very interesting analytical chapters. First, this is Chapter V (p. 967-1000), which considers the Glinoe burial ground in the full context of the Scythian culture of the Northern Black Sea region. It summarizes and recapitulates the analytics of Chapter III (p. 669-934; the chapter examines the burial rite and the constructions of the Glinoe burial ground) and of Chapter IV (p. 935-966; the chapter presents an analysis of the chronological indicators of the cemetery), as well as

the second paragraph (p. 15-34) of Chapter I, the historiographical chapter.

Many interesting questions are discussed in the analytical part of the monograph. It is not in my power to present here even a small part of these questions. However, almost all of them could be reduced to three key issues. This is the polemic of the authors with S.V. Polin concerning his idea of the absence of Scythian burials of the III century BC (1), the authors' denial of the fact that the "third century crisis" had such "catastrophic" consequences for Scythia, as it is commonly believed (2), and the idea of the Late Scythian culture of the Lower Dniester as a result of local continuous evolution, also proposed by the authors (p. 966) (3).

The discussion with S.V. Polin appears in many parts of the monograph, but mainly in chapter V (pp. 985-996). The authors, sometimes, in a too polemical style, quite convincingly, I believe, prove that the greatest part of the burials in Glinoe are dated in the interval of the III-II centuries BC. Moreover, on the Lower Dniester as a whole, 239 burials were excavated (this is 46% of the total number of the investigated ones), which date back to the III-II centuries BC (p. 982). It is important that there are also many burials dated in the interval the end of the IV – the first half of the III centuries BC.

Thus, in my opinion, the authors have succeeded quite well in their first task. Moreover, they point to some Scythian burials with a probable date of the III century BC, which originate from other areas of the Northern Black Sea region. However, the authors emphasize that they "do not pretend to draw the picture of the significant number of Scythian burials of the III-II centuries BC in all parts of the Northern Black Sea region" (p. 996). These analogies should also be discussed, of course. Nevertheless, it is quite clear, I believe, that the apocalyptic picture of the complete "exodus" of Scythian culture at the end of the IV century BC, drawn earlier by many researchers, and by S.V. Polin in particular, does not correspond to the real state of affairs.

Should we also conclude that the authors succeeded in denying the "catastrophic" influence of the "third century crisis"? Equally as in the proof of the thesis, that the Late Scythian culture of the Lower Dniester is just a simple result of the continuous evolution of the local version of the classical Scythian culture? These questions are the most complex, and I should note here some

important facts that, I believe, do not allow us to accept these conclusions without reservations.

Let me start with the problem of the crisis. Above all, the position of the authors should be clarified: "We do not deny that some military-political events occurred in the first quarter of the III century BC ... However, we believe that the historical evolution of the Northern Black Sea steppes from the Danube in the west to the Don in the east continued under conditions of absolute dominance of the Scythian culture ... " (p. 1002). Well, at least the first part of this thesis sounds very reasonable. Leaving aside the situation in the Northern Black Sea region as a whole, we can obviously prove the crisis in the Lower Dniester.

First, the authors themselves conclude that Greek imports in Glinoe burials quantitatively declined in comparison with the preceding time (p. 984); and not only in Glinoe. "A very small amount of ceramic imports" was found "in all the Scythian burials of this time in the Tiraspol region" (p. 967). They explain this fact, as well as the relative poverty of these burials "by the decline of the economic potential of the Scythians and of their trading partners" (p. 985). The "decline" implies a crisis, I believe. Although it is unclear what caused this decline.

The analysis of Greek amphora imports, in general, on the Lower Dniester draws a much more accurate and complex picture of this crisis. Although it does not give us any clues about its causes. Thus, according to V.I. Kats, six periods of Greek amphora imports to the Lower Dniester can be distinguished [Kats 2012, 93-94]. The second period (350s - middle of 330s BC) is characterized by a sharp increase (by three times) in imports. The fourth (305-271 BC) is more controversial, since imports fell by 20% compared with the third period; imports from Sinope fell by four times. At the same time, Chersonesus imports grew by five times; the level of imports from Thasos and from Heraclea remained fairly high. The fifth period (270-246 BC) is key to the issue of interest to us, since at that time imports stopped almost completely. Whatever the reasons, this was undoubtedly a major crisis and for quite a long time.

The sixth period (245-216 BC) brought new drastic changes. Imports grow to their highest level (though, 90% of these products were from Sinope) for the entire examined time. However, the number of settlements with imports fell by half.

The center of economic life shifted to new “economic centers”, where imports were mainly concentrated¹.

Thus, at least on the Lower Dniester, some very dramatic events in the first half of the III century BC have occurred. In reality, this crisis did not destroy the Late Scythian culture of the Lower Dniester where the Glinoe burial ground existed in the III-II centuries BC.

Well, does this mean that a similar conclusion is true for the whole territory “from the Danube to the Don”? I am not so sure for now.

Turning to the thesis of the “continuous evolution” of the Late Scythian culture of the Lower Dniester, we also see a much more complicated picture. Yes, there are many features common to both the classical and the late Scythian periods on the Lower Dniester. However, there are even more features that make these two periods very different from each other.

Some of these features obviously represent the external influences. Although even despite the scale of this influence, we cannot define it as something more than an influence. I mean here a very strong influence on behalf the **La Tène** cultures, and especially the Poyaneshty-Lukashevka culture. One could even say that it was an extraordinary influence. This can be observed in many metal objects, and especially in the La Tène fibulae, which were found in 66 graves of Glinoe in the amount of 88 specimens (p. 886, 980). Ten fibulae were found in some other tumuli of this period on the Lower Dniester.

Fibulas are “extremely rare” in Scythian burials; “the main part of fibulae finds originate from the Scythian burials of the Danube-Dniester steppe interfluve” (48 fibulas from 36 graves on the left bank of the Lower Danube, and 12 come from the left bank of the Dniester besides Glinoe (p. 886)). Re-

1. This information raises new questions. The Chobruchi and Krasnoe settlements are located in the immediate vicinity of the Glinoe cemetery. The authors even suggest that it was in the settlement of Krasnoe (which is located 1.5 km south of Glinoe) where the Scythians lived, and who buried their dead in the Glinoe cemetery (p. 982). In that case, why did Greek imports concentrate only in the settlements mentioned? The question sounds all the more reasonable if we take into account the obvious Greek influence on the funeral rite of the Glinoe burial ground (p. 967-971). Light fixtures, modeled in the Greek style, were found in 46 graves in Glinoe (i.e. in 25% of graves; the total number of these finds in Glinoe is 57 (66 on the Lower Dniester as a whole), while in all other regions of Scythia only 32 (p. 970)), which presents a vivid illustration of this influence.

lying only on fibulae and some other metal accessories of the Glinoe Scythian costume, the authors themselves speak of a “Celtic-Scythian synthesis” in the Lower Dniester region.

What about bowls? Specifically, bowls and fibulae are traditionally considered as two very important, even key features of the La Tène cultures in Eastern Europe. In addition, it is namely bowls, especially bowls with an edge on the body, were very popular in Glinoe (p. 830). Here, 110 burials with bowls, i.e., more than 60%, were investigated. It looks even more eloquent if we recall that “bowls were extremely rare in the Scythian burials of the steppe part of the Northern Black Sea region” (p. 848)².

Thus, with some reservations, we could even define the late Scythian Glinoe cemetery as part of the La Tène cultures. What, obviously, is a significant difference in comparison with the previous period.

Yes, none of the above-mentioned innovations affect the key characteristics of the burial rite or other areas of culture that we usually use for cultural identification. As I have already mentioned, all this is only the result of some external influences. These La Tène influences obviously do not imply a change in population. What about ethnic change? I think it still remains a question.

However, there have been some significant changes in the burial rite. As far as I can judge, we can hardly explain these changes without the assumption that a certain new ethnic group (or

2. Bowls with an edge on the body (48 of 74) are interpreted by the authors as “Thracian influence”. However, they themselves point out that these bowls were popular in the Poyaneshty-Lukashevka and Zarubinetsky culture; this type existed in the Jastorf and Przeworska cultures, but it was relatively rare. Besides, I would like to mention here that some experts consider the tradition of ceramic vessels with an edge on the body as a characteristic feature of the La Tène culture (for details see: [Romanchuk 2013, 77, prim. 35]).

Regardless of whether this idea is true or not, it is clear enough I believe that all (or almost all) “Thracian influences” in Glinoe material culture (like bracelets or earrings with “spatula-like endings” (p. 974), or ceramics (p. 976)) represent the influences of the Poyaneshty-Lukashevka culture (which originated on the obvious Getic (i.e., Thracian) substratum, as far as I can tell). Thus, I believe that it is much more correct to speak about the “influence of Poyaneshty-Lukashevka”. Especially if we take into account that the burial rite of Glinoe does not show any traces of the Thracian (Getic) influence (p. 977). The only exception cited by the authors (a cup dug into the floor of the burial chamber) has direct analogies, again, precisely in Poyaneshty-Lukashevka culture.

groups) came to the Lower Dniester in the III century BC. This “new group” is characterized by new features of the burial rite. First of all, these are catacombs of types III and V. The catacombs of type III (with a chamber, whose long axis is perpendicular to the dromos) constitute 64% (116 burials) in Glinoe; this is four times more than in the previous period (p. 675). Belonging to the second half of the IV century BC - first third of the III century BC, there are known 33 catacombs (15%) of this type in the North-Western Black Sea region. The absolute majority of them (31 burials) are found in the Lower Danube. This fact, along with some others, prompts one to think of E.I. Redina's idea (rejected by the authors) that “Lower Dniester Late Scythia” arose as a result of the return migration of one of the Scythian groups from the Lower Danube (p. 983).

An important fact is that in the absolute majority of the catacombs of type III (100 of Glinoe burials), the buried are oriented to the north (p. 680); 94 of them have chambers and dromos to the east of the pit entrance. It is not less important, I believe, that 88 (76%) of type III catacombs belong to the main burial in the tumulus (p. 683). The inlet burials in type III catacombs were “usually” admitted to the same tumuli, where the main burials were also made in type III catacombs (p. 683). Type V catacombs (the long axes of the burial chambers and the pit entrances are angled to each other) are obviously a derivative of type III. In previous times, this type was extremely rare in the region (two burials, less than 1%). The Glinoe cemetery represents 24 (13%) burials of this type; in 62% of cases, it was also the main burial (p. 685). Thus, types III and V catacombs make up together approximately 78% of Glinoe burials (p. 692).

Relying on [Ol'khovskii 1991, 169], the authors, do not consider this fact as something strange. However, according to V.S. Ol'khovskii, the catacombs became very popular (64%) in Scythia in the IV-III centuries BC (types II-IX appeared in the first half - middle of the IV century BC), but it was type I that dominated (49.9%) in Scythia [Ol'khovskii 1991, 27, 94-95]. Type III catacombs make up only 10.7% of the catacombs of Scythia; type V - 6.2% [Ol'khovskii 1991, 28].

Thus, the Glinoe cemetery at least stands apart among other Scythian groups; the frequency of types III and V for this group was about five times higher than the average in Scythia.

It is essential to emphasize that the authors, comparing the frequencies of types, features or the finds from Glinoe with the preceding period, often use (and in this case also) for this purpose the period “IV – beginning of the III century BC”, or “V – beginning of the III century BC”, or even “end of the IV - beginning of the III century BC”. I do not think that this is the right approach, since, based on the current reconstructions of the history of classical Scythia, we should expect that the changes characteristic of the Scythian culture of the III century BC were manifested in the last third of the IV century BC or even earlier³.

As for the northern orientation of the buried (79% of the total number of those buried in Glinoe, or 87% of those buried with a meridional orientation), the authors consider this fact as a typical tendency for Scythia.

However, this is obviously also a much more complicated question. First of all, for the Lower Dniester during the period “V – beginning of the III century BC”(sic!) the northern orientation of the buried was found in 12 cases, or 4.4% (p. 756); for Scythia as a whole: V century BC – 5.3%; “end of the IV – beginning of the III century BC” – 14.4%. I think this is a very expressive difference in comparison with Glinoe.

Moreover, according to [Ol'khovskii 1991, 104], for Scythia as a whole in the IV-III c. BC, the frequency of western orientation of the buried remained at about the same level (62%) as in

3. In addition, when the authors look for analogies, they often think (or, at least, it looks like this) of Scythia as of something “whole”, as a truly unified culture “from the Danube to the Don rivers”. Apparently that is why, they do not pay special attention to the scattered, dispersed nature of many of the analogies they cite.

However, it is quite clear, I believe, that Scythia has never been a single culture, but rather a conglomeration of various local and ethnic groups. The recent excellent and very interesting dissertation of D.A. Topal [Topal 2018] demonstrated this once again even for the Carpathian-Dniester region. According to his results, even the Scythian daggers and short swords were a local, or better to say, a “localized” phenomenon in the Carpathian-Dniester region.

Although, I would like here to slightly clarify some of his subsequent conclusions. So, this does not allow me to agree with D.A. Topal in the fact that “a plenty of accidental finds of Scythian weapons near the Eastern Carpathian Mountains ... should be explained by Scythian movements from Moldova to Transylvania” [Topal 2018, 61]. This interpretation does not correlate, I think, with his own other conclusion: “the akinakai of Shumeiko type occupy the Byrlad Plateau while the Vetersvelde type daggers are concentrated in the Neamts subgroup on the Suchava Plateau” [Topal 2018, 135].

the V century BC, while the eastern orientation dropped to 22%. The main part of the local groups of the Scythian culture of the IV-III centuries BC preferred precisely the western orientation; a particularly high level of western orientation of the buried (83-86%) was characteristic of the Ingulets, Yagorlyk-Kalanchak and Lower Don groups. Eastern orientation prevailed in the Lower Dniester (!) and Olbia regions; Lower Danube preferred the western orientation.

V.S. Olkhovsky also noted that for Scythian burials in type III and V catacombs, the meridional, especially northern orientation of the buried prevailed. Whereas in the catacombs of all other types, the western orientation prevailed.

Thus, these facts demonstrate, I believe, that the complex "catacombs of types III and V; the meridional (mostly northern) orientation of the buried" in Glinoe can hardly be explained as a result of the evolution of the local, Lower Dniester trend, as well as the result of influences from the neighboring (Lower Danube, Olbia, Ingulets, Yagorlyk-Kalanchak) or even distant (Lower Don) Scythian groups examined by V.S. Olkhovsky. This innovation was, I believe, the result of an external impulse.

I have no intention here to give an answer to the question where the source of this impulse was located. Although, nevertheless, let me remind you that the Late Sarmatian culture was characterized by the predominance of the northern orientation of the buried (the Southern Urals - 100% of burials; the Left Bank of the Volga - 88%; in Kalmykia, the southern orientation prevailed - 62%). M.G. Moshkova suggests that the impulse came from Central Asia [Moshkova 2009, 93]⁴.

The complex of features of the funeral rite in Glinoe, which we are discussing now, also has other frequent components. First, this is the tradition of the burials of dogs at the pit entrance of the catacomb (62 burials, or 34%). Such a frequency

"has no analogies in the Scythian culture of the Northern Black Sea region" (p. 732-733). V.S. Olkhovsky mentions only eight cases, these being exclusively aristocratic burials.

It is important to emphasize that no burials of dogs (or horses) were found in type I catacombs (p. 734). Thus, the burials of dogs are associated exclusively with catacombs of other types, and above all types III and V.

The next element of the complex is the tradition of "smearing green clay", which was "very popular" in Glinoe (53 burials, or 29% (p. 737)). It is very closely connected with the burials of dogs (in 47 cases, in 43 burials) this smear with green clay was found just under the bones of the dogs; this is 68% of the burials, although the real proportion was probably even higher). Besides, the application of green clay was found in ten horse burials, and in ten cases was found under the bones of people.

The authors tried to bring evidence in favor of the idea that the tradition of applying green clay smears was something common to the whole Scythian culture (p. 738). I do not think, however, that they have succeeded in this task. The analogies given by them are very rare (moreover, sometimes the authors reconstruct these analogies) and are territorially scattered. The earliest are concentrated in Ciscaucasia. However, was this region the original source of tradition? I do not know.

Another important fact are the incense burners decorated with flutes, as well as the mirrors. Incense burners were also very popular, 80 pieces were found in Glinoe, and 98 in the Lower Dniester altogether (p. 902, 908). That "is comparable to the number of finds in all other regions of the Northern Black Sea Scythia". For accuracy: in the Lower Danube - 5; Southern Bug - 9 (mainly from the necropolis and from the settlement of Olbia); Crimea - 37; Lower Dnieper - 13, of which 7 - on the Lower Dnieper, 3 - on the Left Bank of the Dnieper (two pieces come from the same burial ground; it is interesting to note that the authors of the publication of the burial ground believe that the burial with a censer is "to a full extent Sarmatian"); North Azov Sea region - 4 (the same story with the controversial "Scythian or Sarmatian" attribution of burial with a censer); Donetsk basin - 2; Middle Don - 4; Lower Don, from the Elizavetovsk settlement - 22. It is a very informative and speaking for itself picture, I suppose.

4. The Middle Sarmatian culture preferred the southern orientation. Taking into account that all these cultures are derived from one common Iranian root, the situation is such that the choice between the northern or southern orientation of the deceased is predetermined by the initial localization of various Iranian groups with respect to the place where they located the entrance to the other world.

Is it possible that the localization of Glinoe (to the north of the settlement of Krasnoye) should also be explained by this belief? At least, based on ethnographic data, we know that in modern Moldovan villages cemeteries were originally located always on the western outskirts of the village.

The authors themselves have previously suggested that the Meot incense burners of Kuban were the prototypes of this category of finds from Glinoe (p. 914-915). This idea seems very convincing. However, how can it be connected with the idea of the local origin of the Scythians of Glinoe?

Further, fourteen bronze mirrors were found in 14 graves of Glinoe (p. 894). "Intentional mirror damage was found for ten of 14 finds" (p. 901). Should we add here that the tradition of breaking or damaging burial mirrors is considered specifically Sarmatian in literature (p. 895)?

The authors do not agree with the idea of explaining this feature of Glinoe as a result of the Sarmatian influence, since there is no evidence of Sarmatian burials of this time on the Lower Dniester. Indeed, this is a reasonable objection.

However, should the Sarmatian tribes of the period that interests us, be identified exclusively with the Early Sarmatian (or Mid-Sarmatian) archaeological cultures?

At least, the name "thissamats" of the decree in honor of Protogen sounds similar to the names of the Sauromatian and Sarmatian tribes (for details see: [Romanchuk, Tsvigun 2013, 294-295]), although without any trace of the Sarmatian culture in the regions adjacent to Olbia in that period.

I could mention here some more unusual features of the Glinoe funeral rites for the Lower

Dniester in the previous periods (see: p. 743; 751; 762; 766-771)⁵. However, I see no need to do so here.

Interestingly enough, some researchers, including two authors of the monograph under review (I. V. Chetverikov, and V. S. Sinika), attempted earlier to explain the origin of Glinoe by the migration of Sarmatians, Syraks, Asiaks, or Meots (p. 23-25). They later rejected these ideas. However, maybe it is the case to still think about it? I suppose everyone should answer this question for himself.

In conclusion, I would like to emphasize once again that my questions to some interpretations of the authors do not alter my first and main conclusion at all: this is an excellent work that presents an exceptionally important archaeological site for specialists, as well as very interesting and useful authors' interpretations of these archaeological materials.

5. Besides the burial rite, we can point out some categories of material culture. First, it concerns the absolute predominance of iron arrowheads in Glinoe (996 pieces of iron arrowheads, while bronze arrowheads were found in the total number of 95 pieces only, i. e. 10 times less).

The Middle Don is a unique region of Scythian culture where the iron arrowheads were five times more than bronze ones in the V c. BC.

For sure, I agree with the authors that this fact by itself does not mean the influence of the Middle Don region on Glinoe Scythians. However, this proportion of iron\bronze arrowheads looks like something unusual for Lower Dniester too.

Bibliography

- Kats 2012:** V.I. Kats, Amfornye kleima iz Podnestrov'ia. In: (red. N.P. Tel'nov) Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III-II vv. do n.e. (Tiraspol' 2012), 87-95 // В.И. Кац, Амфорные клейма из Поднепровья. В: (отв. ред. Н.П. Тельнов) Древности Северного Причерноморья III-II вв. до н.э. (Тирасполь 2012), 87-95.
- Moshkova 2009:** M.G. Moshkova, Analiz sarmatskikh pogrebal'nykh pamiatnikov II-IV vv. n.e. In: (red. M.G. Moshkova) Statisticheskaja obrabotka pogrebal'nykh pamiatnikov Aziatskoi Sarmatii. Vyp. IV. Pozdnesarmatskaia kul'tura (Moskva 2009), 21-162 // М.Г. Мошкова, Анализ сарматских погребальных памятников II-IV вв. н. э. В: (ред. М.Г. Мошкова) Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура (Москва 2009), 21-162.
- Ol'khovskii 1991:** V.S. Ol'khovskii, Pogrebal'no-pominal'naia obriadnost' naseleniia stepnoi Skifii (VII-III vv. do n.e.) (Moskva 1991) // В.С. Ольховский, Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.) (Москва 1991).
- Romanchuk 1999:** A.A. Romanchuk, Tri kita ranneskifskoi kul'tury na volnakh illiriiskoi ekspansii. Stratum plus 3, 1999, 260-273 // А.А. Романчук, Три кита раннескифской культуры на волнах иллирийской экспансии. Stratum plus 3, 1999, 260-273.
- Romanchuk 2004:** A.A. Romanchuk, The Early Scythian Culture as a problem of interpretation. In: (red. Ja. Chochorovsky), Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci (in honor of T. Sulimirski) (Krakow 2004), 375-385.

Romanchuk 2013: A.A. Romanchuk, Variago-russkii vopros v sovremennoi diskussii: vzgliad so storony. Vestnik KIGIT 36 (6), 2013, 73-131 // А.А. Романчук, Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны. Вестник КИГИТ 36 (6), 2013, 73-131.

Romanchuk, Tsvigun 2013: A.A. Romanchuk, Iu.O. Tsvigun, Savromaty i saviry: k vozmozhnosti utochneniia voprosa ob etnicheskoi prirode. Stratum plus 3, 2013, 293-320 // А.А. Романчук, Ю.О. Цвигун, Савроматы и савиры: к возможности уточнения вопроса об этнической природе. Stratum plus 3, 2013, 293-320.

Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016: N.P. Tel'nov, I.A. Chetverikov, V.S. Sinika, Skifskii mogil'nik III-II vv. do n.e. u s. Glinoe (Kishinev 2016) // Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Синика, Скифский могильник III-II вв. до н.э. у с. Глиное (Кишинев 2016).

Topal 2018: D.A. Topal, Skifskoe klinkovoe vooruzhenie VII-IV vv. do n.e. (iugo-zapad Vostochnoi Evropy). Disseritatsiia na soiskanie uchenoi stepeni doktora istorii (Kishinev 2018) // Д.А. Топал, Скифское клинковое вооружение VII-IV вв. до н.э. (юго-запад Восточной Европы). Диссертация на соискание ученой степени доктора истории (Кишинёв 2018).

Aleksey A. Romanchuk

Aurora Pețan, Sarmizegetusa Regia 1. Redescoperirea cetății,
Editura Dacica, Alun, 2018, 600 pagini, 33 planșe color, ISBN 978-606-8538-00-6

Volumul prezentat succint în rândurile de mai jos reprezintă o apariție editorială de dată recentă, semnat de doamna Aurora Pețan și intitulat *Sarmizegetusa Regia 1. Redescoperirea cetății*. Apărută recent, în condiții grafice cu totul deosebite, sub egida *Centrului de Studii al Fundației Dacica* – ce desfășoară o activitate științifică absolut remarcabilă – lucrarea de față poate fi considerată o piatră de temelie în eforturile de a înțelege și valoriza cultura și civilizația dacică. Ea răspunde astfel unui deznăscut al istoriografiei românești de a re-analiza și dezbate, cu mijloace de cercetare moderne și fără implicații afectiv-naționaliste, cultura materială și spirituală a populațiilor autohtone din perioada *La Tene*-ului târziu. Consistentă atât prin calitatea cercetării cât și ca volum de informații (600 pagini + 33 planșe color, bine realizate), lucrarea Aurorei Pețan are la bază teza de doctorat în istorie – cu titlul *Cercetările de la Grădiștea Muncelului (jud. Hunedoara) până la Primul Război Mondial* – sub îndrumarea doamnei dr. Cornelia-Magda Lazarovici, susținută în anul 2017 la Iași, în cadrul Institutului de Arheologie. În forma actuală, pentru publicare, a fost îmbunătățită și lărgită considerabil, prin adăugarea unor subcapitole și a părții a III-a.

Structural, volumul conține trei părți, precedate de o serie de capitole preliminare ce au drept obiectiv familiarizarea cititorului cu scopul demersului, metodologia de cercetare, prezentarea surselor investigate, a istoriografiei, precum și o serie de repere geografice și toponimice, foarte utile, care fixează limitele spațiale ale așezării din Munții Șureanu.

Cele trei capitole ale volumului – **I.** Istoricul cercetărilor și fondul documentar, **II.** Rezultatele cercetărilor și **III.** Redescoperirea cetății, constituie trei subiecte în sine, subsumate unor ramuri de cercetare distincte: istoriografie, arheologie și istorie – ce constituie un tot unitar al poveștii Sarmizegetusei Regia în veacul al XIX-lea și la începutul celui următor.

Primul capitol reprezintă așadar un demers istoriografic. El își propune să regăsească, să scoată la lumină „veacul pierdut al Sarmizegetusei”. Prin această sintagmă extraordinară, autoarea face refe-

rire la perioada romantică a cercetărilor arheologice de la Grădiștea de Munte dintre 1803 – an în care apar primele rapoarte de săpătură ale fercului austriac și 1918 – anul când se produce unirea Transilvaniei cu Regatul României, iar redescoperirea trecutului devine un simbol al identității naționale.

În cercetările arheologice de pionierat de la Sarmizegetusa Regia autoarea evidențiază patru etape distincte, după cum urmează: **1.** 1520-1803 – perioada legată de activitatea căutătorilor de comori. După cum era firesc, ruinele așezării au atras încă din evul mediu atenția căutătorilor de comori, fiind menționată descoperirea unor tezaure importante în 1491, 1543, 1784, 1790, 1802-1803 sau 1804, ce au declanșat o adevărată goană după aur. **2.** Săpăturile fercului austriac din anii 1803-1804, declanșate de numeroasele descoperiri monetare amintite mai sus. Acestea au avut, din păcate, un caracter neștiințific și au afectat foarte mult situl arheologic, fără să se obțină rezultatele scontate. Mai mult decât atât, rezultatele acestor săpături au fost, până acum, aproape necunoscute, și este meritul Aurorei Pețan de a scoate la lumină, valorifica și interpreta tot acest material de arhivă, extrem de vast și important. **3.** Mijlocul secolului al XIX-lea – epoca anticarilor, caracterizată prin pasiune,

entuziasm și diletantism și reprezentată de o serie de intelectuali (precum Ferencz László, Michael Ackner, Fodor András Lugosi și alții), care cercează ruinele pe cont propriu și alcătuiesc o serie de rapoarte cu date extrem de interesante despre așezare. 4. Ultima perioadă, datată cu aproximație între 1880 și 1918, este cea a nașterii arheologiei în Transilvania, a cărei principală trăsătură o reprezintă apariția asociațiilor și instituțiilor de profil, adică – în sens larg – începutul profesionalizării arheologiei, putând fi amintite contribuțiile lui Friedrich și Heinrich Müller, Téglás Gábor, Finály Gábor și alții.

Cel de-al doilea capitol al volumului, cel dedicat obiectivelor cercetate, artefactelor și materialelor arheologice, este cel mai eterogen. Plecând de la delimitările zonale făcute în cercetările de la 1803-1804, au fost delimitate cinci zone: fortificația, zona de la sud de fortificație – baia romană, zona de la est de fortificație (terasele 9-11), turnul pentagonal (inclus de autoare în zona estică) și zona de la vest de fortificație. Pentru fiecare din aceste obiective, Aurora Pețan a alcătuit un mic dosar de informații din documentația cercetată, completat cu date din stadiul actual al cercetărilor și interpretări. În ceea ce privește *corpus*-ul consistent al artefactelor arheologice, acestea sunt grupate în funcție de materialul din care sunt confecționate (piatră, lut, metale, sticlă), la care se adaugă un capitol dedicat materiilor prime și materialelor, unul dedicat materiilor organice și unul, descoperirilor monetare. După cum subliniază însă autoarea, trebuie ținut seama de faptul că identificările de artefacte, în rapoartele vechi, au fost făcute de persoane ce aveau cunoștințe reduse asupra civilizației materiale dacice și romane, astfel că acestea trebuie privite, de multe ori, critic. De aceea Aurora Pețan nu se limitează doar la sistematizarea informațiilor documentare, ci caută să ofere interpretări, apelând permanent la stadiul actual al cercetărilor.

Ultimul capitol al volumului – intitulat sugestiv *Redescoperirea cetății* – caută „să extragă înțelesurile cele mai importante ale întregii aventuri și să recompună istoria acestui secol al Sarmizegetusei Regia”. Redescoperirea cetății este privită din trei unghiuri diferite: povestea acestei redescoperiri, care se scrie, pe de-o parte, în spațiul modestului cătun Grădiștea de Munte, iar pe de alta, în birourile cărturarilor vremii; contextul în care s-a desfășurat această poveste, cu ideologiile și curentele sale de gândire, precum și modul în care această poveste a fost receptată în secolul următor. Acest capitol deopotrivă fascinant și revelator reprezintă un excurs captivant în trecutul plin de măreție și de mister al „orașului fără nume” de la Grădiștea de Munte.

La final, volumul prezintă un consistent rezumat în limba engleză, fapt ce îl face accesibil unui număr mare de cititori, alături de bibliografie și o foarte utilă listă de anexe ce conține numeroase repere cronologice. Partea ilustrativă, judicios întocmită, completează și susține vastul demers istoriografic al autoarei, rezultând într-un volum captivant și extem de bine documentat, ce reprezintă o lectură obligatorie atât pentru specialiștii perioadei antice cât și pentru cei pasionați de arta, cultura și civilizația dacică.

Acest volum reprezintă o veritabilă aventură filologică și arheologică ce aduce aminte de romanul fundamental al arheologiei - *Götter, Gräber und Gelehrte* – apărut în 1949 sub semnătura lui Kurt Wilhelm Marek (cunoscut sub pseudonimul C.W. Ceram). Recomand așadar cu căldură această lucrare ce reprezintă doar prima parte a epopeii Sarmizegetusei Regia, așteptând cu nerăbdare următoarele capitole ale poveștii sale, sub pana Aurorei Pețan.

Sever-Petru Boțan

VIAȚA ȘTIINȚIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

Lansare de carte:

Aurora Peșan, *Sarmizegetusa Regia. 1. Redescoperirea cetății*. Alun: Dacica, 2018

Grație efortului colegilor de la Facultatea de Istorie și Filozofie a Universității de Stat din Moldova și de la Institutul Patrimoniului Cultural, cu bunăvoința doamnei dr. Aurora Peșan, lucrarea lansată a fost descoperită și de publicul din Chișinău. Aceasta deschide un tărâm puțin cunoscut și controversat al istoriei descoperirii și redescoperirii faimoasei capitale dacice, atât de cunoscute și necunoscute în același timp. Volumul prezintă o sinteză asupra epocii pre-științifice a studierii Sarmizegetusei Regia.

Evenimentul lansării a avut loc la 1 martie 2019 în incinta Muzeului de Antichități „Tudor Arnăuț” al Universității de Stat din Moldova. În cadrul acestuia au participat cercetători, universitari, doctoranzi, masteranzi și studenți de la Facultatea de Istorie și Filozofie a USM și de la Facultatea de Istorie și Geografie a UPS „I. Creangă”, specialiști de la Institutul Patrimoniului Cultural, Muzeul Național de Istorie a Moldovei și Agenția Națională Arheologică.

Ședința a fost moderată de domnul dr., conf. univ. Sergiu Matveev, decanul Facultății de Istorie și Filozofie a USM, care a menționat importanța valorificării lucrării doamnei dr. Aurora Peșan în bibliografia cursurilor universitare de arheologie și istorie antică. Autoarea, mulțumind publicului chișinăuian pentru aprecierea contribuției sale, a prezentat o descriere succintă a lucrării și a etapelor care au dus la apariția acesteia în forma pe care o avem astăzi pe raft și pe masa de lucru.

Cu aprecieri și analize critice asupra volumului au intervenit: dr. hab., prof. univ. Ion Niculiță, dr., conf. univ. Aurel Zanoci (Universitatea de Stat din Moldova), dr., conf. cerc. Vlad Vornic, director al Agenției Naționale Arheologice (ANA, Institutul Patrimoniului Cultural) și dr., conf. univ. Octavian Munteanu (Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă”). Vorbitorii au apreciat efortul autoarei în munca de colectare și analiză a numeroaselor do-

cumente de arhivă referitoare la observațiile asupra ruinelor capitalei dacice, realizate până la începutul cercetărilor științifice sistematice. Importanța acestor surse este inestimabilă în măsura în care evidențiază unele elemente necunoscute sau ignorate până astăzi. Cel mai important, probabil, și cel mai discutat monument al civilizației dacice după mai bine de două secole de cercetare, diletantă și științifică, rămâne încă în așteptarea „redescoperirii”. Cercetarea complexă a tuturor surselor și a istoriografiei Sarmizegetusei Regia ar trebui să devină o prioritate în cercetările arheologice dacice pentru o abordare mai plauzibilă a subiectelor controversate referitoare la rolul acestui oraș antic.

Andrei Corobcean

IN HONOREM

Profesorului Gheorghe Postică la vârsta de 65 de ani

Trecerea unui nou prag existențial, îndeosebi în cazul unei personalități autentice cu merite deosebite în domeniul cercetării și protejării patrimoniului istorico-cultural, precum reputatul arheolog medievist și profesor Gheorghe Postică, necesită o evocare a prestației sale profesionale și civice. În ultimii cincisprezece ani, drept mărturie a prestigiului domniei sale în mediul academic și universitar, i-au fost dedicate două volume omagiale și numeroase medalioane, semnate de cunoscuți arheologi și istorici, colegi și discipoli¹.

Deoarece de la ultima omagiere a profesorului Gheorghe Postică, aparținând subsemnatelor, n-a trecut mult timp, și toate câte trebuiau amintite în ceea ce privește *cursus honorum* s-a scris deja anterior, vom încerca o cuantificare selectivă a realizărilor din ultimii cinci ani de activitate, cu relevarea îndeosebi a reușitelor științifice. În acest interval de timp, între dominantele activităților domniei sale regăsim preocupările pentru descifrarea realităților istorice din perioada evului mediu și valorificarea științifică a vestigiilor de la Hansca, Orheiul Vechi, Căpriana, Lăpușna, Căușeni și alte situri importante de pe teritoriul Republicii Moldova.

Demn continuator al preocupărilor științifice inițiate de îndrumătorul său Ion Hîncu, domnul Gheorghe Postică a întreprins mai mulți pași semnificativi în scopul recuperării bunului nume în domeniul cercetării a cunoscutului arheolog. În acest sens, amintim implicarea în organizarea workshop-ului și a expoziției de la Muzeul Național de Istorie a Moldovei din Chișinău „Hansca – sit arheologic și șantier-școală”. Din cele 22 de campanii arheologice desfășurate între anii 1960-1981 la Hansca (r. Ialoveni) – unul dintre cele mai reprezentative situri pentru arheologia spațiului românesc de la est de Carpați din perioada evului mediu timpuriu, – 14 au fost coordonate de I. Hîncu (1964-1977), înlăturat în 1978. La 85 de ani de la nașterea lui I. Hîncu, în cadrul Mesei rotunde cu genericul „Arheologia Moldovei: trecut, prezent și viitor” din aprilie 2016 de la Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural, Gheorghe Postică a prezentat

1. A se vedea lista bibliografică de la sfârșitul textului.

comunicarea *Arheologul Ion Hîncu – 85 de ani de la naștere* (Postică 2016, 252-254). Din același registru menționăm îngrijirea volumului *Scara vieții*, apărut în anul 2016, între copertile cărui regăsim un text autobiografic despre istoria neamului Hîncu, viața autorului și monografia *Население и культура Молдавии в X-XIV вв. // Populația și cultura Moldovei în secolele X-XIV*, elaborată în anii 1976-1977, dar interzisă spre publicare în anul 1978 de conducerea Academiei de Științe de la Chișinău. În *Cuvântul introductiv*, semnat de Gheorghe Postică, găsim unul dintre raționamentele apariției acestei cărți: „manuscrisele celor două lucrări, păstrate pe

Foto 1. Gheorghe Postică la Muzeul Național de Istorie a Moldovei.

Foto 2. Gheorghe Postică împreună cu discipolii săi la împlinirea vârstei de 50 de ani.

parcursul deceniilor de către subsemnatul, sunt aduse în atenția publicului larg cu ocazia a 85 de ani de la nașterea regretatului savant Ion Hîncu, care și-a servit cu multă demnitate neamul și profesiunea?

În această perioadă, cercetătorul Gheorghe Postică își îndreaptă atenția și spre studierea amănunțită a unor categorii de piese mărunte, dar destul de însemnate pentru completarea tabloului istoric al spațiului pruto-nistean în antichitate și evul mediu timpuriu. Publică lucrarea consacrată unei piese foarte rare descoperită întâmplător, în timpul unei periegeze pe suprafață așezării Bursuceni-*Valea Viilor* (r. Sîngerei), datată în secolele III-IV p.Chr. – o mărgică de formă sferică, lucrată din pastă de sticlă, având încrustate în mozaic chipurile miniaturale ale unor împărați romani (Postică 2014, 347-362). Un alt studiu de referință, publicat în colaborare cu domnul Ion Tentiuc, este dedicat problemei unei categorii anume de pandantive medievale timpurii, cunoscute ca

Foto 3. Gheorghe Postică omagiat la împlinirea vârstei de 60 de ani, la Universitatea Liberă Internațională din Moldova.

amulete din bronz reprezentând călăreți (Postică, Tentiuc 2014, 45-72).

Tot în acest interval, iese în evidență preocuparea pentru reconstituirea trecutului istoric al Lăpușnei (r. Hîncești), important târg medieval și vamă internă, apoi și centru administrativ al țării. Domnul Postică coordonează un valoros volum de studii, apărut în cadrul proiectului transfrontalier „Reabilitarea Curții medievale Lăpușna pentru vizite turistice (History-Tour)” (*Lăpușna. Studii de istorie și arheologie* – Chișinău, 2015). Volumul include două contribuții ale domnului Postică. Prima se referă la rezultatele prospectărilor de teren și inventarierea siturilor arheologice de pe teritoriul localității actuale Lăpușna (începând din epoca bronzului până în evul mediu), cu un repertoriu complet și o analiza a hărții arheologice, întocmită în vederea îmbunătățirii curriculum-ului educational al tinerei generații și al dezvoltării turismului. Cea de-a doua lucrare reflectă rezultatele săpăturilor arheologice din interiorul bisericii Sfinții Arhangheli Mihail și Gavriil de la Lăpușna, efectuate în anul 2011, care completează sursele scrise în ceea ce privește edificarea actualului lăcaș pe fundația bisericii medievale construită, probabil, în timpul domniei lui Ștefan cel Mare (p. 201).

De o atenție specială din partea profesorului Postică beneficiază constant faimosul sit arheologic de la Orheiul Vechi, unde continuă să depună eforturi susținute pentru descoperirea și valorificarea științifică a vestigiilor, protejarea moștenirii istorice și culturale și promovarea lor turistică. În anul 2017 este organizat Simpozionul științific „Orheiul Vechii: 70 de ani de la primele săpături arheologice” sub egida Ministerului Educației, Culturii și Cercetării al Republicii Moldova în parteneriat cu instituțiile de profil (Universitatea de Stat din Moldova, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă”, Muzeul Național de Istorie a Moldovei, Institutul Patrimoniului Cultural, Agenția Națională Arheologică, Rezervația cultural-naturală „Orheiul Vechi”, A.O. Centrul de Cercetări Arheologice din Republica Moldova), desfășurat la Chișinău și Butuceni între 21-23 septembrie 2017². Implicarea domnului Postică a fost atât la nivel organizatoric, cât și științific, prezentând

2. <https://www.facebook.com/AOCCARM/photos/pcb.2231833900376339/2231833140376415/?type=3&theater>.

Foto 4. La Simpozionul științific „Orheiul Vechi: 70 de ani de la primele săpături arheologice” (Butuceni, 23 septembrie 2017).

următoarele comunicări: *Peisajul arheologic Orheiul Vechi: concept și caracteristici* (în colaborare cu Valeriu Kavruk); *70 de ani de la primele cercetări arheologice la Orheiul Vechi: un bilanț al cercetărilor* (în colaborare cu Ludmila Bacumenco-Pîrnău); *Noi politici de preservare, dezvoltare și punere în valoare a Rezervației cultural-naturale Orheiul Vechi*. Această manifestare științifică, la care au participat 57 de specialiști de seamă din domeniul arheologiei și muzeografiei din România și Republica Moldova, a fost gândită cu o agendă completă, începând cu vernisarea expoziției „Orheiul Vechi: 70 de ani de la primele săpături arheologice” de la Muzeul Național de Istorie a Moldovei din Chișinău, continuând cu ședințele de comunicări, dezbaterile *Perspectivile Rezervației cultural-naturale Orheiul Vechi* și excursia în limitele rezervației.

Consemnăm aici și coordonarea cercetărilor arheologice, dar mai ales, implicarea pleneră în elaborarea dosarului *Rezervației cultural-naturale*

Foto 5. Gheorghe Postică la Biserica Adormirea Maicii Domnului din Căușeni (2017).

Orheiul Vechi pentru înscrierea sitului în Lista Patrimoniului Mondial UNESCO. Unul dintre rezultatele științifice ale acestei inițiative a fost publicarea în colaborare cu domnul Valeriu Kavruk a volumului în limba engleză *Orheiul Vechi. Archaeological Landscape* (2018).

Dedicat cercetării arheologice, dar și găsirii de soluții pentru salvagardarea patrimoniului național din care a făcut o profesiune de credință, Gheorghe Postică este inițiatorul și promotorul unor proiecte de cercetare și restaurare de anvergură, unele încă în derulare. Dintre acestea, menționăm elaborarea Proiectului „Restaurarea Bisericii Adormirea Maicii Domnului din Căușeni”, al cărui contract de grant a fost semnat la 29 septembrie 2017 între AO Centrul de Cercetări Arheologice din Republica Moldova și Ambasada SUA în Republica Moldova³. Până în prezent, în cadrul proiectului, în afară de lucrările de conservare-restaurare a picturii din altar și naos realizate sub conducerea doamnei prof. dr. Carmen Silomoniu, au fost efectuate și cercetări arheologice în exteriorul lăcașului cu rezultate importante pentru domeniul arheologiei ecleziastice și funerare (responsabil științific Ion Tentiuc).

Din poziția de președinte al Comisiei Naționale Arheologice, împreună cu Agenția Națională Arheologică (director Vlad Vornic) și Muzeul Național de Istorie a Moldovei (director Eugen Sava), domnul Gheorghe Postică organizează anual Sesiunea Națională de Rapoarte, din 2017 rezumatele comunicărilor fiind publicate într-o broșură foarte bine îngrijită.

De ceva vreme, profesorul Postică depune eforturi susținute pentru lărgirea spectrului de abilități ale specialiștilor din domeniile de profil din Republica Moldova în cunoașterea organizării structurilor internaționale – UNESCO, ICOMOS – și a modului de funcționare/cooperare a instituțiilor de stat din țările europene în domeniul protecției patrimoniului cultural, precum și studierea experienței unor țări, precum Italia, Franța, în ceea ce privește elaborarea Listei indicative și înscrierea bunurilor culturale pe lista Patrimoniului Mondial UNESCO. În acest sens, domnia sa se implică activ în organizarea unor vizite colective a specialiștilor arheologi, muzeografi, arhitecți la instituții de profil

3. <https://www.facebook.com/AOCCARM/photos/pcb.2236840093209053/2236836666542729/?type=3&theater>.

Foto 6. La sediul ICOMOS, Paris (mai 2018).

Foto 7. La sediul UNESCO, Paris (mai 2018).

europene cu o bună practică în protejarea patrimoniului, dar și în aducerea experților europeni la Chișinău pentru împărtășirea experienței unui cerc mai larg. Pentru exemplificare, menționăm organizarea *Workshop-ului privind strategiile de elaborare și actualizare a Listei Indicative a Republicii Moldova pentru Patrimoniul Mondial UNESCO*, desfășurat la 14-15 februarie 2019 în cadrul proiectului Twinning „Suport pentru promovarea patrimoniului cultural în Republica Moldova prin păstrarea și protecția acestuia”, implementat de Ministerul Educației, Culturii și Cercetării al Republicii Moldova în parteneriat cu omologul său din Uniunea Europeană, Ministerul Proprietății Culturale, Activităților și Turismului din Italia.

Cu prilejul împlinirii vârstei de 65 de ani, în numele colegilor de breaslă și a discipolilor, îi adresăm distinsului profesor Gheorghe Postică cordiale urări de sănătate, putere de muncă și de noi împliniri personale și realizări științifice.

La Mulți Ani!

Bibliografie

- Arnăut 2004:** T. Arnăut, *Istoricul Gheorghe Postică la vârsta împlinirilor* // The Historian Gheorghe Postică at the age of fulfillments. In: (ed. Z. Sochircă) *Gheorghe Postică: biobibliografie la 50 de ani* (Chișinău 2004), 30-35.
- Bacumenco-Pîrnău, Ciobanu 2014:** L. Bacumenco-Pîrnău, L. Ciobanu, *Omagiu profesorului Gheorghe Postică la 60 de ani*. RA X, 1-2, 2014, 331-333.
- Ciobanu, Bacumenco-Pîrnău 2017:** L. Ciobanu, L. Bacumenco-Pîrnău, *Profesorul Gheorghe Postică*. In: (ed. V. Ursu) *Profesorii Facultății de Istorie a Universității Pedagogice de Stat „Ion Creangă” din Chișinău, Vol. I* (Chișinău 2017), 204-223.
- Coadă 2014:** L. Coadă, *Profesorul Gheorghe Postică la 60 de ani*. In: *Studii de arheologie și istorie în onoarea profesorului Gheorghe Postică* (ed. L. Coadă și P. Parasca) (Chișinău 2014), 7-10.
- Corghenci 2014:** L. Corghenci, *Gheorghe Postică – cercetătorul deschis spațiului informational (aspect de analiză biblio-metrică)*. *Studii de arheologie și istorie în onoarea profesorului Gheorghe Postică* (Chișinău 2014), 11-14.
- Munteanu 2004:** O. Munteanu, *Șapte schițe de portret între 50 de zăpezi* // Seven sketches of portrait among 50 winters. In: (ed. Z. Sochircă) *Gheorghe Postică: biobibliografie la 50 de ani* (Chișinău 2004), 16-23.
- Musteață, Neagu 2004:** S. Musteață, M. Neagu, *Arheologul și profesorul Gheorghe Postică la vârsta de 50 de ani* // The Archaeologist and Professor Gheorghe Postică at the age of 50. In: (ed. Z. Sochircă) *Gheorghe Postică: bibliografie la 50 de ani* (Chișinău 2004), 24-29.
- Musteață 2009:** S. Musteață, *Istoricul și arheologul Gheorghe Postică la 55 de ani*. *Destin românesc* 1, 2009, 163-164.
- Niculită 2004:** I. Niculiță, *Profesorul Gheorghe Postică la 50 de ani*. In: (ed. T. Arnăut, O. Munteanu și S. Musteață) *Studii de istorie veche și medievală. Omagiu profesorului Gheorghe Postică* (Chișinău 2004), 7-8.
- Petrencu 2004:** A. Petrencu, *Profesorul și omul de știință Gheorghe Postică – 50 de ani*. *Cugetul* 1, 2004, 74-75.
- Pidgaets’kii 2004:** V. Pidgaets’kii, „Mova-moral’-remeslo” iak teoretiko-metodologichna paradigma Postike. In: (ed. T. Arnăut, O. Munteanu și S. Musteață) *Studii de istorie veche și medievală. Omagiu profesorului Gheorghe Postică* (Chișinău 2004), 43-45 // В. Підгаецький. «Мова-мораль-ремесло» як теоретико-методологічна па-

ради́гма Постикэ. In: (ed. T. Arnăuț, O. Munteanu și S. Musteață) Studii de istorie veche și medievală. Omagiu profesorului Gheorghe Postică (Chișinău 2004), 43-45.

Postică 2014: Gh. Postică, Perla cu portretele miniaturale în mozaic ale împăraților romani Constantin cel Mare, Constantinus II și Constantius II descoperită la Bursuceni, Republica Moldova. *Tyragetia* VIII, 1, 2014, 347-362.

Postică 2016: Gh. Postică, Arheologul Ion Hîncu – 85 de ani de la naștere. *RA* XII, nr. 1-2, 2016, 352-354.

Postică, Tentiuc 2014: Gh. Postică, I. Tentiuc, Amulete-călăreți din bronz din perioada medievală timpurie în spațiul carpato-nistrean. *Tyragetia* VIII, 1, 2014, 45-72.

Răileanu, Chetraru, Levinschi 2004: N. Răileanu, N. Chetraru, A. Levinschi. A 50-a aniversare: Gheorghe Postică. In: (ed. T. Arnăuț, O. Munteanu și S. Musteață) Studii de istorie veche și medievală. Omagiu profesorului Gheorghe Postică (Chișinău 2004), 43-45.

Tentiuc 2014: I. Tentiuc, Profesorul, savantul și omul de cultură Gheorghe Postică la 60 de ani. *Tyragetia* VIII, 1, 2014, 385-388.

Tentiuc, Bîrlădeanu 2004: I. Tentiuc, V. Bîrlădeanu, Profesorul Gheorghe Postică la 50 de ani. *Analele Universității Libere Internaționale din Moldova. Istorie*, vol. 2 (Chișinău 2004), 106-107.

Vicol 2004: D. Vicol. Comunitatea științifică internațională a omagiat exemplara personalitate a savantului Gheorghe Postică. *Literatura și arta*, 29 ianuarie 2004, 4.

Ludmila Bacumenco-Pîrnău, Larisa Ciobanu

IN MEMORIAM

Леонид Васильевич Субботин (1936-2019)

1 января 2019 г. в возрасте 82 лет ушел из жизни известный археолог, кандидат исторических наук, исследователь периода энеолита-бронзы и других древностей Северо-Западного Причерноморья Леонид Васильевич Субботин.

Леонид Васильевич родился 26 мая 1936 г. в г. Ростов-на-Дону. Его детство пришлось на годы Великой Отечественной войны. В 1943 г. он пошел в первый класс в г. Владивосток. Отец Леонида был военным, поэтому детство прошло в постоянных переездах – Дальний Восток, Киргизия, потом Украина. Аттестат зрелости он получил в 1953 году в г. Рени, закончив среднюю школу №2, там же и начал свой трудовой путь лаборантом кабинета физики.

В 1954 г. поступает в Одесское художественное училище. После службы в армии он работал в школе г. Болград. Позже руководил Отделом культуры и одновременно районным Домом пионеров и школьников. Любовь к Бессарабии, её культуре и древнейшему прошлому воодушевила Леонида Васильевича к организации Болградского Историко-Краеведческого музея, который он возглавлял с 1961 по 1969 гг. Этот музей стал одним из лучших районных музеев Одесской области и получил почетное звание «Народный». Ныне музей является филиалом Одесского Историко-Краеведческого музея. В это же время Л.В. Субботин организовал кружок «Юный археолог», и проводил вместе со школьниками различные археологические экспедиции.

В 1961-1963 гг. Леонид Васильевич принимает участие в раскопках Болградского и Вулканештского поселений энеолитической культуры Гумельница в составе Молдавской экспедиции ИА АН СССР. Знакомство с Т.С. Пасек, К.К. Черныш и И.Т. Черняковым предопределило дальнейшую судьбу Л.В. Субботина. В 1963 г. он проводит первые самостоятельные разведки и раскопки поселения эпохи поздней бронзы Табаки I.

В 1964-1966 гг. активно участвовал в работе Днестро-Дунайской археологической экс-

педиции ИА АН УРСР, исследовал курганы и поселения в Болградском р-не, у сёл Огородное, Зализничное, Жовтневое и Виноградовка. Результаты этих исследований были отражены в ряде публикаций в специализированном курганном сборнике Материалы по археологии Северного Причерноморья (далее МАСП), вып. VI (Одесса 1970). Тут следует отметить, что в результате раскопок был получен ранее неизвестный материал, в котором молодым исследователям следовало разобраться и понять – с чем Леонид Васильевич отлично справился. Для территории Днестро-Дунайского междуречья были выделены ранее неизвестные и неизученные культуры древнейших скотоводов юго-запада Северного Причерноморья. Более того, том МАСП VI, изданный группой ученых: Н.М. Шмаглием, И.Т. Черняковым и Л.В. Субботиным, стал азбукой для молодых археологов, изучающих курганные культуры степной зоны между Днестром и Дунаем. В этом

сборнике были отражены и проанализированы практически все курганные культуры Буджака от энеолита до позднего средневековья.

В 1967 г. Л.В. Субботин заканчивает исторический факультет ОГУ им. Мечникова и продолжает обучение в аспирантуре на кафедре Истории Древнего мира и Средних веков под руководством профессора П.О. Карышковского. В том же 1967 году, в составе Пруто-Днестровской экспедиции ИА АН СССР под руководством Г.Б. Федорова, он занимается раскопками многослойного поселения Криничное I.

В 1975 году Л.В. Субботин защищает в Киеве кандидатскую диссертацию на тему *Болградский локальный вариант энеолитической культуры Гумельница*. Изучение гумельницких поселений Юго-Запада СССР показало, что в новых природно-климатических условиях и под непосредственным влиянием со стороны сопредельной Трипольской культуры (этапов А/II-B/I), в Придунайской зоне Северо-Западного Причерноморья возникают своеобразные местные памятники, отличающиеся от основного варианта Алдень II (Стойкань-Алдень). Культурное своеобразие указанной группы памятников позволяет их рассматривать как составляющие особую культурно-историческую общность – Болградский локальный вариант культуры Гумельница. Кандидатская работа Л.В. Субботина стала основой для монографии *Памятники культуры Гумельница юго-запада Украины*, опубликованной в Киеве в 1983 г.

В течении почти двух десятилетий Леонид Васильевич возглавлял Семеновскую (1975-1976), Дунай-Днестровскую (1977-1988) и другие новостроечные экспедиции Отдела Северо-Западного Причерноморья АН УССР. В процессе работы этих экспедиций, Л.В. Субботинным было открыто 225 древних поселений, исследовано 334 кургана с 1167 погребениями, датированные от эпохи энеолита до поздних кочевников. Ученому посчастливилось ввести в научный оборот памятники степного энеолита, усатовской, ямной и катакомбной культур. В круг его научных интересов попали исследованные им памятники Белозерской, Сабатиновской, Киммерийской, Скифской и Сарматской культур, а также черняховские, гуннские, балкано-дунайские и позднекочевнические комплексы. В 1987-1988 гг., совместно с молдавским

коллегой Г.Ф. Чеботаренко, он исследует Траянов вал II-III вв. н.э. у с. Червоноармейское (Кубей) Болградского р-на Одесской области, где был выявлен и раннеславянский строительный горизонт, жилые и хозяйственные сооружения VI-VII вв. н.э. (Г.Ф. Чеботаренко, Л.В. Субботин, *Исследования Трояновых валов в Днестровско-Дунайском междуречье*. В сб.: *Древности Юго-Запада СССР* [Кишинев 1991], 124-145). Здесь надо вспомнить, что в 1971 году вместе с коллегой и другом Г.Ф. Чеботаренко он участвовал в раскопках Балабанского курганного могильника в Молдавии. А несколькими годами ранее вместе с болградскими школьниками он нашел следы бронзолитейного производства на поселении Сабатиновской культуры Чумай I.

Л.В. Субботинным было опубликовано более 150 научных работ, из которых 12 монографий. Отметим основные монографические издания: *Памятники культуры Гумельница юго-запада Украины* (Киев 1983); *Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья* (Киев 1990) (в соавторстве); *Курганы Приморской части Дунай-Днестровского междуречья* (Киев 1992) (в соавторстве); *Археологические древности Буджака. Курганы у с. Траповка* (Одесса 1995) (в соавторстве); *Археологические древности Буджака. Курганы у сс. Вишневое и Белолесье* (Одесса 1998) (в соавторстве); *Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы* (Stratum plus 2, 2000); *Орудия труда, оружие и украшения Ямной культуры Северо-Западного Причерноморья* (Одесса 2003); *Семеновский курганный могильник* (Тирасполь 2017) (в соавторстве).

В его наиболее значимой работе – в монографии *Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы* – рассматривается ситуация, когда степные территории между Южным Бугом, Днестром и Дунаем становились в древности ареной контактов и взаимодействий народов с различными культурными традициями, с неодинаковым уровнем социально-экономического развития – кочевников-скотоводов и оседлых земледельцев. Автором рассматривается обширный культурно-хронологический горизонт курганных захоронений от Ямной культуры до культуры Многоваликовой керамики на территории Северо-Западного Причерноморья.

В работе *Орудия труда, оружие и украшения Ямной культуры Северо-Западного При-*

черноморья представлены все известные к настоящему времени орудия труда, оружие и украшения, бесспорно относящиеся к Ямной культуре региона. Вместе с тем, в данный свод были включены артефакты из ямных комплексов, являющиеся либо импортными, либо случайно оказавшимися в ямных захоронениях в результате военных столкновений.

Ряд работ, изданных Л.В. Субботиным, носит публикационный характер и посвящен различным культурно-историческим аспектам Днестровско-Дунайского региона, но вместе с тем достаточно объемно характеризует каждый исследованный автором археологический памятник.

Так же Л.В. Субботиным опубликовано немало научно-популярных статей – более 200 – в газетах и специальных выпусках. Было прочитано большое количество научных лекций по археологии для местного населения, студентам и школьникам. В 2005 году, после выхода на пенсию, Леонид Васильевич работал научным сотрудником в Одесском археологическом музее, где был главным хранителем фондов и возглавлял отдел научной обработки и хранения материалов. Там он по-прежнему занимался археологией, в том числе продолжал писать научные работы, публиковал исследованные памятники, занимался камеральной обработкой материалов, помогал консультациями молодым ученым. Его навыки в графическом изображении археологического материала позволяли выполнять профессиональные иллюстрации не только для своих работ, но и для научных публикаций многих коллег.

Он оставил потомкам свои научные работы, сотни артефактов, которые входят в национальное культурное наследие Украины. Его находки украшают экспозиции Одесского Национального Археологического Музея НАНУ.

Кроме археологии, у Л.В. Субботина была еще одна большая любовь – филателия. Более 50-ти лет, начиная с полета Юрия Гагарина в космос, Леонид Васильевич коллекционирует филателистические материалы на космическую тематику. Опираясь на свою коллекцию, он пишет исследовательские статьи, много лет сотрудничает с целым рядом музеев Украины и России, щедро делится с ними «космическими» марками и конвертами. За пропаганду и попу-

ляризацию космонавтики, в 1981 году Леонид Васильевич был награжден Дипломом Федерации космонавтики СССР, подписанным П.Р. Поповичем, а в 2011 году ему была вручена медаль Российской Федерации «50 лет космонавтики».

Хотелось бы поделиться и личными воспоминаниями об ушедшем коллеге. Мы часто встречались в полевых условиях. Молдавские и украинские экспедиции работали практически рядом друг с другом на объектах мелиорации и орошения Дунай-Днестровского междуречья. Работая под Болградом, он со своими помощниками навещал нашу Буджакскую Новостроечную археологическую экспедицию в 1984 году. Тогда мы вместе отмечали наш всеобщий праздник – День Археолога – 15 августа. Для обмена опытом и консультаций часто приходилось бывать в Одесском Археологическом Музее и в стенах Отдела Археологии Северо-Западного Причерноморья. Леонид Васильевич всегда шел навстречу в объяснении того или иного интересующего вопроса, откровенно радовался нашим находкам и открытиям, заряжал своим неувыдающим оптимизмом.

Тут следует отметить еще одно качество Леонида Васильевича. Кроме увлечения графикой и филателией, он сочинял очень неплохие, иногда иронические стихи. Так, в 1995 году, вручив мне коллективную работу по скифам Дунай-Днестровского междуречья (к сожалению, изданную препринтом на бумаге низкого качества), он подписал ее таким автографом: «...Наши вшивые издания – для потомков назидание! Когда идет мозгов стерилизация – зашивеет любая супернация...!»

Увы, строки эти были горькими и правдивыми. Мы радовались и этим ротапринтным изданиям, так как у нас в те годы вообще ничего не издавалось. Можно было бы поделиться еще целым рядом ярких воспоминаний об этом неоднозначном ученом и Человеке с большой буквы. Надеюсь на то, что в недалеком будущем появится еще целый ряд интересных воспоминаний и биографических фактов о нем как ученом и человеке.

Сергей Агульников

Alexandru Szentmiklosi
(27 IX 1971 – 12 I 2019)

...N-o să mai stăm împreună noi vii ca prieteni deoparte
Sfat între noi sfātuind, că moarte cumplită pe mine
M-a înghițit...

(HOMER – ILIADA, cântul XXIII, 76-78, trad. G. Murnu, București 1985)

Într-o zi rece de ianuarie, început de an 2019, când în mod firesc cei mai mulți dintre noi ne stabilim planurile pentru anul care tocmai a început, colegul și prietenul nostru, Alexandru Szentmiklosi (Sany) a părăsit mult prea devreme această lume. A fost un om care a iubit viața ca nimeni altul, iar arheologiei, de care s-a „molipsit” încă din anii liceului, i-a rămas alături până în ultimele clipe, chiar și atunci când diagnosticul implacabil al medicilor ar fi trebuit să-l îndemne la odihnă și liniște.

Alexandru s-a născut în Timișoara la 27 septembrie 1971. Încă de pe băncile liceului a luat primele contacte cu arheologia pe șantierele de la Remetea Mare și Peciu Nou (jud. Timiș), respectiv Cugir (jud. Alba) sub îndrumarea lui Florin Medeleț, un alt arheolog bănățean trecut prea devreme la cele veșnice. După finalizarea studiilor liceale și-a urmat pasiunea pentru a o transforma în meserie și a urmat cursurile nou înființatei Facultăți de litere, filosofie și istorie, secția istorie-engleză din cadrul Universității de Vest din Timișoara. În perioada studiilor universitare a înțeles foarte bine că arheologia înseamnă în primul rând practică, multă muncă pe șantier arheologic, întrucât fiecare săpătură este o nouă provocare pentru un specialist, precum și o sumă de învățături noi. Ca atare și-a consolidat experiența de arheolog de teren luând parte, an de an, la cercetările derulate la obiective și situri arheologice din zona Banatului, dar și din străinătate (Ungaria și Italia). Din perioada studiilor universitare s-a aplecat cu hotărâre spre cercetarea preistoriei zonei dintre Mureș și Dunăre (Banatul), în particular a fenomenelor specifice epocii bronzului din această zonă. La încheierea studiilor universitare și-a împărțit chemarea între munca de arheolog la Muzeul Banatului din Timișoara, începând cu anul 1996 și dorința de a împărtăși și altora din experiența acumulată. În cea de-a doua postură îl regăsim ca și dascăl (cadru universitar

asociat) la Universitatea de Vest din Timișoara, unde între 1997 și 1999 ține seminariile disciplinelor *Preistorie și Bazele Arheologiei*, iar ulterior, între 2009 și 2014, la Masteratul de Arheologie Interdisciplinară, unde predă cursurile de *Metode și tehnici de săpătură arheologică*, respectiv cele de *Arheometalurgie și Muzeologie*. La doar 35 de ani, în 2007 devine șeful secției de Arheologie a Muzeului Banatului. Studiile universitare au fost continuate de studiile de doctorat sub îndrumarea prof. univ. dr. Iuliu Paul, fost rector al Universității „1 Decembrie 1918” din Alba Iulia cu o teză despre „Așezările culturii Cruceni – Belegiș din Banat”, obținând titlul de doctor în anul 2009. În perioada de pregătire a tezei de doctorat a beneficiat de burse DAAD la Julius Maximilians Universität, Würzburg (2003) și Freie Universität, Berlin (2007). Atmosfera academică germană a fost una adecvată spiritului riguros și muncitor ce l-a caracterizat întotdeauna pe Sany, dar în egală măsură a reprezentat o oportunitate pentru a-și

Șantierul arheologic Cornești (Timiș), ghidaj oferit unui grup de specialiști la Congresul Internațional „Fortifications: Rise and Fall of Defended Sites in the Late Bronze and Early Iron Age of South-East Europe” (Timișoara, noiembrie 2015).

promova proiecte de o anvergură uriașă, pe care puțini și le-ar fi asumat. În acest context pune bazele unui parteneriat cu instituții din Germania (Johann Wolfgang Goethe Universität, Frankfurt am Main) și Marea Britanie (University of Exeter) pentru a demara un proiect de cercetare la situl arheologic din Câmpia Banatului, de la Cornești, punctul Iarcuri, care reprezintă cea mai mare incintă preistorică fortificată cunoscută de arheologii europeni. Acestui proiect de cercetare a unui obiectiv cu o suprafață de peste 1700 de hectare și cu o complexitate pe măsură, Alexandru i s-a dedicat chiar și în momentele de grea încercare prin care destinul l-a purtat în ultimii doi ani ai scurtei sale existențe pământene. Marile proiecte de infrastructură care s-au derulat în zona județului Timiș și în orașul său natal, Timișoara, mai ales după anul 2008, au însemnat pentru arheologii timișeni o mare provocare, mai ales datorită participării lor la toate săpăturile arheologice preventive care au precedat construirea obiectivelor proiectate. Majoritatea acestor proiecte de cercetare arheologică, însemnând situri arheologice din neolitic până la cercetarea și salvarea unor componente ale fortificației austriece ce proteja Timișoara, l-au avut ca și responsabil pe Alexandru Szentmiklosi. Sany nu s-a mărginit niciodată doar la a coordona cercetările, ci întotdeauna a fost în prima linie a „frontului arheologic”, indiferent de vreme și de vremelnice conduceri, mereu de partea exigențelor cercetării, luptându-se nu doar cu

imobilismul instituțional și cu indivizi care-și vedeau doar interesul de moment, dar și cu lipsa de entuziasm și chiar teama unor colegi. Dacă astăzi turiștii care ajung în Timișoara se bucură de oportunitatea de a vizita vechea ecluză care controla volumul de apă deversat în șanțul cetății austriece, acest fapt i se datorează în cea mai mare măsură lui Szentmiklosi, care s-a implicat activ pentru relocarea și conservarea unui obiectiv din trecutul apropiat al orașului, ce a însumat peste 140 000 de piese demontate și apoi reasezate în ordinea

inițială. Toată această muncă uriașă, cu momente tensionate și lungi perioade de zbatere și conflicte cu factorii de decizie, derulate cel mai adesea în condiții improprii, sub rigorile prevederilor contractuale, cu presiuni felurite, ar fi putut măcina chiar și esența tare a stejarului pe care s-a fundamentat în secolul al XVIII-lea edificiul fortificat al Timișoarei. Ultimii ani de muncă asiduă, uneori dusă pe parcursul unei întregi zile-lumină, cel mai adesea derulată sub o presiune continuă, și-au pus cu siguranță amprenta și pe sănătatea prietenului și colegului nostru, diagnosticat la finele anului 2016 cu o boală cumplită. Spiritul combativ al lui Sany nu a cedat nici de această dată, însă, din păcate, puțini sunt cei care reușesc să învingă cumplita maladie cu care au fost diagnosticați, cel mai adesea, într-un stadiu avansat.

În cele aproape trei decenii de dăruire intensă pe altarul arheologiei epocii bronzului din partea de sud-vest a României, Alexandru a reușit lucruri pe care alți specialiști nu le ating într-o viață întreagă. Unele dintre ele le-am amintit mai sus, însă cele mai multe se regăsesc în paginile lucrărilor științifice publicate în țară și în străinătate. Este vorba de peste 50 de cărți, studii, articole și note, cataloage de expoziție, cărora li se adaugă aproape 100 de comunicări ținute la conferințe și simpozioane internaționale, naționale sau regionale. Mereu era preocupat de a împărtăși publicului larg rezultatele cercetărilor întreprinse. Ca și muzeograf, a realizat numeroase expoziții menite să prezinte aspecte ale trecutului îndepărtat, să contribuie la o mai bună înțelegere din partea publicului a rolului și rostului arheologiei preventive, care înainte de toate trebuie să armonizeze cerințele modernizării infrastructur-

rii cu necesitatea și rigorile cercetării și conservării mărturiilor trecutului. În această calitate a inițiat ori a colaborat la realizarea a șapte expoziții de muzeu și a publicat câteva pliante ale acestor expoziții. Era însă foarte mândru pentru reușita de a convinge autoritățile de necesitatea amenajării unui muzeu al sitului de la Cornești Iarcuri, un obiectiv arheologic de foarte mare anvergură. Acest muzeu a fost conceput după o viziune modernă, unde să se regăsească toate componentele unei baze de cercetare, cu spații pentru echipa de arheologi, laboratoare, sală de conferințe etc.

Din nefericire, au rămas însă și multe proiecte neîmplinite, cărți și studii nefinalizate și, mai presus de toate, durerea unei plecări mult prea timpurii, la o vârstă la care abia a atins maturitatea profesională, iar împlinirea visurilor din tinerețe părea foarte aproape. Această durere o resimt mai ales cei apropiați, familia lui, dar și noi, cei care i-am fost prieteni, colegi și colaboratori apropiați, cei cărora ne revine datoria de a-i păstra memoria și de a-i duce la finalizare proiectele începute.

AETERNO QUIESCAS IN PACE!

Ioan Bejinariu

**LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ –
LIST OF ABBREVIATION**

AM	Arheologia Moldovei, Institutul de Arheologie al Academiei Române, Iași/București
Apulum	Apulum. Acta Musei Apulensis, Muzeul Național al Unirii din Alba Iulia
BAR	British Archaeological Records, Oxford
BMM	Bibliotheca Musei Marisiensis, Muzeul Județean Mureș
Carpica	Carpica, Muzeul de Istorie și Arheologie „Iulian Antonescu”, Bacău
CCDJ	Cultură și Civilizație la Dunărea de Jos, Călărași
Dacia N.S.	Dacia, Recherches et Découverts Archeologiques en Roumanie, București, I (1924) – XII (1948). Nouvelle Série (1957-): Revue d'Archéologie et d'Histoire Ancienne, București
FA	Folia Archaeologica, Budapest, Hungary
Hag	Hrvatski arheološki godišnjak. Croatian Archaeological Yearbook, Zagreb, Croatia
IBM	Izvestia Bronze Moulds, Varna, Bulgaria
IJO	International Journal of Osteoarchaeology, New Jersey, USA
IOSPE-III	Inscriptiones orae septentrionalis ponti Euxini. T. III. Petropoli
JBA	Journal of the British Academy, London, Great Britain
MA	Memoria Antiquitatis, Acta Musei Petrodavensis, Revista Muzeului de Istorie, Piatra Neamț
Marisia	Marisia. Studii și materiale, Muzeul Județean Mureș
Materiale	Materiale arheologice, București
RA	Revista Arheologică, Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural, Chișinău
SCIV(A)	Studii și Cercetări de Istorie Veche (și Arheologie), Institutul de Arheologie „V. Pârvan”, București
SHN	Studia Historica Nistriensia, Hodžova, Nitra, Slovakia
PZ	Praehistorische Zeitschrift, Berlin
TD	Thraco-Dacica, Institutul Român de Tracologie, București
ABY	Археологічні відкриття в Україні, Київ
ADYU	Археологія і давня історія України, Київ
ADY	Археологічні дослідження в Україні, Київ
AMA	Античный мир и археология, Саратов
АП УРСР	Археологічні пам'ятки УРСР, Київ
АПП	Археологические памятники Приднестровья, Тирасполь
Археологія	Археологія. Інститут Археології НАНУ, Київ
Археология	Археология. Национален археологически институт с музей при БАН, София
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа, Ленинград/Санкт-Петербург
БИ	Боспорские исследования, Симферополь – Керчь
ВДИ	Вестник древней истории, Москва
ДСПК	Древности Степного Причерноморья и Крыма, Запорожье
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей, Одесса
ИАА	Историко-археологический альманах, Армавирский краеведческий музей
ИИАК	Известия Императорской археологической Комиссии, Санкт-Петербург
IA НАНУ	Інститут археології Національної Академії наук України, Київ
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН, Москва
МАСП	Материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья, Одесса
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР, Москва-Ленинград
МИАЭМ	Материалы и Исследования по Археологии и Этнографии Молдавии, Кишинев
НИЭЗ «Переяслав»	Национальный историко-этнографический заповедник «Переяслав»
ОАК	Отчет археологической комиссии, Санкт-Петербург
РА	Российская археология, Институт археологии РАН, Москва
СА	Советская археология, Москва
САИ	Свод археологических источников, Москва
Сообщения ГАИМК	Сообщения Государственной академии истории материальной культуры, Санкт-Петербург

INFORMAȚII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE

Stimați colegi,

Revista prevede publicarea lucrărilor cu caracter arheologic și interdisciplinar, care reflectă investigațiile din spațiul carpato-balcanic și teritoriile limitrofe, în formă de sinteze; materiale și rezultate ale cercetărilor de teren; discuții; lucrări cu caracter interdisciplinar; recenzii și prezentări de carte; personalia; antologii; cronica vieții științifice.

Toate lucrări vor fi prezentate în limba română, rusă, engleză, germană sau franceză.

Materialele prezentate vor fi recenzate de doi specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*.

Lucrările de sinteză, discuțiile, materialele și rezultatele cercetărilor de teren, studiile și materialele cu caracter interdisciplinar după următoarea structură:

I. Anotare:

La începutul textului se va face un rezumat în limba română; rusă; engleză, germană sau franceză. Volumul fiecăruia nu va depăși 1500 caractere, inclusiv spațiile.

II. Textul lucrării:

Volumul maxim nu va depăși 1,5 c.a., inclusiv bibliografia și ilustrațiile. Textul lucrărilor trebuie prezentat în manuscris și în format electronic: *Times New Roman*; *Font size 12*; *Space 1,5*. Coraportul text/planșe de ilustrație (inclusiv tabele) va constitui 3/1.

III. Planșele cu materialul ilustrativ:

Planșele, în format A4, se vor prezenta în formă grafică clară, cu numerotarea poziției fiecărui obiect. Materialul ilustrativ trebuie să fie însoțit de o listă a planșelor cu o legendă exhaustivă (tradusă și în limbile rezumatului). Planșele (JPG sau TIF – nu mai puțin de 600 dpi, oglinda imaginii – 17 cm lățime) și lista planșelor (*Microsoft Word*) se vor prezenta și în format electronic.

IV. Bibliografie:

Notele bibliografice se prezintă cu caractere latine (pentru bibliografia în grafie chirilică ce va face transliterare **conform sistemului Bibliotecii Congresului SUA**) după modelul: [Petrache 1999, 15, fig. 3; Petrov 1999, ris. 4-6].

Lista bibliografică se prezintă în ordine alfabetică la sfârșitul textului, după normele următoare:

Modul de citare a monografiilor:

Bader 1978: T. Bader, Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei. Cultura pretracică și tracică (București 1978).

Modul de citare a articolelor publicate în culegeri de lucrări științifice:

Dergaciov 1969: V.A. Dergaciov, Poselenie epokhi bronzy u sela Slobodka-Shireutsy. In: (ed. L.L. Polevoi) Dalekoe proshloe Moldavii (Kishinev 1969), 110-122 // В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у села Слободка-Ширеуцы. В сб.: (Отв. ред. Л.Л. Полевой) Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 110-122.

Modul de citare a lucrărilor publicate în ediții periodice:

Zaharia 1990: E. Zaharia, La culture de Monteoru. La deuxième étape de développement a la lumière des fouilles de Sărata-Monteoru (dép. de Buzău). Dacia N.S. XXXIV, 1990, 23-51.

Modul de citare a rezumatelor publicate în volumele de simpozioane, conferințe și seminare științifice:

Sava 1994: E. Sava, Investigațiile istorico-arheologice în microzona Rudi-Tătărauca Nouă-Arionești, raionul Dondușeni. Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1993. A XXVIII-a Sesiune Națională de rapoarte arheologice, Satu Mare, 12-15 mai 1994 (Satu Mare 1994), 114.

Modul de citare a rapoartelor științifice și materialelor de arhivă:

Larina et al. 1996: O.V. Larina, K.P. Wechler, V.A. Dergaciov, S.I. Kovalenko, V.M. Bicbaev, Periegeze arheologice în raioanele Dondușeni, Drochia, Singerei în anul 1996. Arhiva MNAIM. Nr.inv. 358 (Chișinău 1996).

V. Lista abrevierilor

În cazul utilizării unor abrevieri în text, precum și în bibliografie, se anexează o listă de abrevieri.

VI. Date despre autor:

numele, prenumele, gradul științifico-didactic, funcția, instituția, adresa, telefon, fax, e-mail.

Pentru recenzii, prezentări de carte, personalii, antologii etc.

Textele se prezintă în redacția autorului, conform normelor stabilite, în volum maxim de 0,5 c.a.

Manuscrisele și varianta electronică vor fi prezentate direct la redacție sau trimise prin poștă pe adresa: Colegiul de redacție *Revista Arheologică*, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare, 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova.

**Termenul limită de prezentare a lucrărilor pentru volumul XVI, nr. 1 este 1 martie 2020,
iar pentru nr. 2 – 1 iunie 2020**

Informații suplimentare pot fi solicitate la tel: (037322) 27 06 02; 26 09 59.
e-mail: levitkioleg_ipc@yahoo.com, livermur@yahoo.com.

ИНФОРМАЦИЯ И УСЛОВИЯ ИЗДАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА

Уважаемые коллеги,

В журнале будут публиковаться работы по археологии и междисциплинарным наукам, которые освещают результаты исследований в Карпато-Балканском регионе и соседних территориях. Основные рубрики журнала: аналитические работы; материалы и результаты полевых исследований; междисциплинарные исследования; рецензии; антологии; персоналии; хроника научных исследований.

Работы могут быть представлены на румынском, русском, английском, немецком, французском языке. Представленные статьи будут рецензированы двумя специалистами по модели *double blind peer-review*.

Работы аналитического характера, материалы полевых исследований, статьи по музеографии и междисциплинарным исследованиям должны быть представлены по следующей структуре:

I. Аннотация:

Перед текстом должна быть аннотация на румынском; русском; английском, немецком или французском языке. Объем каждой не должен превышать 1500 символов вместе с пробелами.

II. Рукопись текста:

Максимальный объем 1,5 а.л., включительно иллюстрации и список литературы. Текст представляется в виде рукописи и в электронном варианте в формате: *Times New Roman; Font size 12 pt; Space 1,5*. Соотношение текста и иллюстраций (включая таблицы) должно быть 3/1.

III. Иллюстрации:

Представляются на формате А4 в четком графическом изображении, с каждым пронумерованным объектом. Иллюстрации должны сопровождаться легендой (переведенной и на языке аннотаций). Иллюстрированный материал (JPG или TIF, не менее 600 dpi, ширина изображения/рисунка – 17 см), а также и список иллюстраций (*Microsoft Word*) должны быть представлены и в электронном виде.

IV. Библиография:

Сноски на библиографию в основном тексте даются на латинице (библиография на кириллице транслитерируется по правилам **системы Библиотеки Конгресса США**) согласно следующей форме: [Petrov 1999, 15, ris. 3,4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15,4-6].

Список использованной литературы представляется в алфавитном порядке в конце основного текста, с учетом следующих требований.

Пример для монографий:

Bader 1978: T. Bader, Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei. Cultura pretracică și tracică (București 1978).

Пример для работ, опубликованных в сборниках:

Dergaciov 1969: V.A. Dergaciov, Poselenie epokhi bronzy u sela Slobodka-Shireutsy. In: (ed. L.L. Polevoi) Dalekoe proshloe Moldavii (Kishinev 1969), 110-122 // В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у села Слободка-Ширеуцы. В: (Отв. ред. Л.Л. Полевой) Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 110-122.

Пример для работ, опубликованных в периодических изданиях:

Zaharia 1990: E. Zaharia, La culture de Monteoru. La deuxième étape de développement a la lumière des fouilles de Sărata-Monteoru (départ. de Buzău). Dacia N.S. XXXIV, 1990, 23-51.

Пример для работ, опубликованных в материалах конференций и семинаров:

Sava 1994: E. Sava, Investigațiile istorico-arheologice în microzona Rudi-Tătărauca Nouă-Arionești, raionul Dondușeni. Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1993. A XXVIII-a Sesiune Națională de rapoarte arheologice, Satu Mare, 12-15 mai 1994 (Satu Mare 1994), 114.

Пример для научных отчетов и архивных материалов:

Larina et al. 1996: O.V. Larina, K.P. Wechler, V.A. Dergaciov, S.I. Kovalenko, V.M. Bicbaev, Periegeze arheologice în raioanele Dondușeni, Drochia, Singerei în anul 1996. Arhiva MNAIM. Inv. nr. 358 (Chișinău 1996).

V. Список сокращений:

В случае использования сокращений в тексте и в библиографии, добавляется список сокращений.

VI. Сведения об авторе:

ФИО, ученое звание, ученое звание, должность, место работы, почтовый адрес, телефон, факс, e-mail.

Рецензии, персоналии, антологии и пр.

Работы представляются в произвольной форме, с учетом технических требований, объемом 0,5 а.л.

Рукописи и электронный вариант могут быть представлены в редакцию журнала по адресу: Редакция *Археологического Журнала*, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова.

Последний срок сдачи материалов в том XV, № 1 – 1 марта 2020 г., а в № 2 – 1 июня 2020 г.

Дополнительная информация может быть получена по тел. (037322) 27 06 02; 26 09 59
e-mail: levitkiolog_ipc@yahoo.com, livermur@yahoo.com

INFORMATION AND PUBLICATION TERMS IN THE *JOURNAL ARCHAEOLOGY*

Dear Colleagues,

The journal foresees the publication of archaeological and interdisciplinary works reflecting the investigations in the Carpathian-Balkan space and the neighbouring territories in the form of syntheses; materials and results of field research; discussions; interdisciplinary works; reviews and book presentations; personalia; anthologies; the chronicle of scientific life.

All papers shall be submitted in Romanian, Russian, English, German or French languages.

All papers to be published will be reviewed by two experts according to the *double blind peer-review* model.

Synthesis works, discussions, materials and results of field research, interdisciplinary studies and materials shall be written according to the following structure:

I. Annotation:

At the beginning of the text, a summary will be made in Romanian, Russian, English, German or French. The volume of each will not exceed 1500 characters, including spaces.

II. Text of the paper:

The maximum volume will not exceed 1.5 author's pages, including bibliography and illustrations. The text of the papers must be submitted in manuscript and in electronic format: *Times New Roman*; *Font size 12*; *Space 1.5*. The text/illustrations (including tables) proportion will be 3/1.

III. Drawings with Illustrative Material:

Drawings (illustrations) in A4 format should be presented in clear graphic form with the numbering of the position of each object. The illustrative material must be accompanied by a list of drawings with an exhaustive legend (also translated in the languages of the summary). Drawings (JPG or TIF - not less than 600 dpi, image mirror - 17 cm width) and the list of drawings (*Microsoft Word*) will be submitted in electronic format as well.

IV. Bibliography:

The bibliographic notes are to be made in Latin characters (for bibliography in Cyrillic script, which will be transliterated according to the US Library of Congress system) according to the model: [Petrache 1999, 15, fig. 3; Petrov 1999, ris. 4-6].

The *bibliographic list* shall be presented in alphabetical order at the end of the text, according to the following rules:

Sample of citation of monographs:

Bader 1978: T. Bader, Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei. Cultura pretracică și tracică (București 1978).

Sample of citation of articles published in collections of scientific papers:

Dergaciov 1969: V.A. Dergaciov, Poselenie epokhi bronzy u sela Slobodka-Shireutsy. In: (ed. L.L. Polevoi) Dalekoe proshloe Moldavii (Kishinev 1969), 110-122 // В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у села Слободка-Ширеуцы. В: (Отв. ред. Л.Л. Полевой) Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 110-122.

Sample of citation of works published in periodicals:

Zaharia 1990: E. Zaharia, La culture de Monteoru. La deuxième étape de développement a la lumière des fouilles de Sărata-Monteoru (dép. de Buzău). *Dacia N.S.* XXXIV, 1990, 23-51.

Sample of citation of abstracts published in volumes of symposia, conferences and scientific seminars:

Sava 1994: E. Sava, Investigațiile istorico-arheologice în microzona Rudi-Tătărauca Nouă-Arionești, raionul Dondușeni. Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1993. A XXVIII-a Sesiune Națională de rapoarte arheologice, Satu Mare, 12-15 mai 1994 (Satu Mare 1994), 114.

Sample of citation of scientific reports and archive materials:

Larina et al. 1996: O.V. Larina, K.P. Wechler, V.A. Dergaciov, S.I. Kovalenko, V.M. Bicbaev, Periegeze arheologice în raioanele Dondușeni, Drochia, Singerei în anul 1996. *Arhiva MNAIM. Nr.inv. 358* (Chișinău 1996).

V. List of abbreviations:

When abbreviations are used in the text, as well as in the bibliography, a list of abbreviations is attached.

VI. Author info:

Name, surname, scientific-didactic degree, function, institution, address, telephone, fax, e-mail.

For reviews, book presentations, personalia, anthologies, etc.

The texts are presented in the author's editing, according to the established norms, in a maximum volume of 0.5 author's pages.

The manuscripts and the electronic version will be submitted directly to the editorial office or sent by mail at the address: Editorial board of the *Journal Archaeology*, Institute of Cultural Heritage, 1, Ștefan cel Mare boulevard, MD-2001, Chisinau, Republic of Moldova.

**The deadline for submitting the works for volume XVI, no. 1 is March 1, 2020,
and for no. 2 - June 1, 2020.**

Additional information can be requested at tel: (037322) 27 06 02; 26 09 59.
e-mail: levitkioleg_ipc@yahoo.com, livermur@yahoo.com.

L I S T A

instituțiilor de profil de peste hotare cu care Centrul de Arheologie al IPC AȘM întreține relații de colaborare științifică și efectuează schimb de publicații

Eurasien Abteilung des Deutsches Archäologisches Instituts, Im Dol 2-6, D-14195, Berlin, Deutschland

Institut für Prähistorische Archäologie Freien Universität Berlin, Altensteinstraße 15, D-14195, Berlin, Deutschland

Bibliothèque de Préhistoire LAMPEA-MMSH 5, rue du Château de L'Horloge, B.P.647 13094, Aix-en-Provence, Cedex 2, France

MTA Regeszeti Intezete Budapest, Uri u. 49, 10145, Ungarn

Археологически институт с музей, Българска та Академия на Науките (БАН), Съборна, 2 1000, София, България

Institutul de Arheologie „Vasile Pârvan”, Academia Română, str. Henri Coandă nr.11, București, România, 71119

Institutul de Arheologie, Academia Română – Filiala Iași, str. Codrescu (Pavilion H), nr. 6, Iași, România, 700107

Institutul de Arheologie și Istorie a Artelor, Academia Română – Filiala Cluj, str. Constantin Daicoviciu nr. 2, Cluj Napoca, România, 400020

Centrul Internațional de cercetare a culturii Cucuteni – Muzeul de Istorie și Arheologie Piatra Neamț, str. Mihai Eminescu nr. 10, Piatra Neamț, România, 610029

Asociația de studii pentru arheologie funerară – Institutul de Cercetări Eco-Muzeale, str. 14 noiembrie nr. 3, Tulcea, România, 38800

Muzeul de Istorie Roman, str. Cuza Vodă, nr. 19, Roman, jud. Neamț, România, 611009

Институт Археологии, Российская Академия Наук, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, Россия, 117036

Институт Истории Материальной Культуры, Российская Академия Наук, Дворцовая Набережная 18, Санкт-Петербург, Россия, 191065

Институт Археології, Національна Академія Наук України, вул. Героїв Сталинграду 12, Київ, Україна, 04210

Государственный Эрмитаж, Дворцовая Набережная 34, Санкт-Петербург, Россия, 191065

Одеський Археологічний Музей, Національна Академія Наук України, вул. Ланжеронівська 4, Одеса, Україна, 65026

Кафедра археологии исторического факультета, Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Россия, 119990

Кафедра археологии исторического факультета, Санкт-Петербургский Государственный Университет, Менделеевская Линия, 5, Санкт-Петербург, Россия, 191065

Кафедра археологии та музеєзнавства. Историчний факультет, Київський Національний Університет ім. Тараса Шевченка, вул. Владимирська, 64, 01 033 Київ - 33, Україна

Археологічна лабораторія. Запорізький Національний Університет, вул. Жуковського 66, м. Запоріжжя, Україна, МСП-41, 69600

Археологічний науково-дослідний центр «Спадщина», Східноукраїнський Національний Університет ім. Володимира Даля, Квартал Молодіжний 20-а, Луганськ, Україна, 91034

REVISTA ARHEOLOGICĂ serie nouă, vol. XV, nr. 1

Redactare: Oleg Levițki, Livia Sirbu, Larisa Ciobanu, Serghei Covalenco, Ghenadie Sirbu, Nicolai Telnov, Natalia Pașenciu.

Bun de tipar: 23.04.2019. Formatul 60x84, 1/8. Coli de tipar: 16. Tiraj 150 ex.

Grafema Libris SRL, MD-2012, Chișinău, str. București, 68, of. 313. Tel. 022-20-25-53.